

МАРКСИЗМ

современность

Международный
теоретический и
общественно-
политический
журнал

№2-3 (16-17)
2000

Выходит с 1995 года
Периодичность
издания
1 раз в квартал

Учредитель:
Союз коммунистов
Украины

Журнал зарегистрирован в
Мининформ Украины
22 сентября 1997 г.
Регистрационное
свидетельство
КВ №2861

© Редакционно-издательский
совет журнала "МиС"

СОДЕРЖАНИЕ

К 10-Й ГОДОВЩИНЕ XXVIII СЪЕЗДА КПСС

- В.М.Легостаев* Шабаш предателей, или гиблый съезд 3
В.А. Тюлькин Почему телега не тянет? Тогда и сегодня (1990-2000 гг.) . . . 14

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Д.В. Якушев* О прошлом и будущем социализма. Причины появления
"теории" государственного капитализма 23
Ю.А.Зяблов Орешек с червоточиной 37

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- В.Г. Гамов* Рабочая партия и профсоюзы 47

КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Фидель Кастро* Куба не продает свою революцию, стоившую крови
и жертв многих ее сынов 53

Девятый Международный коммунистический семинар в Брюсселе, 2-4 мая 2000 г.

- Хозе Мари Сизон* Информационное сообщение 61
Геруих Леруж Борьба с империализмом, фашизацией и фашизмом
(Резолюция девятого Международного коммунистического
семинара в Брюсселе, 2-4 Мая 2000) 61
Империализм, фашизация и фашизм: обозрение 65
Фашизм и антикоммунизм 71
Выдержки из отдельных выступлений на девятом
Международном коммунистическом семинаре 74

Международная Встреча коммунистических и рабочих партий в Афинах, 23-25 июня 2000 г.

- Алека Папарига* Информационное сообщение 74
Минчо Минчев Борьба, альянсы и сотрудничество коммунистов сегодня . . . 76
Коммунисты в современном мире 79

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- И.М. Герасимов,* Угроза потери трудовых прав и как с ней бороться 82
А.В.Золотов, М.В.Попов Всемирная Федерация Профсоюзов: страницы истории и
борьбы за интересы трудящихся 88
Послание Всемирной Федерации Профсоюзов Ассамблее
ООН и Встрече на высшем уровне ООН, посвященным
вступлению человечества в новое тысячелетие 89

Редакционно-издательский совет

Ажибекова К.А.
Гарифуллина Н.Х.
Кадри Д.
Китанович Б.
Косолапов Р.И.
Мартенс Л.
Рубикс А.П.
Тюлькин В.А.
Чикин В.В.
Шенин О.С.

Редакционная коллегия

Арсеенко А.Г.
Белёвский О.А.
Войцеховский А.А.
Игнатович В.Н.
Мазаров В.Н.
Пихорович В.Д.
(зам. главного редактора)
Степанова Н.А.
Суименко Е.И.
Яброва Т.И.
(главный редактор)

Семенова Н.Г.
(лит. редактор)

Малиновская И.В.
(перевод и ред. англ.)

Семенова Г.Е.
(перевод и ред. нем.)

Сахонько Е.Б.
(руководитель корпункта
журнала в г. Москве)

Адрес редакции:
01015 г. Киев-15
а/я 28

Художественное
оформление,
макет и печать
полиграфической
фирмы
“ОРАНТА”

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

А.И.Лиховод Уильям Фостер и рабочее движение США: страницы биографии 91

ТРЕТИЙ МИР В БОРЬБЕ ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

Людо Мартенс Народ Конго во главе с Л.-Д. Кабиллой в борьба за независимость и социальные преобразования 99
Лоран Кабила Везде создать комитеты народной власти 104
Тони Басселен Президент Лоран-Дезире Кабила 107

РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

С.Б. Владимиров Болгария и “демократические преобразования” 108
В.П. Коларов Реставрация капитализма и реанимация фашистских идей в Латвии в конце XX века 112
А.П.Рубикс

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Николай фон Крейтор Американская политика “открытых дверей” и новый мировой порядок 116

НАУКА И КУЛЬТУРА

Ю.А. Жданов Роковой комплекс Эрисихтона 121

СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

Р.И. Косолапов Позвольте мечтать 126

ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ

О.И.Титов Левая, правая где сторона? (О политических редисках) 131
Роланде Перликан Выступления на XXX съезде Коммунистической партии Франции 138

РЕЦЕНЗИИ

В.Н.Мазаров Организатор антифашистской борьбы 139

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

И.И.Никитчук Термоядерный прорыв (К истории создания водородной бомбы в СССР) 142
А.Г. Никитенко “Не зарастет народная тропа” 144
Памяти товарища 146

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов опубликованных материалов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы могут подвергаться сокращению без изменения по существу. Ответственность за подбор и правильность цитат, фактических данных и других сведений несут авторы публикаций.

К 10-ЛЕТИЮ XXXVIII СЪЕЗДА КПСС

“...Враги народа основной своей задачей ставили свержение советского строя, восстановление капитализма и власти буржуазии в СССР, который бы в этом случае превратился в сырьевой придаток Запада, а советский народ – в жалких рабов мирового империализма. Важное место в планах врагов народа занимали: подрыв экономической и военной мощи СССР, содействие иностранным агрессорам в деле нападения на СССР, подготовка военного поражения СССР.

Захватив власть и установив бонапартистские порядки в стране, опираясь на вооруженное ими контрреволюционное отребье, на уголовные и деклассированные элементы, эти презренные и жалкие предатели намеревались прежде всего отказаться от социалистической собственности, продав в частную собственность капиталистическим элементам важные в экономическом отношении наши хозяйственные объекты. Под видом нерентабельных ликвидировать совхозы и распустили колхозы. Передать трактора и другие сложные сельскохозяйственные машины крестьянам-единоличникам, именуемым ими фермерами, для возрождения кулацкого строя в деревне. Закабалить страну путем получения иностранных займов. Отдать в концессию важные для империалистических государств наши промышленные предприятия. Отдать Японии сахалинскую нефть, а Украину – Германии. ...враги народа стремились всеми силами подорвать боеспособность советских вооруженных сил...

Революция только тогда что-либо стоит, если она умеет и может защищаться, – не раз предупредил нас Ленин. Непрístupные крепости легче всего берутся изнутри”.

**Сталин И.В. Из выступления на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б)
(конец мая 1941 года) // Сталин И.В. Соч., т.15, с.15-16**

Шабаш предателей, или гиблый съезд

В.М.Легостаев

1.

Нынешний год богат на юбилеи, связанные с политическими событиями десятилетней давности, сыгравшими злую роль в судьбе Советского Союза и его трехсотмиллионного народа.

В марте 1990-го спешно собравшийся ради этого важного дела третий (внеочередной) Съезд народных депутатов СССР учредил пост Президента СССР. Не найдя лучшего, двинули в президенты, в обмен на 6-ю статью Конституции, надоевшего всем до слез непотопляемого колобка Горбачева: раньше он от бабушки-партии ушел, теперь и от дедушки-съезда ушел...

В мае созвали Съезд еще одних народных депутатов, теперь уже РСФСР. Эти, ценой титанических усилий, просунули-таки на место председателя Верховного Совета РСФСР будущего мономаха всея Руси Ельцина. В схватке за кресло председателя Ельцин дважды не смог одолеть партийца от сохи Полозкова. После чего на Полозкова нажали из горбачевского ЦК и он, drogнув, сошел с дистанции. Вот тогда страдавший запоями и недержанием мочи косноязычный любимец московских либералов преимуществом в четыре голоса, которые он выклянчил у представителей ингушского народа, вполз в кресло главного российского демократа.

Вдохновленные первым успехом, депутаты приняли 12 июня Декларацию о государственном суверенитете России, – правовой акт, наиболее удивительный из всех, которые когда-либо на протяжении веков рождались в черепных коробках российских политиков. Помнится, в начале нынешнего столетия, наблюдая революционную ломку России, знаменитый русский монархист В.В. Шульгин, человек глубокого ума, недоуменно вопрошал сам себя: “Есть ли предел русской дури?..”. Десять лет назад, 12 июня, Съезд российских депутатов, приняв Декларацию, разрешил тем самым сомнение монархиста: преде-

ла, увы, не существует.

Десятилетний юбилей упомянутых событий, проложивших “дорогим россиянам” путь из мрака тоталитаризма в светлое уголовно-демократическое завтра, широко отмечен узким кругом “интеллектуалов особого рода” (А. Ципко)*, самовлюбленно токующих при малейшей оказии на печатном пространстве одного независимого издания,

* Кстати замечу, в одном из номеров “Независимой газеты” (04.03.97 г.) ее главред Третьяков не погнушался лично встать на защиту плодovitого мыслителя Ципко, которого НТВ в горячах упрекнуло за то, что он когда-то работал в аппарате ЦК. В ответ Третьяков заявил, будто Ципко пришел в ЦК “не укреплять тоталитарный строй, а менять его”. Пользуясь случаем, хочу уведомить заинтересованных лиц, что данное утверждение Третьякова не соответствует действительности. Ципко пришел в аппарат ЦК менять не тоталитарный строй, а менять свою, в общем-то неплохую, квартиру. Говорю об этом со знанием дела, поскольку, работая в ту же пору в аппарате ЦК и занимая там определенную должность, лично помогал Ципко выколачивать для него во внеочередном порядке из Управления делами ЦК улучшенное жилище. Лишь получив искомое в известном доме на ул. Димитрова, Ципко объявился в “Московских новостях”, где, как понимаю, и началось его плодотворное сотрудничество с Третьяковым на почве совместного участия в политической травле людей, пытавшихся противостоять Горбачеву.

Тот факт, что Ципко до сих пор не опроверг публично ложного утверждения Третьякова, а также опыт многолетнего личного знакомства с мыслителем еще с тех давних времен, когда он был особо ретивым секретарем партбюро на моем студенческом курсе философского факультета МГУ, – все это, вместе взятое, позволяет мне утверждать, что на самом деле он никакой не “первый легальный антимарксист”, как сам рекомендует, не “просвещенный патриот”, не “православный славянин” и даже не “интеллектуал особого рода”, а заурядный проныра из Одессы, даром что мегаписучий. Подозреваю, что и сам Третьяков об этом где-то догадывается.

умудрившегося обрести не ограниченную ничем свободу слова и мысли в тесном кармане Березовского. Чуден богородатый лик российской демократии при тихой погоде!

2.

По-человечески понятно тщеславное стремление вышеозначенных “интеллектуалов” придать десятилетней давности происшествиям, вольными или невольными соучастниками которых они являлись, статус событий, “которые потрясли мир”. Однако, если взглянуть в прошлое без классовых предубеждений, то невозможно не согласиться, что на самом деле единственным событием действительно всемирно-исторического масштаба явился в 1990 году XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, заседавший в Кремлевском Дворце Съездов в Москве со 2 по 13 июля. При закрытии съезда свежепреизбранный на пост генсека Горбачев сказал: “Тот, кто рассчитывал, что это последний съезд и на нем состоятся похороны КПСС, тот опять просчитался. КПСС живет и будет жить”. Разумеется, как всегда, он солгал.

Историческое значение XXVIII съезда заключается как раз в том, что на нем состоялись фактические похороны КПСС как единой, мощно централизованной многомиллионной политической организации, надежно скреплявшей своими структурами на протяжении семи десятилетий исполинское здание Союза ССР. Предательский разгром КПСС на XXVIII съезде предопределил ликвидацию Советского государства и последующий раздел гигантской советской территории в 22,4 миллиона квадратных километров между немногочисленными политико-экономическими кланами, криминальное ядро которых сложилось и окрепло в недрах гипертрофированного при Горбачеве теневого сектора советской экономики.

Созданная в 1903 году великим Лениным как политический авангард российского пролетариата, Коммунистическая партия на протяжении всех лет своего существования вдохновлялась великой идеей построения социально справедливого общества, в котором рабочие и крестьяне больше не будут объектом эксплуатации со стороны частных собственников на средства производства. Упразднив Коммунистическую партию в том ее виде, в котором она была создана Лениным, XXVIII съезд тем самым фактически сдал советских рабочих, включая сюда и работников интеллектуального труда, а также крестьян в хозяйственное пользование вновь народившейся криминальной российской буржуазии. Другими словами – предал социальные классы, служение интересам которого изначально являлось для компартии смыслом ее существования.

В давние времена еще Петр Чаадаев задавался вопросом: почему в Европе распространение христианства повсеместно сопровождалось уничтожением крепостничества, тогда как в России все происходило с точностью до наоборот – “русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского?”. С пришествием к нам демократии ситуация аналогичная. В Европе становление демократических институтов сопровождалось расширением политических и социальных свобод рабочих и крестьян. У нас же триумфальное шествие демократических ценностей ознаменовано реставрацией для этих групп населения системы наемного рабства в особо циничной форме, когда люди принуждены работать на хозяина, месяцами не получая за свой труд ни копейки. Дети рабочих и крестьян экономически жестко ограничены в части их доступа к достойному образованию и качественному медицинскому обслуживанию. В решающей мере

такое положение дел явилось следствием упразднения КПСС как политической организации, защищавшей и выгораживавшей в советском обществе интересы широких трудящихся масс.

Предательство КПСС узкой группой ее высших руководителей, наиболее полно воплощенное в решениях XXVIII съезда, повлекло за собой ослабление политических позиций и качественное усиление капиталистической эксплуатации трудящихся во всем мире. Общеизвестно, что крушение социализма в СССР и других европейских странах обернулось повсеместно для работников наемного труда резким ухудшением их жизненных условий на фоне небывалого обогащения владельцев крупных капиталистических компаний.

Профессор Массачусетского технологического института Лестер Туроу (Lester C. Thurow) в своей книге “Будущее капитализма” (1996 г.) отмечает: “Никогда прежде не было так, чтобы большинство американских трудящихся испытывало снижение реальных заработков, в то время как реальный ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения повышался... Если нынешние тенденции продолжатся, – утверждает профессор, – то в конце столетия реальные заработки будут ниже, чем в 1950 г. Полстолетия не принесло никакого выигрыша в реальном заработке рядовому рабочему. Такого в Америке никогда не было”. Одной из важнейших причин столь существенного подрыва экономического положения американских трудящихся Туроу называет исчезновение для господствующих слоев капиталистического мира “политической угрозы социализма”, которую заключали в себе СССР и его союзники.

XXVIII съезд, принявший под давлением Горбачева и тесно примыкавшего к нему тогдашнего премьера Рыжкова, в числе прочих, и резолюцию о переходе к рынку, то есть о движении вспять к системе капиталистической эксплуатации наемных работников, сыграл тем самым позорную для компартии роль пособника в деле ликвидации “угрозы социализма”, способствовал усугублению жизненных проблем большинства трудящихся во всем мире.

Легко назвать и другие мотивы, в силу которых XXVIII съезд может быть охарактеризован как рубежное политическое событие новейшей истории СССР (и новейшей истории России), уничтожившее в июле 1990 года последние иммунные ресурсы советского общества, приговорив тем самым страну к умерщвлению, а ее народы к деградации. Данное обстоятельство, убежден, рано или поздно пробудит интерес к истории XXVIII съезда со стороны людей, серьезно работающих над восстановлением из-под слоев пропагандистских фальсификаций подлинной картины грандиозного предательства КПСС и советской супердержавы кликой политически ничтожного Горбачева.

3.

Как событие внутривнутрипартийной жизни XXVIII съезд представлял собой кульминационный момент исключительно подлой, наполненной клятвоступлениями, коварством и ложью “холодной войны” за выживание, которую вели с января 1988-го по август 91-го генсек Горбачев и его окружение против собственной партии. Говорю о “холодной войне” в противовес “горячей”, состоявшей в подготовке и осуществлении в августе 1991-го при участии Горбачева вооруженной провокации с целью законодательного запрета КПСС и конфискации партийной собственности.

Вспоминая сегодня о XXVIII съезде, видимо есть не-

обходимость коротко восстановить сначала хронику событий, предшествовавших ему и обусловивших принятие на нем решения. Напомню, зерно будущих антагонизмов, разорвавших многомиллионную партию в клочья на ее XXVIII съезде, заронили в далеком 1985 году. Тогда, в силу обстоятельств, не до конца ясных и по сей день, высшая власть в СССР оказалась в руках трех человек: Горбачева, Рыжкова и Лигачева. Все они были выдвиженцами генсека Андропова, хотя и не все в одинаковой мере. В наименьшей – Горбачев, для продвижения которого наверх, вопреки существующей легенде, Андропов сделал крайне мало. В большей – Рыжков, которому Андропов поручил заведование Экономическим отделом, выполнявшим в структуре аппарата ЦК КПСС аналитические функции. В наибольшей – Лигачев, которого Андропов пересадил из жесткого кресла первого секретаря далекого от Москвы Томского обкома партии на ключевое в аппарате ЦК место заведующего Отделом организационно-партийной и кадровой работы, наделив при этом его (Лигачева) широкими полномочиями. Делая эти назначения, Андропов вряд ли предполагал, что его выдвиженцы, которых он подбирал на роль всего лишь аппаратных исполнителей, через пару лет примут на себя всю полноту ответственности за судьбу партии и страны. Однако жизнью был реализован именно этот экзотический вариант.

В 1985-м, после поочередной кончины Андропова и Черненко, эти трое заняли решающие позиции в Политбюро. Горбачев стал генсеком. Рыжков возглавил Совет Министров. Лигачеву достался не очень внятный по своим полномочиям пост неформального второго секретаря ЦК, подразумевавший, однако, в силу традиции право на руководство работой Секретариата ЦК КПСС.

В советском обществе мало кто даже из числа коммунистов догадывался о существовании в КПСС, наряду с Политбюро, и еще одного руководящего рабочего органа – Секретариата ЦК. Настолько незначительной была его роль. Хотя исторически Секретариат возник в 1917 году даже раньше Политбюро. Его первым руководителем был Свердлов. Согласно букве партийного Устава, Политбюро, Секретариат и Генеральный секретарь ЦК КПСС избирались Пленумом ЦК и были таким образом как бы одинаково ответственны перед партией и независимы друг от друга. Теоретически.

В условиях, когда партия обрела роль “руководящей и направляющей силы” великого государства, Политбюро постепенно трансформировалось из органа сугубо партийного в некое подобие западного Совета по национальной безопасности, членами которого становятся в большинстве случаев по должности: председатель правительства, министр иностранных дел, министр обороны... Одновременно обязанность повседневного руководства текущей работой и жизнью КПСС все больше перекладывалась на плечи Секретариата. При этом Политбюро в лице Генерального секретаря внимательно следило, чтобы со стороны Секретариата не было ни малейших поползновений на самостоятельную роль.

В 1986 году, сразу после первого горбачевского XXVII съезда, секретарями ЦК были избраны: Бирюкова, Добрынин, Долгих, Зайков, Зимянин, Лигачев, Медведев, Никонов, Разумовский, Яковлев. Самонадеянно доверив Лигачеву руководство этой разношерстной командой, Горбачев как генсек совершил роковую для себя кадровую ошибку. Он породил энергию, управлять которой оказался не в состоянии. Под напористым председательством Лигачева Секретариат ЦК быстро набрал недюжинную силу, обрел широкую поддержку со стороны областных комитетов партии и стал претендовать на самостоятельное

участие от лица КПСС в делах не только сугубо партийных, но и государственных.

Как свидетельствуют опубликованные сейчас воспоминания некоторых из бывших близких сотрудников Горбачева, он уже в конце 1986 года отслеживал кипучую деятельность Секретариата с возрастающим беспокойством и раздражением, серьезно задумывался над проблемой перемещения Лигачева подальше от Старой площади. Одни говорили – на Украину, другие – в Узбекистан. Сделать это становилось с каждым месяцем все сложнее, поскольку акции Лигачева и Секретариата шли неуклонно вверх, по мере того как все больше людей, имевших возможность наблюдать нового генсека не только по телевизору, замечали за ним опасную для государственного лидера патологию – реформаторскую чесотку. Скажем, в кратчайшие сроки после своего прихода к власти Горбачев сумел разобрать на части и отправить на свалку, не сотворив при этом ничего взамен, системы управления тремя важнейшими отраслями советской экономики: агропромышленным комплексом, машиностроением и строительством. Этот симптом вселял в сердца понимающих людей большие опасения за будущее страны при новом генеральном.

Качественно новый виток в подспудном развитии антагонизмов между Политбюро и Секретариатом произошел на фоне инициативной встречи Горбачева с президентом США Рейганом по вопросам ядерных и космических вооружений в октябре 1986 года в Рейкьявике. Замечательная сторона встречи заключалась в том, что на ней Советский Союз впервые за всю свою историю был представлен делегацией, состоявшей сплошь из потенциальных предателей: Горбачев, Шеварднадзе, Добрынин, Яковлев, Черняев. Под стать им была и по-восточному многочисленная свита. В нее входил, в частности, протеже Яковлева “внутренний диссидент” Примаков, а также другие, духовно близкие ему западоиды: Арбатов, Боровик, Грачев, Бурлацкий... (Загадка Примакова: чем “внутренний диссидент” отличается от заурядного предателя?)

Единственным высоким армейским профессионалом в этой пестрой, галдящей о новом мышлении стае являлся начальник Генерального штаба ВС СССР Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев. На встрече ему была отведена скромная роль сопровождающего (Яковлева и Черняева?) лица. В Рейкьявике Горбачев, просидевший всю свою предыдущую жизнь без пользы для дела на сельском хозяйстве, обнаружил свои претензии на единоличное решение в ходе переговоров с Западом судьбоносных для СССР и стран социалистического содружества сложнейших вопросов баланса стратегических вооружений. Сделанные им Рейгану предложения были настолько авантюры и безответственны, что американцы не в шутку запаниковали, полагая, будто их заманивают в ловушку. Вашингтону потребовались время и напряжение ума, чтобы взять себе в толк невероятное: новый генсек КПСС в разоруженческой тематике обнаруживал не только воинствующий дилетантизм, но и готовность к беспрецедентным уступкам, тождественным предательству национальных интересов СССР.

Рейкьявик резко усилил недоверие, которое изначально питали по отношению к Горбачеву высшие руководители Советской Армии. Для них, привыкших в эпоху Брежнева и Устинова считать себя солью советской земли, Горбачев был сельхозником, выскочкой, не понимавшим проблем армии и ВПК, не ценившим заслуженные военные кадры. Рейкьявик как будто бы подтверждал их худшие опасения. В ответ на их демонстративное отстранение Горбачевым от переговорного процесса военные

активизировали свои рабочие контакты с Лигачевым. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза С.Л. Соколов стал все чаще появляться на совещаниях, которые проходили в зале заседаний Секретариата ЦК.

Разобраться с военными помог мартовскому генсеку друг Гельмут. 28 мая 1987 года, когда Горбачев был в Берлине, в Москве на Красной площади приземлился спортивный самолет юного немца Матиаса Руста. Он хотел говорить с Горбачевым о мире почему-то именно в Москве. Под эту провокацию горбачевцы вычистили из армии не только министра Соколова и руководство Войск ПВО, но заодно и массу других военачальников вплоть до уровня командования дивизиями. Как выразился однажды Яковлев, после проделанной чистки у членов Политбюро «все руки были в крови». Тем не менее проблема Секретариата не потеряла для Горбачева своей остроты. Ее окончательное решение оставалось еще делом времени.

4.

Так или иначе, но Лигачев был бы передвинут подальше от Секретариата, а может быть, и Старой площади. Скорее всего это могло произойти после приближавшихся официальных торжеств по случаю 70-й годовщины Великого Октября. Но произошло неожиданное: в скрытое противоборство двух главных лидеров партии вмешалась «третья сила» в лице первого секретаря МГК КПСС Ельцина. С 1985 года, по протекции Лигачева, он являлся как бы ассоциированным четвертым членом тройственного союза «верных андроповцев». Не случайно ему доверили ключевой для КПСС пост партийного лидера Москвы. В новой должности Ельцин быстро продемонстрировал свои сильные стороны: способность бесмысленно менять кадры, умение хорошо ездить на троллейбусе и божий дар смачно бранить в заводских цехах своего предшественника Гришина. Но это все. Пару раз на Секретариате Ельцину намекнули, что все его действия замечательны, но неплохо бы заняться и чем-нибудь полезным. В ответ у гордого уральца возникло ставшее со временем хорошо знакомым россиянам желание «врезать». Он и «врезал» на Октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК, где поначалу единственным вопросом стояло обсуждение проекта юбилейного доклада генсека Горбачева.

Едва тот завершил чтение, как Ельцин, находясь в полувменяемом от собственной храбрости состоянии, подошел к трибуне. Вообще-то с его стороны это был не совсем безрассудный поступок. Будучи кандидатом в члены Политбюро, Ельцин хорошо знал о недовольстве некоторых членов ПБ активностью Секретариата, равно как и о сложностях в отношениях Горбачева и Лигачева. Поэтому у него были веские основания рассчитывать на поддержку своей акции со стороны большинства членов ПБ и генсека. Произнеся небольшую сбивчивую речь, в которой акцентировались недостатки стиля работы Секретариата и «особенно товарища Лигачева», Ельцин вернулся на место и, обессиленный, опустился в кресло.

Дальше события приняли оборот, крайне неблагоприятный для него, а сильным рикошетом – и для Горбачева. Как только на демарш Ельцина отреагировали генсек (сдержанно) и Лигачев (возмущенно), трибуну занял очень авторитетный в партии бывший первый секретарь Омского обкома, а на момент пленума Председатель Комитета народного контроля СССР Манякин и, в свою очередь, от всего сердца «врезал» будущему первому президенту, решительно поддержав Лигачева. Его сменил первый Астраханского обкома Бородин и снова «врезал». За ним то же самое проделал председатель ВЦСПС Шалаев; за ним – первый Тюменского обкома Богомяков; сле-

дом – первый Полтавского обкома Моргун, и ... пошло-поехало. Это была совершенно спонтанная и потому особенно внушительная демонстрация солидарности членов ЦК с Лигачевым и Секретариатом, причем как бы в пику больше не Ельцину, а Горбачеву. Из членов Политбюро первым взял слово Рыжков. Говорил сбивчиво, но «линию Секретариата» одобрил, упрекнув лишь в слишком снисходительном отношении к Ельцину: «Вы (Ельцин – В.Л.) еще бумажку не успеете подписать, а уже поручение идет: в Москве сделать то-то, в Москве сделать то-то и так далее. Вот главная ошибка Секретариата».

Позже мне доводилось читать и слышать на разных каналах много дичи об Октябрьском пленуме. Главная – будто тогда Ельцин выступил против Политбюро, чем подорвал устои КПСС. Этаким Давид Николаевич, восставший в одиночку против коммунистического Голиафа. Ничего подобного в природе, конечно, не было. В горячке всеобщей поддержки Секретариата на Пленуме вообще как бы позабыли о Политбюро, а заодно и о самом Генеральном секретаре. Ситуация приняла столь невыгодный для Горбачева характер, что он был вынужден, остановив поток выступлений, объявить перерыв. После перерыва первым слово получил член ЦК, горнорабочий с Украины Колесников. Его речь состояла из 9 предложений. Два последних процитирую: «Мы, рабочий класс, будем и дальше поддерживать курс нашей партии, нашего Политбюро. (*Аплодисменты.*) Я хочу сказать, Михаил Сергеевич, рабочий класс Вас любит, он Вам верит, и Вы можете быть уверены – рабочий класс всегда был таким и останется. (*Аплодисменты.*)» После чего разговор снова завертелся в основном вокруг Секретариата и Лигачева.

Когда в нынешние времена просматриваю при случае стенограмму Октябрьского пленума, всегда с особым удовольствием перечитываю речь на нем Александра Яковлева. Можно так и этак относиться к этому своеобразному человеку, но нельзя не воздать должное его искусству навешивать политические ярлыки. Согласившись, что «в работе Секретариата есть недостатки», будущий параноидальный антикоммунист затем обозвал Ельцина «глашателем настроений мелкобуржуазного свойства», выявил в нем «безнравственность», «политическую несостоятельность», «демагогические притязания на истину», «несогласие с курсом перестройки», «упоение собственной личностью», «глубокий консерватизм»... Интересно, что в тот год клеймо «консерватор» еще только проходило рабочие испытания перед запуском в массовое производство для обозначения политических оппонентов Горбачева. Как видим, волею судеб Ельцин примерил его на себя задолго до главного «консерватора» Лигачева, причем в «глубокой» форме. Закljučая, Яковлев расценил демарш мелкобуржуазного безнравственного демагогического консерватора как «откровенное капитулянтство» и попытку поставить «личные капризы выше партийных, общественных дел.» И все это, прошу заметить, за считанные минуты короткого выступления. Ну разве не молодец?!

Заклүчительный экспромт Горбачева, ошеломленного столь дружной реакцией Пленума на вылазку Ельцина, выдавал крайнюю степень раздражения оратора и изобиловал сильными выражениями. Про Ельцина генсек сказал, будто тот «суетится все время» и что «он хотел так нас столкнуть, чтобы мы нагородили то, что было сделано, например, товарищем Хрущевым, и разъединить общество». По поводу намеков на непростую обстановку в Политбюро отрезал прямо: «Это пустые разговоры, болтовня зарубежного радио, что у нас нет единства. Нас хотят поссорить, столкнуть то Горбачева с Лигачевым, то Яковлева с Лигачевым и так далее». Совершенно обмяк-

ший от полученной трепки Ельцин промямлил: “Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии...”

5.

Произошедшее на Октябрьском (1987 г.) Пленуме открыло перед Горбачевым в высшей степени тревожную картину опасно возросшего авторитета Лигачева. После единодушного в общем-то одобрения Пленумом “линии Секретариата” и дружной поддержки членами ЦК самого Лигачева вопрос об ослаблении его позиций приобрел для генсека совершенно безотлагательный и вместе с тем почти тупиковый характер. Тем не менее в январе 1988 года был найден выход из тупика. Нетривиальный. С подачи генсека Политбюро приняло постановление “Об упорядочении деятельности Политбюро и Секретариата ЦК КПСС” (называю по памяти). В соответствии с этим документом жестко ограничивалась периодичность заседаний Секретариата, из его ведения изымались все маломальски значимые вопросы жизни партии, общества и государства. На практике это означало свертывание работы Секретариата всего через пару месяцев после того, как его “линия” была поддержана Пленумом.

Упомянутое постановление Политбюро положило начало организационному демонтажу КПСС силами перерожденцев и предателей в руководстве партии. Вместе с тем это было начало тотальной “холодной войны” немногочисленной группы Горбачева против КПСС за собственное политическое выживание. Оставив в стороне известный всем пропагандистский компонент этой войны, связанный с именем Александра Яковлева, остановлюсь на том, что можно было бы назвать организационными и материальными приемами разгрома КПСС руками горбачевцев.

Формальное упразднение Секретариата, лишившее партию и ее аппарат повседневного руководства со стороны ЦК, произошло по итогам XIX-й партконференции в июне-июле 1988 года. Сам генсек вместо того, чтобы принять на себя хотя бы часть функций ликвидированного Секретариата, с головой окунулся в праздничный карнавал международных визитов. За шесть лет своего пребывания у власти, разгромив партию и погубив страну, Горбачев еще успел совершить более сорока зарубежных поездок, чем установил абсолютный рекорд всех вождей всех народов. В связи с ограниченным числом государств на планете, некоторые ему пришлось посещать неоднократно. Францию – четырежды, США и ГДР – трижды, Польшу, Индию, Румынию, Финляндию, ФРГ, Италию, Англию – дважды... Был так увлечен собиранием премий за рубежом, что у себя в Чернобыле смог побывать лишь спустя три года после аварии. Финансирование международного туризма Горбачева и его супруги, выплаты коммунистической чете №1 немалого командировочного довольствия истощили партийную кассу. Поэтому все позднейшие разговоры о якобы спрятанном где-то “золоте партии” мне лично представляются надуманными. Если и остались после Горбачева от этого “золота” какие-нибудь крохи, то скорее всего их следует искать в фундаменте нехилого особняка, который отстроил для себя бывший пролетарский вождь на Ленинградском проспекте.

В то время как Горбачев ломал хребет Секретариату, другой будущий герой XXVIII съезда Ельцин залечивал нанесенные ему Октябрьским пленумом душевные раны на фешенебельном курорте литовской Паланги. Именно здесь искушенные прибалтийские политехнологи, верно оценившие психологическую предрасположенность Ельцина к измене, принялись в собственных интересах со-

здавать ему через местную печать славу “народного заступника”. Опять же вопреки легенде о якобы стихийном характере роста популярности подвергнутого остракизму Ельцина, весь он как ломовой таран разрушения был придуман и сконструирован в первую очередь прибалтами. Они вылепили из него героя, снабжали методической, пропагандистской, предвыборной продукцией и видимо еще кое-чем, энергично поддерживали и тонко регулировали в нужном направлении его оппозиционную деятельность. Оказавшись при власти, Ельцин, похоже, не оставался в долгу. Не случайно в начале нынешнего года в Риге носились с идеей наградить схоронившегося под крылом путинских гарантий Ельцина орденом Трех Звезд за то, что он оказал странам Балтии “не только политическую и моральную, но и материальную поддержку”. Содержание особых отношений Ельцина с прибалтийскими врагами России когда-нибудь, будем надеяться, станет достоянием общества. Тогда страна узнает немало интересного о подлинных катапультах, выстреливших этого специалиста по снайперскому делу наверх на погибель СССР (и России).

В 1988 году было положено начало размыванию социальной базы КПСС путем форсированного создания кооперативного сектора экономики. В этот год официальное число действующих кооперативов превысило 14 тысяч, в следующем – возросло в шесть раз. Неограниченный рост заработной платы в кооперативах, возможность неконтролируемого перевода по кооперативным каналам огромных денежных сумм из безналичного состояния в наличное, позволили быстро перекачать в руки кооператоров и дельцов набухшей криминальным капиталом теневой экономики многие миллиарды государственных рублей. Вдохновленное идеями Яковлева-Горбачева, правительство Рыжкова щедро финансировало развал собственного государства. В 1988 году бумажных денег было влито в оборот вдвое больше, чем в 1987 году, и вчетверо больше, чем в среднем за год в одиннадцатой пятилетке. Значительная часть этих средств перекачивалась в сейфы советских кооператоров и теневиков и в дальнейшем была инфильтрована в политическую сферу на цели борьбы против КПСС. Вообще 1988 год явился рубежом, за которым началось широкое включение криминальных экономических сил, вызревших еще в пору позднего Брежнева и получивших обильную финансовую подпитку при Горбачеве, в политическую борьбу на стороне продажного генсека: “Куй, пока Горбачев!”

В марте 1989 года состоялись так называемые первые демократические выборы народных депутатов СССР, которые в обстановке нарастающей неразберихи вылились в небывалый политический разгром советских партийных, государственных, хозяйственных и военных кадров. Характерно, что в Орготделе ЦК, где мне тогда довелось работать, в ходе предвыборной кампании действовала жесткая директива “ни во что не вмешиваться”, существовал категорический запрет на связь с местными партийными организациями. По сути это была скрытая фаза ползучего государственного переворота, после которой государственные и политические структуры СССР так и не смогли в полной мере восстановиться. Зато стали неприкосновенными для закона фигурами, например, 29 депутатов от литовского “Саюдиса”, проведившие свою предвыборную кампанию под оголтелыми сепаратистскими, антикоммунистическими и антироссийскими лозунгами.

В мае 1989 года созданный исключительно для обслуживания личных политических нужд Горбачева Съезд народных депутатов СССР приступил к работе. Это был исторический момент искусственного установления в издерганном политической нестабильностью Советском

Союзе ситуации двоевластия и подключения к работе по демонтажу КПСС, высших государственных инстанций страны. Повинуясь незаурядному управленческому таланту кандидата в члены Политбюро Анатолия Ивановича Лукьянова, ближайшего из всех соратников Горбачева по разгрому партии и разделу СССР, стенобитная машина Съезда за неполные два года превратила в мусор организационные структуры КПСС, раздолбив заодно и политический фундамент Советского государства.

За молниеносный по историческим меркам срок своего существования Съезд созывался пять раз, и каждый раз основная интрига баталий крутилась вокруг ничтожной персоны партийного Хлестакова. На первом съезде его избирали Председателем ВС; на втором – расширяли его полномочия; на третьем – избирали президентом; на четвертом – опять же расширяли полномочия и выставляли за дверь больного Рыжкова; на пятом – сдали в “Матросскую тишину” верного Лукьянова, после чего умыли руки и удалились с президентом-иудой на покой. Трудно представить себе, сколько народных денег вбухало правительство в организацию этой предательской по отношению к собственной стране катавасии.

Спору нет, в составе народных депутатов СССР было немало и по-настоящему достойных, мужественных людей, убежденных коммунистов, пытавшихся в меру своих возможностей предотвратить катастрофическое развитие событий. Но не им было дано определять лицо Съезда, который последовательно обслуживал политические интересы Горбачева, требуя от него взамен только одного: все более крупных предательских акций по отношению к КПСС.

В рамках Съезда произошло историческое воссоединение мощных финансовых ресурсов советской теневой экономики с идеологией ублюдочного экономического либерализма, носителями которой выступила молодая амбициозная поросль столичных, в основном, НИИ и вузов. Широко известно, что в России испокон веку есть две беды – дураки и дороги. До последнего времени была менее известна третья – либералы. Между тем, так же испокон веку в утративших духовную связь с собственным народом верхних слоях российского общества мечутся человеки, желающие переделывать Россию по глянцевым картинкам из Европы. Еще раз отнесусь к Чаадаеву, предупреждавшему задолго до нынешних российских реформ: “Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада”. Много ли добавишь к этой дефиниции сегодня? Пожалуй, ничего. На Съезде депутатов СССР фугас теневого капитала оснастили взрывателем бессмысленного для России либерализма. Плоды этой демократической забавы переваривает Россия “со слезами на глазах” уже второе десятилетие.

Политическая реформа Горбачева-Лукьянова сопровождалась небывалым пропагандистским давлением на партийный аппарат, массовым увольнением политически состоятельных опытных партийных кадров. В 1988 году в СССР действовали 4,6 тысячи партийных комитетов от ЦК КПСС до сельского райкома. В них было занято 109,5 тысячи партийных работников. Это была наиболее ценная, профессиональная часть КПСС, без которой ни одна партия как таковая существовать, конечно, не может. В 1989 году штатная численность партийного аппарата сократили почти на 8 тысяч человек, в том числе по аппарату ЦК КПСС – на 536 ответственных работников. Проведено данное сокращение было в два приема, совпавших по времени: первое – с подготовкой выборов народных депутатов СССР, второе – народных депутатов

РСФСР. Третья волна сокращений накрыла профессиональные структуры КПСС в 1990 году, в ходе подготовки к XXVIII съезду. Тогда из штатных расписаний вычеркнули около 45 тысяч работников, в том числе по аппарату ЦК КПСС – 603 из 1494. Сокращения в районном и городском звене превысили 45 процентов состава ответственных работников.

Как-то в своей статье, опубликованной “Правдой” в марте 1995 года, Лукьянов обронил глубоко циничную по своей сути фразу о событиях августа 1991 года: “Факт остается фактом – партия сдалась почти без боя”. Какая партия? Не та ли, к предварительному (до августа) разгрому руководящих органов которой Анатолий Иванович в пору его тесного взаимодействия с Горбачевым имел самое непосредственное отношение? Не та ли, полуразрушенные обломки которой Лукьянов и Горбачев кроили рука об руку на федеральные куски на XXVIII съезде?

В ходе подготовки к XXVIII съезду окружение Горбачева инициировало развитие внутри КПСС фракционной деятельности, запрещенной партийным Уставом. В начале января 1990 года на свет божий появилась “Демократическая платформа в КПСС”. Реальный потенциал этой антипартийной группировки был незначительным. Однако Яковлев обеспечил ей пропагандистское сопровождение, а присные генсека в Политбюро – надежную “крышу”.

Верхушка платформы состояла из людей, пользовавшихся репутацией антикоммунистов. Когда-то они ввинчивались в партию, искали для себя поручителей, письменно клялись соблюдать Устав. В критический момент всех предали и продали: Афанасьев, Гдлян, Иванов, Лысенко... Был еще вездесущий занозистый Травкин. До демократии раз или два я видел его живую на заседаниях Секретариата, где он, непрестанно шмыгая мокрым носом, рисовал секретарям ЦК грандиозные перспективы бригадного подряда. Слабый по части “людей из народа”, Лигачев выхлопотал бригадиру Звезде Героя Социалистического Труда. И нате, ныне социалистический Герой заседает в Думе, мастерит своим бывшим классовым братьям-рабочим загон в капитализм. Забавный думак!

6.

Год 1989, предшествовавший XXVIII съезду, был ознаменован качественным изменением характера отношений между Центральным Комитетом КПСС и теми, кого было принято называть “партийной массой”. Региональные партийные организации, с одной стороны, и Центральный Комитет, его Политбюро и Генерального секретаря – с другой, окончательно разделил ров глубокого недоверия. Этому не в последнюю очередь способствовала телевизионная трансляция заседаний Съезда народных депутатов СССР, на которых Горбачев как генсек ЦК и другие высшие партийные руководители демонстрировали малодушие и позорную беспринципность перед лицом шквальной атаки на КПСС своры проплаченных теневиками разноперых антисоветчиков, националистов, сепаратистов, а также очевидных шизофреников.

Ярким симптомом опасного раскола между партией и ее мартовскими вождями стало резкое нарастание числа коммунистов, демонстративно заявлявших о своем разрыве с КПСС. Уже в 1988 году сдали свои партийные документы 18 тысяч человек, что впятеро превысило аналогичный показатель 1985 года. Признаком особо тяжелого характера кризиса в отношениях между партией и ее ЦК служило то, что более половины среди вышедших из КПСС составили рабочие, а в таких регионах, как Бурятия, Карелия, Красноярский край, Магаданская, Новгородская, Сахалинская, Тюменская области, доля рабочих в об-

щем числе “покидантов” достигала 70 процентов. В следующем, 1989, году сдали партийные билеты уже 136,6 тысячи человек. Впервые за 50 лет в этот год началось абсолютное количественное сокращение КПСС.

В первом полугодии 1990 года о своем разрыве с партией заявили 366,4 тысячи человек. К моменту открытия XXVIII съезда в организациях КПСС насчитывалось чуть более 18 миллионов человек, то есть за предыдущие полтора года партия уменьшилась количественно на миллион. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, замечу, что после XXVIII съезда, как реакция на его предательские решения, процесс оттока из КПСС принял обвальнй характер. Накануне событий августа 1991 года в партии, по самым оптимистическим оценкам, оставалось уже не более 15 миллионов человек, дезорганизованных и деморализованных, бессовестно преданных своими вождями.

7.

Вернусь, однако, к событиям накануне съезда. В охватившей тогда большинство партийных организаций тревожной атмосфере недоверия к Горбачеву и ЦК возник спрос на лидера, способного стать альтернативой перодившемуся генсеку. На этом фоне в июле 1989 года всеобщее внимание неожиданно привлек к себе Николай Иванович Рыжков, ранее подчеркнуто безучастный к внутренним проблемам КПСС. На совещании партработников в Кремле, одном из тех, которые периодически собирал Горбачев, чтобы выпускать пар накопившихся к нему претензий, Рыжков выступил с речью, в которой неожиданно для него как председателя Совета Министров уделил большое внимание проблемам партии. Хотя и с оговорками, но тем не менее впервые на мероприятиях подобного рода, он произнес вслух слова: “Партия в опасности!”. Мало того, перед лицом партийных секретарей, в полной тишине внимавших его выступлению, Рыжков призвал Горбачева уделить больше внимания своим партийным обязанностям, доверив экономику заботам правительства. Ошарашенный столь необычным поведением премьера, Горбачев был вне себя.

После этого выступления авторитет Рыжкова в глазах партии возрос многократно. Все как-то вдруг разглядели в председателе Совмина самостоятельную политическую фигуру, способную в подходящий момент вытеснить Горбачева с поста генсека. Не отступи тогда Николай Иванович, пойдя на разрыв с Горбачевым, прояви последовательность в ориентации на партию – и многое в судьбе СССР и самого Рыжкова наверняка сложилось бы иначе. Причем в лучшую сторону. Но, к сожалению, природа так сконструировала последнего председателя Совета Министров СССР, что в нем странным образом уживались между собой две совсем разных личности. Одна – с орлиным клекотом стремилась в горние выси большой политики, негодовала на Горбачева, страстно желала служить социалистическому Отечеству, не щадя живота своего. Другая – походила на осторожного, битого жизнью чиновника, с младых ногтей приученного склонять свою выю пред волей начальника. Отношения между этими личностями складывались таким образом, что в моменты особо ответственного политического выбора чиновник неизменно побеждал в Николае Ивановиче мужественного политика. Вот и после его кремлевского взлета Горбачев, по аппаратным слухам, поймел с премьером специальный разговор, после которого автор боевого клича “Партия в опасности!” как бы “сдулся”, отступил в тень, переместился в отношении КПСС на позицию знаменитого булгаковского кота Бегемота: “Не шалю, никого не трогаю, починяю примус ...”

8.

Вообще говоря, уже давным-давно многострадальное российское чиновничество, зажатое божьим промыслом на протяжении веков между самодурством по преимуществу нерусской власти и справедливой ненавистью российского населения, выработало действенный алгоритм собственного выживания: “Держись за начальство – будешь ближе к народу.” Так вот, стратегическая линия второго человека в СССР, члена Политбюро Рыжкова в подлую годину горбачевской измены вся без остатка укладывалась в эту парадигму чиновничьего самосохранения. Любой, кто тогда наблюдал поведение Рыжкова, не мог не подивиться иррациональной нечеловеческой цепкости, с которой он, несмотря ни на что, держался за своего генсека. Ближайший коллега Николая Ивановича, председатель Совмина РСФСР Воротников отметил в своих дневниковых записях, что Рыжков “много сделал для утверждения власти Горбачева и долгие все верил ему”.

Хорошо помню роль Рыжкова в шекспировской по накалу страстей трагедии, разыгравшейся десять лет назад на подмостках Третьего съезда народных депутатов СССР. На этом съезде Горбачев, изо всех сил подпираемый другим своим верным санчо Анатолием Лукьяновым, продирался правдами и неправдами сквозь отчаянное сопротивление депутатов к выдуманной им лично для себя должности президента СССР.

С большим трудом Горбачев и Лукьянов, ничтожным преимуществом в 46 голосов, добились от народных избранников согласия на изготовление первого президента СССР тут же на съезде. Ответным ходом не смирившиеся депутаты выдвинули альтернативной кандидатуре Горбачева на роль президента Рыжкова. Тот, движимый чиновничьим инстинктом самосохранения, заявил самоотвод. Страсти разгорелись. Депутаты продолжали настаивать на своем, разве что не бухались Николаю Ивановичу в ноги с мольбами не уходить от борьбы. Обуреваемый сомнениями, дрожащим от напряжения голосом Рыжков упорствовал. Это было незабываемое зрелище для людей с железными нервами. Ситуация складывалась таким образом, что не сними премьер свою кандидатуру, Горбачев при нормальном голосовании несомненно потерпел бы поражение. Однако, как известно, Николай Иванович так и не нашел в себе мужества переступить невидимую черту, отделяющую самого высокопоставленного из чиновников от настоящего партийного лидера. Тем самым он подарил Горбачеву пост президента СССР, принес ему эту должность, как некоторые друзья человека приносят своему хозяину по вечерам домашние тапочки и свежую газету.

“Человек подначальный всегда следует предписаниям и не повинуется зову судьбы”, – сказал Цвейг, имея в виду печально знаменитого маршала Груши, который своим раболепным следованием кодексу чиновничьей исполнительности погубил армию Наполеона в битве при Ватерлоо. Но то же самое можно отнести и к Рыжкову. За пять лет своего пребывания на высших постах в КПСС и Советском Правительстве он так и не смог выдавить из себя “человека подначального”, ощутить себя лично ответственным за судьбу величайшей мировой державы, подчиниться зову судьбы, не единожды предлагавшей ему славную роль спасителя отечества.

Сейчас, вспоминая о событиях Третьего съезда, Рыжков частенько ссылается на формальное решение Пленума ЦК, рекомендовавшего Горбачева в президенты: дескать, подчинился партийной дисциплине. Однако почему же он не выступил на этом Пленуме с обоснованным отводом кандидатуры Горбачева? Ну, и самое глав-

ное, как мог Рыжков, произнесший в июле 1989 года слова “Партия в опасности!”, спустя год, на XXVIII съезде КПСС всем своим авторитетом способствовать переизбранию несомненного предателя Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК партии? Загадка души подначального человека.

Трагедия КПСС в последние пару лет ее существования заключалась в том, что высшее руководство партии в своем абсолютном большинстве состояло не из крупных авторитетных партийных лидеров, правильно понимающих меру своей исторической ответственности, а из беспозвоночных чиновников на службе у Горбачева. Исключений было очень немного, меньше, чем пальцев на одной руке. Бесспорно – Егор Лигачев, бесспорно – Олег Шенин, наверное – Олег Бакланов, в дальнейшем, может быть, – Валентин Фалин... Пожалуй, все.

Обладая политическим даром величиной не более булавочной головки, Горбачев сам по себе никогда бы не смог продержаться у власти целых шесть лет, морочить голову огромной стране, совершить свое беспрецедентное в мировой истории предательство. Но всегда среди высших партийных чиновников находились доброхоты, готовые не за страх, а за совесть служить новоявленному Хлестакову в надежде на личные выгоды. Трое из них своим рвением превзошли всех остальных: Яковлев – идеолог горбачевской измены, Лукьянов – ее организационный ресурс, Рыжков – материальная база.

9.

В год, предшествовавший XXVIII съезду, политическая борьба, раздиравшая партийную верхушку, распространилась на низовые структуры партии, обрела в них собственную динамику и самостоятельную логику. Возникла мешанина платформ, программ, течений, дискуссионных партийных клубов. При этом все более сильные позиции занимали внутривнутрипартийные образования, ставившие своей целью противодействие предательской политике группы Горбачева.

В январе 1990 г. на съезде “Объединенного фронта трудящихся РСФСР” (ОФТ) была впервые выдвинута идея образования в РСФСР республиканской организации КПСС. В конкретной политической обстановке тех дней это был сильный ход, заключавший в себе для Горбачева реальную угрозу утраты им контроля над КПСС. Ведь тогда на территории РСФСР насчитывалось около 10,5 миллиона коммунистов, что составляло порядка 58 процентов общей численности КПСС. Здесь было сосредоточено абсолютное большинство крупнейших партийных организаций страны, возглавляемых партийными комитетами с правами райкомов. Таким образом, учреждение Российской компартии означало бы на практике создание в КПСС второго руководящего центра, альтернативного горбачевскому ЦК. Таков был подлинный антигорбачевский подтекст идеи образования компартии России.

В ленинские дни апреля 1990 г. в Ленинграде, при вялом сопротивлении со стороны ЦК КПСС, прошел первый этап Инициативного съезда коммунистов России, делегаты которого представляли пять краев, 37 областей и семь автономных республик РСФСР. Съезд принял решение об организационном оформлении Российской компартии еще до открытия XXVIII съезда КПСС.

В четверг 3 мая 1990 года в Кремле прошло тревожное заседание Политбюро, посвященное вопросам подготовки XXVIII съезда КПСС. С мест поступали сообщения, что на партийных конференциях принимаются резолюции с выражением недоверия ЦК, поддерживается идея конституирования самостоятельной компартии России.

Вадим Медведев заметил, что настроение в руководящем составе партии очень плохое. Наблюдается отторжение всего, что идет от ЦК. Его поддержал Маслюков, побывавший накануне в Ленинграде: рабочие и крупная интеллигенция не идут в делегаты XXVIII съезда, не идут в состав парторганов. Настроение по отношению к центру – злое. Все это может сказаться на характере создаваемой Российской компартии, превратить ее в противовес центру. После этого разговор полностью сосредоточился на проблеме РКП.

Участники заседания признали свою фактическую неспособность воспрепятствовать созданию РКП. Тогда принялись ломать головы, как свести к минимуму ущерб, который неизбежно причинит большому ЦК создание Российской компартии. Наиболее подходящим в этом плане сочли предложение “внутреннего диссидента” Примакова, осуществлявшего к тому времени свою диссидентскую деятельность уже на зарплату кандидата в члены Политбюро. Он выдвинул идею не препятствовать публично оформлению РКП, но постараться возглавить этот процесс. Говоря проще, попытаться сыграть роль козлов-провокаторов, увлекающих глупое стадо туда, куда ему идти совсем бы не следовало. Идея понравилась. Закрывая заседание, Горбачев поставил задачу: в июне на Российской партконференции постараться не допустить создания компартии, а только лишь провозгласить ее образование. В соответствии с этой установкой, лидеров ленинградской Инициативы отодвинули на задний план. На служебную дачу ЦК в Серебряном бору срочно выехала группа сотрудников аппарата для подготовки учредительного доклада генсека: “С ответственностью за судьбы России и всей страны”.

Российская партконференция, позже объявившая себя Учредительным съездом Коммунистической партии РСФСР, открылась 19 июня 1990 года, то есть за пару недель до XXVIII съезда КПСС. Делегатами конференции стали делегаты XXVIII съезда, избранные от парторганизаций Российской Федерации, всего 2768 человек. По существу это был как бы репетиционный прогон XXVIII съезда без участия национальных республик. С самого начала главные места за столом президиума заняли три богатыря: Горбачев, Рыжков, Лукьянов – президент, глава правительства и председатель Верховного Совета СССР. Они руководили созданием компартии России, имея при этом за пазухой мысль не допустить ее создания. Вот такие это были парни, по-большевистски прямые, как ятаган янычара.

Российский учредительный съезд проходил в исключительно сложной обстановке. В это же самое время в Большом Кремлевском Дворце российские депутаты творили свои чудачества, что придавало дискуссиям на партийном съезде особую остроту. В зале, тесно взаимодействуя с тройкой в президиуме, активничали представители “Демократической платформы”, лацисы и собачки, еще какие-то верткие люди из шлейфа Ельцина, прорвавшиеся в делегаты с единственной целью причинить партии как можно больший вред. Тем не менее Горбачев в этот раз проиграл: Компартия РСФСР была учреждена, образованы, хотя и не в полном составе, ее руководящие органы. В результате тяжелой вязкой борьбы первым секретарем ЦК новой партии избрали первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Ивана Кузьмича Полозкова, главное, а, может быть, и единственное достоинство которого заключалось в глазах съезда в откровенном неприятии им личности Горбачева.

Таким образом, накануне XXVIII съезда КПСС политические позиции Горбачева выглядели крайне ослаблен-

ными, а его шансы быть переизбранным на пост генсека отнюдь не являлись бесспорными. Хотя Горбачев, благодаря Рыжкову, стал президентом СССР, реальную государственную власть в стране уверенно прибирал к своим рукам Ельцин. В свою очередь, образование КП РСФСР показало, что Горбачев фактически утратил контроль за ходом внутренних процессов в КПСС, что резко снижало потребительную стоимость “лучшего немца”, прежде всего, в глазах его западных спонсоров. Впрочем, как и в глазах воспрянувших к власти и свету советских теневиков. С учетом этих обстоятельств XXVIII съезд являлся для Горбачева и его клики последним рубежом, за которым земли для них больше не было.

10.

Для меня самого XXVIII съезд стал, после празднично приподнятого XXVII, вторым в моей жизни партийным съездом, на котором выпало присутствовать в качестве сотрудника аппарата ЦК КПСС. За плечами остались почти десять лет работы, главным образом в Организационном отделе ЦК. Поэтому для меня, как и для большинства моих товарищей по Орготделу, молча сосредоточенно наблюдавших рядом за ходом съезда, не было тайн в том, что касалось принятой группой Горбачева на вооружение техники манипулирования пятитысячной армией делегатов.

Когда-то, еще в студенческие годы, попалась мне на глаза фраза Норберта Винера, пользовавшегося славой основоположника кибернетики. Звучала она, по памяти, примерно так: “Отдельный солдат всегда умнее целой армии”. Позже, уже изрядно покрутившись в партийном аппарате, особенно в эпоху горбачевских нововведений, я истолковал ее для себя как универсальный принцип функционирования всех так называемых демократических институтов. В приложении к технике манипулирования большими людскими массами этот принцип можно было бы изложить следующим образом: “отдельный “солдат”, сидящий в президиуме, всегда умнее целой “армии”, галдящей напротив него в зале”. При этом проявляется закономерность: чем более многочисленную и разношерную “армию” удается втиснуть в зал, тем более умным выглядит на ее фоне “солдат” президиума. А значит, тем более значительны его возможности манипулировать “армией” в определенных интересах.

Новейшая российская история дает немало примеров, уверенно подтверждающих то, что я назвал для себя “демократическим принципом Винера”. Ну, скажем, Хасбулатов – не Бог весть какой Эмпедокл, а ведь управлялся в одиночку с многоликой ватагой недопобритых от большого ума российских депутатов. И те ничего не могли с ним поделать. Непредвзятое размышление над “принципом Винера” позволяет нам вплотную приблизиться к пониманию сути демократии как наиболее капиталоемкого, но зато и наиболее надежного метода обмишуривания абсолютного большинства населения в экономических и политических (что, впрочем, одно и то же) интересах его ничтожного меньшинства. Особая ценность демократии заключается в том, что при ней обмишуренному большинству не на кого пенять: сами голосовали. Вместе с тем исключительно высокая капиталоемкость демократии как способа манипулирования обществом (всякие там съезды, выборы, “свободная” пресса = очень большие деньги) делает этот способ по карману лишь весьма богатым государствам. Отсюда с необходимостью следует, что нынешняя Россия, пытающаяся, при ее горестном годовом бюджете в 26 млрд. долларов, позволять себе по части демократии то, что не позволяют себе иные

страны с годовым бюджетом (на душу) в сто раз больше, рано или поздно пожнет в полном объеме горькие плоды своего ребяческого снобизма в государственном масштабе. Если, конечно, Путин раньше не образумит.

11.

Приведенные выше рассуждения, несмотря на их спекулятивный характер, дают тем не менее общее представление о стратегии, принесшей Горбачеву на XXVIII съезде жизненно важную для него победу. Прежде всего были приняты меры к максимальному наполнению зала людьми разных политических взглядов, в принципе неспособных прийти между собой к какому-либо согласию. С этой целью был изменен традиционный для КПСС порядок избрания делегатов съезда на партийных конференциях. В этот раз делегатов можно было избирать также и по так называемым партийным округам, то есть по территориям, где со времен выборов народных депутатов СССР и РСФСР продолжали действовать организационные структуры антипартийных и антигосударственных сил. В результате мандат делегатов съезда получили сотни людей, в обычное время рьяно боровшихся против КПСС.

При открытии съезда произошел примечательный эпизод. По недосмотру Горбачева слово от микрофона в зале получил шахтер из Магаданской области Блудов. Не мудрствуя лукаво, предложил: “Объявить отставку ЦК КПСС во главе с Политбюро и не избирать их в члены руководящих органов съезда за развал работы по выполнению Продовольственной программы, решений XXVII съезда КПСС и XIX партконференции. Прошу поставить на голосование”. На мгновение Горбачев утратил дар речи. Сквозь стоявший перед ним микрофонный блок было слышно, как он влажно слотнул слюну, после чего неуверенно произнес: “Думаю, что это вопрос... К этому вопросу мы еще вернемся. Так, товарищи?” Из зала кто-то крикнул: “Да”. Этим и ограничились.

Но вот у микрофона в зале возник делегат Болдырев, нынешний заместитель председателя Счетной палаты РФ, а в ту пору мелкий провокатор антипартийной и антигосударственной ориентации. Он предлагает внести в повестку дня съезда вопрос: “О политической ответственности КПСС перед народом”. Вот это важно! Горбачев ставит на голосование: 1022 “за”. Не принято, но зато ясно, что почти четверть общего числа делегатов являются наиболее радикальными, оголтелыми врагами партии, то есть опорой Горбачева на этом съезде. После чего Болдырев получает возможность озвучить еще одно предложение: о полной национализации партийного имущества. Подобных микросцен, демонстрирующих приемы бессовестного игнорирования президиумом одних делегатов и поощрения антипартийной активности со стороны других, по ходу съезда разыгрывалось десятки, если не сотни.

Представление о численности решительных оппонентов Горбачева дало имевшее место под занавес съезда голосование по принципиально важному заявлению ленинградца В.А. Тюлькина, будущего лидера РКРП, сделанному им от имени группы делегатов, инициировавших в 1990 году создание Российской компартии. Произнесенное спокойным голосом, но выдержанное в жестких тонах, заявление предупреждало всех коммунистов страны об опасных последствиях для народа и самой КПСС социально-экономических резолюций XXVIII съезда, по сути политически узаконивших архиреакционную идею “насильственного вопреки объективным процессам лечения социализма капитализмом”.

Неохотно поставленное председательствующим Гуренко на голосование, это “мнение меньшинства” без

всякого обсуждения получило 1259 делегатских голосов “за”, что можно считать показателем существовавшей на съезде непримиримой антигорбачевской оппозиции. В количественном отношении с самого начала это была серьезная сила. Однако она не была внутренне консолидирована, не имела единого лидера и потому не имела шансов на успех в борьбе с “пятой колонной” среди делегатов, действовавшей в тесном контакте с президиумом и поддерживавшейся подчиненным Горбачеву организационным механизмом XXVIII съезда.

Всего на съезд было избрано 4683 делегата. Дополнительно пригласили 350 рабочих и крестьян с неясными полномочиями. Они, словно потерянные, бродили среди делегатов, усиливая общую сумятицу в зале. Присутствовали также иностранные гости, представители от народных депутатов, сотрудники аппарата ЦК КПСС, журналисты. В общем, шеститысячный зал заседаний Дворца Съездов был, в соответствии с “принципом Венера”, упакован по самую маковку. Общая атмосфера была насыщена политическими антагонизмами, хлесткими репликами, взаимным недоброжелательством.

Также вопреки традиции в состав президиума съезда не были включены члены Политбюро ЦК КПСС. Из числа соратников, окружавших Горбачева на предыдущем XXVIII съезде, усидел с ним рядом до нынешнего – один Рыжков. Что касается Лигачева, еще одного из числа трех андроповцев, стоявших вместе плечом к плечу в марте 1985 года, то он был предусмотрительно загнан теперь высоко на галерку, где размещался в составе делегации от Белгородской области. За время, прошедшее после победного для него Октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК, Лигачев вдоволь испил из горькой чаши партийного товарищества. Против него, под управлением дирижерской палочки Яковлева и при шкурном безразличии со стороны партийных “товарищей”, была развернута небывалая пропагандистская травля, имевшая своей целью вынудить непокорного сибиряка добровольно уйти в отставку. Оказавшись в крайне тяжелом для него положении и фактически в обстановке изоляции в составе Политбюро, Лигачев получил тем самым возможность продемонстрировать партии наиболее сильные стороны своего характера. Среди них на первом месте – нравственная неуязвимость, незаурядная воля и способность хладнокровно вести тяжелейшую политическую борьбу, казалось бы, в безнадежных условиях. Очевидная тенденциозность пропагандистской кампании против Лигачева, проявленные им при этом мужество и выдержка, пробудили в партийных низах волну сочувствия к опальному “консерватору”. Его политический вес накануне XXVIII съезда снова пошел в рост. Несмотря на предпринятые горбачевцами экстраординарные меры с целью не допустить избрания Лигачева делегатом съезда, он тем не менее был избран и на протяжении всех дней работы съезда находился в центре событий, доставив напоследок немало тревожных минут как самому Горбачеву, так и тем, чьи согбенные спины подпирали продажного изолгавшегося генсека.

Разумеется, помимо Рыжкова, бок о бок с Горбачевым восседал в президиуме съезда также и Лукьянов. Со времен XIX партконференции Горбачев, похоже, вообще не мог обходиться без него, как не может безоговорочно инвалид обходиться без костыля или протеза. На всех крупнейших мероприятиях они трудились единым тандемом, вместе прокручивая самые хитроумные политические комбинации. В состав президиума были включены также первые секретари республиканских компартий, разбавленные для демократии одним трактористом, одним слесарем, одним академиком и еще кое-кем.

12.

XXVIII съезд заседал почти две недели, со 2 по 13 июля. В соответствии с главной задачей, которую решал на съезде Горбачев, – удержаться у власти, весь этот срок тактически был четко поделен на три неравных периода. Первый, самый продолжительный, со 2 по 9 июля, можно было бы назвать, по аппаратной терминологии, периодом “убалтывания” делегатов, то есть доведения их до максимально возможной степени физического и морального утомления, когда в голове у человека не остается других желаний, кроме желания побыстрее закончить весь этот базар и вернуться домой.

В этот период детальнейшим образом обсуждались всевозможные резолюции, не имевшие никакого практического значения, ломались копыя вокруг абсолютно марзаматического, с точки зрения любого здравого смысла, программного заявления съезда под блудливым названием “К гуманному, демократическому социализму” (в кулуарах его именовали “туманным” или “говенным” социализмом), заслушивались, никого ни к чему не обязывающие, демагогические отчеты членов Политбюро, заседали секции, создавались в лютых спорах какие-то бессмысленные комиссии. Для пущей верности на делегатские мозги обрушили лавину всевозможных бумаг, общим тиражом в 130 тысяч экземпляров и объемом более 1 миллиона 200 тысяч листов.

К середине дня 9 июля пятитысячная “армия” была “уболтана” по высшему разряду так, что, казалось, готова была избрать Горбачева даже китайским императором. Достижению делегатами депрессивного состояния способствовала также и стоявшая на улице отчаянная жара, но больше всего – поступавшие с мест вести о вызревшем в этот год небывалом урожае. Всем хотелось домой, к нормальным людям, как можно дальше от синтетического бормотания профессиональных брехунов и крючкотворов. По рядам разморенных жарой, утомленных недельным неподвижным сидением в атмосфере небратских отношений делегатов легким дуновением свежего воздуха прошелестела кем-то запущенная на оборотной стороне одной из резолюций меланхолическая стихотворная строка: “Травы не скошены, бабы заброшены, зерно опадает... Съезд заседают.”

Вечером 9 июля началась “операционная”, то есть самая главная, фаза съезда, продолжавшаяся до вечера следующего дня. На авансцене появился – угадайте кто? – ну, разумеется, главный маг всех горбачевских перерождений Лукьянов. Он сразу предупредил, что времени осталось мало, поэтому будем поторапливаться. После чего занялись срочной переделкой Устава КПСС под нужды Горбачева. Хотя формально председателем комиссии съезда по Уставу являлся Горбачев, рабочую группу возглавлял Лукьянов, а значит, он и являлся фактическим автором новой партийной Конституции. В его исполнении она оказалась настолько новой, что ее принятие означало по существу конец КПСС и учреждение в стране некоей новой партии федералистского типа.

В результате кровавой дискуссии, в ходе которой, по выражению делегата Слободкина, Горбачев занимался “не просто выкручиванием рук, а откручиванием голов”, в новый Устав был включен роковой для КПСС параграф 22, который, несмотря на слабые оговорки, практически узаконил федерализацию партии, провозгласив самостоятельность республиканских партийных организаций и предоставив им право разрабатывать собственные программные и нормативные документы, т. е. иметь собственные программы и уставы. Принятие этого параграфа означало ликвидацию КПСС как единой политической

партии и одновременно устраняло последние слабые преграды на пути к разделу СССР. Тем самым Горбачев и Лукьянов на XXVIII съезде своими руками проложили Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу путь в Беловежскую Пущу.

Под абсолютно безумным для любой организации лозунгом “власти партийных масс” новый Устав фактически упразднил в КПСС структуру вертикального соподчинения, преобразовав партийные комитеты из органов руководящих в исполнительные, имеющие своей задачей лишь “координацию” деятельности первичных парторганизаций. Последним было передано исключительное право решать вопросы приема и прекращения членства в КПСС. На практике это означало, что в сложнейших условиях политической борьбы за спасение страны КПСС лишалась возможности очищать свои ряды от предателей и перерожденцев, открыто занимавшихся разрушением партии изнутри. Злонамеренный идиотизм такого положения продемонстрировал апрельский (1991 г.) Пленум ЦК, который, как оказалось, по новому Уставу был неправомочен исключить из партии члена ЦК Шаталина, занимавшегося на страницах СМИ зоологически злобной антикоммунистической пропагандой. Новый Устав создал нормативные предпосылки фракционного раскола КПСС, а также вдвое уменьшил объемы поступающих членских взносов, что означало на деле сокращение финансирования партийных комитетов до 40% от необходимого минимума.

Новый Устав устанавливал выборность Генерального секретаря ЦК на съезде, что адресовалось персонально Горбачеву, выводило его из под опеки Пленума ЦК и качественно усиливало его формальный контроль над КПСС. Учреждалась также должность Заместителя Генерального секретаря, избираемого на съезде, которому Горбачев предполагал перепоручить надзор за партией до момента ее окончательной ликвидации. На эту должность присмотрели бывшего украинского партийного лидера Владимира Ивашко, человека невероятного самомнения, способного часами балагурить на псевдоукраинский манер в самой неподходящей для этого обстановке. “Бурные аплодисменты, долго не переходящие в овации... и разошлись, как в море парохода”, – это из его репертуара.

Утром 10-го наступил час пик – выборы генсека. Вести утреннее заседание в этот решающий день доверили Станиславу Ивановичу Гуренко, преемнику Ивашко на посту первого секретаря ЦК КП Украины. Собственно, более или менее широкого выбора в отношении ведущего на собственных выборах у Горбачева не было. Ни Лукьянов, ни Рыжков на эту роль не годились в силу их очевидной для делегатов, одиозной близости к Горбачеву. Другие члены президиума за время работы съезда не обнаружили ни таланта парламентских кидал, ни желания обслуживать политические нужды вконец запутавшегося в интригах генсека. Что касается Гуренко, то он еще до съезда опубликовал несколько статей, содержавших критику политики Горбачева, что принесло ему популярность в масштабах КПСС. Ему доверяли, чем он и был для “лучшего немца” ценен.

Началось выдвижение кандидатур. Появились кое-какие, как всегда хилые, альтернативы. Депутаты вдруг оживились, как бы обрели второе дыхание и принялись неорганизованным шумом и смехом высказывать нежелание избирать Горбачева на новый срок. Перешли к слушанию выступлений кандидатов. По алфавиту: Авалиани, Бакатин. Настал черед Горбачева. С постной физиономией изношенного семейными неурядицами провинциального трагика, он произнес: “Я долго обдумывал ситуацию, как она сложилась... – в зале раздались смех и аплодис-

менты, – искал единственно правильный ответ... – продолжал паянничать Горбачев под нарастающий смех делегатов, – ...если меня будут выдвигать, – доносились сквозь шум и смех слова трагика, – кандидатуру свою снимать не буду”. (Общий смех и бурные, с издевкой аплодисменты).

В жизни мне довелось много раз наблюдать Горбачева в самых разных ситуациях, еще с тех времен, когда он был секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Уже давным-давно меня перестали интересовать его слова, зато глубоко заинтриговал один вопрос: было ли ему хотя бы однажды за всю его долгую жизнь в политике по-человечески стыдно. И вот, на основании своих собственных наблюдений, на основании того, что мне рассказывали о Горбачеве люди, работавшие с ним, на основании литературных трудов об этом феномене в роду *Homo sapiens*, я был бы склонен поверить, что нет, ему ни разу не было стыдно. Не в этом ли главный секрет его феноменальной по своему цинизму политической карьеры? Ведь и сейчас страна от Памира до Баренцева моря второе десятилетие глотает по его милости кровь и слезы, таскает из конца в конец гробы, вымирает с невиданной нигде быстротой, на бывшей советской земле разыгрывают свои маневры солдаты НАТО, а ему, нашему славному теперь уже социал-демократу, все – божья роса. Чуть, и опять сидит героем дня в телевизоре у Гусинского, что-то лопочет, учит нас всех ответственной политике. Ну создаст же Господь такое!

В знаменательный день 10 июля лидер украинских коммунистов Гуренко трудился с утра до вечера (говорят, отказавшись по собственному почину от замены*), и – надо же! – обеспечил в почти безнадежных условиях успех блицкрига. Помните, еще 9-го вечером Лукьянов открывал обсуждение нового Устава, а уже 10-го вечером Гуренко избрал обновленной до состояния клинической смерти КПСС и нового общечеловеческого генсека. Тем самым было нанесено решающее поражение силам, вынашивавшим надежды на смещение Горбачева с поста Генерального секретаря во имя спасения партии и Советского государства. Все остальное уже не имело серьезного значения.

Хотя сохранению за Горбачевым поста генсека всемерно способствовали делегации от союзных республик, где партийную власть уже тогда прибрали к своим рукам сепаратисты, – из них наиболее активно вели себя Армения и Грузия, – тем не менее решающим для победы Горбачева, пусть даже частично фальсифицированной, стало участие на его стороне в мгновение “Ч” многочисленной делегации Компартии Украины, ни в коей мере не выказывавшей сепаратистских поползновений. Похоже, что и с Гуренко злую шутку сыграл синдром “подначального человека”, поразивший через него и всю украинскую делегацию. Будь на его месте Щербицкий, такого бы, уверен, не случилось.

После того как Горбачев достиг желаемого, наступила третья, заключительная фаза съезда: “зачистка и вы-

* Где-то в году 92-м мне случилось побывать в Душанбе на очередном съезде Компартии Таджикистана. В кулуарах познакомился с местным таксистом О. Азимовым, который в свое время входил в состав президиума XXVIII съезда КПСС. Вспоминая о тех днях, он, между прочим, рассказал, что был свидетелем сцены, когда в перерыв между заседаниями, на которых обсуждалась кандидатура нового генсека, к впадему в панику Горбачеву подошел Гуренко и предложил свои услуги в качестве председательствующего на весь день, вплоть до итогов голосования. “Зачем ему это было нужно?” – удивлялся Азимов.

нос знамен”. На этом этапе, правда, не без проблем, но все-таки продвинули Ивашко в заместители генсека; быстро, в оптовом режиме, избрали новый ЦК, смело смешав в одном флаконе коммунистов с антикоммунистами; сформировали Центральную Контрольную Комиссию КПСС во главе с Борисом Карловичем Пуго. Тем самым Пуго, который в августе 1991 года, пораженный открывшейся ему правдой, скажет о Горбачеве за день до своего самоубийства: “Он нас всех продал! Жалко – так дорого купил, и так дешево продал. Всех!”

Между прочим, в одной из своих книжек Николай Иванович Рыжков, явивший в последние годы широкой публике свой талант плодovitого сочинителя, написал, будто на XXVIII съезде победили “прогрессивные силы”. С этим можно согласиться при одном условии: если считать таковыми самого Рыжкова, а также Горбачева, Ельцина,

Собчака и еще 1022 делегата, которые были готовы устроиться на съезде судилище над собственной партией. Они действительно победили.

И еще вот что. На том самом совещании в Мраморном зале Кремля, на котором Николай Иванович воскликнул “Партия в опасности!”, один из ораторов – это был первый секретарь ЦК Компартии Армении Арутюнян – процитировал вопрос, заданный ему при личной встрече рабочим: “Партия обманула надежды отца и мои. Что ждет моего сына?” Интересно, что могли бы ответить рабочему человеку сегодня, спустя десять лет после XXVIII съезда, его “прогрессивные” победители: нынешний крупный домовладелец Горбачев, член всеядной партии по имени “Россия” Рыжков, видный буржуазный законодатель Лукьянов и примкнувший к ним неведомо по какой жгучей надобности, ныне “иноземец”, Гуренко.

Почему телега не тянет? Тогда и сегодня (1990-2000 гг.)

В.А. ТЮЛЬКИН *

Как известно, Французская Академия наук еще в 1775 году перестала рассматривать подаваемые проекты “перпетуум мобиле”, поскольку теоретически была уже доказана его неосуществимость. Но несмотря на то, что весь просвещенный мир вроде бы признал формулу: “закон сохранения энергии суров, но справедлив”, проекты создания “вечного двигателя” продолжают поступать и сегодня. Вот так же до сих пор не перестали охотники проверять на практике возможность постановки телеги перед лошадь, чтобы своими глазами убедиться, что такая модель, говоря простыми языком, не тянет.

Наверное, каждому понятно, что речь идет не о российских или каких-нибудь других крестьянах: уж они-то такие эксперименты не проводят – их жизнь давно запрягать научила. Речь идет о разного рода горе-теоретиках. Для нас в первую очередь представляют интерес процессы внутри, вокруг и около коммунистического движения. Зачастую берутся за решение задачи “по-новому запрягать” заслуженно уважаемые, в общем-то, товарищи. И не потому, что хотят опровергнуть народную истину и практику – что за чем следует, теоретически-то они знают. Они берутся за эту задачу, и берутся с искренним энтузиазмом, чаще всего потому, что в сложных ситуациях теряются в причинно-следственных связях. Эти политмеханики путают, образно говоря, шестерни: ведущую и ведомую. Правда, надо отметить, запутаться бывает довольно легко, потому как очень похожи: ведущая шестерня может быть больше ведомой или меньше, иметь разное количество зубьев, менять направление вращения. Все определяет силовой момент: какая шестерня его несет и вызывает движение – та и ведущая. Тот аппарат, который тянет – лошадь, – ставится впереди.

Поводом для этого “лирического вступления” перед последующим вполне серьезным анализом послужило определенное событие, идеологическое обеспечение этого события, развернувшиеся вокруг него дискуссии и

последующие действия. Речь идет о процессе образования единой компартии Союза России и Белоруссии – КПС. Рабочая группа идеологов этого процесса, которая в основном состоит из вполне уважаемых, заслуженно уважаемых, людей во главе с товарищем О.С. Шениным, в теоретическом обосновании горячо доказывает необходимость и своевременность образования союзной партии. При этом вполне справедливо товарищи подвергли принципиальной критике практику политической деятельности КПРФ. Вместе с тем один из их основных тезисов в оценке ситуации сводится к тому, что именно процесс создания Компартии России в 90-м году явился чуть ли не провокацией, во всяком случае – основной причиной развала КПСС и СССР.

Несмотря на то, что мы в Рабочей группе указывали товарищам на ошибочность и вредность данного теоретического положения, к сожалению, оно все же было взято ими на вооружение и вошло в доклад, с которым выступил на самом Учредительном съезде 15 июля 2000 года Олег Семенович Шенин. Доклад начинается буквально следующими словами:

“10 лет назад, в такие же летние дни, был запущен процесс, имевший катастрофические последствия и для государства, и для народов все еще могущественного тогда Советского Союза, и для КПСС – образование Компартии РСФСР практически развалило партию как единое целое, развело коммунистов по национальным квартирам.

Именно оттуда берут корни все негативные тенденции, сложившиеся в коммунистическом движении на территории страны после насильственного и преступного разрушения СССР. Не проанализировав их, мы не сможем дать четкий и ясный ответ на вопрос: зачем и для чего на сегодняшнем съезде учреждается Коммунистическая партия Союза Российской Федерации и Республики Беларусь” (Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии Союза, стр. 3). На этом месте можно остановиться и уже сделать определенные выводы.

Но для начала все-таки надо сказать следующее: может быть, неумышленно, нечаянно, однако товарищи из Рабочей группы пусть косвенно, но бросили тень на Движение коммунистической инициативы (ДКИ) и всего того

* Первый секретарь ЦК РКРП

периода борьбы, непосредственными участниками которого довелось быть не только автору этих строк, но и широкому активу РКРП и других организаций. Этот факт сам по себе требует объяснений от нас, как участников создания в 1990 г. Российской коммунистической партии – организации коммунистов РСФСР в составе КПСС (КП РСФСР).

Но важнее другое. Такой упрощенный, формально-организационный подход к рассмотрению сложнейших явлений и внутривнутрипартийных процессов, вопросов партийного строительства характерен для аппаратных работников (типичен для многих из тех, кто занимал руководящие посты в системе КПСС). Он опасен тем, что ведет по пути, на котором лежат те же “грабли”, уводит от сути, от содержания процессов к рассмотрению только внешней формы их проявления. Форма, хоть и очень важна, но, как известно, определяющее значение все-таки имеет содержание. Поэтому мы просто обязаны подробнейшим образом разобрать эту ситуацию, наши разногласия, привести аргументы, тем более что многие из этих аргументов звучали и в 90-м году. Звучали из уст весьма высокопоставленных лиц, в том числе сам Горбачев являлся активным участником этих процессов.

Если тогда это были только аргументы, то по прошествии 10 лет, сегодня, есть и факты. Факты, которые можно сопоставить. Как известно, только практика является критерием истины. Сопоставив факты, соответственно, можно делать выводы, кто был прав в оценках ситуации, в прогнозах развития событий. Это важно потому, что сам этот подход к рассмотрению явлений – формальный, организационно-однобокий – чреват тем, что приводит к ошибкам и сегодня. Тем же самым ошибкам при оценке сегодняшних позиций, при построении сегодняшней практической политики, и зачастую совершаемым теми же людьми.

Прежде чем перейти к теоретическому разбору и аргументам, необходимо в хронологическом порядке напомнить о том, как действительно развивались события, непосредственными участниками которых нам довелось быть. Сегодня кое-кто говорит, что, мол, Российская компартия, или КП РСФСР, как она тогда называлась, “никогда не была оппозиционной Горбачеву”, вопреки тому, как это представляют участники ее создания. Что Горбачев возложил этот проект с самого начала, и КП РСФСР послушно выполняла его волю и даже что идею создания Российской компартии подбросили оттуда, “из-за бугра”. Подбросили специально, чтобы ее появление послужило детонатором развала КПСС и Союза.

Так вот, должен сказать, что эти аргументы я уже слышал. Слышал их 3 апреля 1990 года, на совещании в ЦК КПСС по вопросу подготовки к конференции российских коммунистов. Тогда еще речь шла не об Учредительном съезде, а только о конференции. Совещание вел Горбачев, и эти самые аргументы звучали из его уст. Именно тогда мне первый раз пришлось выступить перед столь высоконачальственной аудиторией и, по поручению Оргкомитета Инициативного съезда, отстаивать позицию: не какая-то новая партия создается, а идет организационное объединение коммунистов России. Подчеркивалось: именно коммунистов, потому что, с нашей точки зрения, уже тогда было ясно: далеко не все члены КПСС – коммунисты. Шла борьба именно за сплочение коммунистических сил России, – а плотность коммунистического начала среди российских коммунистов, как мы считали, была несколько выше, чем в других республиках. Кстати, это потом подтвердила и практика. Вот сплочением этих коммунистических сил, созданием их организационного центра мы рассчитывали оздоровить в целом обстановку в КПСС, развернуть процессы на коммунистические рель-

сы, остановить то, что называлось перестройкой, движением к “социализму с человеческим лицом” и что потом вылилось в реформирование, а затем – в изменение политического строя и экономической системы.

Именно Горбачев в тот момент был категорически против создания организации коммунистов России. Хорошо понимая опасность настоящего коммунистического сопротивления своей подлой задумке, он использовал как раз те аргументы, которые сегодня почему-то повторяют некоторые вполне искренние люди. И именно тогда некоторыми участниками совещания (в основном это были секретари обкомов, в их числе – тов. Купцов) были высказаны тактические предложения – о том, что хорошо бы запретить этот процесс, но раз он уже пошел, коммунисты поддерживают, и его уже не остановить, то остается попытаться его возглавить. Что Горбачев со товарищи и предпринял.

Во многом ему это, надо сказать, удалось. На пост первого секретаря на съезде баллотировался Купцов. В ЦК были введены сегодняшний костяк КПРФ – Зюганов, Белов, Зоркальцев, Чикин *, кстати и О. Шенин, а вместе с ними – известные в будущем реформаторы: Руцкой, Лебедь, Кугультинов, Липицкий и др. ЦКК возглавлял Н. Столяров – апологет Горбачева и будущий активный соратник Бориса Николаевича по защите Белого дома в 91-м году. И, тем не менее, созданная организация российских коммунистов – КП РСФСР, ее ЦК были намного левее горбачевского “большого” ЦК. Это объяснялось, в частности, довольно большой прослойкой представителей ДКИ и ортодоксально настроенных членов ЦК (В. Долгов, А. Золотов, А. Макашов, И. Болтовский, А. Крючков, В. Козленков, В. Тюлькин, И. Осадчий, В. Пожидаев и др.). Неудивительно поэтому, что на них, на Первого секретаря И. Полозкова с момента создания партии обрушился шквальный огонь всех так называемых демократических средств массовой информации – обвинения в тоталитаризме, сталинизме, в догматизме и чуть ли не в фашизме.

Именно потому был открыт этот огонь на подавление, что российский ЦК, по крайней мере, пытался, в основном силами коммунистов Инициативного движения, противостоять линии Горбачева, встать в оппозицию к “большому” ЦК. Мы вполне осознанно и открыто выдвинули тезис: лучше сейчас уйти в оппозицию к власти, но сохранить перед народом лицо Компартии и тем самым не потерять возможности будущей борьбы, чем получить заслуженное презрение за пресмыкательство перед Горбачевым и проведение его политики.

Другие участники сегодняшних политических баталий (в т.ч. В.А. Купцов – зам. Председателя КПРФ, О.С. Шенин – Председатель СКП-КПСС) часто от “большого” ЦК приходили на Пленумы ЦК российского и сдерживали, именно сдерживали, выступления, направленные против генерального курса и лично Михаила Сергеевича, не давали простой критике в выступлениях перерасти в жесткое противостояние и конкретное определение в официальных постановлениях.

Так развивались события, это важно, это надо помнить для объективной оценки ситуации.

Как-то перед Учредительным съездом КПС О. Шенин, отвечая на вопросы, в подтверждение того, что именно создание КП РСФСР послужило причиной развала КПСС, привел такой пример: я помню, как Ислам Каримов, тогда Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, а ныне его президент, после того, как определился вопрос о создании Компартии России, заявил: раз так, мы пошли сами

* главный редактор газеты “Советская Россия”

развивать свои суверенитеты и свои партии делать самостоятельными от КПСС. О. Шенин привел этот аргумент, якобы доказывающий, что действительно так и было – создание Компартии России стало катализатором развала. Позвольте не согласиться, Олег Семенович! Во-первых: Вы приводите аргумент, считая Каримова коммунистом, что ли? Вся последующая действительность доказала как раз обратное. Поэтому рассчитывать на то, что Каримов, оставаясь на посту Первого секретаря ЦК республики, члена Политбюро Горбачева, вел бы какую-то иную политику, кроме горбачевской, по крайней мере, наивно. В лучшем случае это вылилось бы в модель борьбы за единство вокруг Горбачева, за движение к капитализму под красным флагом, за дрейф переродившейся КПСС к пробуржуазной по своей сути, оформленной социал-демократии, что в общем-то и было мечтой Горбачева: подменить программные ценности КПСС вполне социал-демократическими и двигаться к капитализму.

А во-вторых, по хронологии надо отметить, что еще до создания Компартии России (Конференция открылась 19 июня 1990 г.), на Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года состоялось принятие Декларации о суверенитете России, в котором участвовали депутаты – члены КПСС, возглавляемые В.А. Купцовым. И тот же Купцов, который сначала был противником создания Компартии России, на ее Учредительном съезде принятие этой Декларации преподносил как главное достижение депутатов-коммунистов. Уже тогда было ясно, что дело обстоит как раз наоборот. Декларация послужила не просто толчком, отнюдь не первым, а, скажем, поворотным моментом к развалу Союза. Именно опираясь на этот вопиющий факт антинародной политики, представители ДКИ требовали включить в Устав жесткое подчинение деятельности депутатов – членов партии – партийной организации, но процесс был уже на полном ходу.

Кстати, даже если отвлечься от теоретических споров и сложных организационных схем, сама мысль о том, что создание Российской Компартии, т.е. фактически Российского ЦК, развалило КПСС, вызывает недоумение и даже улыбку, когда вспоминаешь состав горбачевского ЦК. Вот они, авангард отечественной демократии, надежда и гордость реформаторов: академики, экономисты-рыночники П. Бунич, О. Лацис, С. Шаталин; будущие президенты и суверены во главе с Горбачевым – М. Шаймиев, Л. Кравчук, И. Каримов, Н. Назарбаев, Муталибов, П. Лучинский, А. Акаев, С. Ниязов и т.п. Наиболее точно качественный состав этого ЦК характеризует такая картинка: в апреле 91-го года (когда уже все всем было ясно) на Пленуме ЦК попробовали в повестку дня поставить вопрос о Генеральном секретаре. Горбачев капризно бросил папку на стол и покинул зал. Объявили перерыв, побежали его уговаривать и, когда он вернулся в президиум, вопрос сняли. За его внесение в повестку дня (только-то) проголосовали всего 3 человека из почти 400 членов Пленума.

И уж совсем умиление испытываешь, когда, читая состав Комиссии XXVIII съезда партии по подготовке новой Программы КПСС, встречаешь знакомые лица:

Горбачев М.С. – Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Комиссии;

Алексеев С.С. – председатель Комитета конституционного надзора СССР;

Биккенин Н.Д. – гл. редактор журнала “Коммунист”;

Лацис О.Р. – зам. гл. редактора журнала “Коммунист”;

Лукьянов А.И. – Председатель Верховного Совета СССР;

Лучинский П.К. – Первый секретарь ЦК КП Молдавии;

Маслюков Ю.Р. – председатель Госплана СССР;

Назарбаев Н.А. – Первый секретарь ЦК КП Казахстана;
Ниязов С.А. – Первый секретарь ЦК КП Туркменистана;
Примаков Е.М. – чл. Президентского совета СССР;
Строев Е.С. – Секретарь ЦК КПСС;
Шаталин С.С. – академик, секретарь отделения экономики АН СССР;
Шеварднадзе Э.А. – министр иностранных дел СССР;
Яковлев А.Н. – чл. Президентского совета СССР.
Достаточно?

И хотя завершить написание Программы и утвердить ее они так и не успели, но, что знаменательно, она фактически выполняется в это десятилетие торжества рыночной контрреволюции. Плоды, как говорится, налицо. И за единство вокруг этого ЦК и этой программы нам предлагали бороться? За недоверие им нас упрекают?

Этот небольшой исторический экскурс в события десятилетней давности необходим для последующего изложения и анализа.

Вернемся к началу доклада Рабочей группы на Учредительном съезде КПС. Да простит нас читатель, но мы повторим уже процитированный выше текст: “10 лет назад, в такие же летние дни, был запущен процесс, имевший катастрофические последствия и для государства, и для народов все еще могущественного тогда Советского Союза, и для КПСС, – образование Компартии РСФСР практически развалило партию как единое целое, разве-ло коммунистов по национальным квартирам”.

Это первый абзац – и в нем, как в капле воды, проявляется вся природа океана непонимания и заблуждений, отрицания диалектики внутренней борьбы, классовый борьбы при социализме, в том числе в самой партии. Это яркий пример схоластического подхода к осмыслению процессов. Только “10 лет назад” – это имеется в виду 1990 год? Позвольте, разве перестройка началась в 90-м году? А что, к этому моменту не шли уже процессы, которые на Инициативных съездах были подробнейшим образом разобраны и охарактеризованы как перерождение, как движение страны по пути капитализации? Не говоря уже о том, что вообще-то в коммунистической науке, нашей и зарубежной, в программах партии влияние тенденций мелкобуржуазности, проявления перерождения определяются как начавшиеся гораздо ранее. Процесс оценивается как непрерывный, как борьба положительных и негативных тенденций. Отмечен активно нарастающий перевес негативных тенденций в Советском Союзе и в КПСС со времен Хрущева. Движение КПСС по пути отхода от тезиса диктатуры пролетариата, принятием теории общенародного государства, перерождением Советов в парламенты, с экономическими реформами, которые подогрели групповые, эгоистические интересы, ориентировали экономику на стоимостные показатели вместо удовлетворения потребностей общества, – вот о чем идет речь! А у товарищей получается, что только какой-то один организационный шаг “запустил процесс” и “...именно оттуда берут корни негативные тенденции, сложившиеся в коммунистическом движении на территории страны после насильственного и преступного разрушения СССР” (второй абзац доклада). Это есть уже не только непонимание процессов, это есть проявление предубежденности исследователя. На том же XXVIII съезде КПСС, на съездах Движения коммунистической инициативы многие коммунисты звонили во все колокола, дали бой так называемым реформаторам и прямо указывали на то, что в партии не просто что-то не ладится, что партия больна, партия на рассматриваемый момент не сможет даже называться коммунистической, если будет прово-

дять такую политику. Именно поэтому на XXVIII съезде КПСС, на Учредительном съезде КП РСФСР подчеркивалось, что цель Инициативного движения – не просто создание организации коммунистов России, а именно организации коммунистов на ленинских основах. Именно на XXVIII съезде партии в известном Заявлении меньшинства (1259 голосов) делегаты ДКИ и части Марксистской платформы предупредили коммунистов всей страны и народ о том, что курс на рынок приведет к краху. Дословно:

“Считаем нужным предупредить всех коммунистов страны: непродуманный переход к рынку как к всеобщей системе, включающей рынок капиталов и рынок рабочей силы, будет означать неизбежное сползание к нарастающей капиталистическим отношениям. А насильственное, вопреки объективным процессам, лечение социализма капитализмом повлечет за собой не повышение производства и уровня жизни, а их неизбежное падение, вызовет широкий социальный протест, приведет к тяжелым страданиям народа.

Есть иные концепции экономической перестройки, притом не одна, не означающие возврата назад ни к буржуазному строю, ни к командно-административной системе. Мы считаем необходимым зафиксировать на съезде это мнение меньшинства его участников, чтобы можно было провести инициативным путем снизу широкое обсуждение в партии альтернативных проектов и быть готовым к возможному в ближайшем будущем коллизиям во избежание полного краха принятого ныне экономического курса.

Резюмируя, хочу отметить – основная мысль заключается в том, что партия не может вести перестройку, приведшую к тяжелому ухудшению жизни народа.

Что касается Коммунистической партии, она эти потрясения просто не выдержит, и отстаивать конечные цели движения будет некому” (Выступление В.А. Тюлькина на XXVIII съезде КПСС 13 июля 1990 г. Стенограмма XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетень № 14, М., 1990).

Вот такой давался прогноз, в том числе относительно судьбы КПСС. Вот как обстояло дело, уважаемые наши оппоненты. Развалило КПСС и Советский Союз не создание организации коммунистов, не организационные моменты, развалило перерождение КПСС и Советской власти, развалил курс на рынок, т.е. на капитализацию страны. В той же Декларации Учредительного съезда о создании Компартии РСФСР наблюдается борьба коммунистической и капиталистической тенденций. Коммунистическая подчеркивала, что “российские коммунисты не претендуют на особую роль в КПСС. Мы создали Компартию РСФСР в составе КПСС...” “Идейно-теоретической базой партии являются выверенные временем идеи Маркса, Энгельса, Ленина...” Горбачевская – вставляла, что решение продиктовано “...необходимостью разработки оптимального пути перехода к регулируемой рыночной экономике”. И далее: “Компартия РСФСР намерена бороться за создание в нашей стране гуманного демократического социализма, правового государства, многоукладной (! – авт.) экономики...” (Стенограмма Учредительного съезда КП РСФСР. Бюллетень № 5, 21 июня 1990 г.).

Как видим, сегодня все эти перестроечные цели успешно претворяются в жизнь, в том числе силами КПРФ. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. И это было ясно уже в 90-м году тем, кто занимается серьезно коммунизмом как наукой. Об этом предупреждали коммунисты и народ. Сегодня мы эти аргументы можем сопоставить, проверить: кто оказался прав, кто не прав.

Очень важно отметить, что, может быть, подспудно,

что ли, товарищи наши оппоненты все-таки понимают зыбкость и недостаточную обоснованность своей позиции. Именно поэтому, давайте заметим, мы практически никогда в их речах, статьях, аргументации не встречаем анализа работы XXVIII съезда КПСС, оценки принятых решений. Не встречаем анализа столкновения мнений на XXVIII съезде, сопоставления прогнозов, которые тогда давались. В их интерпретации, в их понимании есть общее – некая упрощенная модель развития событий. Она характерна для мышления высокоономенклатурных аппаратных работников, для Зюганова и др., того же Егора Кузьмича Лигачева: мол, все было правомерно, перестройку мы правильно начали и вели, но вот на каком-то определенном этапе не удержали вожжи, не те оказались у руля. Вот были бы мы – было бы все в порядке. Но случилась трагедия – не те пролезли к власти, а тем, кому надо было, – не повезло. Все сводится к такому формально-организационному, кадровому вопросу, кадровой интриге. Мне в те годы случалось слышать из уст этих товарищей примерно такие варианты положительного поворота событий: мы обставим Горбачева своими людьми, зажмем в свои клещи и заставим проводить ту политику, которая нам нужна.

Непонимание того, что политика должна опираться на партию, на партию не просто как мощную организацию, а как на передовую часть класса, соответственно, на связь партии со своим классом, со своей социальной базой, – это непонимание привело, как видим, к бесславному концу КПСС горбачевского образца. Егор Кузьмич Лигачев, и не он один, до сих пор чистосердечно считает, что КПСС разрушили всякие платформы. Заметьте, что для таких людей что Демплатформа Яковлева, что Движение коммунистической инициативы – суть одинаково инородные тела в организационно единой машине КПСС.

Думается, что для изучающих теорию и историю движения, особенно для молодых коммунистов, необходимо привести еще дополнительные аргументы и выдержки из материалов XXVIII съезда, которые непосредственно говорят о том, как сталкивались точки зрения и разворачивалась борьба. Посмотрим, по каким вопросам в докладах делегатов XXVIII съезда – сторонников ДКИ подчеркивались разногласия с официальной точкой зрения горбачевского ЦК.

Первое – в докладе Инициативного съезда (выступление В. Тюлькина в изложении):

– Относительно толкования лозунга о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Отсюда вытекало искажение целевой функции перестройки, которая оказалась направлена совсем не на интересы большинства простых трудящихся.

– Подчеркивалось отсутствие, в том числе в документах партии, анализа расслоения общества по имущественному признаку, социального расслоения.

– Указывалось, что на этой базе появляются новые политические силы, в том числе – обратите внимание! – внутри самой КПСС.

– Коммунистов предупреждали: трудовой народ остро чувствует социальную несправедливость, которая открыто творится у него на глазах. Именно поэтому рабочие покидают партию. Приводились примеры: только в 1990 г. на Кировском заводе (Ленинград) парторганизация потеряла 700 человек, в основном рабочих; на ЛМЗ 400 человек выбыли из партии.

И еще очень важный аспект, который тоже характеризует обстановку в партии, освещался в докладе. Это так называемые тезисы плюрализма, в том числе плюрализма внутри партии: “Сложилась такая парадоксальная си-

туация, когда в партии “сосуществовали” коммунисты и антикоммунисты. Во главе Объединенного фронта трудящихся – коммунисты, и во главе Народного фронта – тоже коммунисты. А идеологи партии говорили, что это хорошо, это плюрализм”.

Движение коммунистической инициативы тогда подчеркивало ленинский принцип: нужно бороться за единство коммунистов, а не за единство коммунистов с извратителями коммунизма и марксизма, как это выходит у товарищей в примере с Каримовым. Бороться за пролетарский характер организации, а не держаться просто за организационную оболочку. На высказывание Горбачева о том, что те, кто обещает быстрые и легкие решения вопросов, просто болтуны, в докладе ДКИ отвечалось, что это так, но и партия должна отвечать перед народом за те обещания, которые уже давала, и под руководством Горбачева в том числе. В конечном итоге тот наш доклад заканчивался словами, которые мы сегодня можем повторить: против образования Российской компартии выступают люди двух категорий, по двум причинам: “Первая причина – эти товарищи (сегодня господа – авт.) плохо выговаривают слово “российская”, и вторая – они откровенно не хотят выговаривать слово “коммунистическая”. Вся последующая практика подтвердила верность наших тогдашних оценок.

Второе. На втором этапе Учредительного съезда Компартии РСФСР, в сентябре 90-го года, мы продолжили борьбу, по сути – борьбу с перерождением партии. Это напоминание – в ответ тем, кто говорит, что, мол, Компартия России тогда не стояла в оппозиции к Горбачеву. Подчеркнем некоторые основные политические моменты. Речь шла о работе над проектом Программы партии (КПСС), проектом программы действий для КП РСФСР.

Из доклада ДКИ (выступление профессора ЛГУ М. Попова):

“Представители Инициативного съезда, которые участвовали в работе над проектом Программы, исходили из твердо выраженной воли Учредительного съезда, его первого этапа, что мы должны создавать Коммунистическую партию на ленинских основах. Мы считаем, что это предполагает следующее: первое – прежде всего это должна быть партия рабочего класса, а потому и всех трудящихся; второе – эта партия являет собой соединение научного социализма с рабочим движением; третье – это партия, которая является не партией разговоров, а партией действия. Это партия, которая является партией коммунистической инициативы.

Мы считаем, что эта партия должна быть партией, которая не терпит в своих рядах ликвидаторов, оппортунистов и ревизионистов. Мы считаем, что это партия, которая ведет экономическую, политическую и теоретическую борьбу. Это партия, которая добивается власти трудящихся, а не заботится только о том, как бы передать власть тем партиям, которые представляют буржуазный и мелкобуржуазный класс”.

Как видим, вопросы ставились весьма прямо и понятно. Далее в докладе рассматривался принципиальнейший теоретический вопрос: куда нас ведут сегодня – вперед или назад? Мы не настаивали на возможности движения только вперед – в политике можно иногда и отступать. Но если мы отступаем, то это и надо называть отступлением. Поэтому следует определиться, до какой степени мы можем отступать, указать границу! А ведь в тот момент налицо было движение вспять, поскольку приватизация – это переход к частной собственности. Прогрессом такую метаморфозу никак не назовешь, а руководство партии продолжало изображать это как дви-

жение вперед.

Второй теоретический вопрос: является ли перестройка революцией, как утверждали тогда многие деятели (многие и сегодня еще обретаются на политической сцене и продолжают утверждать то же самое).

Если вспомнить, что такое революция, – теоретически, то это смена общественно-политической, общественно-экономической формации на более прогрессивную, со сменой у власти класса, причем непременно реакционного класса на более прогрессивный. Ставился вопрос: какой же это класс у нас собирается прийти к власти? Кто у нас нацелился скупить фабрики и заводы? Уже тогда Движение коммунистической инициативы предупреждало: к власти идут реакционные силы, криминальный элемент, переродившиеся слои в обществе и элементы в партии. И подчеркивалось, что переход от одной формации к другой в теоретическом плане у нас на пути вперед не просматривается. А на пути назад – уже виден. Получается не революция, а контрреволюция.

В том же докладе сообщалось, что существует концепция настоящего и будущего социализма в СССР, что эта концепция альтернативна горбачевской, в корне противоположна концепции перестройки и рыночной реформе. Более того, было заявлено, что мы предлагаем развернуть и широко осветить в партии эту концепцию, потому что в противном случае нам будет навязана одна концепция: “Вы, коммунисты, привели нас не туда, давайте идите назад с красным знаменем, на котором написано не “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, а “Трудящиеся союзных республик, разъединяйтесь и убивайте друг друга!”.

Вот так предсказывалась судьба Советского Союза при движении по пути рыночного развития, по пути капитализации страны. Потому что ясно: трудящимся делить нечего, и модель федеративного государства была возможна при системе Советской власти, т.е. власти трудящихся – им делить нечего. С приходом к власти собственников-капиталистов идет деление рыночного пространства, деление людей по национальностям для того, чтобы легче было ими управлять, удобнее проводить так называемые реформы. К сожалению, следует прямо признать, что эти рыночные капиталистические реформы были запущены партией, которая называла себя КПСС. Именно XXVIII съезд КПСС взял курс на рынок. Именно апрельский Пленум ЦК 1991 года взял курс на приватизацию. Получилось это потому, что, по сути, к этому времени КПСС коммунистической не была, и неслучайно во главе большинства нынешних “суверенных” государств стоят президентами бывшие первые секретари республиканских компартий. Вот что, уважаемые товарищи из Рабочей группы, развалило Союз и “развело коммунистов по национальным квартирам”, а не создание организации КП РСФСР.

Именно тогда мы подчеркивали, что дело не в названиях, а в том, какую политику проводит партия. Неслучайно в 90-м году Николай Травкин (Демократическая партия России, кто помнит) тогда вполне обоснованно заявлял, что “...теперь наша партия у власти, потому что Ельцин проводит нашу программу”. И это было действительно так, несмотря на то, что КПСС еще существовала и Ельцин формально в ней состоял.

Непонимание сути процессов, непризнание теории привело позже к тому, что ряд руководителей страны и партии из лучших побуждений пытались решить вопрос через образование так называемого ГКЧП. А если хорошо вспомнить, то ГКЧП предлагал то же самое, что и Горбачев, – те же рыночные реформы, продолжение перестройки, тот же “демократический социализм”. Движение

по этому пути, да и состав членов ГКЧП говорят сами за себя. А по сути **ГКЧП надо было устраивать в партии** – за нее следовало бороться. Но что-то не припомнить среди членов Рабочей группы – сегодняшних наших оппонентов, (да и среди ГКЧПстов тех времен) людей, которые бы открыто перед партийными массами выступили против Горбачева и провозглашенного генерального курса, который назывался перестройкой, а вылился в перемену строя.

Соответственно, можно утверждать, что то, чего не поняли товарищи в отношении КПСС, перекочевало и в систему КПРФ, и в Рабочей группе КПС наблюдается. И опять, в сегодняшнем нашем бытии, они пробуют решать основополагающие вопросы чисто организационными методами, вытекающими из оценок доклада Рабочей группы. Процитируем для доказательства третий абзац: “Неблагополучие (в коммунистическом движении – авт.) проявилось почти сразу после трагических событий августа 1991 г. Но если вначале коммунистическую разобщенность, идейную сумятицу и разногласия вполне можно было объяснить шоком и горбачевским наследием, то затем, особенно после того, как коммунисты добились в Конституционном суде отмены на запрет деятельности КПСС и образовалась КПРФ, эти симптомы стали проявляться все более явно”.

Товарищи, с которыми мы полемизируем, неблагополучие в коммунистическом движении заметили только **сразу после августа** 91-го года, а мы говорим, что до 91-го эта трагедия уже во всю разыгралась, и не только в КПСС. Об этом Инициативное движение и говорило, и решительно предупредило на XXVIII съезде, еще до “шока” и отставки Горбачева. И что, эта самая “разногласица” особенно явно проявилась только после того, как коммунисты добились в Конституционном суде отмены на запрет деятельности КПСС и образовали КПРФ? Так и хочется сказать: товарищи, да о чем же мы с вами до сих пор – десять лет! – говорили? В конце концов, чего добивались в Конституционном суде? Внешне это выглядело эффектно – вроде кто-то боролся за КПСС, а по сути дела, целый год сковывали деятельность коммунистов, держали их перед экранами телевизоров – головой вертели: **разрешат или не разрешат** деятельность коммунистов? А режим тем временем укреплялся, слой паразитов рос, партийные организации рассыпались, души людей терялись, а старый аппарат во главе с Купцовым и Рыбкиным отработывал на создание другой, некоммунистической по сути и по названию партии – Социалистической партии трудящихся, то есть социал-демократической мечты Горбачева. В конце концов Конституционный суд России, послушный Ельцину, реализовал, вообще-то, гениальную затею: разрешил то, что и не запрещалось. В тот момент, когда уже действовали другие, не смирившиеся, компартии, когда была РКРП, которая, за год до этого без всякого разрешения созвала съезд и учредила Российскую коммунистическую рабочую партию, Купцову, Рыбкину, Зюганову разрешили сделать то же самое. Они созвали съезд и взяли название КПРФ, то есть тоже изменив название КП РСФСР, по сути дела, образовали еще одну новую, лояльную режиму партию горбачевского типа, со всем тем наследием, о котором мы говорим, вроде бы оппозиционную, но в рамках установленных правил.

И опять же симптомы эти уходят корнями не в 91-й год, как заявила Рабочая группа, проявились не после решений КС России, а коренятся в отказе от содержательных основополагающих вопросов марксизма.

Далее в докладе сказано, что “впервые разногласия дали открыто о себе знать пять лет назад. В июле 1995 г.

на XXX съезде СКП-КПСС...” (абзац четвертый). Речь идет о том, что была выдвинута идея изменить название Союза компартий, убрав из него аббревиатуру КПСС. Действительно, имело место такое событие, действительно, там был дан бой. Это явилось продолжением все того же содержательного спора между коммунистами и ренегатами, который разворачивался в партии уже давно. Однако товарищи видят лишь наиболее заметное внешнее проявление – спор о названии, не замечая и не понимая глубинной причины, разницы подходов и содержания. Такой вывод мы делаем, поскольку они настаивают на том, что практическая линия руководства КПРФ, мол, только тем плоха, что не совпадает с требованиями своих же уставных и программных документов, т.е. предполагается, что Программа КПРФ соответствует коммунистическому названию партии. А мы говорим о том, что сами программные документы КПРФ являются далеко не коммунистическими. Содержание документов КПРФ является фактическим продолжением теоретических установок Горбачева – Яковлева по всем позициям ревизии коммунистической теории: с отказом от диктатуры пролетариата, от классового подхода; с тезисом исчерпанности лимита на революцию; с признанием парламентской системы за народовластие; со ставкой исключительно на парламентские пути борьбы; с признанием необходимости (подчеркнем: необходимости, а не допустимости) многоукладности экономики. Как тут не вспомнить установки XXVIII съезда КПСС? Так что в теоретическом плане Программа КПРФ не является коммунистической. Это подчеркивалось уже неоднократно, и анализ был сделан самими разными отечественными и зарубежными коммунистами, в том числе и внутри КПРФ. К сожалению, товарищи, с которыми мы ведем полемику, до этого понимания пока не дошли.

Нас могут спросить: зачем так подробно опять и опять все это ворошить, уже многим надоело возвращаться назад. Но все дело в том, что те ошибки, которые допускаются в методологии, а значит, в оценке ситуации и выработке пути, – они ведь не только тогда имели значение, они и сегодня сказываются. В том числе сказываются на нашей деятельности в рамках системы СКП-КПСС. Именно из-за преобладающего влияния этого организационного фактора долгое время СКП-КПСС молча наблюдал за деятельностью руководства КПРФ – кто не понимая, что происходит, а кто надеясь, что все само как-нибудь образуется. Как говорил О.С. Шенин в одном из своих интервью: “Я семь лет молчал, никого не трогал, поддерживал любого, кто называл себя оппозиционером”. Это в то время, как, извините, в своей практической политике руководство КПРФ фактически помогало укрепляться режиму. В то время, как люди уходили, организации рушились, нарастал новый слой паразитов. И более того, что молчали, – ведь одобряли, других втягивали в соучастие в этой политике. Сколько критики пришлось выслушать представителям РКРП, когда они в меньшинстве, а то и в одиночестве оставались на форумах СКП-КПСС по тем или иным вопросам. Ведь не в том беда, что не были в одной партии Тюлькин с Зюгановым, Шенин с Андреевой, не потому они не могли договориться между собой, что не в одной организационной оболочке были, а потому, что коренная разность подходов была. Так бывает: идешь, идешь – пока дорога прямая, вроде идем все вместе, все нормально. Вдруг раз – подошли к развилке, где надо выбирать, куда идти – налево или направо. Вот такие развилки были в 93-м году. Расстрел Верховного Совета, выборы, которые устроил Ельцин. Было понятно, что цель этих выборов – только в том, чтобы надеть маску

демократии, смыть следы крови после содеянного. Одна партия понимает, что никак нельзя участвовать, говорит, что надо бойкотировать выборы, а другие пошли на них, помогли Ельцину выиграть перед всем миром демократом: смотрите – в выборах все участвовали, от коммунистов до либералов. Заодно **помогли** обеспечить явку и тем самым протащить ельцинскую конституцию, которую сами же сегодня хаут и клянут. В обмен на эту помощь получили думскую трибуну и право называться главными коммунистами России. Вот в чем суть, а не в том – в одной мы оболочке или не в одной.

Другой, более близкий пример “развилки” – когда упорнейшим образом товарищи пытались, в том числе силой решений Совета СКП-КПСС, заставить РКРП вступить в НПСР, преподнося это как новое слово в теории и тактике коммунистического движения. Чем закончилось все это создание надклассовых деидеологизированных союзов? Тем, что на последних президентских выборах четыре кандидата так называемой народно-патриотической оппозиции – Зюганов, Тулеев, Говорухин, Подберезкин – на смех людям конкурировали друг с другом, все вместе помогая Путину, и ни один из них не проводил политической работы по перевоспитанию масс из просителей в борцов. О том, что практика КПРФ по созданию подобных беспринципных союзов ранее подарила стране министра юстиции Ковалева (депутат фракции КПРФ), спикера Госдумы Рыбкина (член ЦК КПРФ), губернатора Курской области Руцкого и т.д., вряд ли стоит напоминать. Важно другое: эта политика не получала принципиальной оценки СКП-КПСС. Делали вид, что все нормально, сохранив имеющееся якобы единство.

Последний пример – выборы 2000 г. Тов. Шенин говорит: вот мы, наступив на горло собственной песне, заставили собраться вместе всех руководителей компартий России, чтобы поддержать на выборах Зюганова. А мы отвечаем: извините, вот опять проявление коренной разницы в подходах. Единственно верным, с точки зрения коммунистической партии, ходом был бы бойкот этих выборов, специально форсированных и рассчитанных на досрочную рокировку Ельцина на Путина. И участие в этих выборах, кроме помощи режиму, ничего не давало. Можно было с той же энергией организовать силы бойкота, отработать на срыв явки и, соответственно, выборов. Бойкот был реален. Соотношение сил позволяло его реализовать. В любом случае бойкот выборов обеспечил бы коммунистам более выигрышную позицию для последующей борьбы с сегодняшним Путиным, консолидировал бы силы оппозиции при ведущей роли, заметьте, КПРФ. Ан нет! Помогли Путину стать не только всенародно избранным, но и еще одержавшим убедительную победу и накачавшему собственный рейтинг на этом деле, в том числе с помощью системы СКП-КПСС.

Все эти примеры не для того, чтобы кого-то уколоть, а чтобы подчеркнуть, что между линиями КПРФ и РКРП не просто разность, потому что разные мнения, разная тактика вполне допустимы, а разность, которая вытекает из коренного различия позиций. Одна позиция – следования коммунизму, а другая – отхода от него, а то и прямого перерождения. Если говорить открытым текстом, то сегодняшняя концепция КПРФ, еще не полностью, может быть, изложенная на бумаге, не утвержденная решением съезда, – это концепция **стабилизации политического строя** и вращивания в систему, концепция отхода от классовых позиций в сторону так называемых общенациональных и национально-государственных интересов, концепция опоры на госкапитализм и отечественного предпринимателя. Вот что есть сегодняшняя суть, сегодняшнее

содержание политики КПРФ. В системе СКП-КПСС она пока объективной оценки не получила.

С точки зрения того, что все-таки настал момент и многие, в том числе и из Рабочей группы, товарищи, члены КПРФ созревают и выступают с несогласием с политической Зюганова, – в этом, конечно, есть положительный момент. Мы подчеркивали, что приветствуем учредительный Съезд КПС не столько потому, что идет учреждение какой-то новой партии (учреждать-то мы, слава демократии, научились!), а главным образом потому, что многие товарищи наконец-то расстанутся с иллюзиями рыночного социализма Горбачева – Зюганова, что настает поворотный момент для претворения в новое качество накопившегося до сих пор количества. **Процесс пошел**, и мы это приветствуем. В то же время мы подчеркиваем, что главное – надо понимать содержание этого процесса, то, о чем мы говорили выше. Ведь и до сих пор что мешало действовать СКП-КПСС как единой партии? Казалось бы: все партии здесь присутствуют, и Шенин во главе, но не получалось. Не получалось потому, что разные по природе партии. Под давлением организационного фактора, ориентации на большую массу уходило от рассмотрения коренных противоречий, буквально пропуская даже снятие КПРФ со своих знамен и партбилетов лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Никакой реакции.

И дело не в том, что есть Российская компартия, не она причина. Организационные вопросы важны, и даже очень, но они не самодовлеющи. Напомним товарищам, что Коминтерн в своем первом пункте Устава имел запись, что он является **Международным товариществом рабочих**, а не какая-то унитарная партия. А уж работал Коминтерн, как мы знаем, как единая всемирная организация, дай бог нам дорасти до такого уровня. “Щупальца Коминтерна” до сих пор мерещатся мировому империализму в разных точках планеты. И обеспечивалось все это единством содержания и понимания, известными “21 условием” приема в Коммунистический Интернационал.

Все вышесказанное не говорит о том, что мы не хотим и не можем сотрудничать с той же КПРФ по каким-то отдельным конкретным вопросам. Предпринимались попытки. В своем докладе О.С. Шенин приводит пример, что при его участии было заключено соглашение между КПРФ и РКРП, которое осталось только на бумаге. Это действительно так. Потому что соглашение заключалось в 1996 г. по конкретным вопросам:

– поддержка в Госдуме проекта КЗот, разработанного рабочим профсоюзом “Защита”, от чего КПРФ практически отошла в сторону. А сегодня она вольно или невольно помогает режиму внесением еще одного варианта (так называемый “Вариант восьми”, с участием А. Лукьянова) в противовес Рабочему проекту. Этот ход КПРФ помогает протащить положения, которые лежат в русле правительственной политики;

– в том же конкретном соглашении было прописано использование выборной (1996 г.) президентской кампании для пропаганды коммунистической линии, пропаганды развития борьбы. Однако товарищ Зюганов всю кампанию использовал для пропаганды неких государственных идей, далеких от социалистических. И беда не в том, что он дважды проиграл. Беда в том, что он не использовал кампанию для организации людей, для пропаганды будущей борьбы. Его агитация легла в русло будущей политики Путина. А такие расхождения между линиями КПРФ и РКРП организационным объединением не решить.

Сегодня же наши уважаемые оппоненты тоже, к сожалению, пытаются решить вопрос прорыва в коммунистическом движении, его подъема чисто организационны-

ми методами: создадим, мол, Компартию Союза Россия-Белоруссия, и все встанет на свои места. Но позвольте спросить, во-первых: многие из вас – члены КПРФ, а где же борьба за саму КПРФ, борьба внутри КПРФ? Где там борьба с оппортунистической линией руководства КПРФ? Она и раньше не очень-то вами была развернута, сегодня и того хуже. Мы что, пробуем решить эту проблему одним только ходом: предложить членам КПРФ переходить в члены союзной партии – и все? Очевидно, что это слишком упрощенный путь и вряд ли приведет к желаемому результату. По крайней мере, тысячи членов КПРФ он оставляет под влиянием и управлением все тех же горбачевских кадров. Второй вопрос: если, наконец, принципиально разобрались с линией КПРФ, то почему не ставится вопрос о ее членстве в СКП-КПСС? Третий момент, который надо здесь подчеркнуть: что, намерения о создании союза буржуазных государств (или его реформировании) – есть сигнал для каких-то партийных перестроений? Почему мы решили создать компартию Союза России и Белоруссии, а не компартию России-Таджикистана-Приднестровья или компартию всех республик СССР сразу? А что бы мы делали, если бы не было этого союза? Что мы будем делать, если этот союз развалится? Или образуется еще один?

Весьма показательно, что в вопросе партийного строительства союзной партии Рабочая группа столкнулась с трудностями, по форме чисто организационными, а по сути – глубоко содержательными. Речь идет о непонятном вроде бы отказе в последний момент присоединиться к процессу Компартии Белоруссии, хотя вроде бы все было оговорено. Думаем, что с точки зрения содержания, дело объясняется тем, что КПБ строила свою стратегию и тактику с чисто прагматических, и в общем прогрессивных, позиций поддержки президента Лукашенко. Но так и не определила для себя: по каким вопросам и до каких пределов позиции совпадают, а где как бы идут дальше, имеют свою стратегическую линию. Поэтому, когда возникла сложная и весьма деликатная ситуация, затрагивающая политику Лукашенко в вопросе создания Союзного государства, белорусские товарищи вынуждены были считаться с фактором заинтересованности главы республики в контакте с крупной парламентской фракцией – КПРФ. Стратегия же превращения Союза России и Белоруссии в Советский Союз оказалась не только не разработанной, но даже и как цель не провозглашенной.

Кроме этого, организаторам КПС следовало бы прислушаться и к такой мысли. Очень многие их рассуждения построены в расчете на членскую базу КПСС. Вот, мол, многие товарищи сидят, ждут, никуда не идут. Где-то у них партбилеты КПСС лежат. Или сейчас они действуют в системе других компартий, а хотя в КПСС, и прочее. Считаю, что пора уже избавиться от подобных иллюзий, прекратить расчеты на этот фактор. Пора начать понимать, что членская база и социальная опора коммунистической партии, Российской, КПС, КПСС или любой другой, должна находиться прежде всего на фабриках, на заводах, там, где эксплуатируется труд, где есть организованные трудом большие людские массы. Сегодня в основном это те, кто никогда в КПСС не был и все меньше помнит те времена. А в дальнейшем – тем более. Поэтому наша опора и будущее – в выходе на рабочее движение. В достижении того состояния, когда на наших форумах будут рассматриваться вопросы не столько о том, почему Тюлькин не поддержал Зюганова на выборах или о чем не договорились КПРФ и Шенин, сколько о том, какое у нас положение и влияние в рабочем движении. Какие стачки, забастовки, выступления удалось организовать,

какие рабочие организации созданы, каковы забастовочные фонды и кассы взаимопомощи, каково влияние коммунистов в рабочем, в профсоюзном движении, согласованы ли планы выступлений в ближайшем будущем, какова стратегическая линия, какие лозунги выдвигать. Вот тогда коммунистическое движение будет единым по целям и превратится в реальную силу. Именно добиваясь единства рабочего движения, можно говорить о едином понимании задач коммунистами. Единое понимание дает возможность и организационного оформления единой партии. Это понятно и естественно, поскольку не будем забывать: коммунистическое движение родилось из рабочего движения. Научное осознание целей, причин и возможностей классовой борьбы, исторической неизбежности победы пролетарской революции – вот что такое научный коммунизм. Если с таким единым пониманием искать организационную форму в рамках так называемой КПС, то надо об этом и говорить. Этого, к сожалению, не было на форумах СКП-КПСС, не было и на учредительном съезде КПС. И это все те же отголоски непонимания, с которого мы начали рассматривать проблемы коммунистического движения.

Полезно отметить, что определяющую роль в приоритете содержания над формой, значение общего идейного стержня можно проиллюстрировать примерами политической деятельности правых сил в той же Белоруссии. Тамашные жириновцы без всякого оформления единой союзной ЛДП, так же как и “яблочники”, давным-давно, не дожидаясь заключения государственных договоров о союзе, действуют как единое целое с российскими центрами. Действуют весьма активно и согласованно. А объясняется это их единой классовой сущностью, правильным осознанием этого факта.

Примеры успешного использования различных организационных форм работы юридически самостоятельных партий как единого целого можно привести и из практики националистических организаций в странах СНГ, таких, как РНЕ и НБП. Да и левые, как говорится, не льком шиты. Та же РКРП имеет союзников, с которыми по договоренности действует как одна унитарная организация, а также свои имеет структуры и отделения в Эстонии, на Украине, в Казахстане, в Англии и других государствах.

При наличии идейного единства организационные вопросы творчески решаются, в зависимости от конкретной ситуации. В том числе с использованием официально-легитимных форм, с юридической регистрацией или нет, с разной степенью централизации управления и оперативной самостоятельностью входящих структур, да, в конце концов, решается вопрос – афишировать ли сам факт совместной работы вообще?

Наши товарищи из Рабочей группы, а теперь уже из ЦК КПС, фетишизируя значение организационного фактора и исходя из разобранного нами выше ошибочного понимания сути событий 90-х годов, пришли к простому и скорому выводу: в рамках создаваемой единой партии в России своей оргструктуры, в том числе ЦК, быть не должно. При этом товарищи не только отмахнулись от реально существующего в России расклада в комдвижении (наличие, по крайней мере, РКРП и некоторых других организаций), но и начисто проигнорировали современную социально-экономическую и политическую ситуацию. С каким бы презрением мы ни относились к атрибутам государственности антинародного режима, но они существуют и диктуют необходимость действовать с учетом “политического рельефа”, хотя бы для того, чтобы эффективнее использовать все легальные возможности. А если учесть чрезвычайную неравномерность развития социально-

экономических процессов в субъектах СНГ, специфику России как центра, определяющего направленность этих процессов, то становится понятной необходимость наличия крепкой российской структуры, эффективной системы управления с сильным центром. Как объединить в эту структуру имеющиеся коммунистические силы (мы не имеем в виду КПРФ) – это другой вопрос. Мы полагаем, надо использовать более мощную структуру из работающих организаций и наращивать мускулы на имеющийся скелет. РКРП, как располагающая наиболее развитыми структурами и опытом работы, готова выполнять эту формообразующую, организационную функцию. Это, конечно, не легкий путь, но единственно возможный. Надеяться же решить этот вопрос просто призывом всем переходить в новую единую структуру, по крайней мере, весьма наивно. Кроме того, зная внимание спецслужб к процессам объединения, неудивительно, что уже сейчас инициировано несколько объединительных фарсов. Одних КПСС объявлено три-четыре штуки, две ВКПБ, и абсолютно ясно, что этот ряд будут продолжать, доводя до абсурда, дискредитируя саму идею. А уж попытки некоторых лидеров заявить, кто самая настоящая ленинско-сталинская КПСС, а кто стал нелегитимным членом СКП-КПСС или ненастоящим секретарем Совета, так как перешел в другую партию, выглядят прямо как разборки конкурирующих друг с другом финансовых группировок на одном предприятии. Что тоже, несомненно, работает на деформирование общественного сознания и опошление идеи (а стало быть, поощряется, инициируется и управляется со стороны режима).

Особо важный для российских коммунистов вопрос заключается в том, что предлагаемая товарищами из Рабочей группы модель, связанная с самороспуском РКРП, вольно или невольно сводится к тому, что расчищает политическое пространство для Зюганова и компании соглашателей, которые действуют под коммунистическим названием. А это в интересах режима. Это надо видеть и учитывать, решая задачу организационного строительства. К тому же мы прекрасно понимаем, и международная практика и теория подсказывают, что сейчас действия режима, и парламентских партий в том числе, будут нацелены на вытеснение с политической арены третьих (не входящих в двухпартийную систему парламентского маскарада) партий: ортодоксальных, революционных, радикальных. И методы этого вытеснения известны. Они уже были апробированы на выборах в Госдуму, когда через соответствующее изменение Закона о выборах, с помощью денег удалось размыть левый спектр всякими верхушечными организациями и блоками (от Анпилова до Илюхина с Умалатовой). Сегодня, как известно, готовится закон о политических партиях. И наверняка там будут предприняты попытки ужесточения условий для организаций, действительно защищающих интересы трудящихся, через увеличение необходимого для регистрации численного состава и структур, через подконтрольность членской базы с обязательной регистрацией и т.п. Проще говоря – под полицейский надзор будут ставить состав общественных организаций на местах. Результат предсказуем: коммунистом быть небезопасно, а вот в “Единстве” состоять вполне спокойно и комфортно. Ну и конечно, и через различные финансовые рогатки, и не только, будет решаться главный вопрос: что в партийной кассе – она будет проверяться и наполняться в зависимости от того, что в партийной программе. Поэтому мы еще раз говорим, что с нашей точки зрения, содержание вопроса, которому мы посвятили эту статью, диктует необходимость сохра-

нения российской структуры коммунистов. На сегодняшний день так сложилось, что единственной коммунистической партией с более-менее разветвленной структурой является РКРП – и с точки зрения ее программного содержания, и с точки зрения ее уже имеющейся, нарабатанной практики связей с рабочим движением, и с точки зрения адаптации к сегодняшним российским условиям, хотя это далеко еще не то, что нам нужно. Да в конце концов, мы не слышали сомнений в наших программных положениях от наших товарищей, которые предлагают: давайте начнем все сначала, вернемся к очередной перестройке, распустимся и создадим союзную партию. Метод перестроек – это вернейшая дорога к тому, чтобы заставить структуру не работать, а только менять формы организации. Потом будет следующая перестройка, за ней – новая, потом самая-самая главная, и движение так и завязнет в перестроечном болоте.

Поэтому, заканчивая статью и уважительно относясь к нашим оппонентам и имеющимся между нами теоретическим разногласиям, или, надеемся, скорее просто временным разнопониманиям, мы еще раз подчеркиваем, что видим за ними главное, рациональное зерно явления – движение к преодолению и размежеванию с горбачевщиной. Это движение требует ускорения и решительности. В истории пролетарского движения известны сходные периоды. В.И. Ленин в начале века, характеризуя необходимость перехода от периода разброда и шатания к периоду революционного марксизма, писал, что предыдущий период характеризует “..соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием “великих слов” занимались герои этого периода, сколько их опошлением; научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой “свободно” добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг “классовая борьба” не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь “экономическая борьба неразрывно связана с политической”; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то “революционную канцелярщину” и ребяческую игру в “демократические формы” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с.182).

Предрекая неизбежность преодоления этого периода политического крохоборства, Ильич заканчивал книгу “Что делать?” словами:

“Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), – мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что “на смену” арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой “смене” и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать? – дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период”.

Мы, отвечая на вопрос: “Что делать?”, сегодня повторяем: размежеваться и расстаться с продолжением горбачевщины – зюгановщиной.

Мы настаиваем на том, чтобы, готовясь в дальнюю дорогу, – а трогаться с места действительно настала пора, – мы с вами запрягали бы правильно: и телегу и коня поставили на свои места. Тогда поедем. В добрый путь!

О прошлом и будущем социализма Причины появления “теории” государственного капитализма

Д.В. Якушев

Среди существующих в сегодняшней России левых групп активно распространяется “теория” государственного капитализма в СССР. Некоторые представители левого движения считают этот вопрос настолько решенным, что как бы и говорить уже больше не о чем. Это выглядит довольно странно, так как нормальной дискуссии по этому вопросу не было. Сами сторонники данной “теории” свою позицию обычно не аргументируют, а просто декларируют.

Типичным примером такого декларирования является материал Олега Шеина “К программе рабочей партии”, опубликованный в одном из номеров газеты “Рабочее движение” за 1999. Не утруждая себя аргументацией, О.Шеин заявляет: “Бюрократия быстро подчинила себе все управление. Рабочие оставались наемными работниками. Подтвердилось марксистское положение о том, что пока рабочим не принадлежит власть в стране, любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы. Вместо социализма в стране утвердился государственный капитализм”. Утвердился и все тут. Буквально несколькими строчками ниже тов. Шеин пишет: “В конце 80-х годов количество проблем переросло в качество. Новая волна партноменклатуры КПСС, объединившись с теневым бизнесом, захватила экономику в свою частную собственность”. Позвольте, но если, как пишет Шеин, рабочие и ранее были ее, номенклатуры, наемными работниками, то значит она уже владела собственностью. Зачем же ей еще что-то захватывать? Товарищ Шеин явно впадает в противоречие.

Когда я указал на данное противоречие одному “госкаповцу”, он мне ответил, что номенклатура в конце 80-х не захватила собственность, так как владела ею и ранее, а просто юридически оформила свое право на нее. Только стоило ли “огород городить”? Ведь в советской Конституции “руководящая и направляющая” роль КПСС была прописана вполне определенно. Какое потребовалось еще юридическое оформление?

“Теория” госкапитализма в СССР есть попытка наиболее простого объяснения недостатков и противоречий, существовавших в советском обществе. Живучесть этой “теории” в ее простоте. Действительно, на вопрос: “Почему что-то было не так, как должно быть?” – легче всего ответить: “Потому что никакого социализма в СССР не было, а был госкапитализм”. Все – баста. Одной фразой снимаются все вопросы. Просто и удобно. Нарисовали простенькую картинку, где государство – совокупный капиталист, которому работники продают свою рабочую силу, и вся работа по анализу и объяснению советского периода сделана. Дальше можно ходить с видом великих теоретиков и высокомерно поглядывать на “дурачков”, пытающихся серьезно изучать советское общество.

Сторонники “теории” госкапитализма представляют социализм неким идеальным обществом, этаким царством божьим на земле, где текут молочные реки, а колбаса сама заскакивает в рот. А если молочные реки не

текут, а колбасы во многих местах нет вообще и за ней приходится путешествовать в столицу, то это социализмом никак быть не может. А раз не социализм, то что? Под капитализм советское общество подвести тяжело, слишком уж оно отличается от обычных капиталистических стран. И вот в наиболее “продвинутых” головах рождается “теория” государственного капитализма, которая утверждает, что это, по существу, новая, ранее не виданная общественно-экономическая формация. Что это за новая формация, поговорим чуть ниже. Здесь же для некоторых любителей государственного капитализма и колбасы заметим, что при капитализме, в том числе и госмонополистическом, платежеспособный спрос на колбасу был бы удовлетворен непременно. “Невидимая рука рынка” доставила бы страждущим владельцам хрустящих бумажек так необходимую им колбасу, где бы они ни находились. Были бы деньги.

Отвергая “теорию” государственного капитализма, необходимо прежде ответить на вопрос, какое общество мы имели в СССР? На наш взгляд, Советский Союз двигался по пути укрепления основ социализма и достаточно далеко продвинулся по пути социалистического строительства. Здание так и не достроили, но по тому, что было сделано, можно судить о том, каково оно – общество будущего, какие трудности ждут тех, кто будет его создавать, какие в нем заложены противоречия.

Конечно, полное уничтожение классов, отмирание государства, уничтожение товарно-денежных отношений невозможно в одной стране. В этом смысле социализм может реализоваться только как мировая система.

От завоевания пролетариатом политической власти до построения социализма лежит определенная дистанция. Невозможно точно указать дату, когда конкретно наступает социализм. Но известно, что на пути к социализму необходимо уничтожить частную собственность, организовать плановое производство и потребление в масштабах всего общества. В СССР эти задачи в значительной степени были выполнены. Уже на этом основании можно говорить о социализме в СССР. “Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово “коммунизм” и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.33, с.98). Для переходного общества должно быть характерно подвижное отношение между товарностью и нетоварностью. Объяснить это общество с позиций политической экономии капитализма уже невозможно, но и до социализма, как он в идеале мыслится марксизмом, еще далеко. Наша задача попытаться рассмотреть советское общество в его движении от капитализма к коммунизму. Как менялись направления этого движения, какими законами и механизмами приводились в действие производительные силы.

Можно назвать советское общество переходным, можно – социалистическим. Из-за этого не стоит ломать копья. Но что совершенно не приемлемо, так это приклеивание к СССР ярлыка государственного капитализма.

Что такое государственный капитализм?

В 1918 году в работе “О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности” Ленин В.И. писал: “Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем “последнее слово” современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерски-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм”. (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с.300). То есть госкапитализм есть капитализм на высшей стадии своего развития, когда государство сливается с монополиями, когда в экономике доминируют крупнейшие транснациональные корпорации, подрывающие конкуренцию и подчиняющие себе все сферы жизнедеятельности человека и общества. Само государство становится крупнейшим капиталистом. При таком уровне развития капитализма “социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.34, с.192). В этом смысле сегодняшняя Россия есть вполне государственно-капиталистическое образование.

Причем никакой государственный капитализм не в силах устранить частную собственность, а значит, обособленность отдельных производителей, товарное производство, конкуренцию, анархию, кризисы, безработицу и все остальные прелести капитализма. “Это – монополия капиталистическая, т.е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке товарного производства, конкуренции, в постоянном и безвыходном противоречии с этой общей обстановкой.” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.27, с. 396-397) Если в СССР был госкапитализм, мы должны были наслаждаться всеми выше перечисленными прелестями, присущими любому буржуазному обществу на любой стадии его развития.

Вместо этого СССР уничтожил безработицу, создал лучшие в мире системы медицинского обслуживания и образования, охватывающие все общество и т.д. Ни один госкапитализм не добился таких результатов. Объяснить это только централизацией, как пытается сделать товарищ Шеин, невозможно. История знает много примеров концентрации, централизации, вмешательства государства в экономическую жизнь, но нигде ничего подобного достичь не удавалось.

Согласиться с тем, что в СССР был госкапитализм – это значит согласиться с возможностью капитализма без конкуренции, безработицы, голода, нищеты. А это, в свою очередь, означает уйти с коммунистических позиций на позиции идеалистические, позиции буржуазного реформизма. Как ни крути – именно так и получается. Теперь не удивительно, откуда у Шеина в его программе выскакивает сохранение “мелкой частной торговли на неопределенный срок”. И это при нынешнем уровне развития производительных сил! Отсюда уже один шаг до “многообразия форм собственности” при социализме, этой любимой формулировкой зюгановцев.

Что же понимают под государственным капитализмом современные сторонники этой “теории”? В работе “Преданная революция” Л. Троцкий писал: “Загадку советского режима пытались перекрыть именем государственного капитализма. Этот термин представляет то удобство, что никто точно не знает, что собственно, он означает”. Невольно согласишься с Троцким, слушая сбивчивые, по-

верхностные и противоречивые рассуждения наших госкаповцев. Они-то уж, точно, сами до конца не понимают, что вкладывают в это определение.

Вот, к примеру, видный член ОФТ, кандидат экономических наук С. Губанов пишет: “Госкапитализм тем и отличается от любой другой стадии капитализма, что практически, своей экономической системой отрицает прибыль. Госкапитализм – это капитализм без прибыли, но с прибавочной стоимостью. Вот она диалектика, живая диалектика реального капитализма. Где же существует такой капитализм? Ныне – нигде, ни в одной из стран мира. А вот СССР периода 30-50-х годов был очень близок к нему” (“Что делать?” № 14(37)). Любой школьник, добросовестно прочитавший учебник обществоведения, от души посмеялся бы над “ученым” Губановым и его изобретением – “капитализмом без прибыли, но с прибавочной стоимостью”. Так как школьник знает, что прибыль невозможно оторвать от прибавочной стоимости. “Непосредственной целью капиталистического производства, – писал Маркс, – является производство не товаров, а прибавочной стоимости или прибыли в ее развитой форме.” Если возможен “капитализм без прибыли”, то что такое социализм?

Обосновывая теорию государственного капитализма в СССР можно сделать массу интереснейших открытий. Так, С. Губанов вывел, что “класс капиталистов и рабочий класс – это признак всей капиталистической формации, а не отдельных ее стадий, он непригоден для идентификации госкапитализма” (Там же). По Губанову, разделение на классы присуще всей капиталистической формации, но не отдельным ее стадиям. “Ученый” Губанов даже не стесняется противоречить самому себе в одном предложении. И потом, оказывается, возможен капитализм без классов. Да за такое открытие Губанову давно пора памятник ставить. Где-нибудь рядом с Марксом, а лучше – вместо Маркса.

Далее еще один интересный теоретический вывод С. Губанова: “Не от всякого капитализма возможен переход к социализму, а только от высшего капитализма, именно – от госкапитализма”. Но, по тому же Губанову, госкапитализма нет “ныне – нигде, ни в одной из стран мира”. Что же нам теперь делать? Вероятно мы должны выписаться из коммунистов и записаться в госкапиталисты для подготовки госкапиталистической революции. По другому ведь к социализму не пройти!

Каждый, кто все еще считает себя сторонником “теории” государственного капитализма в СССР, должен обязательно прочитать статью Губанова. Надо же изучить свои собственные взгляды.

Губанов, наверное, единственный, кто попытался не только декларировать, но и аргументировать “теорию” госкапа. Получилась, как и следовало ожидать, большая глупость. А ничего другого и не могло получиться.

Госкапитализм в том виде, как его рисуют Губанов, Шеин и их сторонники, есть утопия. Такого общества просто не может быть. Если бы капитализм мог развиваться до единой монополии, то этим он бы уничтожил сам себя, так как в этом случае товарное производство оказалось бы невозможным. Существующие сегодня производительные силы переросли капиталистические общественные отношения. Эти отношения являются тормозом на пути развития производительных сил. Отсюда появляются кризисы. Шеин же с Губановым представляют капитализм неким резиновым обществом, которое можно растягивать до бесконечности, до единой, все охватывающей монополии.

Чтобы убедиться, что Шеин недалеко ушел от Губанова, достаточно открыть изданный им “Дискуссионный листок” № 1, где можно прочесть следующее: “Государствен-

ный капитализм есть строй, основанный на индустриальном огосударствлении производства при сосредоточении власти в руках слоя профессиональных “управляющих”, бюрократов. Госкапитализм может быть как этапом развития частного капитализма, задача которого состоит в преодолении кризиса (реформы Рузвельта, Гитлера, Франко), так и высшей стадией капиталистического развития.

Государственный капитализм в СССР стал именно высшей, монополистической, стадией развития частного капитализма. Поэтому переход от него к приватизированной экономике повлек не рост производства, а его деградацию и развал”.

Практически Шеин здесь повторяет “открытие” Губанова о “высшей стадии капитализма”, которой нет “ныне – нигде, ни в одной из стран мира”. Дальше осторожный Шеин не идет, дабы не наговорить совсем откровенных глупостей. Действительно, достаточно одного Губанова.

Впрочем, и сказанного Шеиным достаточно, чтобы высветить всю несостоятельность “теории” государственного капитализма. Так, хотелось бы спросить у Шеина, что означает переход от “высшей монополистической стадии развития частного капитализма” к “приватизированной экономике”? Что это за внутриформационные революции? Поясните, пожалуйста, товарищ Шеин!

Конечно, в капиталистических странах периодически происходит то национализация, то приватизация целых отраслей. Но это никогда не приводит к откату с “высшей монополистической стадии развития частного капитализма” к некой “приватизированной экономике”. К примеру, кому бы ни принадлежали в современной Европе (государству или частным лицам) железные дороги, шахты и т.д., экономика этих стран остается монополизированной. Капитализм, дойдя до монополистической стадии своего развития, вообще не может вернуться к уровню капитализма середины прошлого века, т. е. к домонополистическому капитализму. Отсюда можно двигаться только вперед, только к социализму. У Шеина же получается, что от монополистического капитализма можно вернуться к домонополистическому.

Кроме того, совершенно неправильно ставить знак равенства, как это пытается сделать Шеин, между Америкой Рузвельта, Испанией Франко, Германией Гитлера – и СССР. Там имели место сильные буржуазные государства, стоящие на страже интересов крупного капитала, в СССР же капиталисты с их капиталами были изведены, здесь было совсем другое общество. И потом, ставить знак равенства между СССР и фашистской Германией... За что же тогда воевали? Если экономика СССР тождественна экономике фашистской Германии, то значит, Советский Союз был крупным империалистическим хищником, значит, он со своей стороны вел также империалистическую захватническую войну, значит, Сталин равняется Гитлеру, значит, советским рабочим надо было не гибнуть в кровавой бойне, развязанной в том числе и “советским империализмом”, а желать поражения своему “империализму” и переводить войну в гражданскую, значит, бандеровцы и “лесные братья”, которые убивали советских военнослужащих, а иногда постреливали в гитлеровцев – истинные герои войны? Все это логически вытекает из “теории” государственного капитализма.

Я долго пытался найти четкое и последовательное объяснение “теории” госкапитализма, но так и не нашел. Наверное, очень трудно обосновывать то, чего не может быть. В итоге я пришел к выводу, что никакой “теории” госкапитализма просто не существует. Есть лишь сбивчивый лепет заблудившихся в двух соснах, но крайне амбициозных товарищей.

О диктатуре пролетариата

Обосновать “теорию” госкапитализма попробовал только один Губанов. Остальные поступают проще. Они, ссылаясь на несколько цитат из Маркса, пытаются доказать, что в СССР не было социализма, а далее делают вывод: раз не было социализма – значит, был госкапитализм.

Пример подобного подхода – недавно появившаяся статья Фомина “Марксистская анатомия Октября и современность”. По признанию самого автора, статья является итогом развития “госкаповской” мысли за последние несколько лет. В этом фундаментальном труде можно найти некоторые общие для всех “госкаповцев” положения, в частности, утверждение, что у рабочих не было власти, а поэтому никакого движения к социализму быть не могло. Вот как это выглядит в статье Фомина: “Таким образом, к началу 1919 года диктатура пролетариата в Советской России – даже в ее неразвитом, “демократическом”, виде – потерпела поражение; фабзавкомы и комбеды были упразднены, социалистическая перспектива Октябрьской революции была окончательно утрачена.... Реальная власть была уже не у депутатов рабоче-крестьянских Советов, а у исполкомов и комитетов РКП(б)”. Здесь мы упираемся в вопрос, каков механизм диктатуры пролетариата, может ли эта диктатура проводиться через партию пролетариата? Позиция “госкаповцев” понятна. Они считают, что диктатура пролетариата может осуществляться только фабзавкомы или Советами. В этом случае, правда, не понятно, зачем вообще пролетариату нужна партия.

На 2-м конгрессе Коминтерна Ленин по этому поводу говорил следующее: “Мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства. И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрепятственной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой”.

Громя так называемую “рабочую оппозицию” на 10-м съезде РКП(б), Ленин подчеркивал: “Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию”. Саму “рабочую оппозицию” Ленин характеризовал как “мелкобуржуазную, анархическую стихию”. Ленин прекрасно понимал, что любая попытка осуществлять диктатуру пролетариата в обход партии, объединяющей наиболее сознательные силы класса, неминуемо приведет к гибели революции и возвращению к власти буржуазии.

В работе “К вопросам ленинизма” Сталин писал: “Высшим выражением руководящей роли партии, напр., у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В этом смысле можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, по существу, “диктатура” его авангарда, “диктатура” его партии, как основной руководящей силы пролетариата”.

Наличие или отсутствие диктатуры пролетариата определяется не полномочиями Советов, профсоюзов или дру-

гих подобных организаций, а тем, в интересах какого класса проводятся преобразования, какой класс подавляется.

“Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 199) Против какого класса направлен удар – этим фактором определяется наличие или отсутствие диктатуры пролетариата, а вовсе не полномочиями стачкомов, профсоюзов, Советов.

Делать вывод, что диктатуры пролетариата нет, на основании перехода власти от Советов к партии и не смотреть при этом, в чьих интересах партия эту власть употребляла, просто глупо. Как бы там ни было, но КПСС выполняла основные функции диктатуры пролетариата вплоть до конца 80-х годов. К таким функциям прежде всего относятся: запрет на частную собственность и организация планового производства и потребления в масштабах всего общества. Последнее не отрицает того факта, что партия гнила и гнила сильно. Но сам процесс разложения, который начался давно, требовал времени. Партии не перерождаются в один день. Перерождение пролетарской партии – это целый исторический период, в течение которого постепенно, одна за другой, рвутся связи, соединяющие партию с классом. В этот период партия в основном еще защищает интересы своего класса, но в каких-то проявлениях уже может выступать и как его противник.

Раз в СССР не было социализма, значит, не было и социалистической революции. Об этом прямо заявляет в своей статье Фомин: “Великий Октябрь явился на самом деле не социалистической революцией, как предполагали большевики, а лишь вторым этапом буржуазно-демократической революции в России, одной из основных целей которой было решение земельного вопроса в пользу крестьянства”. Надо же! Глупенький наивный Ленин был уверен, что большевики совершили социалистическую революцию. Жаль, рядом не оказалась Фомина – он бы его просветил.

В результате “буржуазно-демократической” революции к концу 30-х годов была полностью ликвидирована частная промышленность и проведена коллективизация села. В Отчетном докладе XVIII съезду Сталин говорил: “В колхозах объединено теперь 18 млн. 800 тыс. крестьянских дворов, т. е. 93,5 процента всех крестьянских дворов”. Где, когда, какая буржуазно-демократическая революция приводила к таким результатам? Ничего себе решение земельного вопроса в пользу крестьянства (имеется в виду крестьянство как класс мелких капиталистов). Не даром до сих пор разнообразные кулаки ноют: “Сначала дали землю, а потом забрали”. Хороша буржуазно-демократическая революция, в результате которой была экспроприрована сначала крупная, а потом и мелкая буржуазия (прежде всего крестьянство)! Как могла буржуазно-демократическая революция допустить такую экспроприацию? Не есть ли такая экспроприация функция диктатуры пролетариата и прямое следствие именно социалистической революции? Большевики послали в деревню для проведения коллективизации несколько десятков тысяч подготовленных рабочих – что это, если не диктатура пролетариата?

Ленин считал Октябрьскую революцию социалистической потому, что политическая власть находилась в руках пролетариата или партии пролетариата, что есть одно и то же, так как партия объединяет лучших представителей пролетариата, наиболее полно осознающих объективные интересы своего класса. Именно это обстоятельство позволило перейти от буржуазно-демократи-

ческих преобразований к социалистическим.

Что касается крестьянского вопроса, то большевики, действительно, сначала довели до конца буржуазно-демократическую революцию. Но большевики всегда заявляли, что не согласны с равным землепользованием, с разделом земли между крестьянами. Создание коллективных хозяйств всегда было в программе большевиков. “Проводя закон о социализации земли, – закон, “душой” которого является лозунг уравнительного землепользования, – большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны... Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 321). Начавшаяся впоследствии коллективизация и была переходом от буржуазно-демократической революции к социалистической на селе. Этот переход был бы невозможен без Октября. Именно поэтому Октябрьскую революцию называют социалистической.

Этапы развития СССР

Советское общество в разные времена было разным. Оценивая процессы, происходившие в советской экономике, можно выделить три этапа ее развития. Первый – до 39-го года, второй – с 39-го по 65-й год и третий – с 65-го по 89-й. Причем, говоря об этих этапах, надо понимать, что обозначенные временные границы достаточно условны. Они лишь приблизительно выделяют различные тенденции, действовавшие в советской экономике. Рассмотрим каждый этап в отдельности.

Первый этап – до 39-го года. Предпринятая после Октябрьской революции кавалерийская атака на капитализм захлебнулась, так как производительные силы в России еще не доросли до социалистических отношений. Организовать плановое нетоварное хозяйство в стране, где основными производителями являлись миллионы крестьянских дворов, оказалось невозможно. В результате в 1921 году пришлось вводить нэп, что явилось, говоря словами Ленина, “восстановлением капитализма в значительной мере”.

В этот период и государственные промышленные предприятия работали на коммерческой основе. В апреле 1923 года был издан декрет ВЦИК и СНК “О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)”. В нем было указано, что тресты организованы с целью получения наибольшей прибыли и государственная казна за их долги не отвечает. Предприятия получали широкую хозяйственную автономию: они имели право сами устанавливать цену на свою продукцию и свободно выступать на рынке в качестве самостоятельных меновых хозяйств. Если бы на этом и остановились, тогда действительно о социалистической революции не могло бы быть и речи.

Отступление закончилось в 1929 году. Тогда же было объявлено “наступление социализма по всему фронту”. Вот как вспоминает этот момент тогдашний председатель Госплана Г. М. Кржижановский. В письме к жене он пишет: “А время-то какое переживаем великое... Проснулась мощь низов! Решающая историческая сила – налицо! Не может мое перо изобразить ту волнующую радость, которая меня охватывает, когда я это вижу. Становлюсь тогда действительно поэтом. И слушатели это почувствовали... Ощущение такое, что после вынужденной отсидки в нэповском окопе партия вновь подняла всех в долгожданный бой, в наступление на врага” (“Общество и власть. 1930-е годы” стр. 74).

В том же 1929 году было принято постановление ЦК ВКП(б) "О реорганизации управления промышленностью", в соответствии с которым основным показателем работы предприятий устанавливалась разница между заданной и фактической себестоимостью при обязательном соблюдении требований, предъявляемых к качеству продукции. В результате этих преобразований прибыль потеряла оценочную и стимулирующую функцию и сохранила только учетную. Такое положение сохранялось до реформы 1965 года.

Второй этап – с 1939-го по 1965-й год. В результате "наступления социализма по всему фронту" к 1939 году в советской экономике сложилась принципиально другая ситуация по сравнению с 1921 годом, когда вынуждены были ввести нэп. Прошла коллективизация и индустриализация. Кулак перестал существовать как класс, на смену мелкому крестьянскому хозяйству пришли колхозы, появилась крупная промышленность. Частное производство полностью исчезло. Государственные предприятия, а также колхозы действовали по единому государственному плану. Велась сознательная политика на замену товарно-денежных отношений плановыми. Можно с уверенностью сказать, что где-то на этом этапе практически перестал работать закон стоимости. От товарно-денежных отношений остался лишь их внешний облик (подробнее об этом речь пойдет ниже).

"Есть два типа производства: капиталистический тип, в том числе и госкапиталистический, где есть два класса, где производство работает на прибыль для капиталиста, и есть другой, социалистический тип производства, где эксплуатации нет, где средства производства принадлежат рабочему классу и где предприятия работают не на прибыль для чужого класса, а на расширение промышленности для рабочих в целом" (И. Сталин. Соч., т. 7, с. 305). Работа "не на прибыль", "а на расширение промышленности для рабочих в целом" стала реальностью этого времени.

Именно на этом этапе осуществлялось наиболее последовательное движение к социализму, которое было прервано реформой 65-го года.

Третий этап – с 1965-го по 1989-й год. Экономическая реформа 1965-го года дала приоритет стоимостным показателям над натуральными и усилила роль прибыли. Реформа прибавила к учетной функции прибыли еще и оценочную и стимулирующую. В результате у предприятий возник свой собственный интерес, не всегда согласующийся с интересами общества. Сплошь и рядом возникла ситуация, когда с позиций государственного плана надо делать одно, а хозяйственных интересов предприятий – другое. Экономические рычаги срабатывали против плановых заданий.

После реформы 1965 года закон стоимости начал устойчиво пробивать себе дорогу. Нельзя сказать, что реформа 1965-го года реставрировала капитализм, но движение пошло именно в этом направлении. Оставался еще план, выраженный в натуральных показателях, монополия внешней торговли, отсутствовало свободное ценообразование, но все это уже потихоньку размывалось. Так, в 70-х годах Госкомцен отклонял как необоснованные 30% заявок предприятий на повышение цен на их продукцию. Начинала раскручиваться погоня за прибылью. Окончательно рыночная стихия была освобождена перестройкой.

В 1989-м году был принят закон "О предприятии", превративший предприятие в обособленного производителя. Затем последовало освобождение цен, приватизация. Появилась частная собственность, а вместе с ней хозяева и наемные работники. Реставрация капитализма завершилась.

Существовали ли в СССР товарно-денежные отношения?

"Госкаповцы" утверждают, что в СССР существовали товарно-денежные отношения, рабочая сила была товаром и т.д. Обратимся все к той же статье Фомина "Марксистская анатомия Октября и современность", в которой, по заявлению автора, сконцентрирована вся госкаповская мысль. Фомин пишет: "Характер труда рабочих оставался наемным.... Сохранялся товарообмен между государственным и колхозно-кооперативным секторами производства, розничная торговля и прочие атрибуты товарно-денежного хозяйства".

Вопрос о том, каков характер (товарный или нетоварный) народного хозяйства СССР, не нов. Он активно дискутировался советскими экономистами на всем протяжении существования СССР. С конца 50-х годов эта дискуссия стала особенно острой. Экономисты разделились на две группы: "товарников" и "антитоварников". Первые утверждали, что советская экономика носит товарный характер и все беды в ней из-за того, что использованию товарно-денежных отношений не уделяется должного внимания. Они предлагали существенно увеличить роль товарно-денежных отношений. Считалось, что это резко усилит заинтересованность предприятий в результатах своего труда.

"Антитоварники", наоборот, считали, что увеличение роли товарно-денежных отношений недопустимо, так как приведет к появлению эгоизма отдельных предприятий, что будет подрывать плановую экономику. Некоторые "антитоварники" считали, что советское народное хозяйство уже переросло товарно-денежные отношения, что реально они уже не работают и от них осталась лишь внешняя форма. "Антитоварники" предупреждали, что попытка воскресить товарно-денежные отношения приведет к серьезным перекосам в народном хозяйстве и, в конечном итоге, к реставрации капитализма в СССР.

Тогда победили "товарники", следствием чего явилась реформа 65-го года. В результате этой реформы мы получили экономику абсурда, которую наблюдали последние 20 лет существования СССР. Реформа оказалась половинчатой, недостаточной, чтобы запустить механизмы рынка, но она серьезно подорвала плановую экономику. Рыночную реформу довели до конца уже в годы перестройки. Как и предсказывали "антитоварники", рыночный социализм обернулся "обычным" капитализмом.

Известно, что Ленин любил сравнивать социализм с одной большой фабрикой. Был ли СССР такой фабрикой? В 39-м году Сталин заявил о полной ликвидации частной промышленности. К этому же времени колхозы охватили 93,5 процента крестьянских дворов. Все это хозяйство функционировало по единому плану. Колхозам, как и государственным предприятиям, также спускался план и по количеству, и по основной номенклатуре продукции. Большая часть продукции колхозов сдавалась государству. Технику, удобрения и другие необходимые изделия промышленности колхозы получали также согласно централизованному плану. Причем "платежеспособность" колхоза не влияла на поставки необходимой ему продукции промышленности. Уже к концу 30-х годов говорить о "товарообмене между государственным и колхозно-кооперативным секторами производства" в чистом виде не приходится. Колхоз в плановом порядке сдавал продукцию, и в таком же плановом порядке получал технику, удобрения и т.д.

В своем главном произведении "Капитал" Маркс писал, что "предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых

друг от друга частных работ”. К концу 30-х годов в СССР не было никаких частных работ и никаких полностью обособленных производителей. СССР действительно стал единой фабрикой. А если так, то не могло быть ни рынка, ни товарно-денежных отношений.

Вот интересное свидетельство известного советского экономиста И. С. Малышева, бывшего в 50-х – начале 60-х годов заместителем председателя ЦСУ СССР: “Попробуем теперь представить себе в самых общих чертах картину процесса воспроизводства в народном хозяйстве СССР.

На любой предстоящий год в государственном плане определяется общий объем материальной продукции, производимой во всех отраслях народного хозяйства СССР. При этом продукция, производимая предприятиями промысловой кооперации, включается в этот план наравне с продукцией государственных всенародных предприятий. Продукция колхозов включается в общий народнохозяйственный план по планам самих колхозов, разрабатываемых на основе государственных заданий по производству продукции для государства. Колхозные планы рассматриваются местными органами государства (райисполкомами), которые должны проверить, обеспечивают ли они выполнение задания по продаже продукции государству.

В соответствии с планом производства осуществляется распределение общественных ресурсов труда и средств производства по отраслям хозяйства таким образом, чтобы это распределение обеспечивало выполнение производственного плана.

Вся произведенная продукция государственных предприятий является собственностью общества, независимо от того, состоит ли она из средств производства или предметов потребления.

Из всей произведенной продукции (совокупный общественный продукт) надлежащая часть обращается на возмещение израсходованных средств производства. Размер этой части определяется вещественными условиями производства и заранее учитывается в народнохозяйственном плане.

Остающаяся часть продукции (национальный доход в его вещественном содержании) распределяется по плану на расширение общественного производства, на удовлетворение общественных нужд и наличное потребление работников социалистического общества.” (И. С. Малышев. Общественный учет труда и цена при социализме, 1960).

Приведенный пример хорошо показывает, как реально функционировала советская экономика. Не было не только торговли между отдельными предприятиями, но и между государством и колхозами. Колхозы по существу превращались в часть единого народно-хозяйственного комплекса. Государство ничего им не продавало, а распределяло в соответствии с общим планом. Существовали трижды “убыточные” колхозы, но они также получали все необходимые им изделия государственной промышленности. “Убыточность” их была условной и вызывалась, как правило, тем, что колхоз по государственному плану выращивал не самую “выгодную” культуру.

Сопоставим цитату из Малышева с тем, как видели новый общественный строй классики. В работе “Принципы коммунизма” Ф. Энгельс пишет: “Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по обществу плану и при участии всех членов общества. Таким образом этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию.”

В СССР указанные Энгельсом мероприятия были выполнены. Во власти “отдельных индивидуумов” оставались лишь приусадебные участки. Поэтому некоторое подобие товарно-денежных отношений можно было видеть лишь на колхозном рынке. Но этот сектор производства занимал столь незначительное место, что его смело можно выносить за скобки.

Энгельс писал, что стоимостью может быть только продукт, “произведенный частным лицом за частный счет”. В СССР не было никакого частного производства за частный счет. Советское народное хозяйство работало по единому плану. Планы формировались в натуральных показателях, исходя из потребностей общества и существующих производственных мощностей. Целью было удовлетворение потребностей. Грубо говоря, рассчитывалось, сколько нужно произвести ботинок, чтобы никто не ходил босиком. Причем планом предусматривалось и так называемое ведомственное строительство. Все эти многочисленные заводские жилые дома, дома отдыха, клубы, санатории, пионерские лагеря возводились тоже согласно единому государственному плану.

Скажут, пожалуй, что и при капитализме, особенно современном монополистическом, существует планирование. Но при капитализме планирование, как правило, не выходит за пределы корпорации. А если и выходит, то целью такого планирования является приведение производства в соответствие с предполагаемым платежеспособным спросом. Это есть планирование, направленное не на удовлетворение потребностей общества, а на извлечение прибыли. Такое планирование является попыткой страховки от неминуемых кризисов.

При капитализме произведенный продукт есть частная собственность товаропроизводителя. В СССР ни одно предприятие не владело своей продукцией, оно не решало, сколько ему производить, кому и как продавать. Весь продукт распределялся по государственному плану и практически являлся непосредственно общественным. Государство, даже если бы захотело, не могло ничего продать внутри страны, так как продавать здесь было никому. Все принадлежало государству, все граждане являлись работниками государства (Поэтому слово “государство” в данном случае вполне можно заменить словом “общество”).

“Во-первых, средства производства “продаются” не всякому покупателю, они не “продаются” даже колхозам, они только распределяются государством среди своих предприятий. Во-вторых, владелец средств производства – государство при передаче их тому или иному предприятию ни в какой мере не теряет права собственности на средства производства, а наоборот, полностью сохраняет его. В-третьих, директора предприятий, получившие от государства средства производства, не только не становятся их собственниками, а наоборот, утверждаются, как уполномоченные советского государства по использованию средств производства, согласно планов, преподанных государством” (И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, М.1952).

Конечно то, что все средства производства находятся в собственности государства, само по себе еще не устраняет товарно-денежных отношений. Но в таком обществе государственные предприятия должны оставаться самостоятельными экономическими субъектами, работающими на извлечение прибыли. А значит, обязательно должна существовать безработица, так как государству нет смысла поддерживать убыточные предприятия. Примером такой экономики может служить бывшая Югославия. В изданной в 1960 году книге “Очерки по вопросам ба-

ланса народного хозяйства” один из руководителей ЦСУ СССР В. А. Соболев писал: “Если мы признаем наше хозяйство товарным, то мы должны следовать примеру Югославии, где между государственными предприятиями установлены отношения конкуренции и цены устанавливаются на рынке. Плановое начало там носит номинальный характер. Иначе и быть не может, потому что если бы возможно было планировать товарное хозяйство, то стало бы возможным плановое капиталистическое хозяйство” (В. А. Соболев Очерки... 1960).

В СССР же был совершенно другой случай “огосударствления”. У нас была одна громадная фабрика, которая уже не могла работать по-капиталистически, т. е. на извлечение прибыли.

На нетоварный характер хозяйства в СССР обращали внимание все, кто более или менее добросовестно исследовал советское общество.

“Повторяю и подчеркиваю, что для предприятий в коммунистическом обществе (имеется в виду СССР – Д. Я.) нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения, все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по каким существуют предприятия в обществе капиталистическом” (А. Зиновьев. Кризис коммунизма).

А вот что писал в своей крайне противоречивой книге “Государственный капитализм в России” родоначальник этой теории Тони Клифф: “На первый взгляд отношения между различными предприятиями в России представляются такими же, как и отношения между различными предприятиями в странах классического капитализма. Но они таковы только по форме... Как отдельные предприятия, так и вся экономика в целом подчинены плановому регулированию производства. Различие между разделением труда, скажем, внутри тракторного завода и разделением труда между этим заводом и снабжающим его сталелитейным заводом есть различие только в степени. Разделение труда внутри русского общества есть, по существу, одна из разновидностей разделения труда внутри отдельного предприятия.

Формально продукты распределяются между различными отраслями экономики через посредство обмена, но так как собственником всех предприятий является одна организация – государство, действительного обмена товаров не происходит. “Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых работ противостоят один другому как товары”

В обществе частных производителей, связанных друг с другом через обмен, средством, регулирующим разделение труда внутри общества в целом, является денежное выражение меновой стоимости – цена. В России существует прямая связь между предприятиями через государство, которое контролирует производство почти на каждом из них, а потому цена утрачивает свое исключительное значение как выразитель общественного характера труда или регулятор производства” (с. 166-167).

Правильно пишет господин-товарищ Клифф. Одно непонятно – при чем здесь государственный капитализм?

В подготовленном Институтом Российской истории РАН сборнике “Общество и власть 1930-е годы” функционирование механизма народного хозяйства СССР описы-

вается следующим образом: “В соответствии с переходом к директивному централизованному планированию перестраивалась вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу легко можно было увидеть черты, унаследованные от военного коммунизма. На базе государственных синдикатов, которые практически монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и положившие начало становлению “ведомственной экономики”. Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия должны были в сущности бесплатно получать соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе... Тысячи снабженцев разъезжали по всей стране, выбивая фонды, лимиты и т. п.”

Вывод о нетоварном характере советской экономики можно сделать и из работ известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта. “Большую часть плановой работы, которую проделывает американская или западноевропейская фирма, в экономике советского типа осуществляет государство. Крупная американская корпорация устанавливает минимальные цены, организует спрос на свою продукцию, устанавливает либо согласовывает цены на сырье и полуфабрикаты и предпринимает шаги для обеспечения снабжения. Она также устанавливает либо согласовывает ставки оплаты для специалистов различного стажа и квалификации, для рабочих, равно как и предпринимает шаги для обеспечения рабочей силой. В СССР все эти функции выполняются более или менее успешно государственным плановым аппаратом... В западной экономике основным планирующим органом является фирма. В советской системе таким органом по-прежнему является государство” (Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. с. 149).

Если в экономике все определяется государством, если все граждане являются работниками государства, то где тогда место для товарно-денежных отношений, необходимым условием для которых является наличие обоюболенных, независимых производителей?

В рыночной экономике цены формируются стихийно, в результате конкуренции. Никакая монополия не в состоянии полностью устранить конкуренцию и анархию производства. Так, “Газпром” является одной из крупнейших мировых монополий, но и он не может удержать цену на газ, о чем постоянно публично плачется господин Вяхирев. По оценке бывшего министра торговли РФ Г. Габуня, в 1998 г. падение цен на газ составило 18%. (см. “Интерфакс -АиФ” № 5, 1999г.) Крупнейшие мировые ТНК по пять раз на день меняют цены в зависимости от биржевых сводок. Нефтяной рынок сверхмонополизирован, но, тем не менее, никто точно не знает, каковы будут цены на нефть через месяц, тем более через год.

В СССР же не было ни конкуренции, ни анархии – этих неизбежных спутниц товарного производства. Все цены устанавливались плановыми органами. “Цены, основывающиеся на товарных отношениях, устанавливаются в стихийной рыночной борьбе частных предприятий, и этих цен не может устанавливать отдел цен Госплана. Это – азбука марксизма. Отдел цен Госплана устанавливает не товарные, а презренные “счетные цены”, как и полагается, на основании какого-то счета, а не на основании справочников товарной биржи, выражающих стихийную игру товарно-рыночных отношений” (В.А. Соболев Очерки. с. 49).

В обществе с рыночной экономикой распределение общественного труда происходит стихийно, в соответствии

с законом стоимости. Ресурсы перетекают туда, где в данный момент цена выше стоимости, оттуда, где цена ниже стоимости. В СССР ничего подобного не было. Десятилетиями прекрасно существовали так называемые “планово-убыточные” предприятия и даже целые отрасли. Вот что пишет об этом В. А. Соболев, кстати, полемизируя с экономистом, считавшим советское хозяйство товарным: “В товарном хозяйстве цены под влиянием большого спроса и недостаточного предложения превышают стоимость товаров, а в случае превышения предложения над спросом цены падают ниже стоимости. Если это так, то как объяснить, что у нас в течение десятилетий спрос государственных предприятий и организаций на строительные материалы (кирпич, цемент, известь, и т. д.) был больше предложения, а цены этих продуктов в то же время были убыточными” (там же. с. 53) В СССР распределение общественного труда осуществлялось путем непосредственных распоряжений, исходя из потребностей общества, а не путем отклонения цен от стоимости, как это происходит в любом капиталистическом обществе.

Видимость товарности советской экономике придавали существовавшая система денежных расчетов между предприятиями и связанная с этим система стоимостных показателей (прибыль, ВВП в рублях, бюджет, капиталовложения, налоги, стоимость, себестоимость, деньги, товар т. д.). Вот что пишет об этом в книге “В дебрях реставрации капитализма” доктор экономических наук, в советское время ведущий научный сотрудник Института экономики АН СССР А. Еремин: “Мы имели лишь имитацию товарного обмена между государственными предприятиями. Имитация затушевывала реальный экономический процесс и, кстати говоря, создавала ложные ориентиры в умах руководителей, побуждала их к искусственному завышению затрат с целью вынудить органы ценообразования установить более высокую цену на их продукцию. Но фактически рубли в отношениях между предприятиями играли роль не денег, а учетных единиц (“счетные деньги”), опосредовавших обмен деятельностью и учет затрат”.

Каким образом стоимостные показатели создавали ложные ориентиры, хорошо показывает пример с общественным транспортом. Стоимостные показатели говорят об эффективности содержания штата контролеров и кондукторов, т. к. они увеличивают собираемость платы за проезд. С точки зрения экономии общественного труда, содержание контролеров и вообще взимание платы за проезд есть ненужное расходование общественного труда. Взимание платы с пассажиров в городском общественном транспорте требует расхода труда на печатание билетов, на производство компостеров, делает необходимой армию контролеров и кондукторов, все это ведет к резкому увеличению трудовых затрат на перевозку того же самого числа пассажиров. Налицо противоречие: стоимостные показатели говорят об эффективности, в то время как натуральные показатели показывают увеличение затрат.

В рыночной экономике, где предприятие обособлено и для нормального функционирования нуждается в прибыли, взимание платы за проезд есть необходимость. Но в плановой экономике, где это же предприятие есть частичка единого народного хозяйства, взимание платы за проезд приводит лишь к растратам труда в масштабах единого народного хозяйства.

Приведенный пример доказывает не существование товарно-денежных отношений в СССР, так как наличие или отсутствие прибыли не имело решающего значения, а необходимость разработки новой, не стоимостной (натуральной) системы показателей для плановой экономики.

Затратный механизм в советской экономике на пол-

ную катушку включился после реформы 65-го года, когда предприятия стали оценивать не только по выполнению планового задания, выраженного в натуральных показателях, но и по прибыли. В результате предприятие стало заинтересовано в издержках, так как в этом случае планирующие органы устанавливали более высокую цену на его продукцию. До реформы 65-го года предприятие поощрялось за снижение себестоимости продукции, т. е. за уменьшение затрат труда. На то, что при этом зачастую страдал показатель прибыли (иногда даже передовое предприятие становилось “убыточным”), тогда не обращали особого внимания, поскольку показатель прибыли являлся условным.

Закономерен вопрос: если взаимные расчеты между государственными предприятиями были лишь имитацией товарного обмена, то зачем они вообще существовали? Дело в том, что на протяжении довольно значительного периода советской истории товарно-денежные отношения опосредовали реальные процессы, происходившие в экономике. Но чем больше общество устанавливало контроль за средствами производства, тем меньше оставалось места товарно-денежным отношениям. В определенный момент значительная часть народного хозяйства СССР действовала уже не на товарной основе, а согласуясь с единым планом. Предприятия уже не противостояли друг другу как меновые хозяйства, но оставалась еще внешняя форма товарных отношений. Надо сказать, что И. Сталин, в отличие от многих профессиональных экономистов и обществоведов понимал эту ситуацию. “Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих на поверхности явлений, можно прийти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике. Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, — то можно прийти к единственно правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства” (И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952).

Чтобы избавиться от старой товарной формы учета, необходимо было создать новую систему оценки эффективности народного хозяйства, основанную на натуральных показателях. Сталин вплотную подошел к пониманию необходимости и своевременности создания нового категориального аппарата, призванного опосредовать изменившиеся общественные отношения. В “Экономических проблемах социализма в СССР” он прямо указывал: “Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению.

Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие”.

О невозможности с помощью товарной формы вести учет единого общенародного хозяйства недвусмысленно предупреждал Маркс: “...не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством...” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч. 1, с. 102).

К сожалению, советские экономисты не обращали внимания на это предупреждение Маркса. Вот как обосновывает необходимость сохранения товарных форм В. А. Соболев: «В натуральном выражении нельзя сравнить затраты на производство с его результатами... Так, например, мы затратили каменный уголь и оборудование и получили электроэнергию. В натуральном выражении нельзя сказать, больше мы произвели продукта, чем было до начала производства, или нет. А без ответа на этот вопрос нельзя рационально вести хозяйство» (см. Очерки... с.31-32).

Действительно, сравнить потраченный уголь с произведенным электричеством возможно, только превратив и то и другое в стоимости. Вопрос в том, а зачем вообще было сравнивать уголь и электричество. Такое сравнение необходимо в товарном производстве, где каждое предприятие ведет свой отдельный учет, поэтому продукты там естественным образом превращаются в стоимости. В социалистическом обществе необходимо рассчитать, что обществу требуется и как с наименьшими затратами труда этого добиться. Исходя из того, что общество должно производить больше, чем потреблять, имеет смысл лишь сравнение произведенного угля с потребленным углем, произведенного электричество с потребленным и т. д. Естественно, сравнение это должно осуществляться в масштабах всего общества. Для такого сравнения нет необходимости придавать продуктам условную стоимость, как это делали в СССР. Оценивать же отдельное предприятие необходимо прежде всего по снижению затрат труда, т. е. по уменьшению рабочего времени, необходимого на выпуск единицы продукции.

Попытка применять для учета и контроля обобщественной экономики стоимостные показатели только путала общество и затрудняла планирование. Интересно, как происходил процесс планирования в СССР. Сначала план составлялся в натуральных показателях. Затем так называемый «сводный» отдел Госплана пересчитывал это все на «деньги». Рассчитывалось, сколько каждое предприятие должно иметь «средств», чтобы произвести необходимые «закупки», предусмотренные планом в натуральных показателях. Вот как этот механизм описан у того же Соболева: «Общество не только заинтересовано в том, чтобы денежные средства, выражающие стоимость израсходованных средств производства, были направлены на приобретение произведенных средств производства, а, с другой стороны, были произведены в надлежащих количествах средства производства, необходимые для возмещения потребленных, но оно может в плановом порядке обеспечить такое согласование. Из этого следует, что в процессе возмещения потребленных средств производства не может возникнуть неразрешимых диспропорций между производством и общественными потребностями. Платежеспособный спрос, образующийся в этом процессе, носит плановый характер и удовлетворяется в плановом порядке» (Там же. С. 190).

«В социалистическом обществе движение продукта от производителя к потребителю предопределено планом. Планом предопределены «продавцы» и «покупатели» продуктов, а также цены продуктов. Таким образом, планом предопределены все основные моменты воспроизводства общественного продукта» (Там же. С. 27).

Практически, сначала планом организовывалось движение продуктов, а затем параллельно организовывалось движение неких «счетных денег», которые якобы должны были помогать что-то там учитывать, а на самом деле все путали. Производилась подгонка «платежеспособного спроса» предприятий под план, выраженный в

натуральных показателях. Из советского народного хозяйства можно было совершенно спокойно «вытащить» «счетные деньги», т. е. деньги, при помощи которых предприятия рассчитывались друг с другом, оно бы только эффективнее заработало, так как не отвлекалось бы на ложные ориентиры.

Неудивительно, что и бюджет на текущий год докладывал председатель Госплана. Главным экономическим документом в СССР был не бюджет, а план. Не план строился из бюджета, а бюджет строился исходя из плана. Вообще, природа советского бюджета имела мало общего с бюджетом буржуазного государства. Считалось, что бюджет отображает произведенный продукт. Так, затраты на медицину, оборону, образование не зависели от того, соберет ли государство налоги, получит ли кредит и т. д. Сколько получит медицина бинтов, лекарств, оборудования, зависело лишь от существующих производственных мощностей и рассчитывалось в натуральных показателях. Затем запланированную для медицины продукцию пересчитывали в «деньгах». Внешне получалось очень похоже на механизм, существующий в любом буржуазном государстве, но содержание было уже совсем иным. Подобным образом обстояло дело и с так называемыми капитальными вложениями. Это был такой же пересчет на «деньги» выделенных по плану натуральных ресурсов.

Товарно-денежные отношения не отменяются в один день, по команде. Чтобы устранить товарно-денежные отношения, недостаточно экспроприировать капиталистов и объявить средства производства общественными. Устранение товарно-денежных отношений – это процесс. Чем больше общество берет в свои руки производство, чем больше это производство работает по единому плану, тем меньше остается места для товарно-денежных отношений. Постепенно для них совсем не остается места, а вместе с ними – и для производства ради прибыли. Но от товарно-денежных отношений еще остается внешняя форма. И избавиться от этой формы не так легко, так как люди веками привыкли измерять все деньгами.

Перед наукой стоит задача создать новую, не стоимостную систему показателей для всего народного хозяйства и отдельного предприятия. Эта система должна предусмотреть и механизм, через который будет осуществляться распределение общественного продукта между членами общества.

Так существовали ли в СССР товарно-денежные отношения? Сказать, что их не было совсем, что они никак себя не проявляли, было бы, конечно, неправильно. Безусловно, при желании, можно найти примеры, когда отдельное предприятие в отдельных случаях выступало как меновое хозяйство. Подобные рецидивы товарности есть неотъемлемая черта переходного периода. Но это скорее было исключением, чем правилом. Народное хозяйство СССР в целом было нетоварным. Не закон стоимости, а закон планомерного развития являлся определяющим в советском обществе. Не погоня за прибылью, а удовлетворение потребностей общества ставилось во главу угла.

Была ли рабочая сила в СССР товаром?

Странники «теории госкапитализма» утверждают, что государство было единым капиталистом, а рабочая сила товаром. Рабочую силу покупают с одной целью – извлечь из нее прибавочную стоимость. Но как можно извлечь прибавочную стоимость, если единственными покупателями у государства являются его же рабочие и служащие? Представьте, что капиталист продает свою продукцию только работникам своего концерна. Много он с

них получит? Только то, что сам им и заплатил. Ни копеей больше. Представьте, что советское государство выдало зарплату всем своим рабочим и служащим, вплоть до Генсека, условно 100 рублей. И потом государство пытается продать тем же рабочим и служащим предметы личного потребления. Ну и много государство таким образом заработает? Даже ста рублей не вернет.

Для того, чтобы понять, что происходило тут на самом деле, интересно посмотреть откуда вообще бралась зарплата в советском обществе. Фонд заработной платы формировался централизованно плановыми органами исходя из совокупной цены продуктов, предназначенных для личного потребления. Далее разрядку по заработной плате спускали отраслевым министерствам, те, в свою очередь предприятиям, и так до бригады и отдельного рабочего. "Прибыльность" или "убыточность" предприятия никак на зарплате не отражалась. Существовавшие на счетах предприятия "счетные деньги" нельзя было перевести в фонд заработной платы. Налицо система непосредственно общественного распределения продуктов. Где деньги уже и не деньги, а трудовые квитанции на право получения доли в совокупном общественном продукте. В данном случае заработная плата является формой распределения по труду и ничего общего не имеет с заработной платой как денежной формой стоимости рабочей силы. К сожалению, эти квитанции были многообразными, что при определенных операциях, таких, как накопление, покупка валюты на черном рынке, могло превращать их в деньги. В наше время их стоило бы заменить пластиковыми карточками, на которых записывалось бы право получения доли в общественном продукте.

"Денежные доходы населения, как это видно из перечисленных источников их образования, в своей подавляющей части образуются в результате плановых мероприятий социалистического общества. Плановые органы определяют общий фонд заработной платы, выплачиваемой рабочим и служащим в производственных и непроизводственных организациях. Планированием заготовок сельскохозяйственных продуктов и цен на них предопределяется размер доходов колхозников, получаемых от колхозов... Социалистическое общество принимает меры к тому, чтобы образование и реализация доходов населения не вызывали общего превышения платежеспособного спроса над предложением" (В.А.Соболь. Там же. С. 191, 193).

Подобным образом описывает систему распределения в СССР и А. Зиновьев:

"Пусть имеется некоторая категория предметов потребления, которую можно считать основной (хлеб, молоко, масло, соль, мыло, школьные тетради и т. п.). Пусть месячная зарплата основной категории граждан составляет 200 рублей ("средняя" зарплата). Цены на упомянутые продукты устанавливаются государством не в зависимости от конкуренции (которой нет) производящих фирм и от общей ситуации на "рынке", которого тоже нет, а в зависимости от возможности граждан приобретать их в рамках упомянутой зарплаты... В результате возможно и на самом деле имеет место такое положение вещей, когда на производство этих предметов потребления тратится средств больше, чем выручается в результате их продажи" (Коммунизм как реальность. С. 348).

Планирующие органы контролировали количество "денег", находящихся на руках у населения, и исходя из этого устанавливали цены. Цель была сбалансировать продукт и квитанцию на его получение, чтобы в обществе не было не обеспеченных продуктом квитанций. Такая система в принципе исключала кризисы перепроизвод-

ства и гарантировала потребление всего произведенного продукта. Цена здесь не являлась денежным выражением стоимости, а была инструментом, с помощью которого распределяли общественный продукт.

"В России общая сумма реальной заработной платы и вкладов устанавливается заранее соответственно количеству потребительских товаров, запланированному к производству." (Т. Клифф. Государственный капитализм в России. С. 170). Заметьте, что зарплата рабочего зависела не от конъюнктуры рынка или результата работы предприятия, как это происходит при любом капитализме, а от "количества потребительских товаров, запланированных к производству". (Слово "товаров" в данном случае стоило бы взять в кавычки, так как товары подобным образом не распределяются). Что это, если не попытка непосредственно общественного распределения продуктов? Через фонд заработной платы распределяли совокупный общественный продукт.

В советской экономике присутствовали две разновидности "денег": наличные и "счетные". Первые выдавались на руки населению для приобретения продуктов личного потребления, при помощи вторых предприятия вели формальный расчет друг с другом. Эти две разновидности "денег" не смешивались (до определенного времени, в 70-х годах стали разрешать переводить часть денег со счета предприятия в фонды поощрения, что сразу же в условиях контроля над ценами стало приводить к необеспеченному спросу) и никак не влияли друг на друга. И те и другие уже не были деньгами. "Экономический" результат работы предприятия, т. е. наличие у него прибыли ("счетных денег"), как уже говорилось, никак не влиял на выплату наличных "денег" рабочим этого предприятия. Наличные "денежки" для рабочих и служащих шли не от предприятия, а от плановых государственных органов, через единый для всей страны фонд заработной платы, привязанный к общему количеству продуктов, предназначенных для личного потребления. "Счетные деньги", находившиеся на счету предприятия, служили лишь для формального расчета между предприятиями и к зарплате рабочих не имели никакого отношения. Фактически имели место две независимые "денежные" системы: "счетные деньги" и наличные.

Советское предприятие не могло распоряжаться "счетными деньгами", как распоряжается своими деньгами нормальное капиталистическое предприятие. Оно не могло на эти "денежки" ни покупать, ни продавать, ни выплачивать ими зарплату: их можно было только переводить согласно государственному плану. Движение этих "денег" жестко контролировалось государственным банком.

Что же касается наличных "денег", то их вполне можно было заменить разовыми квитанциями на право получения продукта. Они, собственно, и играли роль таких квитанций. Принимая наличные, ходившие у населения, за настоящие деньги, "госкаповцы" в несколько измененной форме повторяют ошибку господина Дюринга. Г-н Дюринг считал, что в "коммуне" сохраняются деньги, не понимая, что от них остается лишь внешний облик, что фактически, говоря словами Энгельса, они "функционируют не в качестве денег, а как замаскированные трудовые марки". "Госкаповцы" также за внешним образом денег не потрудились заметить, что последние фактически превратились в "замаскированные трудовые марки". Но, в отличие от Дюринга, который посчитал, что деньги остаются и в "коммуне", "госкаповцы" пришли к выводу, что раз были деньги, то никакой "коммуны" не было. И "госкаповцы", и Дюринг не заметили, что деньги могут, сохранив свой внешний облик, выполнять уже совсем другие функ-

ции, могут превращаться в “замаскированные трудовые марки”. Именно такими “замаскированными трудовыми марками” и являлись советские наличные “деньги”, которые, напомним еще раз, не имели никакого отношения к деньгам, ходившим между предприятями.

То, что “деньги” в СССР выполняли иную, чем деньги в капиталистической экономике, функцию, заметил и А. Зиновьев: “Здесь главная функция денег – служить мерой учета труда, мерой вознаграждения за труд, средством распределения благ, средством учета и планирования деятельности учреждений и предприятий. В этой функции деньги суть знаки, не предполагающие никакого золотого обеспечения, как это вроде бы имеет место для денег в их функции мерила и выражения стоимости. При этом деньги в значительной мере вообще могут оставаться чисто символическими (например, в случае безналичных расчетов)” (Коммунизм как реальность, С. 346).

“Госкаповцы” любят сравнивать советских рабочих с рабочими крупных капиталистических корпораций. И задают на эту тему разные, как им кажется, каверзные вопросы. К примеру: “Кем в корпорации являются рабочие – собственниками средств производства или наемными работниками?”. Имеется в виду, что если в советской корпорации рабочие не являлись наемными работниками, то, может, мы им скажем, что и в капиталистической корпорации дела обстоят таким же образом. Вот тут-то они нас и поймают. Не дождетесь!

В капиталистической корпорации рабочий является наемным работником, так как рабочая сила соединяется со средствами производства через рынок, где действуют другие корпорации, фирмы, компании и т.д. Рабочий, продавая свою рабочую силу, вступает в товарно-денежные отношения. Продукт, который потребляет для воспроизводства своей рабочей силы рабочий капиталистической корпорации, является товаром, так как он покупает его на рынке, где действуют различные обособленные производители. Продукт, произведенный рабочим, является собственностью корпорации, которая по условию своего существования должна продавать его на рынке. Здесь постоянно происходит процесс отчуждения продукта, т. е. переход от одного собственника к другому.

СССР же был, по существу, большим “натуральным хозяйством”, где существовала централизованная система распределения продуктов. В СССР продукт не отчуждался, так как он не менял собственника, не выходил за данную форму собственности, грубо говоря, все работали на одну большую корзину. “...С превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или общественную, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 46, ч. II, с. 347). Любой труд в СССР был непосредственно общественным трудом, так как любой произведенный продукт являлся собственностью всего общества. Ни один чиновник, директор или другой представитель советской партхозэлиты не мог объявить производимые продукты или средства производства своей собственностью. Они могли лишь обеспечить себе некоторое преимущество при распределении предметов личного потребления.

И то какая-нибудь тетя Люся из продмага, припрятывая под полкой дефицитный продукт, по уровню потребления могла обойти и крупного партийного начальника, и директора. Благополучие тети Люси строилось на том, что она могла успешно паразитировать на общественной системе распределения. Ни при каком капитализме подобная тетя Люся из продмага появиться не могла, точно так же, как не мог бы появиться и дефицит, ставящий

тетю Люсю в привилегированное положение. Тетя Люся – это болезнь переходного периода, когда система непосредственно общественного распределения еще не отлажена, когда (касательно СССР) огромное количество труда расходуется на оборону, на общественные фонды потребления, что уменьшает в совокупном общественном продукте долю, предназначенную для личного потребления.

Даже если бы “шизофрения” в КПСС достигла такого уровня, что рядом с “руководящей и направляющей ролью” партии было бы записано, что все средства производства являются собственностью освобожденных партийных работников, то и это ничего бы не изменило. Средства производства все равно бы оставались в непосредственно общественной собственности, так как при отсутствии рынка целью их работы могло быть только удовлетворение потребностей общества. Соединение рабочей силы со средствами производства оставалось бы прямым, распределение продуктов тоже могло носить только непосредственно общественный характер. Производство ради прибыли возможно лишь при наличии множества собственников, обменивающихся друг с другом на рынке.

Импортные продукты, потребляемые внутри СССР, также не превращались в товары, поскольку проходили через централизованную систему распределения. Государство не могло продать внутри страны закупленные за границей товары, оно могло их только распределить. Почему? Так как внутри страны не было настоящих денег. Мы уже обратили внимание, что деньги фактически превратились в трудовые квитанции. Государство закупало товар за границей за полноценные деньги – доллары или другую валюту. А внутри продукт распределялся за обычные рубли, которые никто и никогда к оплате бы за границей не принял. Классическая схема $D - T - D$ не работала. Получалось $D - T - \dots$. Конвертировать рубли в доллары было невозможно, так как они не были деньгами, а были трудовыми квитанциями. На эти рубли нельзя было купить ни землю, ни самолет, ни завод. Не было ни валютного рынка, ни биржи, где рубль можно было бы обменять на другую валюту. Внутри СССР не было денег. А “госкаповцам” все грезится товарно-денежные отношения.

То же самое касается и внешней торговли. Здесь тоже невозможно было получить прибавочную стоимость. Ибо за границу продавался непосредственно общественный продукт, изготовленный не наемным рабочим, а всем обществом. Из схемы $D - T - D$ на этот раз выпадало первое D . Получалось $\dots - T - D$. Для производства продукта внутри СССР не потреблялись стоимости, поэтому и продукт советского общества не являлся стоимостью. СССР мог не потребленный внутри продукт отдавать совершенно безвозмездно, что часто и делал. Касательно СССР это уже был обмен меновыми стоимостями, а обмен деятельностью. Но это только касательно СССР. Вывезенный из СССР продукт выступал как товар только относительно внешнего рынка. Относительно СССР он не был товаром, а выступал как переданная вовне общественная деятельность.

Приведем несколько необычный пример. Представим, что на планете Земля победил полный коммунизм. Но существует межпланетный рынок, капиталистические планеты, галактическое золото и так далее. Если земляне будут заниматься обменом на этом рынке – это же не значит, что на Земле рабочая сила является товаром. Для нас это будет обмен деятельностью, хотя по отношению к галактическому рынку наш продукт будет выступать как товар.

Еще “госкаповцы” любят поговорить о разделении труда в СССР, выводя из этого существование товарно-де-

нежных отношений. При этом они путают общественное разделение труда с разделением общественного труда. Первое есть необходимое условие товарного производства. Второе есть естественное состояние социалистического общества. Не всякое разделение труда приводит к товарно-денежным отношениям, а только разделение труда, основанное на частной собственности. В "Критике политической экономии" Маркс пишет: "Но если бы они работали как коллективные собственники, то имел бы место не обмен, а коллективное потребление. Поэтому издержки обмена отпали бы. Отпало бы не разделение труда (вообще), а разделение труда, основанное на обмене. Поэтому неправилен взгляд Дж. Ст. Милля на издержки обращения как необходимую цену разделения труда. Это лишь издержки стихийного разделения труда, основанного не на общности собственности, а на частной собственности" (Там же, с.134). При плановом ведении хозяйства (производства и распределения) любой труд, в том числе и копание канавы, превращается в непосредственно общественный, так как производится по общественному плану и на общественную пользу.

Полностью устранить разделение труда, особенно умственного и физического, можно только при самом полном развитии коммунизма.

"Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить нельзя" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 96).

Говоря о роли спецов в работе "О роли и задачах профсоюзов", Ленин отмечал, что спецы останутся особой прослойкой "впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества". СССР двигался в направлении уничтожения разделения труда. Походы на овощные базы и поездки "на картошку" для административных работников и работников науки. Качественное и равное для всех слоев общества школьное образование. Доступность вузов. Развитая система кинотеатров, театров, клубов и т. д. СССР был самой читающей страной. Вспомните, у любого рабочего почтовый ящик ломился от выписываемой периодики.

В СССР люди получали равные условия для развития. А это является той основой, на которой в будущем станет возможно уничтожение различия между умственным и физическим трудом.

Государство и колхозы

Рассмотрим подробнее, как складывались отношения между государством и колхозами. Выше уже было показано, что колхозы работали по государственному плану. Сколько и чего сеять, по какой цене сдавать продукцию, определяло государство.

Впрочем, долгое время речь о закупочной цене вообще не шла. Между государством и колхозами практически отсутствовали "денежные" отношения (даже те формальные, которые существовали между предприятиями промышленности). Государство через свои МТС оказывало услуги колхозам, т. е. сеяло, пахало, убирало. За это государство забирало значительную часть продукции. Называлось это натуроплатой. То, что оставалось после натуроплаты, раздавалось колхозникам по трудодням. Зарплату тогда колхозникам не платили. Известен факт, что в этот период в колхозах даже не считалась себестоимость

продукции. Задача была только вовремя посеять, убрать и сдать государству запланированную продукцию.

Собственно на рынок могло поступить только то, что осталось у колхоза и колхозников после натуроплаты. Называлось это излишками. Именно наличием этих излишков И. Сталин объяснял существование в СССР "товарно-денежных отношений особого рода". "Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть" (Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР).

Рынок этих излишков был крайне невелик. Колхозы могли приобретать что-то друг у друга, скажем, для пополнения семенного фонда, либо продавать продукцию частным лицам. Больше продавать "излишки" было некому, так как перерабатывающая промышленность, магазины получали сельхозпродукцию через государственную систему распределения. Рынок (с оптовой торговлей, конкуренцией) сельхозпродукции в СССР отсутствовал, вернее, он ограничивался колхозным рынком, оборот которого в лучшие времена не превышал 6% сельхозпроизводства. Основной же продукт колхозного производства становился общенародной собственностью и централизованно распределялся плановыми органами.

Практически сельское хозяйство вело государство. Государственные МТС сеяли, пахали, убирали. Государственные предприятия перерабатывали. Государство занималось распределением основного массива сельхозпродукции. Государство также непосредственно управляло колхозами. "Задачи увеличения сельскохозяйственного производства и рост плановых заданий требовали, чтобы крестьяне как можно больше работали на колхозных полях... В мае 1939 года было принято постановление об обязательной выработке минимума трудодней в колхозах" (Общество и власть 1930-е годы, с.256-257).

Известно, что напугавшая крестьян коллективизация привела к голоду 1932-1933 годов. Но уже к 36-му году созданная нетоварная система распределения сельхозпродуктов показала свою возможность даже при неблагоприятных погодных условиях прокормить все население страны. "Известно, например, что в 1936 г. из-за климатических условий страну поразил неурожай... Собранный урожай зерновых (56 млн. т) был даже на порядок меньше, чем в "голодном" 1932 г. (67млн. т)... Однако массового голода в стране не было. Официальная пропаганда объясняла это "замечательным трудом тружеников колхозных полей, бросившим вызов природе". Однако здесь можно скорее усмотреть некоторое преимущество созданной планово-распределительной экономики, позволявшей создавать резервы зерна, более централизованно и равномерно их распределять" (Общество и власть 1930-е годы. С.43).

В 1958-м году МТС были переданы колхозам. Но и эта, крайне сомнительная, мера еще не превратила колхозы в меновые хозяйства. Они по-прежнему оставались звеньями единого народно-хозяйственного комплекса.

Попытка сравнения советского колхоза с хозяйством, действующим в условиях капитализма, не выдерживает никакой критики. Там конкуренция, анархия, кризисы перепроизводства, необходимость получения прибыли, угроза разорения. В СССР – жесткое планирование, гарантия "сбыта" продукции и получения необходимой для производства техники, невозможность кризисов и разорения. В издании "Аграрный сектор США в конце 20-го века", подготовленном Институтом США и Канады, приво-

дятся следующие цифры: в США с 1950 года по 1995 количество ферм сократилось с 5648 тыс. до 2073 тыс. В СССР с 1929-го по 1991-й год не был распущен по причине “нерентабельности” ни один колхоз, как и не было закрыто ни одно промышленное предприятие. В СССР даже не существовало неизбежного при капиталистическом способе производства закона о банкротстве, так как вполне обоснованно считалось, что в общественной экономике не может быть банкротств.

Будущее социализма

Развитие капитализма достигло своего апогея. Транснациональные корпорации опутали весь мир и связали его в единое целое. Модное словечко “глобализация” не сходит с уст экономистов и политиков. Сегодня, на пороге 21-го века, о национальных экономиках можно говорить только в контексте глобальной мировой экономики. Глобализация не только превратила мир в единое экономическое целое, но и создала новые средства коммуникаций, позволяющие практически бесконтрольно передавать информацию и моментально связывать людей, находящихся в разных концах Земли. Распространенность и относительная доступность этих коммуникаций создает новое качество. Сегодня технически вооруженный партнер в Нью-Йорке может оказаться ближе, чем сосед, живущий в доме напротив. Фактически это стирает границы и объединяет мир не только экономически, но и человечески.

Поэтому и перспективы будущей революции необходимо рассматривать, оценивая развитие не отдельных стран, а мирового капитализма в целом. В целом же нет никакого сомнения, что капитализм как мировая система созрел для коммунистической революции. Капиталистические отношения уже давно являются преградой для развития выросших из них производительных сил. Лучшим подтверждением тому является разворачивающийся на наших глазах глобальный кризис всего капиталистического общества. Дальнейшее сохранение капиталистического способа производства, производства ради прибыли способно привести только к деградации, войнам и возможной гибели человечества. Сегодня нельзя быть коммунистом, не нацеливаясь на мировую революцию.

Как будет проходить эта революция, откуда вероятнее всего начнется – это вопрос отдельного исследования. Здесь же имеет смысл обратить внимание на некоторые аспекты будущего коммунистического преобразования Земли. При этом, естественно, мы заранее исходим из того, что будущая революция будет мировой и больше никому не придется делать попытку построить социализм в одной стране.

В начале века В.И. Ленин сетовал на то, что в мире осталось еще слишком много мелкого производства, которое ежечасно рождает капитализм. Как обстоит с этим дело сейчас?

“Сегодня в мире действует порядка 40 тыс. финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций, имеющих около 200 тыс. филиалов в 150 странах... На ТНК приходится, по разным оценкам, от 1/4 до 1/3 мировой торговли и подавляющая часть межстранового движения технологий... В целом они контролируют треть производства частного сектора в мире и почти 95% мировых патентов и ноу-хау... В 1994 году активы только 500 крупнейших ТНК мира превысили 30,8 трлн. долл.” (Ленский Е.В., Цветков В.А. Транснациональные финансово-промышленные группы... М., 1998. с.30-31).

В современном мире практически не осталось мелкого производства. Оглянитесь вокруг себя: практически все, что вы потребляете, включая сельхозпродукцию, произве-

дено крупной промышленностью. Для мелкого бизнеса осталось место лишь в розничной торговле да сфере услуг.

В 1921 году большевики временно отступили перед мелкобуржуазной стихией и ввели нэп. Отступили, потому что невозможно организовать плановое нетоварное производство из миллионов крестьянских дворов. После будущей революции не потребуются такого отступления, ибо подавляющее большинство продукции сейчас производится на крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. Взять их под общественный контроль с целью организации планового производства и распределения вполне возможно. Существующие производительные силы полностью созрели для обобществления.

Поясно еще раз. Мелкий бизнес сегодня практически ничего не производит, именно в этом главное отличие сегодняшней ситуации от начала века. Именно это обстоятельство дает возможность в кратчайшие сроки (несколько лет) устранить всякий товарный обмен. Весь вопрос только в том, чтобы взять уже существующую крупную промышленность и начать ею управлять в интересах общества (большевикам надо было сначала ее создать). Современные производительные силы, использующие новейшие технологии и освобожденные от ограничений, налагаемых необходимостью служить капиталу, способны в кратчайшее время удовлетворить самые необходимые потребности жителей Земли: решить проблему голода, жилья, лекарств, одежды.

У Ленина есть формула: “Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.127). Что же касается товарного хозяйства, то его уничтожение будет наиболее “простой” задачей, стоящей перед будущим пролетарским государством. Для этого достаточно овладеть штабами крупнейших корпораций, уже создавших внутри себя органы планирования и изучения потребностей, скоординировать их действия и заставить работать не на прибыль, а на удовлетворение потребностей общества. Затем останется лишь постепенно подстегнуть к этим центрам более мелкую промышленность – и считайте дело сделанным. При нынешнем уровне развития производительных сил, когда на всей планете места для мелкого производства практически не осталось, осуществить такую программу возможно за несколько лет (меньше десяти). Если большевики в отсталой России смогли направить в деревню для проведения коллективизации несколько десятков тысяч рабочих, то что может помешать будущему пролетарскому государству направить сотню тысяч подготовленных рабочих в штабы крупных корпораций, чтобы те заставили всех этих менеджеров организовать плановое производство в масштабах Земли.

Но организовать плановое производство и распределение еще недостаточно. Необходимо сделать так, чтобы все это хозяйство эффективно работало, чтобы у людей был стимул к труду. Плановое хозяйство есть сложная иерархическая производственная система. Ошибки при выстраивании этой системы могут дорого стоить обществу. Чтобы не наступить на те же грабли второй раз, важно тщательно изучить советский опыт построения единого планового хозяйства.

Одним из главных вопросов для будущего общества станет вопрос стимулирования к труду (ибо трудиться в материальном производстве людям придется еще очень долго). Эта проблема занимала еще первых социалистов-утопистов. В своей “Утопии” Томас Мор пишет: “Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, на-

дежда на чужой труд дает возможность лениться?”

Это же мучает и Эмилия Золя. Устами молодого социалиста в романе “Деньги” он спрашивает: “Конечно, существующий общественный строй обязан своим многовековым процветанием принципу индивидуализма, который благодаря конкуренции и личной заинтересованности вызывает все большую производительность. Будет ли так же плодотворен коллективизм? И какими средствами можно повысить производительность труда, если исчезнет стимул наживы? Вот это для меня неясно, это меня тревожит, здесь наше слабое место, и нам нужно будет долго бороться, чтобы социализм когда-нибудь восторжествовал”.

При капитализме стимулом является не только нажива, но и голод, безработица, страх оказаться изгоем. Какие же стимулы будут у людей в новом обществе? В СССР вопрос стимулирования к труду так и не был решен. Веселенькая поговорка – где бы ни работать, лишь бы не работать – могла появиться только в нашей стране периода попытки социалистического строительства. Нигде в мире для подобных шуток не было подходящей почвы. Вот что пишет об отношении к труду в СССР в книге “Коммунизм как реальность” А. Зиновьев: “Коммунистическое общество, повторяю, есть общество плохо работающих людей. Это не есть национальная русская черта. Опыт других коммунистических стран подтверждает это утверждение”. Относительно СССР замечание Зиновьева можно признать вполне обоснованным.

Отсутствие стимулов к труду способствует появлению новой формы эксплуатации. Уничтожение товарно-денежных отношений, т. е. капитализма, еще не гарантирует ликвидации всякой эксплуатации. Если мы не научимся правильно распределять совокупный общественный продукт, то можем получить эксплуатацию только в измененной форме.

Представьте себе общество, где устранены всякие товарно-денежные отношения. Естественно, нет никаких денег. Вместо них людям выдают квитанции на право получения доли в совокупном общественном продукте. Доля эта определяется только количеством отданного обществу рабочего времени, как, собственно, это и предполагали Маркс и Энгельс. В результате и трудяга, и бездельник получают одинаково. При такой системе неминуемо рождается целая армия сачков, халявщиков, тунеядцев, профессиональных больных и прочей подобной публики. Найдется немало людей, которые приспособятся брать у общества много больше, чем давать ему, т. е. будут жить за чужой счет – станут эксплуататорами. На энтузиастов, призывающих других к сознательности и честной работе, будут смотреть, как на дурачков. “Тебе что, больше всех надо?” – будет слышать такой энтузиаст на каждом шагу. “Кто не работает, тот ест” – этот девиз махрового бездельника из фильма “Операция “Ы” и другие приключения Шурика” станет девизом очень многих. Только заставить их работать, как это сделал Шурик, не удастся. Можно восемь часов отработать, а можно просто отбыть. И зачем это работать, если и за работу, и за отбытие получишь одинаково. Разговоры о том, что люди будут с энтузиазмом работать на общее дело, слишком абстрактны. А то, что бездельничая можно получить столько же, сколько работая – это уже конкретность. Ловкач сможет пристроиться жить за чужой счет. При этом не будет никаких товарно-денежных отношений, никакого капитализма. Появится новый тип эксплуататоров. В эксплуататоров их превратит не капитал, не частная собственность, а недостатки в системе распределения совокупного общественного продукта. Примеров подобной эксплуатации в СССР было с избытком.

Появление подобных эксплуататоров замечали еще на заре Советской власти. Вот отрывок из письма колхозника, написанного в 1935-м году: “В Конституцию необходимо внести особый параграф о том, что трудоспособные мужчины и женщины, но совершенно не работающие и не занимающиеся каким-либо общепольным делом, лишаются политических прав. А то нарождается новая советская буржуазия – лодыри-тунеядцы” (Общество и власть 1930-е годы).

Где же выход? Выход, на наш взгляд, в правильной организации соревнования. В СССР настоящего соревнования не было. Работник, как правило, брал на себя некие обязательства по досрочному выполнению планового задания, и это называлось соревнованием. Кто с кем соревнуется, непонятно. Кроме того, такое “соревнование” побуждало работников и целые предприятия к занижению плана. Пятилетний план за два года. Это может означать только то, что план был занижен. В итоге такого “соцсоревнования” халтурщик выходил в лидеры, а по-настоящему работающий становился отстающим.

Ленин также понимал необходимость организации соревнования. В работе “Очередные задачи Советской власти” он требовал добиться, “чтобы сравнение деловых итогов хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большего количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.)”. Ключевое слово здесь “сравнение”. Без сравнения результатов труда не может быть соревнования.

Наука в СССР не стояла на месте. С целью увеличить мотивацию к труду разрабатывались различные системы организации соревнования. Одна из таких систем – “Пульсар”. В чем же суть этой системы?

Как известно совокупный общественный продукт делится на две части: одна идет на расширенное воспроизводство и накопление, вторая – на личное потребление членов общества. Эта вторая часть, в свою очередь, должна делиться еще надвое; из нее обеспечивается для каждого члена общества минимально необходимый для полноценного развития уровень потребления и создается премиальный фонд, который распределяется посредством соревнования. Само соревнование организуется следующим образом: “Поменять принцип, на основе которого дается оценка деятельности работника и коллектива, судить о работнике и коллективе не на основе того, выполняет он нормы, планы или нет, так как это создает интерес в занижении последних, а на основе контроля за мерой труда, т. е. за тем, кто делает больше и лучше – независимо от формального выполнения нормы и плана. На основе такого контроля определять лучших и отстающих работников. Тех, кто по итогам работы за год вошел в 10% лучших, вознаграждать продвижением в должности или повышением оклада, а тех, кто попал в 10% отстающих, понижать в должности или окладе” (“Пульсар”: опыт социального эксперимента”, Социологические исследования. 1977. № 3).

На наш взгляд, путем организации соревнования, основанного на сравнении, можно решить вопрос стимулирования к труду. Основным критерием соревнования должно было бы стать снижение затрат труда на единицу продукции, при обязательном выполнении планового задания. Собственно план вообще не может быть предметом соревнования. Он просто должен неукоснительно выполняться в полном объеме.

Возражения против организации реального соревно-

вания известны. Это, мол, возродит конкуренцию, приведет к появлению коммерческой тайны и тому подобное. Попробуем коротко ответить на эти возражения.

Что отличает конкуренцию от соревнования? Целью конкуренции является прибыль, целью соревнования – продукт. Если предприятие производит больше, лучше и с меньшими затратами, то выигрывает все общество, так как весь продукт предприятия является общественным.

Ни о какой “коммерческой” тайне также не может быть и речи. Доведение до общества, с целью всеобщего внедрения, всех передовых разработок должно являться непереносимым условием соревнования. Коллективы должны премироваться за новшества, облегчающие процесс производства. Эти новшества должны быть одним из показателей, определяющих место коллектива в соревновании.

Организация всеобщего соревнования есть кратчайший (а, может, и единственный) путь выведения человека из процесса материального производства. Соревнование превращает любой труд в творческий. Оно заставляет человека самого, не из-под палки, трудиться более интенсивно, постоянно искать что-то новое. Выведение человека из сферы материального производства происходит путем более полного погружения в эту сферу. Материальное производство должно быть превращено в соревнование,

в предмет постоянного интереса и заботы всех людей. Организация соревнования по снижению трудозатрат будет понуждать предприятия изыскивать возможности к сокращению ручного труда, поскольку там, где больше ручного труда, больше трудозатраты, а значит, предприятие будет занимать низкое место в соревновании, и его работники будут получать от общества меньше продуктов. Таким образом, соревнование должно стать тем мощным локомотивом, который вырвет человека из сферы материального производства и оставит за ним только функцию управления процессами.

Другого побудительного мотива к производительному труду, кроме соревнования, основанного на материальном стимулировании, на праве получить большую долю в совокупном общественном продукте, чем проигравший, просто не существует.

Если же отмахнуться от опыта единственной в истории человечества попытки строительства социализма или подменить разбор этого анализ мифом о государственном капитализме, это неминуемо приведет в будущем к повторению ошибок, которых могло бы и не быть. Не разобравшись в прошлом, мы пойдем вперед с закрытыми глазами. А закрытые глаза у коммунистов – это, прежде всего, в интересах капитала.

Орешек с червоточинной

Ю.А.Зяблов

Древняя мудрость гласит: “Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты”. Перефразируя это изречение, можно утверждать: скажи, на кого ты ссылаешься, и я скажу, каковы твои политические убеждения.

В своей статье “Интеллигенция – твердый орешек” (“Комуніст України” № 1 за 1999 г.) В. Тарасенко неоднократно ссылается на некую Р. Рывкину, одну из бесчисленного сонма “теоретиков” перестройки, обернувшейся разрушением социализма; ревизиониста М. Джиласа; П.Б. Струве, совершившего дрейф вправо от “легального марксиста” до ярого врага Советской власти; и, наконец, на махрового антисоветчика Солженицына. Особняком стоит в этой компании попавший в нее по воле автора и вряд ли чувствующий себя в ней уютно А. Пригарин.

Впрочем, из своих воззрений В.Тарасенко не делает секрета и излагает их в первой же главе своей статьи:

– что интеллигенция является не просто частью общества, профессионально занимающейся умственным трудом, но “умной частью общества”, и умственная деятельность является не обязанностью ее перед обществом в силу общественного положения и полученного образования, а “прерогативой”, то есть исключительным правом;

– что возможна модель будущего общества, “в котором интеллигенции... светит если и не прямое господство, то аристократическое положение элитарного слоя”, и ее коренные интересы требуют именно такого выбора;

– что “... члены бывшей КПСС и КПУ, несут ответственность за то, что бюрократический партгосаппарат... объективно действовал на отторжение этой умной части общества от партии и социализма”, и необходимо “взаимное признание коммунистами и интеллигенцией обоюдной вины и ответственности”;

– наконец, что все это требует “коррекции традицион-

ных взглядов на интеллигенцию” и признания ее самостоятельным классом.

Но из кого состоял к моменту контрреволюционного переворота этот партгосаппарат, “установивший контроль за умственной деятельностью интеллигенции, являющейся ее профессиональной прерогативой, и фактически запретивший свободомыслие”? Разве не на все 100% из интеллигенции? А среди тех коммунистов, что не предали партию и социализм, разве мало интеллигентов, которых не может не возмутить попытка противопоставить **всех** коммунистов **всей** интеллигенции как силы, внешние друг другу? И разве не оскорбителен для коммунистов очередной призыв к покаю – на этот раз перед интеллигенцией?

Да, коммунисты несут ответственность и осознают свою вину, но не перед интеллигенцией, часть которой в лице партгосаппарата подготовила и совершила контрреволюционный переворот и большинство которой активно или пассивно его поддержало, а перед народом, который в результате этого предательства лишился всех завоеваний социализма и поставлен на грань вымирания. Коммунисты не должны позволить снова использовать себя в разборках между двумя группировками интеллигенции, из которых одна достигла вождя “богатства, почестей и поклонения”, а другая была просто использована как орудие их достижения и после этого выброшена за ненадобностью.

А теперь по существу.

1.

То, что интеллигенция не представляет собой класс – это не “сталинская концепция”, а одно из краеугольных положений марксистской теории. Еще в “Манифесте Коммунистической партии” сказано, что буржуазия “врача, юриста, священника, поэта, человека науки... превратила

в своих платных наемных работников” [1]. Ленин в 1894 г. писал: “Состав “интеллигенции” обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон... орава карьеристов и наемников буржуазии” [2]. В те же годы П.Б. Струве, тогда еще “легальный”, но все же марксист, пишет, что “все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку они... совпадают с общественными классами или к ним примыкают”, и Ленин, комментируя эти слова, говорит об интеллигенции, что “не примыкая к классу, она есть ноль” [3].

Поэтому доказать, что этот принцип марксизма устарел и требует коррекции или замены, можно только серьезными аргументами, основанными на анализе пройденного исторического пути и современной действительности “все на той же, классовой” методологической базе, как правильно замечает В. Тарасенко.

Свой анализ он начинает с пересказа статьи Р. Рывкиной, опубликованной в разгар перестройки. Она в этой статье как раз пытается обосновать “необходимость коррекции традиционных взглядов на интеллигенцию, ... уходящих корнями еще в сталинское определение по формуле: “два класса, одна прослойка”.

Любой здравомыслящий человек (даже не принадлежащий к “умной части общества”) уже имел бесчисленное количество случаев убедиться, что, когда замахиваются на Сталина, удар всегда приходится по марксизму-ленинизму. Не составила исключения и Рывкина. Пытаясь опровергнуть “сталинское определение” с помощью ленинского определения классов, она в конце концов приходит к тому, что “формула Ленина дает... картину классового строения общества на уровне макроструктуры. Но процесс стратификации общества на этом не заканчивается”. Иначе говоря, формула Ленина тоже несовершенна и тоже нуждается в коррекции (в 1989 году “перестройщики” еще не рисковали говорить более откровенно).

Вот только Рывкина имела неосторожность в подтверждение своих слов привести подлинную ленинскую цитату и этим сама себя высекала. Ибо тот, кто не захочет разбираться в ее заумных рассуждениях, щедро оснащенных мудреными словами “бивалентность”, “макроструктуры”, “стратификация”, а обратится непосредственно к ясному и понятному ленинскому тексту, легко убедится, что подтасовками занимается именно Рывкина.

Ленинское определение классов она пытается представить механическим перечислением независимых друг от друга признаков. На самом же деле легко видеть в ленинской формуле движение от самых абстрактных понятий ко все более конкретным, причем все они связаны в неразрывную логическую цепь: классы различаются “по их месту в исторически определенной системе общественного производства”, **то есть** “по их отношению (большей частью закрепленному в законах) к средствам производства”, **то есть** “по их роли в общественной организации труда, **а следовательно** (подчеркнуто мной – Ю.З.) по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают”. И, чтобы не допустить кривотолков, Ленин повторяет сказанное уже без промежуточных выводов: “Классы, – это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства” [4].

Еще более определенно Ленин выразил эту мысль в статье “Вульгарный социализм и народничество”(1902): “Основной признак различия между классами – их место в общественном производстве, а следовательно, их отноше-

ние к средствам производства. Присвоение той или иной части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта – вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазия) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу” [5].

Это определение Ленин неоднократно повторяет и в других своих работах.

Из этого следуют два вывода: во-первых, везде речь идет о классах в современном Ленину эксплуататорском обществе; во-вторых, **сущность собственности есть присвоение**. Рывкина обходит этот вопрос, заменяя его вопросом о владении собственностью. Но ведь владение – только одна из функций собственности наряду с распоряжением и управлением. Чтобы определить, какой класс владеет средствами производства, достаточно выяснить, какую долю общественного богатства, он присваивает, – потому что “отношения распределения... суть результат отношений производства” [6]. Так вот, из всех бюджетных расходов на социальную сферу в СССР 70% распределялось через общественные фонды потребления. Остальное составляла зарплата рабочих и служащих в соответствии с их трудовым вкладом,

Далее Рывкина переходит от подтасовок к прямой лжи, заявляя, что Сталин так и не разъяснил, “как же рабочий класс выступает руководящей силой государства”. На самом деле Сталин очень подробно разъяснил это еще в 1926 г. в своей работе “К вопросам ленинизма”. Здесь он как раз говорит “о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее “механизма”, с точки зрения роли и значения тех “приводов”, “рычагов” и “направляющей силы”, совокупность которых составляет “систему диктатуры пролетариата” (Ленин)” [7].

Поскольку В.Тарасенко в своей статье приводит ложь Рывкиной без возражения, то, похоже, он эту сталинскую работу забыл или вообще не читал. Поэтому будет не лишним процитировать ее:

“Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата.

“Партия есть высшая форма классового объединения пролетариата” (Ленин).

Итак: профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего по линии производственной; Советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего по линии государственной; кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьян в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, партия, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями...” [8].

Тем более не было необходимости Сталину повторять это на съезде Советов, когда проект новой Конституции был уже опубликован в газетах, всенародно обсужден и теперь лежал перед каждым делегатом. А в нем как раз было зафиксировано и закреплено в законах, “как же именно рабочий класс выступает руководящей силой государства и как он владеет средствами производства “совместно со всем народом””.

Зачем понадобилась Рывкиной эта ложь? Затем, что изначальная цель “перестройки” в том и состояла, чтобы

вопрос о возвращении всей полноты **государственной власти** рабочему **классу** подменить вопросом о передаче **средств производства** во владение рабочим **коллективам** и, затуманив рабочему классу сознание, отнять у него сначала государственную власть (через изменение действующей и принятие новых конституций), а затем и средства производства (через приватизацию или акционирование с последующей скупкой акций).

С той же целью Рывкина отряхивает от пыли веков “истину”, рожденную в рабовладельческом обществе древнего Рима: “если владеют все, то никто не владеет”, – которая опровергается уже при капитализме существованием таких форм собственности, как акционерная и государственная. Но и это ее заявление, не имеющее ничего общего не только с марксистской теорией, но и с капиталистической практикой, В.Тарасенко приводит в своей статье без возражений, даже без кавычек, очевидно, считая его образцом “классовой методологической базы”.

Мимо цели бьет и попытка автора сослаться на А.Пригарина. В самом деле, тот пишет, что уже в конце 50-х годов интеллигенция осознала себя как самостоятельный слой, активную общественную силу, а не просто как “прослойку”. Но, во-первых, эти определения не являются взаимоисключающими. Марксизм никогда не отрицал, что интеллигенция является активной общественной силой. “Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, – писал Ленин, – что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе” [9]. Во-вторых, Пригарин не говорит, что интеллигенция “превратилась в класс”, а только “осознала себя как самостоятельный слой”, – а это ведь совсем разные вещи. И в-третьих, в пригаринской характеристике интеллигенции нет главного классовобразующего признака – отношения к средствам производства.

2.

Почему же все-таки интеллигенция, выросшая и получившая образование при Советской власти, в большинстве своем активно участвовала в подготовке и осуществлении контрреволюционного переворота и, образно говоря, не просто плюнула в колодец, из которого пила всю жизнь, а доверху завалила его нечистотами, в которых теперь сама задыхается?

Для начала отбросим “жалкий лепет оправдания” по поводу “контроля за умственной деятельностью” и “фактического запрета свободомыслия”. Они существовали всегда, и подавляющее большинство интеллигенции с ними мирилось. Лучше рассмотрим интеллигенцию как продукт исторического развития общества, и именно на классовой методологической базе.

В добуржуазных формациях правящий класс осуществлял свою власть открыто, путем прямого насилия. По отношению к угнетенным классам все правовые нормы сводились к одному принципу, выраженному Иваном Грозным: “Жаловати мы своих холопей вольны, а и казнити их вольны есми”.

Капитализм, провозгласив права человека, свободу личности и юридическое равенство всех перед законом, не меняет характер угнетения, а только делает его скрытым: “богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее” [10]. Но теперь для осуществления своей власти классу буржуазии требуется большое количество высокообразованных специалистов. С другой стороны, техническая революция и быстрый рост производства требуют все большего числа инженеров, экономистов, организаторов, ученых. Потребность производства в гра-

мотных рабочих заставляет ввести всеобщее обучение и создать целую армию учителей. Так возникает социальный слой людей, профессионально занимающихся умственным трудом, владеющих не средствами производства, как буржуазия, и не рабочей силой, как пролетариат, а профессиональными знаниями. Этот слой и получил название интеллигенции. Составной частью ее является бюрократия – “тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе... непосредственная и тайная связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории... и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который открыт доступ только буржуазным “выходцам из народа” и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей” [11].

Характеристика, данная Лениным бюрократии, вполне применима и ко всей интеллигенции – с поправкой на то, что интеллигенция имеет более широкую социальную базу и интересы ее отдельных групп или всей интеллигенции в целом могут входить в противоречие с интересами буржуазного государства, охраняемыми “замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно замкнутой” [12] бюрократией. Но вообще интеллигенция всегда служит интересам правящего класса. “Бессловенность” нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции” [13]. Только отдельные ее представители поднимались до осознания того, “что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии... что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом... а одним из самых основных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность... что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера...” [14]. Именно эта небольшая часть интеллигенции, перейдя на классовые позиции пролетариата, ставит ему на службу свои знания и способности, вносит в него классовое сознание, вооружает его теорией классовой борьбы и пролетарской революции, которая в конечном счете должна привести к уничтожению классов.

В.Тарасенко отмечает, что “всегда очень трудными и сложными были взаимоотношения интеллигенции с бюрократией... Интеллигенции приходилось преодолевать косность и равнодушие бюрократии, обслуживать ее интеллектуально, искать в ее среде покровителей, делиться с ними творческими достижениями или посвящать их им и т.д. ... Бюрократия всегда стремилась контролировать и ограничивать свободомыслие интеллигенции... Интеллигенция всегда чувствовала со стороны бюрократии угрозу для себя – полностью лишиться своего социального интеллекта, монополии на производство идей и технологий, разработку идеологий”. Автор сам не заметил, что этим признанием он уже обнаруживает несостоятельность претензий интеллигенции на роль самостоятельного класса. Он ни слова не говорит о том, что бюрократия является всего лишь охранителем интересов и исполнителем воли господствующего класса буржуазии. Тщательно охраняемая интеллигенцией монополия на интеллектуальную деятельность всегда была мифом: именно социальный заказ **класса** буржуазии определял “производство идей и технологий, разработку идеологий” (за исключением тех, которые создавались интеллигентами, перешедшими на **классовую** же позицию пролетариата).

Но возросшая роль интеллигенции в общественной жизни и в управлении производством, обладание профессиональными знаниями внушают ей гипертрофированное самомнение, представление о себе как о главной руководящей силе общества, единственном двигателе

прогресса. Буржуазия охотно поддерживает в ней эту иллюзию, ибо тем самым интеллигенция вольно или невольно помогает замаскировать подлинную роль буржуазии как правящего класса, владеющего средствами производства и благодаря этому имеющего возможность присваивать чужой труд. С той же целью буржуазия через своих идеологов создает в качестве образца для подражания стереотип интеллигента как человека, полностью поглощенного своей профессиональной деятельностью, далекого от политики и в общественных конфликтах занимающего позицию “над схваткой”; старается внушить интеллигенции чувство превосходства над пролетариатом, с которым ее сближает способ присвоения ее доли общественного богатства: пролетариат продает свою рабочую силу, а интеллигенция – свои знания и умственные способности.

Ради этого буржуазия позволяет интеллигенции пресловутое свободомыслие (а у творческой интеллигенции даже поощряет его), разумеется, в определенных границах, пока оно не угрожает основе буржуазного общества – частной собственности. Контроль за этим “свободомыслием” буржуазия осуществляет преимущественно экономическими методами – покупая большинство интеллигентов относительно высоким уровнем жизни, наиболее пробивных допуская в свои ряды, а на самых непокорных и опасных натравливая купленное большинство или удушая их нищетой. Но в случае действительной угрозы буржуазия никогда не останавливалась и перед прямым насилием государственного аппарата, в том числе против интеллигентов. Так что сетования интеллигенции времен “хрущевской оттепели” или горбачевской перестройки на “запрет свободомыслия” – именно в те периоды, когда им представлялось это самое свободомыслие, – были обычным лицемерием.

Революционный пролетариат, руководствуясь революционной марксистской теорией, называет все своими именами: буржуазную демократию – формой диктатуры капитала, “свободомыслие” – ширмой, скрывающей диктат буржуазии, “свободу творчества” – свободой продаваться или умирать с голоду, а интеллигенцию – прослойкой, которая изначально предназначена служить интересам правящего класса и, не примыкая к классу, есть ноль. Свою власть он тоже открыто называет диктатурой. Когда же пролетарская революция происходит в отсталой, полуфеодальной стране, где подавляющее большинство интеллигенции пассивно терпит прогнивший монархический режим, а значительная часть активно его поддерживает и защищает, то интеллигенции указывают ее подлинное место в обществе не только оскорбительными, но и весьма болезненными способами, угрожающими ее преждему благосостоянию, а часто и самой жизни. В этом основная причина враждебного отношения большинства интеллигенции к социалистической революции и к диктатуре пролетариата. Уязвленное самолюбие, желание показать “этим хамам”, что интеллигенция есть соль земли, – вот что толкало ее в белое движение, в эмиграцию, а потом и во вредительскую контрреволюционную деятельность. В той самой ленинской статье “Великий почин”, на которую пыталась сослаться Рывкина, есть и такие слова, которых она предпочла не заметить:

“Если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и зарубежным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии” [15].

Поэтому Сталин ни на йоту не отступил от марксизма,

когда в 1931 году говорил:

“Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть, ...рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса.

Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции” [16].

Остается разобраться с “контролем за умственной деятельностью” и “запретом свободомыслия” при социализме. В отличие от буржуазной демократии диктатура пролетариата и в этом не лицемерит, а открыто заявляет, что не допускает такого “свободомыслия”, которое в условиях капиталистического окружения и классового борьбы может служить идеологическим оружием, направленным против социализма, против Советской власти. “Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание Советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы... Критика нужна нам для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления” [17] Разве не актуальны были эти сталинские слова для всего периода советской истории после XX съезда КПСС? И не потому ли все сталинские работы были изъяты из библиотек и уничтожены, а на все, сказанное и написанное им, было наложено табу?

Точно так же диктатура пролетариата не признавала “профессиональной прерогативы”, то есть исключительного права интеллигенции на умственную деятельность. Напротив, она в лице своей партии ставила перед собой прямо противоположные задачи:

“Уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда... он вполне осуществим в условиях советского строя... где у власти стоит рабочий класс и где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование... Только такой культурно-технический подъем рабочего класса может... обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму” [18].

“Бывает и так, что новые пути в науке прокладывают иногда... совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики... Кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы... опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники... и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине... опрокинули старые представления об Арктике как устаревшие и установили новые, соответствующие требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются... людьми нашей передовой науки?” [19].

И новая советская интеллигенция вместе с той частью старой, которая усвоила политику рабочего класса и осуществляла ее на совесть, вывела СССР на передовые позиции в мире. Успехи советской интеллигенции во всех отраслях науки, техники и искусства признавали во всем мире даже враги диктатуры пролетариата... пока она существовала. Объективные исследователи за рубежом признают их и сейчас. Только на ее родине эти успехи вот уже более 40 лет стараются замалчивать, отрицать или порочить.

3.

Один из основных приемов антикоммунистической пропаганды состоит в том, что вся 70-летняя история социалистического государства рассматривается как одно целое, без деления на этапы, обусловленные различными встававших перед ним задач, внутренними и внешними причинами постановки этих задач, возможностями и методами их решения. При таком подходе неизбежные недостатки и ошибки, присущие тому или иному этапу, легко экстраполируются на всю советскую историю, не только не анализируя, но даже не упоминая причин, их породивших, и выдавать их за самую сущность социализма. Отсюда, естественно, следует вывод, что социализм является тупиковым путем развития, несет человечеству одни только страдания и необходимо от него навсегда отказаться.

Именно к такому приему прибегает М.Джилас. Согласно его утверждению, “новый класс” (иначе называемый “бюрократия” или “номенклатура”) зарождается в коммунистической партии еще до завоевания власти, а его зачатки составляют партийное руководство – “слой профессиональных революционеров”, которые руководствуются не идейными убеждениями и стремлением создать бесклассовое общество, а “практичностью”, – проще говоря, карьеризмом, стремлением к власти. Из этого Джилас заключает, что после социалистической революции “класс усиливается, партия слабеет – такова неотвратимая судьба каждой правящей коммунистической партии”.

Теперь только безнадежный идиот не догадается, что социалистические революции вообще бессмысленны, так как даже в случае успеха неизбежно обречены на конечное поражение. А последователи Джиласа (например, Л.Гриффен) идут еще дальше, утверждая, что социализм вообще не является первой ступенью коммунистического общества, а “совершенно особой общественно-экономической формацией, отличающейся... от коммунизма не менее, чем от капитализма” [20].

В программе правящей партии большевиков была четко определена цель диктатуры пролетариата в области государственного строительства: “Советская организация отменяет те отрицательные стороны буржуазного демократизма... ограниченность которого давно указал марксизм, именно... отделение законодательной власти от исполнительной. Сливая ту и другую власть, Советы сближают государственный аппарат с трудящимися массами” [21]. Это должно было вести к тому, чтобы “рядом постепенных и осторожно выбираемых, но неуклонно проводимых мер все трудящееся население поголовно привлекалось к самостоятельному управлению государством” [22]. Если этого не произошло, если пирамида управления превратилась в “пирамиду власти”, изолированную от народа и неподконтрольную ему, то исследователь должен выяснить, **когда и по каким причинам** так случилось. Такой анализ особенно важен сейчас, чтобы извлечь уроки из поражения социализма.

“Всем известно, – писал Ленин, – что массы делятся на классы; ...что классами руководят обычно... политические партии; что политические партии... управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина...?” [23].

Такое структурирование позволяет легко и точно определять причины общественных кризисов: то ли интересы правящего класса разошлись с интересами массы, то ли ослабла связь партии с классом, то ли вожди оторвались от партии. Но В.Тарасенко вместо ленинской схемы

“вожди – партия – класс – масса” предлагает именно “какую-то тарабарщину”, лишенную какого бы то ни было классового содержания: “верхи – низы”.

Это приводит его к новым поразительным открытиям.

Казалось бы, всем понятно, что в условиях культурной революции, открывшей трудовому народу путь к образованию, в условиях, когда диктатура пролетариата целенаправленно создает новую социалистическую интеллигенцию, “пирамида управления”, состоящая из этой интеллигенции, своим основанием опирается на трудящиеся классы и сростается с ними; а они через перечисленные Сталиным “приводы” и “рычаги” – прежде всего через Советы, обладающие всей полнотой государственной власти, – контролируют эту пирамиду снизу доверху. Но В.Тарасенко о Советах вообще не упоминает, зато утверждает, что “интеллигенция в СССР... нижней своей частью, то есть основанием пирамиды... находилась между двумя классами – рабочим и крестьян”. Иначе говоря, не опиралась на трудящиеся классы, не вырастала из них, а разделяла их и отделяла от государственной власти. А ссылка на Джиласа должна доказать, что это было целью “партийного ядра” еще до завоевания власти, что именно ради этого была совершена социалистическая революция, а провозглашенные партией цели привлечения всего трудящегося населения к государственной власти и построения бесклассового общества изначально были обманом и ложью и что нынешнее поражение социализма – это “неотвратимая судьба”.

Правда, В.Тарасенко оговаривается, что такая судьба правящей партии не является закономерностью, “если партия держит под постоянным контролем свой аппарат управления”. Но, отказываясь от ленинского определения структуры общества и от всякого даже упоминания о Советах, он, естественно, не упоминает и о необходимости постоянного контроля класса над партией, а массы – над классом. Контроль над государственной властью становится в таком случае делом одного партийного аппарата, и его перерождение – действительно “неизбежной судьбой”.

В.Тарасенко правильно отмечает, что сама интеллигенция была неоднородной, что у разных ее группировок интересы были прямо противоположными: у “нового класса” (так он вслед за Джиласом называет аппарат партийно-государственного управления) – “властвование, управление, владение и распоряжение, социальный престиж и господство, у массовой интеллигенции... собственный труд, служение народу, обеспечение должного уровня жизни” (имеется в виду – не своего собственного, а уровня жизни всего общества). Но из этого он не делает естественного вывода, что интеллигенция разделилась на два слоя с полярно противоположными **классовыми** интересами: “новый класс” стремился из управляющей прослойки превратиться в правящий класс, – а это, согласно марксистскому учению, возможно лишь путем присвоения средств производства и обращения их на частное хозяйство, то есть превращения в класс буржуазии; трудовая же интеллигенция выражала интересы трудящихся классов, то есть осуществляла политику диктатуры пролетариата. Вместо этого автор делает вывод совершенно неожиданный и абсурдный: что интеллигенция “превратилась в самостоятельный класс, а это означает, что она приобрела способность совершать социально-политические революции”. Но революции совершают только угнетенные классы. А интеллигенция, как признает сам В.Тарасенко, “приобретя способность совершать революции”, тут же совершила... контрреволюцию! Более того, оказывается, не “новый класс” отстранил от государственной власти и собственности вместе с трудящимися

классами и трудовую интеллигенцию, а она сама “с помощью верхней части своей пирамиды” отстранила себя. Класс, который разделен сам в себе и сам себя отстраняет от власти, – это действительно новое слово в марксизме!

А все дело в том, что В.Тарасенко замалчивает проблему, с которой столкнулся победивший пролетариат: разбив и уничтожив старый государственный аппарат, “который насквозь был бюрократическим” [24], он для строительства нового, советского аппарата вынужден был использовать людей, составлявших старый. “Бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП... тут больше всего сказывается недостаток культурных сил” [25]. И Ленин наряду с задачами повышения культурного уровня всех трудящихся и перевоспитания старой интеллигенции ставит задачу “не делать ни малейшей уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение” [26], “вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма” [27]. Он предупреждает, что “продолжение борьбы против бюрократизма является для успеха дальнейшего социалистического строительства безусловно и настоятельно необходимым” [28].

Этими ленинскими указаниями, которые вошли в программу партии, она и руководствовалась, с одной стороны, создавая новую советскую интеллигенцию, а с другой – уделяя неослабное внимание борьбе с бюрократизмом. “В борьбе с бюрократизмом работа партии идет по четырем линиям: по линии развертывания самокритики, по линии организации дела проверки исполнения, по линии чистки аппарата и, наконец, по линии выдвижения снизу в аппарат преданных работников из людей рабочего класса” [29]. И это была не кратковременная кампания вроде тех, к которым мы привыкли, начиная со второй половины 50-х годов, а стратегия, рассчитанная на весь период существования социалистического государства вплоть до полного его отмирания, – “не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики – должны все время держать порох сухим” [30].

Только за пять лет – с 1933 по 1938 год – “партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии, из них более 20 процентов женщин” [31]. Враги социализма эту цифру объявляли “косвенным показателем масштаба репрессий”. Но поверить этому мог только тот, кто верит, что снятие с должности равнозначно репрессии (а именно это старалась внушать партийно-государственная бюрократия с самого 1956 года), и кто забывает, что люди имеют свойство стареть, уходить на пенсию, умирать от болезней и несчастных случаев.

Таким образом, ясно, что при диктатуре пролетариата, несмотря на ошибки и извращения, невозможно было превращение бюрократии в “новый класс”, зато “сложилась... новая советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа – интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой” [32].

4.

Но условия для такого превращения были созданы в 1961 году решением XXII съезда КПСС о том, что “диктатура пролетариата в СССР выполнила свои исторические задачи и перестала быть необходимой”. Тем самым партия отказалась от одного из основных положений марксистского учения, о решающем значении которого для строительства социализма говорили и Маркс, и Ленин.

“Между капиталистическим и коммунистическим обществом, – писал Маркс, – лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата” [33].

О том же писал и Ленин:

“Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой: не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от “общества без классов”, от коммунизма... Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата” [34].

Таким образом, партия игнорировала предупреждения Ленина, что, пока не завершён переход от капитализма к коммунизму, “у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, и эта надежда превращается в попытку реставрации” [35]; что “мелкого производства осталось еще на свете... очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе” [36].

Отказ от диктатуры пролетариата и тезис о полной и окончательной победе социализма в нашей стране (то есть о невозможности реставрации капитализма) многими был понят как возможность ослабить бдительность по отношению к капиталистическому окружению и пережиткам капитализма внутри страны. Само выражение “пережитки капитализма” стало употребляться не иначе, как с иронией, – мол, какие могут быть пережитки капитализма, если в СССР после Октябрьской революции сменилось уже несколько поколений? Это сделало партию открытой для проникновения в нее карьеристов, скрытых врагов социализма, людей, податливых на буржуазные влияния, людей двуличных, которые, по выражению Г.Гейне, “тянули вино тайком, проповедуя воду публично”. Оправдалось еще одно из тех предупреждений Сталина, из-за которых понадобилось уничтожить его работы:

“Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, это значит – можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата... Значит, не будет классовой борьбы, – значит, не будет забот и тревог, – значит, можно сложить оружие и пойти на боковую – спать в ожидании пришествия бесклассового общества.

Понятно, что если бы эта путаница во взглядах и эти небольшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы деморализованной и разоруженной” [37].

Еще можно верить, что Хрущев, начиная под видом борьбы с культом личности кампанию по дискредитации Сталина, неспособен был понять, какие социальные силы он привел в движение и каков может быть результат этого движения. Но то, что до сих пор находятся коммунисты, которые, еще не выбравшись из-под обломков разрушений, совершенных этим движением, продолжают

размахивать потрепанным жупелом “сталинизма”, – это, пользуясь ленинским выражением, странно и чудовищно. Еще более чудовищно, что **сталинизмом** объявляют именно тот официальный “марксизм-ленинизм”, который не просто отрицал **сталинский вклад в теорию максизма**, а **запрещал** даже всякое упоминание о нем.

Замена государства диктатуры пролетариата “общенародным государством” с неопределенным классовым содержанием (а без него государства вообще не бывает) и превращение партии рабочего класса в “партию всего народа” создали условия для возникновения внутри социалистического государства того самого “нового класса”, который на самом деле был никаким не новым, а зародившимся давно и хорошо известного класса буржуазии.

В.Тарасенко уверен, что в 1989-91 гг. “сравнительно немногочисленная группа новых идеологов” сумела “вмиг перемагнитить мировоззрение всего общества, его идеалы и убеждения”. Но чтобы “перемагнитить” общество, надо его сперва “размагнитить”. И этим на протяжении 30 лет занималась не малочисленная группа, а весь громадный идеологический аппарат партии с его громадными техническими возможностями. А средством такого “размагничивания” вместо открытой критики (как того требует марксистский метод) теоретических взглядов Сталина, объявленных порочными, было избрано их замалчивание. Когда-то Сталин сказал: “Метод замалчивания... является тоже формой критики, правда, глупой и смешной, но все же формой критики” [38]. Это было ошибкой: когда к этому методу прибегает руководство правящей и единственной партии в государстве, он отнюдь не является смешным, а, будучи глупым, ведет к оглуплению всего общества и становится разрушительным. Замалчивание работ Сталина позволяло извращать и мысли Ленина, а уж с Марксом и Энгельсом справиться было совсем просто: они ведь жили до эпохи империализма, тем более – до практической попытки построения социалистического общества, значит, все, что у них противоречило политике руководства “партии всего народа”, можно было тоже замалчивать или объявлять устаревшим, не соответствующим изменившейся исторической обстановке – как это было сделано с тезисом о диктатуре пролетариата. Да и кто их тогда читал? Если же кто-то не поддавался массовому психозу и сохранил у себя работы Сталина, а следовательно, мог уличить “верных ленинцев” в том, что не Сталин, а они сами извращают марксизм-ленинизм, против таких применялись аргументы простые и изящные, как омовская дубинка, и столь же убедительные: “Сталин был невеждой” и “для Сталина характерен громадный разрыв между словом и делом”.

“...До того времени, – пишет экономист А.Шабалов, – все, что говорила партия, выполнялось неукоснительно! Вот по ней-то и нанес Хрущев свой первый удар, исключив из партийной программы следующие положения:

“В партии не может быть двух дисциплин – одна для руководителей, другая для рядовых... Быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытий и искажений правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии... На любом посту коммунист обязан подбирать кадры по признакам политических и деловых качеств. Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства – несовместимы с пребыванием в рядах партии”.

Из Конституции СССР Хрущев изымает 131 статью:

“Каждый гражданин обязан беречь и укреплять об-

щественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа”.

Вот и отыскался первый приватизатор! О таких и писал Сталин: “Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти”.

...Главное преступление Хрущева заключалось в том, что с 1961 года он отменил контроль и поощрение за снижение себестоимости и объявил сталинскую политику систематического снижения цен авантюрой” [39].

Это последнее обстоятельство стало одной из главных причин падения престижа интеллигенции в СССР в послесталинский период. На первый взгляд, между этими двумя явлениями нет никакой связи. На самом деле связь прямая.

Повышение благосостояния **всего общества** путем планомерного снижения цен нисколько не противоречило дифференцированию зарплаты **отдельных работников** по профессиям, а внутри профессий – в зависимости от квалификации. Низкий уровень платы за малоквалифицированный и ручной труд естественным образом стимулировал рабочих, во-первых, повышать свою квалификацию или менять профессию, в том числе путем получения высшего и среднего специального образования; во-вторых, стремиться механизировать свой труд, внедрять новую, более производительную технику, что опять-таки требовало специальных знаний, которые может дать только систематическое образование. Таким образом, по мере повышения общего культурно-технического уровня трудящихся классов престиж интеллигенции не только не снижался, а наоборот, повышался; зато и сама интеллигенция должна была удерживаться на уровне требований, предъявляемых к ней обществом в условиях постоянного развития науки и техники. Кто не мог удержаться на этом постоянно повышающемся уровне, кто останавливался в своем развитии и потому отставал, те заменялись людьми из числа трудящихся, получивших образование, и таким образом советская интеллигенция имела постоянный, все более растущий резерв для своего пополнения и обновления.

Но повышение благосостояния общества путем **повышения зарплаты** возможно только одним способом: выравниванием различий в зарплате разных профессий, а внутри них – между работниками разной квалификации. А это неизбежно вело к утрате стимулов повышения квалификации и получения образования, к утрате потребности в применении полученных знаний. Если раньше трудящаяся молодежь стремилась получить образование не ради командной должности, а для повышения производительности и улучшения условий своего труда, то теперь все чаще молодые специалисты, получившие образование, устраивались на должности, где это образование им не требовалось, зато они были избавлены от ответственности и получали более высокую зарплату. Более престижными становились не те профессии, которые требовали больше знаний и давали больше возможностей интеллектуально развиваться, а те, в которых выше зарплата или которые давали больше возможностей побочных доходов (то самое мелкое производство, о котором предупреждал Ленин, что оно рождает капитализм и буржуазию ежедневно и в массовом масштабе). Еще одним стимулом для получения высшего образования у молодежи стала возможность устроиться (все равно, кем) в крупных культурных центрах, но при этом культуру они понимали чисто потребительски – не

как возможность духовного развития, а как бытовые удобства в большом городе, лучшее снабжение, возможность следить за модой и следовать ей и т.д. С другой стороны, для детей “нового класса” диплом о высшем образовании стал необходимым и единственным условием для успешной служебной карьеры, так как критерии деловых качеств и политических убеждений в “общенародном государстве” все больше переставали действовать.

Все это не только сужало социальную базу интеллигенции и подрывало ее престиж, но и вело к появлению и быстрому росту в ее составе тех, кого Солженицын назвал “образованцами”. В.Тарасенко глубоко заблуждается, считая их “интеллигентной частью слоя интеллектуалов”. Уже из лингвистического сходства этого неологизма со словом “оборванцы” ясно, что им Солженицын обозначает недоучек и жлобов, которым диплом о высшем образовании заменяет и интеллект, и подлинное знание, и подлинную интеллигентность в том смысле, как она понимается в обществе, то есть культуру поведения, стремление к постоянному пополнению своих знаний, желание быть в курсе последних достижений науки и культуры.

Не имея точных данных, трудно утверждать, что “накопление конфликтного материала” у интеллигенции было целенаправленной политикой “нового класса”, а не просто побочным продуктом присущих ему классового эгоизма и пренебрежения к интересам общества в целом. Но и отвергать такую возможность было бы непростительной наивностью. История контрреволюционного переворота в СССР полностью подтверждает эту версию. Ведь “новый класс” пользовался поддержкой и руководством зарубежных профессионалов высокой квалификации, имеющих громадный опыт провоцирования конфликтов и дестабилизации общества, в том числе в социалистических странах: в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968, в Польше в 1980. Об этом почему-то забывает В.Тарасенко. А такая политика естественно вписывалась в стратегию и мирового империализма, и отечественного “нового класса”, у которых на данном этапе была единая цель: ликвидировать социализм и совершить реставрацию капитализма.

Это, кстати, еще одно доказательство, что “новый класс” не был классом в подлинном, марксистском понимании. Все правящие классы, как отмечалось еще в “Манифесте Коммунистической партии”, стремятся стабилизировать общество, в котором обладают властью, чтобы этим укрепить и увековечить свою власть. Только пролетариат, завоевав власть, способен довести дело до полного уничтожения классов, в том числе и самого себя как класса. А “новый класс” в СССР, как мы уже убедились на собственном опыте, стремился присвоить средства производства, чтобы действительно стать классом. Но для этого он нуждался в организованной силе, которая была способна, — разумеется, под его незримым руководством — такой переворот совершить. Кто подходил на эту роль лучше, чем интеллигенция, которая в силу своего положения в обществе имела практически неограниченные возможности формировать общественное сознание; пользовалась доверием, оставшимся со времен диктатуры пролетариата, когда она была социалистической интеллигенцией; но, не будучи самостоятельным классом и не имея классового сознания, могла быть обманута и действовать против собственных интересов, обманывая и трудящиеся массы.

В то же время в период, когда диктатуры пролетариата уже не было, а класс новой буржуазии, формирующийся в подполье как симбиоз криминальных дельцов и коррумпированных чиновников, еще не мог открыто заявить свои претензии на роль правящего класса, у интеллигенции возрождается прежнее гипертрофированное само-

мнение, иллюзия своей ведущей роли в обществе. Вначале это делалось тоже в завуалированной, неявной форме. Характерным примером может служить, как ни удивительно, фантастический роман братьев Стругацких “Трудно быть богом” [40]. Критика, традиционно недооценивающая роль фантастики в литературе и ее популярность у читателей — прежде всего у интеллигенции и молодежи, — в свое время этот роман практически игнорировала. Между тем в нем очень талантливо и в увлекательной форме десяткам миллионов читателей преподносилось технократическое, то есть чисто буржуазное представление о роли интеллигенции в истории человечества.

Действие романа происходит на планете, человечество которой находится в стадии феодализма. В те времена интеллигенции в современном понимании еще не было, а “люди мысли и знания”, как называют их авторы, будучи передовыми людьми своего времени, принимали самое активное участие в общественной жизни (как, впрочем, и во все времена). Но в романе они изображены в соответствии не с исторической правдой, а со стереотипами, созданными в буржуазном обществе идеологами буржуазии. Все они до единого “беззащитные, добрые, непрактичные”. Им “никогда не хочется драться”. Сталкиваясь с социальной несправедливостью, они вместо того, чтобы занять активную общественную позицию, принимают рассуждать: “Что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему... Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других”. Тем не менее общественный прогресс авторы связывают только с такими людьми. С развитием науки, а его — только с политической “людей, стоящих у власти”, которых иначе “уничтожат более благоразумные соседи” или “более хитрые соперники в борьбе за власть”. Люди, составляющие остальное человечество, опять-таки все поголовно, “пассивны, жадны и невероятно, фантастически эгоистичны”. Носители “искры разума” “не нужны никому на свете, и все на свете против них”. В частности, горожане, то есть именно тот социальный слой феодального общества, чьи практические нужды требовали развития наук, в романе изображены исключительно мракобесами, “сытыми лавочниками”, которые считают, что за занятия наукой и искусством следует “сажать на кол”. Социально-освободительные движения угнетенных народных масс, по убеждению авторов, нисколько не способствуют общественному прогрессу. “Профессиональный бунтовщик... в средние века фигура довольно редкая... Безнадёжно само его дело”. А вот когда правители вынуждены “разрешать университеты, научные общества... создавать кадры людей мысли и знания, им уже неподконтрольных”, — только после этого “приходит эпоха гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества”.

Эти рассуждения соседствуют в романе с уверениями в неизбежном наступлении “общества, свободного от классового угнетения”. Но из приведенных цитат видно, что авторы представляли себе коммунизм именно так, как определил В.Тарасенко: обществом, “в котором интеллигенции... светит если и не прямое господство, то аристократическое положение элитарного слоя”.

Роман этот был впервые издан в 1964 году не слишком большим по тем временам, но и не малым тиражом 100 000 и с тех пор неоднократно переиздавался, так что к началу перестройки с высказанными в нем идеями имели возможность ознакомиться несколько поколений “самого читающего народа в мире”.

В те же годы в общественное сознание начинает усиленно внедряться занесенный с Запада, чуждый системе Советской власти принцип “коней на переправе не меняют”, который преследовал двойную цель: во-первых, обоим несменяемостью руководителей, а во-вторых, внушить, что именно они, руководители (то есть представители интеллигенции), – “кони”, которые тянут воз, а не извозчики, которые управляют им и должны нести ответственность за сохранность и коней, и груза.

Стоит ли удивляться, что интеллигенция “осознала себя как самостоятельный слой” (не подозревая, что это “сознание” ей умело внушили) и что идеи “технократического общества”, давно забытые на Западе, с началом перестройки начали возрождаться и распространяться в СССР прежде всего среди интеллигенции в виде теорий “элиты”, утверждений, что “государством должны управлять профессионалы”, “политикой должны заниматься политики” и прочих, реакционная сущность которых давным-давно разоблачена марксистской теорией и опровергнута практикой социализма.

5.

Так у интеллигенции создавалось, с одной стороны, преувеличенное сознание собственной значимости, а с другой – ощущение своей ущербности, которому способствовали и застойные явления в экономике, снижавшие спрос на профессиональные знания и создававшие впечатление перепроизводства интеллигенции (хотя на самом деле это была только ее невостребованность).

Вот почему она в подавляющем большинстве не только приветствовала перестройку, но и употребила свой авторитет и свою организующую роль в обществе для того, чтобы внушить свое понимание ее целей трудящимся классам.

Нет оснований и восхищаться мастерством “демолиберальной публицистики” в ее дискуссии с “идеологическим отрядом интеллигенции” в СССР. 30 лет – срок вполне достаточный, чтобы если и не все, то большинство мест в идеологическом аппарате партии заполнили бездари и карьеристы, любители теплых местечек, на которых им достаточно было, не прилагая никаких мыслительных усилий, только пережевывать ту идеологическую жвачку, которую им давали сверху. (Следует признать, что их и раньше было достаточно, но тогда они, по крайней мере, пропагандировали марксизм, а не ревизионизм под видом “развития марксизма”). “Идеологического интеллекта”, приписанного им автором, в них было не больше, чем в дырявом мешке, с которым он сравнивает “армию обществоведов”. И никакого особого мастерства не понадобилось, чтобы их разгромить. Аргументы “перестройщиков”, как можно убедиться на примере Рывкиной, не выдерживали никакой критики. Но перестройка показала, что интеллигенция утратила **критичность мышления**, которая должна была быть ей присуща по самому ее определению (*intelligens* – познающий, мыслящий), и с готовностью, бездумно заглывала одну за другой все приманки, подбрасываемые классом новой буржуазии с подачи его покровителей и учителей из-за рубежа. Возделенное **свободомыслие**, которого так добивалась интеллигенция со времен хрущевской “оттепели”, на поверку оказалось **леностью мысли** и прямо-таки младенческой **внушаемостью**. И уж в этом интеллигенции некого винить, кроме себя самой. Ведь застойные явления в экономике и в общественной жизни, признаки нарастающего кризиса были видны всем, и именно у интеллигенции в первую очередь должно было возникнуть желание найти их причину. И исторический опыт, и элементарная логика

подсказывали, что для этого следует прежде всего обратить внимание на теорию, определяющую внутреннюю и внешнюю политику государства, – в СССР таковой по-прежнему официально признавался марксизм. Достаточно было взять всего десяток-полтора работ Маркса, Энгельса, Ленина, которые тогда украшали каждый кабинет, и перечитать их (у интеллигента, имеющего навык систематической мыслительной работы, это заняло бы всего несколько месяцев чтения в свободные вечера), чтобы убедиться, что “верные ленинцы” эпохи застоя руководствовались марксистским учением “с точностью до наоборот”; что аргументы “перестройщиков” подобраны на свалке истории и давно показали свою несостоятельность в тех самых капиталистических странах, которые нам представляли образцом для подражания; что недостатки и кризисные явления, которые нам пытались представить изначально присущими социализму, на самом деле были следствием отхода от социализма. Но и во времена застоя, и во время “перестройки” интеллигенция предпочитала искать истину сначала в усыпляющих (и отупляющих) стереотипах официальной партийной пропаганды, а потом – чем дальше, тем больше – в зарубежных радиоголосах и самиздатовских писаниях отечественных диссидентов. И ни в том, ни в другом случае не давала себе труда составить собственное мнение, а только меняла одно чужое мнение на другое, искренне считая его своим. А когда эти враждебные голоса получили в свое полное распоряжение отечественные средства массовой информации, захваченные врагами и предателями социализма, их мощный хор заглушил у интеллигенции последние остатки самостоятельности мышления, и она не только сама надела, но и убедила народ собственными руками надеть себе на шею новое ярмо капиталистической эксплуатации. Оказалось, что ее мировоззрение, в том числе мировоззрение интеллигентов-коммунистов, было построено не на каменном фундаменте знания, а на том самом “песке застоявшихся иллюзий”, и поток лжи и клеветы вместе с этим песком снес и их убеждения.

Когда же “новому классу” больше не нужно было маскироваться социалистической терминологией, когда лозунг “больше социализма” сменился лозунгом “дойлой социализм”, а по-детски наивный клич “партия, дай порулить” властным хозяйским окриком “государством должны управлять профессионалы”, – тогда пришло время снова указать интеллигенции ее подлинное место в обществе: она должна, как везде и всегда, обслуживать интересы правящего класса. Теперь им снова стал класс буржуазии. Но когда капитализм утверждал себя как прогрессивный строй на развалинах феодального общества, буржуазия была заинтересована в развитии экономики (для того и совершались буржуазные революции) и потому заботилась о росте как численности интеллигенции, так и ее общественного престижа. А криминально-компраторская буржуазия, совершившая контрреволюцию и уничтожившая более прогрессивный строй социализма, заинтересована как раз в обратном: для быстрого обогащения за счет разграбления национального богатства или распродажи его зарубежному капиталу ей необходимо было разрушить экономику, чтобы можно было присвоить средства производства за бесценок. И численность интеллигенции, унаследованной от социализма, оказалась избыточной. Буржуазии нужна только часть ее, достаточная, чтобы держать трудящиеся массы в подчинении и оболванивать их. Иначе говоря, из интеллигентов ей нужны только те, из кого могут выйти покорные слуги или преданные холуи. Судьба остальных ее не интересует.

Что значит в этой ситуации признать интеллигенцию

самостоятельным классом? Это значит утверждать, что инженер, потерявший работу вследствие закрытия завода, учитель, по несколько месяцев не получающий зарплату, ученый, вынужденный превратиться в “челнока”, имеют общий “коренной интерес” не с рабочими и крестьянами, оказавшимися в таком же положении, а со своим бывшим удачливым коллегой, превратившимся в бизнесмена, с бюрократам, защищающим интересы буржуазии, с продажным журналистом, клеветующим на все, чему вчера клялся в верности. Нужно ли объяснять, кто в этом заинтересован?

Коммунисты и интеллигенция, считает В.Тарасенко, должны взаимно признать свою вину и броситься в объятия друг друга, обливаясь слезами умиления. А в знак прощения коммунисты должны “возобновить контакты с идеологической интеллигенцией”, чтобы она нас, темных, просветила и научила, что делать. Для этого мы должны ее исследования “заказывать, финансировать, обеспечивать, печатать результаты”.

Но перед кем должны коммунисты признавать свою вину? Перед врагами социализма, которые много лет рядились под правоверных марксистов и наконец-то сбросили маски? Перед предателями, которые поспешили перебежать во вражеский лагерь, чтобы сохранить свои должности уже на службе новых хозяев? Перед дезертирами, которые побежали из партии, как крысы с корабля, как только он получил первые пробоины? Или перед теми, кто злорадствовал, когда враги и предатели разрушали Советский Союз, запрещали компартию, клеветали на социализм и толкали обманутых людей в трясину рыночных реформ? Так из них что-то никто пока не проявляет желания признать свою вину и ответственность. Наоборот, даже те из них, кто обманулся в своих надеждах занять “аристократическое положение элитарного слоя” или хотя бы “жить, как на Западе”, продолжают во всех своих бедах винить коммунистов за то, что те “не туда веди”. Или продолжают обманывать народ, твердя, что “у власти попрежнему остались коммунисты”, хотя не могут не понимать, что предатели – это всегда **враги** тех, кого предали.

А с теми немногими интеллигентами, которые не предали партию, нет необходимости “налаживать связь” – они ее не теряли, потому что остались коммунистами. И они занимаются анализом уроков поражения, поиском его причин и выработкой новой тактики коммунистических партий в изменившихся условиях, не дожидаясь, когда их станут финансировать и обеспечивать. Занимаются потому, что в этом видят свой долг коммунистов. И занимаются сами, потому что эту задачу нельзя доверять тем, кто уже однажды предал.

В.Тарасенко пугает коммунистов, что “на полное доверие масс, если интеллигенция не будет поддерживать партию, рассчитывать не приходится”. Жаль, что он жил не во времена Ленина, – тогда бы он в два счета объяснил большевикам, какую они делают ошибку, совершая Октябрьскую революцию без поддержки интеллигенции.

Коммунисты завоевывают доверие масс тем, что выражают их жизненные интересы, организуют их на борьбу за эти интересы. А для этого они прежде всего должны говорить массам правду, как этого требовал от коммунистов Ленин. И в отношении интеллигенции политика партии должна состоять не в призывах к взаимному прощению, а в разъяснении интеллигенции ее истинного положения и истинной роли в обществе, иллюзорности ее претензий на роль самостоятельного класса и монополии на интеллектуальную деятельность, общности ее коренных интересов с интересами революционного пролетариата.

Конечно, для многих интеллигентов такое прозрение будет очень болезненным и долгим. Многие вообще не захотят прислушиваться к нашим аргументам – ведь давно известно, что “тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”. Но осознание своих заблуждений и своей вины нужно прежде всего самой интеллигенции. Иначе ее ждет открытая ненависть трудового народа, которой она предала, и скрытое презрение буржуазии, которой она теперь служит. Если в частной жизни отдельную личность обман и может возвысить, то в общественной жизни целую социальную группу обман (или самообман) всегда унижает, лишая возможности объективно оценивать свою социальную роль. И спасти ее от участи стать, по выражению Ленина, глупенькими жертвами обмана в политике, могут только “низкие истины”. Есть болезни, от которых помогают только горькие лекарства.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 4, с. 427.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 305.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 44 – 45.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 44.
7. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, М., 1935, с. 113-114.
8. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, М., 1935, с. 116.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 172.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439 – 440.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 345.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441 – 442.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 19, с. 190, 192.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 19.
16. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, М., 1935, с. 457.
17. Сборник “Слово товарищу Сталину”, М., 1995, с. 67.
18. Сталин И. В. Сочинения, т. 14, с. 82.
19. Сталин И. В. Сочинения, т. 14, с. 251.
20. “Марксизм и современность”, 1997, № 1 – 2, с. 41.
21. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 92 – 93.
22. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 93.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 24.
24. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 169.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 98.
27. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 206.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 93.
29. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. М., 10-е, 1935, с. 402.
30. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. М., 10-е, 1935, с. 580.
31. Сталин И. В. Сочинения, т. 14, с. 326.
32. Сталин И. В. Сочинения, т. 14, с. 318.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 19, с. 27.
34. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 35.
35. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 264.
36. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
37. Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. М., 10-е, 1935, с. 580 – 581.
38. Сталин И. В. Сочинения, т. 14, с. 131.
39. Шабалов А. А. Одиннадцатый удар товарища Сталина, Ростов-на-Дону, 1995, с. 53, 55.
40. Цитируется по изданию: Стругацкий А., Стругацкий Б. Далекая Радуга. М., Молодая гвардия. 1964.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Рабочая партия и профсоюзы *

В.Г. Гамов **

“Видеть все так; как оно есть.
Для того, чтобы изменить то, что есть.
Проложить дорогу тому, что рождается и что должно быть”.
А.Фадеев

Вместо введения

Несмотря на то, что указанная в заголовке настоящей статьи проблема в рабочем и в коммунистическом движении поставлена и решается уже сотню лет, она до сих пор вызывает массу непонятных и часто не имеющих отношения к ее сути “теоретических” и практических выводов и “рекомендаций”. На наш взгляд, это указывает на то, что внутри проблемы скрыт не академический, а классовый феномен.

В настоящей статье сделана новая попытка изложить то, что автор в течение долгого времени, в разных аудиториях пытался – не всегда с успехом – донести до слушателей или до принимающих решения коллегий. В этой статье я, как и в других своих статьях, обязуюсь ничего не утверждать из того, что нами (не только мной) непосредственно не наблюдалось, не сообщать читателям того, что не проверено в ходе достаточно драматичной борьбы организаций “Защиты” (не только той, которой автор руководит непосредственно).

Некоторые товарищи удивляются моей настойчивости как в пропаганде организаций “Защиты”, так и в призывах распространять эти организации по всей территории России. Я же удивляюсь тому, как многие товарищи не видят того, что крупнейших поражений в борьбе рабочих организаций можно было бы избежать, если бы их руководители сознательно заняли позицию в организации рабочего движения, которую мы все (руководители и участники) отстаиваем в рабочих профсоюзах.

До сих пор ощущаю ту горечь, которую я испытывал, наблюдая организацию стачки на Чебоксарском заводе тяжелого машиностроения непосредственно на месте и будучи уверен, что она идет к неминуемому разгрому. Бессилие и досада, которые возникли у меня в разговоре с председателем стачкома ЧЗТМ (т. Шашкием, тогда членом ЦК РКРП), тоже запомнились надолго... Я убеждал его, что нельзя победить в стачке, если вы идете рука об

руку с официальными профсоюзами, и что надо, напротив, пока рабочие еще верят стачкому, создавать свои, независимые и от администрации, и от отраслевых структур профсоюзы, которые станут верным оружием в дальнейшей борьбе. В ответ я слышал нотации, вроде: “Ты находишься в “красной республике”, а не у себя в Арзамасе. У нас здесь реском профсоюзов с нами заодно”. И т.д. и т.п. У меня есть свидетельство признания т. Шашкием моих тогдашних аргументов, но сделано было это признание ... **после разгрома** стачки (осуществленного при содействии, между прочим, рескомовского управления профсоюзами – как это мной и предсказывалось) и после осознания рабочими ЧЗТМ и факта разгрома, и своей фактической капитуляции.

С тех пор подобные события и по тому же сценарию (так и хочется сказать – “написанному хозяевами”) происходили на многих предприятиях и неизменно заканчивались поражением рабочих. Да что там: по мнению некоторых товарищей, к которым я отношу и себя, – вся “рельсовая война” 1998 года, будучи не чем иным, как революционной ситуацией (в ее классическом определении), не разрешилась рабочей революцией только потому, что у рабочих не оказалось партии, выдвигающей лозунги и определяющей направления борьбы, адекватные ситуации борьбы. В результате феноменальная по всем меркам весенне-летняя кампания рабочего класса была превращена в обычную схватку правящего класса. Схватку, в ходе которой рабочим “позволили” стать пешками в игре буржуазной клики, которая сделала ставку на отставку Ельцина и на понижение стоимости рабочей силы.

Истина, – говорил Гегель, – это целое. Попытаемся соответствию с данным положением Гегеля не только познакомить читателей с нашими выводами по теме, но и показать, каким образом мы к этим выводам пришли.

Первое ознакомление с проблемой

Оно началось с августа 1991 года, когда лозунг создания независимых (от буржуазного государства) рабочих организаций в виде инициативных Советов был принят на вооружение организацией РКРП в городе Арзамас-16.

В феврале 92-го года наша организация такой (городской) Совет создала. Первыми делами Совета оказались призывы к забастовке во ВНИИЭФ (по невыплатам заработной платы), обращения (удачные) в суд по тем же невыплатам, участие в съездах Советов и др. Одновременно актив Совета и автор пытались “подтянуть” комитеты отраслевого профсоюза к протестной кампании, руководимой Советом.

Отрезвляющим моментом в этой деятельности оказалось голосование в профкоме одного из подразделений ВНИИЭФ, собравшемся по просьбе Совета, чтобы решить вопрос с оплатой билетов пяти рабочим – делегатам российского съезда рабочих. Голосование и прения ясно показали нам тогда, что мы, по-видимому, где-то заблуди-

---

* От редакции. Профсоюзная тема сегодня является одной из острых и злободневных проблем современного рабочего движения. Недооценка необходимости ее теоретической проработки на практике приводит к серьезным политическим просчетам. Существующие разногласия в принципиальнейших вопросах движения диктуют необходимость самого серьезного обсуждения проблем профдвижения с учетом современной конкретно-исторической обстановки.

Представляем в публикуемой статье точку зрения одного из руководителей нового направления в организации профдвижения в России – рабочего профсоюза “Защита”.

** сопредседатель Исполкома ОРП “Защита”, член РКРП.

лись и вошли не в ту комнату. Проголосовали за выделение средств, если не ошибаюсь, один или двое – из девяти. Остальные оказались либо “в болоте”, либо правыми, которые любой запрос со стороны коммуниста расценивали как оскорбление их моральных и демократических устоев. Профсоюзное начальство? Не скрывало удовлетворение исходом нашего “хождения в народ”. Тут же нам было снисходительно предложено войти в комитет на основе той политической демократии, которая установилась в бывшей “школе коммунизма” к осени 1992 года. Мы отвергли это предложение. Ни дискутировать, ни участвовать в голосовании в этом комитете после всего увиденного и услышанного у нас не оказалось ни сил, ни желания. Попытка же “завоевать” руководство профсоюзом “снизу” (с цехов), которую мы предприняли тогда, показала, что, хотя низовые ячейки профсоюза (в цехах) завоевываются достаточно просто, ситуация на заводской профконференции (не говоря уж о конференции ВНИИЭФ) меняется на обратную.

Анализ показал, что даже при наличии большинства мандатов (а мы только боролись за это) победа на конференциях подразделений предприятия оказывалась невозможной. Причина – лучшая организованность профсоюзной и хозяйственной номенклатуры. К тому же эта номенклатура точно, в отличие от доверчивой и совсем несмышленной в процедурных вопросах рабочей делегатской массы, знала свою цель: не допустить к руководству профсоюзом рабочих. Так мы познакомились с официальными профсоюзами (догадываюсь, как удивлялись рабочие моей наивности, если не сказать – дурости, проявленной при этом знакомстве). В то же время события октября 1993 года с очевидностью зафиксировали, что руководимые РКРП Советы рабочих со своими “президентами” и исполкомами оказались неспособными ни остановить приватизацию общенародной собственности, ни даже защитить те жалкие остатки советской государственности, которые продолжали якобы существовать в лице ... печально известного Верховного Совета РСФСР. Все говорило о том, что надо искать другой путь.

Поэтому после октябрьского разгрома организация РКРП города приняла решение о переходе к строительству независимых от государства и от профноменклатуры профсоюзов рабочих. Этому способствовало, в частности, знакомство с первым председателем “Защиты” Леоновым Ю.Ю. и с ближайшей (к городу) организацией Объединения (на Навашином судостроительном заводе). Исполнять принятое решение пришлось автору этих строк, который, к слову, никогда ранее не занимал никакой профсоюзной выборной должности. И вообще не интересовался профсоюзными делами.

Исполняя решение, мы с февраля 1994 года приступили к методичной пропаганде создания рабочих профсоюзов как на заседаниях Совета рабочих, так и в органе Совета – листовке “Слово и дело”. 12 и 14 июля 1994 года учреждаются первичные организации “Защиты” во ВНИИЭФ, в строительных организациях, а также городская организация (для будущих муниципальных профсоюзов).

С мая 1996 года наш город вместе с Москвой становится одним из центров движения рабочих профсоюзов “Защита”. С этого же времени мы начинаем помогать создавать рабочие профсоюзы по всей территории России. Все созданные в городе рабочие профсоюзы к лету 1995 года укрепились и в значительной степени преодолели сопротивление со стороны руководства комитета отраслевого профсоюза, администраций предприятий и города, травлю со стороны СМИ города, неприязнь и противодействие местной КПРФ (носившейся с идеей “красных и

патриотичных” директоров и с идеей “единства трудящихся” в (желтых) профсоюзах).

Ознакомление с теорией и практикой профсоюзного строительства

Разгром профсоюза “Защита” в Навашино, наши собственные трудности диктовали необходимость срочного теоретического обучения по теме профсоюзного строительства и профсоюзной практики.

Было перечитано много книг из тех, что касались истории профсоюзного движения в России, и тех, где говорилось о современном профдвижении на Западе. Сама практика нашего центра, а также сыпавшиеся со всех сторон просьбы о консультировании новых организаций подстегивали теоретическое осмысление нашего и других организаций опыта. Кое-что из осознанного опыта и практические рекомендации изложены в статьях автора.* Многие рекомендации разошлись в письмах.

Первые наблюдения за поведением классового врага показали, что буржуазный класс достаточно реалистично осознает ту опасность, которую несут в себе те или иные рабочие организации. Оказалось, что существовавший до “Защиты” Совет рабочих, хотя и причинял администрации предприятия некоторые неудобства (по искам Совета в августе 1992 зарплату пришлось выплатить ВСЕМ работникам ВНИИЭФ), тем не менее воспринимался ею (и комитетом отраслевого профсоюза) более или менее терпимо.

Мы осознали причину этого: “революционная” риторика и красные флаги – все это прекрасно может сочетаться с буржуазной демократией и ее свободой слова, поскольку ничем, кроме риторики и некоторых неудобств, этой демократии не грозит. Не те силы! (“Имярек и семь рабочих” – так иронически выражались “товарищи” из КПРФ и сочувствовавшая им “красная администрация” ВНИИЭФ). Напротив, те же “имярек и семь рабочих”, приступившие к образованию законом разрешенных, но необычных (**без администрации**) профсоюзов, сразу оказались в центре “волчьей стаи”, стремящейся разорвать в клочья все рабочие организации, объединившиеся вокруг комитетов “Защиты”.

Мы хорошо запомнили наиболее злобных “волков” из этой стаи. Ими оказались (порядок важен): официальный профсоюз, администрации предприятий, чиновничья машина санкций и регистраций, “коммунистическая партия” РФ. В дальнейшем мы установим, почему они и почему именно в таком порядке.

Но таким образом было выяснено, что коммунизм – учение, прежде всего экономическое и именно этим оно опасно для становящегося капиталистического общества в России. Его суть заключается не в декларациях “царства божия”, а в утверждении исторической необходимости революционного преобразования буржуазного общества. Именно к осознанию необходимости этого рабочими и организации их для этой цели мы в “Защите” и приступили.

Поскольку все метаморфозы капиталистического

* Для чего нужна рабочая “Защита”?

Как организовать “Защиту”?

Может ли “Защита” заключить коллективный договор?

Как заключить коллективный договор?

Долой “пластик”, только наличными!

Бастовать – по-нашему! Долой распоряжение администрации о минимуме необходимых работ.

Бастовать – по-нашему! Не бояться объявления забастовки незаконной.

Борьба против контрактов.

Рабочая партия и рабочие профсоюзы.

присвоения и использования труда сводятся к факту присвоения прибавочной стоимости капиталистом, постольку освобождение рабочего класса заключается в превращении прибавочной стоимости, произведенной трудом, в доход всего общества, распределяемый в интересах и под контролем рабочего класса. А это означает, в частности, что все, кто вещают о “социализмах” и “коммунизмах”, но в своей практической деятельности не посягают на “священное” право капиталиста присваивать прибавочную стоимость, те вольно или невольно – что по существу не имеет значения – являются фарисеями, врагами рабочих.

Таким же врагом рабочих является и тот, кто выступает за передачу права присвоения, распоряжения и использования прибавочной стоимости от капиталиста к буржуазному государству, парламенту, президенту, партиям или иному собранию лиц или организаций, непосредственно не задействованным в материальном производстве. Простой, но фундаментальный – столь же фундаментальный, как и сама категория прибавочной стоимости, – критерий различения “наших” и “не наших”, друзей рабочего класса и его врагов. Коммунистов – и лежкоммунистов, социалистов, демократов, либералов и прочих “национал-патриотов”. Так мы распрощались окончательно с КПРФ, но встретились с теми рабочими, которые стали растущей базой “Защиты” и ее руководителями.

Мы осознали далее истоки и степень враждебности нынешнего российского общества к рабочим организациям типа “Защиты”. А также феномен победного шествия реформаторов с помощью избирательных урн к власти. Феномен Горбачева, Ельцина и, сегодня, Путина, как мы поняли, скрывался в том, что они опирались на заинтересованность “гражданского” (т.е. капиталистического) общества в том, чтобы механизм распределения доходов осуществлялся так, как он осуществляется. Именно потому, что “гражданское” (капиталистическое) общество живет за счет перераспределения всей огосударствленной (изъятая налогами или иными способами) части прибавочной стоимости, именно поэтому оно всеми фибрами души каждого своего гражданина и всего общества в целом восстает против сокращения абсолютного размера прибавочной стоимости, изымаемой капиталистами у рабочих.

На ряде выборов (1992, 1994, 1996, 1999 – в первых двух и в последних мы участвовали) мы установили, что сознательно эту жажду перераспределения по-капиталистически испытывает от 40 до 50-ти процентов активного электората. Это дало нам еще один четкий критерий, отличающий коммуниста от так называемой оппозиции. Первый – ставит вопрос по существу: “Верни награбленное!”, вторая – рассуждает, как “справедливо” и “по закону” распределить между “своими” и “чужими” награбленное. Первый – не принадлежит к гражданскому обществу, он в нем – изгой, представители второй – его полноправные граждане, хотя бы и в “коммунистической обертке”. Одним словом, мы поняли, что коммунист в этом обществе обязан быть изгоем, в классе изгоев! Но признать то, что есть, – недостаточно. Надо найти пути к тому, чтобы изменить то, что есть, “проложить дорогу тому, что рождается и что должно быть”.

И мы пошли здесь по пути, открытому рабочими, которые для **ограничения** грабежа, следуя сначала одному классовому инстинкту, создают органы классовой самозащиты – тред-юнионы, профсоюзы. Но буржуазия, после известного периода ожесточенного (и кровавого) сопротивления становлению профсоюзов, ныне в большинстве капиталистических стран, напротив, поощряет их создание и функционирование. Это полностью отвечает ее

классовым интересам, поскольку существование профсоюзов предполагает как существование рынка рабочей силы – с продавцом (профсоюзами) и покупателем (капиталистом), так и существование механизма, отвращающего рабочих от насильственного изменения этого (экономического) базиса грабежа. Этот механизм устроен хитро: в нем есть все нужные “шестеренки” и приводы (примирительные процедуры, суды, блокирование профсоюзных счетов и пр.) для того, чтобы в действительности отворотить, а в крайнем случае – заставить рабочих отказаться от использования простых и понятных законов классовой борьбы.

Очевидно, однако, что классовая заинтересованность современной буржуазии в профсоюзах никоим образом не ставит под сомнение необходимость профессиональной формы организации рабочего класса и использования этой формы для уменьшения эксплуатации и снижения “нормы” грабежа рабочих капиталистами. Другой вопрос – до какой степени профсоюзы принимают “правила игры” на рынке труда. Принимают ли они их такими, каковы они есть, либо, напротив, они действуя по необходимости в пределах этих правил, идут дальше этих правил – вплоть до революционной замены капиталистической прибавочной стоимости общенародным доходом, распределяемым рабочим правительством.

Различные установки профсоюзов на рынке труда являются, по сути, различием двух форм классовой борьбы: той, которая останавливается на половине пути, и той, которая, закрепляясь в профсоюзной форме, и по видимости оставаясь в ней, по сути преодолевает эту форму и идет до конца, до установления диктатуры пролетариата. Эта диалектику работы профсоюзных организаторов по существу нам и предстояло освоить в следующем 96-ом году. Но прежде мы должны были ответить на вопрос, с какими профсоюзами мы столкнулись при становлении “Защиты”.

“Школа коммунизма” как организация, уничтожившая профессиональные организации рабочего класса

Владимир Ильич Ленин в известной дискуссии назвал профсоюзы “школой коммунизма”, поскольку именно профсоюзы были той массовой базой Советов, которая позволила освободить эти протогосударственные структуры рабочего класса от буржуазного влияния (поддержки Временного правительства) и преобразовать их в органы рабочей революции, и далее – в государственную власть рабочего класса. Ленин хорошо помнил июльский (1917 г.) разгром Советов и свои выводы о возможности использования именно фабзавкомов (вместо вторичной структуры – Советов) для захвата власти. (Ошибка или слабость буржуазии, не разгромившей рабочие профсоюзные организации на заводах, позволила в дальнейшем полностью большевизировать Советы, и фабзавкомы как органы власти уже не потребовались). Рассуждая о месте профсоюзов в системе власти Советов, Владимир Ильич подчеркивал, что рабочая диктатура непременно устоит, если профсоюзы – эти самостоятельные органы рабочего класса – по-прежнему будут оставаться массовой базой власти, кузницей кадров, органом критики и чистки “нашего г... аппарата”.

Следующее, сталинское, руководство, исходя из учения Ленина о профсоюзах, полностью использовало эти массовые рабочие организации на заводах как в налаживании производства, так и в разгроме левой и правой оппозиций, мешающих социалистической модернизации СССР. Борьба с троцкистами и бухаринцами шла, таким

образом, не только внутри правящей партии, она была поддержана заводами – именно поэтому она и закончилась разгромом оппозиционеров. Однако логика классово-вой борьбы на этапе коллективизации и индустриализации привела к тому, что профсоюзы – верные рычаги государственного руководства – стали огосударствляться (против чего, в противовес формуле Троцкого, и возражал Ленин).

Формально все оставалось по-прежнему: массовые, самодеятельные, не огосударствленные формы организации класса, “школа коммунизма”, а фактически – срастание и взаимосвязь государственных и негосударственных, несменяемых номенклатур. Срастание, увядание и загнивание – на одном полюсе, пустозвонство, бюрократизм и лишенная всякого содержания деятельность – на другом, массовом полюсе. Вот она – история и феномен ВЦСПС (почти зеркальная проекция феномена КПСС).

Но в истории ВЦСПС есть нечто особенное, что является актуальным и в настоящее время. Это особенное заключается в том, что сталинское руководство в 1947 (ратификация СССР Конвенции МОТ “О профсоюзах”) заставило мир согласиться с тем, что в профсоюзном движении существует Объединение, в которое входят как члены: рабочие, ИТР и служащие – линейный персонал предприятий – и наряду с ними, на равных правах, персонал управления этими же предприятиями. Трудно сказать, чем в большей степени вызывалось это согласие: то ли гигантским авторитетом СССР, выигравшего великую войну, то ли ссылкой на статью Конституции СССР об общенародной собственности и, следовательно, о сосуществовании всех и на равных основаниях.

Теперь, когда ссылка на статью об общенародной собственности потеряла и юридический, и фактический смысл, наше правовое общество стыдливо умалчивает о том, что все существование ФНПР, отраслевых и других официальных профсоюзов зиждется на песке, противоречит ратифицированной Союзом Конвенции, следовательно, является противоправным и нарушающим международные обязательства России. Заметим, что противоправность существования ФНПР полностью осознается в профсоюзном движении мира, но, к сожалению, до сих пор не привело к движению за привлечение РФ к международному суду за нарушение принятых от Союза обязательств. Движения нет, но мнение о том, что “в России – профсоюзов нет”, является достаточно широко распространенным в мировом профдвижении. По существу, оно является правильным и фактически полностью объясняет выявившуюся неспособность российского рабочего класса защитить свои интересы как в перестройке, так и в годы “реформ”.

Но положение рабочего движения России с начала перестройки оказалось трагичным не только из-за отсутствия организаций рабочего класса, способных стать на его защиту. Трагизм состоит в том, что все осколки ВЦСПС (по классовой сути переродившиеся в приказчиков при буржуазном классе) по-прежнему представляются (и большей частью рабочего класса – воспринимаются) защитниками “всех трудящихся”. И до тех пор, пока эта политическая фальшивка имеет хождение, на обретение силы рабочим сопротивлением рассчитывать не приходится.

Традиционные профсоюзы – ВЦСПС, отраслевые, ФНПР, НПП и другие

Таким образом, генетической особенностью всех “вышедших” из ВЦСПС профсоюзов является их идеологическое (по Марксу – мифологическое) представление об общенародной собственности и о равенстве всех работников народного хозяйства в их отношении к этой соб-

ственности. Надо сказать, что мифологичность данных представлений о базисных отношениях “развитого социализма” рабочими ощущалась уже тогда, когда подобная мифология стала общепризнанной, официально-государственной. Что и выражалось в их попытках создать “настоящие” профсоюзы. У нас в СССР такая попытка делалась в самарской рабочей группе Разлацкого – Исаева (последующая ПДП), чуть раньше то же самое начинало делаться в польской “Солидарности”. Интересно отметить, что и в Польше, и в СССР теоретической основой обеих инициатив первоначально была попытка рабочих “возвратиться к истокам”, затем умело использованная прикормленными, направляемыми Западом профлидерами типа того же Леха Валенсы. Характерно далее, что и в том и в другом случаях (и в Польше, и в СССР) обе группы обращались “за помощью и поддержкой” к правящим партиям. Результат известен: обе группы оказались объектами государственных репрессий. Что касается СССР, то попытка создания новых профсоюзов, к вящей славе ВЦСПС, в 80-х годах провалилась. (В Польше же она, как известно, выродилась в “триумф”).

Как бы то ни было, несоответствие профсоюзных организаций СССР и Польши (как и других стран “социалистического содружества”) интересам наемных работников – прежде всего рабочих – было выявлено еще до “перестройки” и, что важно, выявлено простыми рабочими.

В 1991 году это выявленное несоответствие стало фактом. Профсоюзы ВЦСПС пошли по пути, полностью аналогичному пути “общенародного” директората. Пошли, разваливаясь по отраслям и по подотраслям, по предприятиям, принимая законы приватизации и рыночного регулирования размера заработной платы. Разваливаясь и разваливая всю ранее “незыблемую” и “охраняемую” “общенародную собственность”. Пошли, мимикрируя и трансформируясь в профсоюзы-невидимки, в профсоюзы “молчания”, организации, полностью лояльные к буржуазной власти. Активность “осколков” ВЦСПС проявлялась либо в образовании новых, “рыночных” профсоюзов типа НПП (на деньги и при поддержке АФТ-КПП), либо в “местоблюстительстве”: ничего не делать, но и никого к месту не подпускать. В “свободных” же профсоюзах развивался другой “активизм”: там рыночная философия принималась “на ура”, там Президент Ельцин представлялся героем, смело разрушающим лицемерие, пропавшее все существование “общенародного” ВЦСПС.

Следует отметить, что раскол профсоюзов по линии образующихся ФНПР, Соцпрофа, НПП и других “свободных” профсоюзов полностью повторял раскол в среде российской буржуазии. С точностью до деталей профсоюзы раскалывались на группировки “демократов” (новая торгово-финансовая буржуазия, ориентирующаяся на Запад) и “национал-патриотов” (номенклатурная буржуазия, ориентирующаяся на отечественный рынок и на “почвеннические” методы построения “великого” отечественного капитала), воюющие до сих пор. “Демократические” профсоюзы образовывались на конечных пунктах добывающих отраслей промышленности (в частности, в – ТЭКе) и в конкурентоспособных машиностроительных отраслях, “национал-патриотические” – в основном в военно-промышленном комплексе.

В это же время тенденция к построению “настоящих” профсоюзов привела к созданию в октябре 1991 года рабочих профсоюзов “Защита”.

Так сложилась физиономия профсоюзного движения осени 91-го, весны 92-го года, таковой же она остается и до сих пор. Два блока “буржуазных” профсоюзов, оба “беспартийные” и политикой “не занимающиеся”, и один

блок пролетарских, рабочих профсоюзов – пока немногочисленных, наталкивающихся на предприятиях и в учреждениях на резкое сопротивление как обоих блоков буржуазии, так и обоих блоков “официальных” профсоюзов.

Таким образом, вопрос о взаимодействии рабочей партии и рабочих профсоюзов (не только “Защиты”) распадается на определение отношения пролетарской партии к “официальным” профсоюзам и на выработку методов работы этой партии в рабочих профсоюзах.

Рабочая партия и “официальные” профсоюзы

Сейчас, когда я пишу эти строки, положение в пролетарской, политической сфере – в отношении к официальным профсоюзам – выглядит следующим образом. Полностью определились рабочее крыло РКРП, Движение “За рабочую партию”, практически все мелкие политические группы, работающие в среде рабочего класса. Отношение этой части “совокупной” рабочей партии к официальным профсоюзам определено как резко отрицательное. Официальные профсоюзы здесь оцениваются как “агентура буржуазии” в профсоюзном и в рабочем движении, роль которой заключается в гашении недовольства и протестной активности трудящихся. Это определено в смягченной 8-м съездом РКРП резолюции “О профсоюзах”, в аналогичной резолюции 6-го съезда СРКСС (март 1998 г.), в одноименной резолюции 2-го съезда РКСМ(б) (октябрь 1998 г.).

ОФТ практически с начала своего участия в движении рабочих профсоюзов “Защита” (конец 1995 г.) определил идентичную указанным выше резолюциям позицию и никогда по этому вопросу не колебался. Что касается малых групп – типа самарской МРП и других, – их позиция в целом совпадает с вышеуказанной.

Если вернуться к РКРП, то ее позиция, несмотря на принятие резолюции “О профсоюзах”, не является полностью определенной. Часть партии продолжает думать (что не так важно) и действовать (что более важно) в соответствии с известным тезисом КПРФ: “Не надо рушить существующие профсоюзы”. Пытаются “использовать ФНПР” для развертывания пролетарской борьбы. Пытаются “сдвинуть влево”, критиковать и поощрять “сдвиги влево”. Заявляют: “Какие бы они (официальные профсоюзы) ни были “желтые”, именно ФНПР выводит миллионные массы на улицы”. Хороший критерий истины в марксистской партии: “Выводить миллионные массы на улицы”! Для обмана и “выпускания пара”! Можно успокоить этих товарищей – после 7 октября 1998 года миллионных толп больше не будет. Рабочие, как мы полагаем, в политике официальных профсоюзов разобрались раньше, нежели “авангардные” товарищи, желающие вести рабочих.

Другой мотивировкой необходимости работать “во всех профсоюзах” является простая ссылка на то, что так действовали большевики: работали же они в гапоновской организации! Я могу добавить больше: коммунисты работали и в фашистских корпорациях в Испании Франко и в Италии Муссолини. Более того, в Испании они сумели даже создать рабочие комиссии (в рамках корпоративных “профсоюзов”). Но ... те же большевики сразу же поддержали образование рабочих профсоюзов, когда создались минимальные легальные возможности для этого. Думается, что так поступили бы и итальянские и испанские товарищи в подобной же ситуации. (Рабочие комиссии в Испании, кстати, в такой ситуации и возникли). Так, спрашивается, зачем же работать в организациях классового врага, когда есть все легальные условия для создания рабочих, профессиональных организаций? Для того,

чтобы поддерживать мифы, выгодные классовому врагу? Или для того, чтобы вместе с ним настаивать на соблюдении нужных буржуазии законов и правил ведения классовой борьбы? Я понимаю, почему такое сотрудничество осуществляется в профсоюзах партиями буржуазии, но понять, почему на таком сотрудничестве настаивают члены рабочей партии, не могу.

Хотелось бы пожелать партиям, которые хотят быть партиями рабочего класса или уже объявили себя таковыми, скорее определиться в профсоюзном движении России. Пока же рабочие в организациях российской “Защиты” различают только: КПРФ – против “Защиты” и тех энтузиастов – без различия партийной принадлежности, – которые помогают рабочим строить свои профсоюзы и отражать атаки со всех сторон, направленные на разгром “Защиты”. Необходимо скорее понять, что надо идти во главе передовой части рабочего класса, а не в хвосте той его части, которая еще не полностью осознает свой классовый интерес.

Рабочая партия и рабочие профсоюзы

Рабочие профсоюзы – новое явление в политическом спектре России. Больше того, правильно полагать (см. выше), что именно с их рождением связано возрождение профсоюзного движения России. Новое явление требует новых подходов. Каковы же эти новые подходы?

“Приводной ремень от партии к массам”. Против этого ленинского определения возражать было бы невозможно, если бы мы не наблюдали на практике отнюдь, не ленинскую трактовку этого определения. Последняя заключается в том, что зачастую рассуждают так: “Я, член рабочей партии, прихожу в профсоюзную ячейку, например, “Защиты”, а меня там никто слушать не хочет”. Это рассуждение полностью отражает позиции отдельных членов и даже комитетов рабочей партии. Делят организации “Защиты” на “подчиняющихся партии” и на “не подчиняющихся партии”. Рассуждают: “Сколько “наших” ячеек, а сколько “не наших”?”

Ленинское определение “приводного ремня” предполагает совсем другое его содержание, а именно, что член рабочей партии **умеет организовать рабочих** в их классовую организацию, **умеет помочь рабочим** использовать их классовую организацию для защиты **их** классового интереса, **пользуется**, наконец, **авторитетом** в рабочей среде, ведет ее, **выражает ее интересы**. Ильич именно это имел в виду и видел такие кадры в рядах большевистской партии (такими были Иосиф Сталин, Серго Орджоникидзе, Сергей Киров и многие другие большевики, входившие в любую рабочую среду, “как нож в масло”, и умеющие из нее выковырять стальные когорты пролетарского класса).

К сожалению, сегодня мы часто в своей среде встречаем товарищей, предпочитающих козырять должностями и удостоверениями различных комитетов, а не умением подходить к рабочей массе, умением организовать ее. С другой стороны, известная группа идеологов занимается из года в год схоластическими рассуждениями, вместо того чтобы изучать вопросы конкретной организации рабочей массы, отыскивать пути к эффективному использованию всех наличных условий для такой организации. Спрашиваешь себя: “А почему рабочие должны слушать таких членов рабочей партии?” и ответа, естественно, не находишь.

“Профсоюзный электорат”. Хотя подобное явление чаще всего встречается в практике работы КПРФ, оно же более редко наблюдается и в рядах рабочей партии. Нехитрый расчет – чем больше ячеек “Защиты”, которые образуются при минимальной помощи товарища-депутата

или товарища-желающего-быть-депутатом, тем больше расширяется его *личная* электоральная база. Нетрудно понять, что подобное стремление без повседневного погружения в рабочую среду с ее жизненными интересами (по принципу: “прилетели – улетели”, как метко подметила делегат 8-го съезда РКРП из Анжеро-Судженска) дискредитирует не только данного товарища, но и ту партию, которую он представляет. Подобное желание некоторых “защитников рабочего класса из депутатских кресел” должно находить решительное осуждение в рядах рабочей партии.

“Практика возглавления”. Рассуждают так: раз деятельность по организации ячеек “Защиты” признана важнейшим делом партии, будет вернее, если я или назначенный комитетом партии товарищ станем возглавлять тот или иной региональный комитет “Защиты”. Исполком ОРП “Защита” решительно противодействует регистрации тех профсоюзных ячеек, в которых под названием рабочих профсоюзов “Защита” создаются, по сути, новые ячейки ФНПР, возглавляемые депутатами, их помощниками, директорами АО и начальниками цехов. Данная практика создания рабочих профсоюзов ничего, кроме дискредитации самой идеи ОРП “Защита”, не несет. С другой стороны, мы ничего не имеем против создания “гибридных” профсоюзов, но тогда не называйте их профсоюзом “Защита”. “Защита” – профсоюз классовый, пролетарский. Устав профсоюза не позволяет принимать в его ряды ни одного представителя администрации (составной части буржуазного класса!). Это требование действует неукоснительно, безотносительно к партийной принадлежности.

В “Защите” недопущение представителей администрации закреплено и применением советского принципа делегирования полномочий: все товарищи, которые такие полномочия получают, получают их только “снизу” – в ячейках, от ячеек – в комитетах того или иного уровня. Никаких полномочий “сбоку” или “сверху” в “Защите” никто получить не может. “Защита”, таким образом, полностью порывает с практикой назначения партийных (часто негодных) кадров на профсоюзные посты того или иного уровня. Практика, которую в нарушение этого принципа, ранее широко использовала КПСС.

“Профсоюз-партия”. Этот подход к рабочим профсоюзам “Защита” развивал первый председатель Исполкома ОРП т. Леонов Ю.Ю., который, как он утверждал, исходил из опыта польской “Солидарности”. Но, на наш взгляд, именно “Солидарность” продемонстрировала, что профсоюз не может быть партией и что настоящей партией, направлявшей “Солидарность”, являлись политичес-

кие институты польской буржуазии.

Рабочие профсоюзы – не партия. Но они и не только профсоюзы. Если брать сегодняшний момент, то скорее всего аналогом рабочей “Защиты” являются те рабочие Советы, которые двигали русскую революцию 1917 года. В “Защите” сосредоточена деятельность различных партий и организаций, между позициями которых существуют известные различия, но нет различия в главном – в отношении к роли рабочего класса в текущих и в будущих событиях в России. “Защита” тесно связана со стачкомами и рабочими комитетами, ее комитеты сами, как показывает опыт проводимых профсоюзом забастовок и акций, легко трансформируются и в стачкомы, и в рабочие Советы и комитеты, берущие на себя не только профессиональное, но и политическое руководство рабочими массами.

Вместе с тем опыт показывает, что эти превращения происходят только **там и тогда**, когда такое политическое руководство имеет место уже непосредственно внутри самих профсоюзных комитетов либо оказывает на них решительное воздействие. Принципиальным является то обстоятельство, что в любом случае это наличное политическое руководство пользуется в комитетах ранее завоеванным и неоспоримым авторитетом. По-видимому, образцом, по которому могут строиться рабочие профсоюзы “Защита”, должны быть фабзавкомы 1917 года, в деятельности которых органически сочетались профсоюзные, советские и классово-партийные моменты. Что касается Советов 1917, то опять же их опорой на заводах были ячейки, объединенные теми же фабзавкомами. Напомню, что именно эти переплетения в деятельности фабзавкомов и Советов привели Ленина (после третьего июльского разгрома Советов) к мысли использовать именно фабзавкомы в качестве основной структуры революционной диктатуры рабочего класса.

Как бы то ни было, итогом рассмотрения поставленной проблемы может служить призыв ко всем политическим партиям, на знаменах которых написано “Диктатура пролетариата”, активно участвовать в организации и в деятельности ячеек и комитетов “Защиты”. **Главный лозунг сегодняшнего дня** – объединение рабочего класса России в своих, отмежеванных от буржуазии и от ее политических институтов, классовых организациях. Объединенный рабочий класс, ставший классом для себя, а значит – и для всех трудящихся, может и должен стать **главным** фактором политической жизни сначала капиталистической, а затем и социалистической России. Единый рабочий класс непременно победит и непременно будет непобедимым!

КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Куба не продает свою революцию, стоившую крови и жертв многих ее сынов

Фидель Кастро

В начале июня текущего года один французский журнал опубликовал в сжатом виде записки господина Федерико Майора Сарагосы, который до недавнего времени являлся Генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), о его беседе с главнокомандующим Фиделем Кастро, состоявшейся 28 января этого года во время визита Майора на Кубу в связи со второй Международной встречей экономистов, проходившей в Гаване с 24 по 28 января.

В конце мая Федерико Майор прислал копию этих опубликованных в сжатом виде записок, а также длинный список вопросов для интервью по аналогичным темам, которое он намеревался опубликовать в другом органе. Но еще до публикации вышеупомянутых записок некоторые информационные агентства распространили их записи, вырвав из контекста отдельные фразы и неправильно интерпретировав их.

Несколько дней спустя поспешная и неполная публикация резюме этих записок, ведущая к их неверной интерпретации, вынудила Фиделя Кастро найти минимум необходимого времени, чтобы с предельной точностью ответить на все 33 вопроса, которые прислал Федерико Майор.

Ниже публикуются ответы Фиделя Кастро на вопросы Федерико Майора.

Федерико Майор: Наряду с Китаем, Вьетнамом и Северной Кореей Куба считается последним бастионом социализма. Но имеет ли смысл через десять лет после падения Берлинской стены слово “социализм”?

Фидель Кастро: Сегодня я более чем когда-либо убежден, что оно имеет большой смысл.

То, что произошло 10 лет назад, было наивным и неосознательным разрушением великого социального и исторического процесса, который следовало совершенствовать, но отнюдь не разрушать. Этого не смогли добиться гитлеровские орды, даже путем уничтожения более двадцати миллионов советских людей и опустошением половины страны. Теперь в мире господствует единственная сверхдержава, которая в борьбе против фашизма не понесла и 5 процентов жертв, понесенных советскими людьми.

У нас на Кубе – сплоченная страна и Партия, которая руководит, но не выставляет своих кандидатов. Жители, собравшись на открытые ассамблеи, предлагают, выдвигают кандидатов и выбирают депутатов по 14686 избирательным округам, которые являются основой нашей избирательной системы. Они составляют ассамблеи своих муниципий и выдвигают кандидатов в провинциальные и в Национальную Ассамблею – органы государственной власти на этих уровнях, – которые выбираются тайным голосованием более чем 50 процентами действительных бюллетеней в соответствующих округах

Голосовать никого не обяжут, но в выборах принимает участие более 95 процентов избирателей. Многие в мире даже не потрудились узнать об этих фактах.

В Соединенных Штатах, где столько говорят о многопартийности, существуют две партии, настолько одинаковые по методам, задачам и намерениям, что на практике они создали самую совершенную в мире однопартийную систему. В этой “демократической стране” 50 процентов граждан не голосует, и там команда, собравшая больше

средств, обычно побеждает голосами только 25 процентов избирателей. Вся политика сводится к препирательствам, борьбе тщеславий и личным или групповым амбициям в рамках установленной экономической и социальной системы. Для этой системы не существует никакой альтернативы. В малых англоязычных странах карибского региона, только что ставших независимыми, действует более эффективная парламентарная система, и пока правящая команда имеет консенсус, она сохраняет власть. Это намного стабильнее, чем президентский режим, навязанный остальной Латинской Америке в подражание модели Соединенных Штатов. Почти за два века ничего не изменилось.

При капитализме даже в самых промышленно развитых странах в действительности правят крупные национальные и транснациональные корпорации. Они решают вопросы инвестиций и развития. Они отвечают за материальное производство, за основные экономические услуги и большую часть социальных услуг. Государство просто взимает налоги, распределяет и расходует их. Во многих из этих стран правительство может целиком уйти на каникулы, и никто ничего не заметит.

Развитая капиталистическая система, позже превратившаяся в современный империализм, в конце концов навязала миру неолиберальный глобализованный порядок, являющийся совершенно невыносимым. Она породила мир спекуляций, создание фиктивных богатств и ценностей, не имеющих ничего общего с реальным производством, и сказочные личные состояния, некоторые из которых превосходят валовой внутренний продукт десятков бедных стран. Излишне добавлять к этому грабеж и растрату природных мировых ресурсов, а также жалкую жизнь миллиардов людей. Эта система ничего не обещает человечеству и не приведет ни к чему, кроме самоуничтожения, причем вместе с ней будут, возможно, уничтожены природные ресурсы, служащие опо-

рой для жизни человека на планете.

Конец истории не наступил, как кое-кто решил в эйфории, теша себя иллюзиями. В действительности, она, быть может, начинается как раз сейчас.

Ф. М.: Через сорок один год после Революции и не смотря на все трудности, с которым ему пришлось столкнуться, установленный Вами режим выстоял. Чем можно объяснить это долголетие?

Ф. К.: Борьбой и неустанной работой вместе с народом и для народа. Держаться за убеждения; быть последовательным; верить в человека; служить стране, а не быть господами в ней; строить на твердом фундаменте; создавать, искать решения проблем даже в, казалось бы, невозможных и нереальных условиях; гарантировать абсолютную честность тех, кто занимает самые высокие политические и административные посты; превращать политику в священнодействие. Таким может быть отчасти ответ на ваш вопрос, если не вдаваться во многие другие специфические факторы, свойственные нашей стране и нашей исторической эпохе.

Верно, все думали, что после краха социалистического лагеря и Советского Союза Куба не сможет выстоять. Дополнительно следовало бы спросить, как это стало возможным при двойной блокаде и экономической и политической войне, навязанной нам самой могущественной державой из всех, когда-либо существовавших, без Международного валютного фонда, без Всемирного банка, без их кредитов. Однако мы сумели совершить подвиг. На встрече на высшем уровне, недавно проходившей в Гаване, я с некоторой долей иронии сказал нашим гостям, что это было возможно, потому что мы имели привилегию не принадлежать к МВФ.

Было время, когда мы плавали в море наличности; наша денежная единица была чрезвычайно девальвирована, бюджетный дефицит достиг 35 процентов валового внутреннего продукта. Я отметил, что некоторые умные гости были поражены почти до потери сознания. В 1994 году песо – наша национальная валюта – снизил свою стоимость до 150 за один доллар. Несмотря на это, мы не закрыли ни единого лечебного учреждения, ни единой школы или детского сада, ни единого университета, ни единого спортивного центра; никого не выгнали на улицу без работы и социального обеспечения, даже когда не хватало горючего и сырья; не было ни малейшего признака обычных ненавистных шоковых методов, столь рекомендуемых финансовыми учреждениями Запада.

Каждая из мер, принятых для того, чтобы противостоять страшному удару, обсуждалась не только Национальной ассамблеей, но также на сотнях тысяч ассамблей, проходивших на фабриках и заводах, на производственных предприятиях и предприятиях услуг, в профсоюзах, университетах, средних школах и во всех крестьянских, женских, массовых и других организациях общественного характера. То небольшое, что у нас было, распределялось с соблюдением максимального равенства. Мы победили пессимизм внутри страны и за ее пределами.

За эти критические годы удвоилось число наших врачей, повысилось качество нашего образования, кубинский песо с 1994 по 1999 год был ревальвирован семь раз – со 150 за один доллар до 20 за доллар – и с тех пор его курс стабильно сохраняется на этом уровне. За рубежом не уплыл ни один доллар. Мы приобрели опыт и эффективно работаем, чтобы стать вровень со стоящими перед нами огромными задачами. Хотя мы еще не достигли уровней производства и потребления, на которых находились в момент, когда в Европе произошел крах социализма, мы уверенно и заметно восстанавливаемся; мы сохранили пока-

затели образования, здравоохранения, социального обеспечения и многих других социальных аспектов, бывших гордостью нашей страны, а некоторые даже превзошли.

Великим героем, совершившим этот подвиг, был народ, который перенес большие лишения и проявил огромное доверие к нам. То было плодом справедливости и идей, посеянных за более чем 30 лет Революции. Это настоящее чудо было бы невозможно без единства и без социализма.

Ф. М.: Принимая во внимание широкое движение глобализации, приобретающее всемирные масштабы, не стоило ли бы шире открыть кубинскую экономику для остального мира?

Ф. К.: Мы открыли экономику по мере возможности и необходимости. Мы не совершали безумств и безрассудств, отмечавшихся в других местах, где принимали, словно слова библейских пророков, советы европейских и американских экспертов. Нас не захлестнула безумная волна приватизации и тем более конфискации государственного имущества, проводимых для того, чтобы присвоить его себе или раздарить родственникам и друзьям. Это, как известно, произошло в бывших социалистических странах, как и в других, несоциалистических, под благосклонным, терпимым и пособническим прикрытием неолиберальной философии, превратившейся во всемирную пандемию. Западу это очень хорошо известно, он знает, где лежат деньги и какова судьба растроченных или украденных фондов, но об этом никто не сказал ни слова.

Мы не пытались совершить такую глупость – приспособить Кубу к нынешнему хаотическому миру и его философии; что мы сделали – так это приспособили его реалии к нашим, в то же время борясь вместе со многими другими странами так называемого третьего мира за наше право на развитие и выживание. Быть может, мы, бывшие колонизированные народы, поможем тем самым спастись и меньшинству сверхбогатых стран, почти все из которых – бывшие метрополии.

Ф. М.: Никто не ставит под сомнение социальные и культурные свершения Кубы. Но, возвращаясь к моему предыдущему вопросу, – не пошло бы им на пользу увеличение взаимодействия с внешним миром?

Ф. К.: Верно, что, как ты говоришь, мы добились больших социальных успехов, которые трудно отрицать. У нас нет детей вне школ, нет неграмотных. Примечательны достижения наших университетов. У нас множество научно-исследовательских центров, проводящих очень качественную и важную работу. Каждый ребенок получает 13 прививок, причем почти все вакцины производятся в стране, так же как большая часть принимаемых нами лекарств. В то же время мы бесплатно посылаем тысячи врачей на работу в отдаленные и бедные районы Латинской Америки, Карибского региона и Африки, чтобы осуществлять комплексные программы здравоохранения. Это возможно, потому что мы обладаем большим человеческим капиталом. Мы пригласили самые развитые страны сотрудничать, посылая медикаменты. Мы также предоставляем тысячи стипендий молодым людям из стран третьего мира для обучения медицине и другим профессиям. Во всех африканских странах, участвующих в комплексных программах здравоохранения, мы помогаем создавать факультеты, откуда когда-нибудь будут выходить сотни тысяч необходимых им врачей.

Никто не представляет себе, сколько может сделать маленькая страна третьего мира с очень малыми ресурсами, когда существует настоящий дух солидарности. Отвечая на твой вопрос, замечу, что, несомненно, этим усилиям, осуществляемым нашей страной, очень пошло бы

на пользу увеличение взаимобмена с внешним миром, на благо как нашей Родины, так и других стран.

Ф. М.: Исчезновение Советского Союза внезапно лишило Кубу драгоценной помощи. На что, по вашему мнению, рассчитывали американцы, сохраняя эмбарго, несмотря на конец конфронтации Восток-Запад? Они надеялись повлиять на вашу манеру править?

Ф. К.: Они пытались не повлиять на Революцию, а уничтожить ее. Так же, как в сенате древнего Рима во времена Ганнибала провозглашали, что Карфаген должен быть разрушен, навязчивым лозунгом правительств Соединенных Штатов было: Куба должна быть уничтожена.

Исчезновение Советского Союза и распад европейского социалистического лагеря не застали нас врасплох. Мы даже намного ранее предупредили наш народ о такой возможности. При глупых ошибках, которые там совершали, при их непрерывных постыдных уступках историческому противнику мы предвидели, что произойдет.

В экономической области ущерб для Кубы был ужасным. На мировом рынке наш сахар не получал соответствующей цены. Ранее мы добились преференциальной цены, такой, по какой Соединенные Штаты и Европа импортировали этот продукт. Почти сразу же прекратились поставки горючего, продуктов питания, самых разных сырьевых материалов и компонентов машин и промышленных предприятий. Ежедневное потребление калорий сократилось с 3 000 до 1 900, а белков – с 80 до 50 граммов. Некоторые дрогнули, но огромное большинство противостояло трудностям с невероятной отвагой, честью и решимостью.

Как я уже сказал, удалось сохранить важные показатели, а некоторые даже улучшились. Детская смертность сократилась за этот период на 40%, и в дело обслуживания населения включилось 30 000 новых, прекрасно подготовленных врачей. Наши спортсмены продолжали занимать почетные места среди первых спортсменов мира и получать самый высокий показатель золотых медалей на делегацию на Олимпийских играх, несмотря на огромное давление со стороны Соединенных Штатов и других богатых стран, которые пытаются купить кубинских ученых, видных специалистов и спортсменов.

Ф. М.: Что не означает, будто сохранение эмбарго является для кубинского народа испытанием, которое можно легко преодолеть.

Ф. К.: Разумеется, блокада является тяжелым бременем для каждого кубинца. Страны третьего мира, а также почти все страны-члены Организации Объединенных Наций многократно требовали прекращения блокады, но американский конгресс при содействии многих членов республиканского большинства, возглавляемого в этом случае господами Холмсом и Бертоном, и даже при поддержке ряда членов Демократической партии, таких, как Торричелли и другие, выступил против отмены блокады, уже ставшей самой длительной в истории.

Ф. М.: Соединенные Штаты – не единственные, кто ставит вам всевозможные условия. Европейский союз также попытался ввести в торговые отношения между Европой и Кубой “демократическую оговорку”. Что Вы думаете об этих действиях?

Ф. К.: Примечательно, что Европейский союз гораздо меньше “беспокоится” о других странах, несомненно, потому, что они представляют для него больший экономический интерес, чем могли бы представлять мы. Во всяком случае, когда речь идет о неотъемлемых принципах нашей Родины, какие бы то ни было условия неприемлемы. Нельзя ставить условия, касающиеся формы политической организации суверенной страны. Куба не торгует и не продает свою Революцию, стоившую крови и

жертв многих ее сынов.

С другой стороны, все зависит от того, что понимать под “демократической оговоркой”. Сколько так называемых “демократических” государств сидят по уши в долгах? Сколько из них допускают, чтобы вплоть до 30 процентов их населения жило в условиях крайней бедности? Почему со странами, где десятки тысяч детей живут на улице и имеется бесчисленное число неграмотных, должны обращаться лучше, чем с нами? Им непонятно, почему Куба никогда не примет политических условий Европейского союза и, тем более, Соединенных Штатов. Пусть это, наконец, поймут.

Мы не спорим о том, есть ли в Европе монархии или республики, правят ли там консерваторы или социал-демократы, защитники или противники идиллического третьего пути; происходят ли там повороты влево, к центру или вправо; существуют ли апологеты или хулители так называемого “государства благополучия”, с помощью которого пытаются временно облегчить неизлечимую болезнь безработицы. Мы даже не обязаны вмешиваться в то, что делают бритоголовые – представители возрождающихся неонацистских тенденций. Хотя у нас есть мнение по этим и по многим другим вопросам, мы не можем вводить революционные оговорки в наши отношения с Европой. Мы питаем надежду, что европейцы справятся с этим сами.

Ф. М.: Со времен маккартизма у Вашингтона существует тенденция считать, что единственные опасные режимы, которые должны быть уничтожены, – это коммунистические. Однако Белый дом не моргнув глазом терпел режимы Сомосы, Трухильо, Дювалье и других. Что вы думаете об этом двойном восприятии мира?

Ф. К.: Лучше не углубляться в лицемерие и непристойность этой политики. Мне потребовалось бы много часов и длинные исторические ссылки. В один прекрасный день индустрия лжи потеряет свой рынок, она его уже теряет. Если вы действительно глубже рассмотрите истинное положение вещей, вы поймете, что политическая концепция империализма, так же как экономический порядок и неолиберальная глобализация, навязанные миру, одиноки и беззащитны в сфере идей и этики. Именно в этой области будет происходить главная битва нашего времени. И конечный результат этого сражения, без всяких вариантов, будет на стороне правды и потому на стороне человечества.

Ф. М.: Следите ли вы за американской избирательной кампанией?

Ф. К.: Конечно, не только за президентской кампанией, но я даже развлекаюсь, наблюдая за другими аспектами этой большой комедии. Приведу один пример: борьба за место в сенате от штата Нью-Йорк. Что касается Хиллари Клинтон, я припоминаю случаи, когда она так блестяще защищала в конгрессе социальную программу медицинских услуг, которые сегодня недоступны миллионам бедных американцев.

Я также с интересом слушал ее выступление на заседании Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Она говорила открыто, убедительно и казалась искренней. Она вела себя с большим достоинством, когда семья оказалась вовлеченной в тяжелый и болезненный кризис. Но иногда ее советники дают ей неправильные советы, как в случае с пуэрториканцами, освобожденными правительством Клинтон после долгого, жестокого и безжалостного тюремного заключения, когда она враждебно отнеслась к этому сокращению сроков наказания. Кроме того, я могу добавить, что совсем недавно, в случае с незаконно задерживаемым кубинским ребенком Элианом Гонсалесом, она заняла ошибочную и малозначимую

позицию, заявив, что отец ребенка должен дезертировать, это серьезное и беспричинное оскорбление честного патриота, и в этом ее слова совпали не только по содержанию, но и почти точно по времени с высказыванием кандидата в президенты от республиканцев.

В общем, когда люди казалось бы честные оказываются втянутыми в водоворот американской избирательной кампании, они рискуют потерять всякий престиж и уважение.

Ф. М.: До чего может дойти процесс приватизации на Кубе? А что касается “долларизации” экономики, не является ли это ударом, наносимым одновременно по социализму и валютному суверенитету страны?

Ф. К.: Я уже тебе сказал, что приватизацию следует проводить с большим здравым смыслом и мудростью, безо всяких безрассудств. Надо очень хорошо различать работу, по своей природе сугубо индивидуальную и часто ручную и кустарную, где массовое производство и технология не играют основной роли, и такую, где инвестиции требуют капитала, технологии и рынков, в этом случае может быть в высшей степени целесообразной ассоциация с иностранными предприятиями. Наша страна не может ни вести разведку, ни эксплуатировать возможные нефтяные месторождения на 110 тысячах квадратных километров, принадлежащих Кубе в Мексиканском заливе, без технологий и капиталов, поступающих из-за рубежа.

С другой стороны, внутри страны, при получении самого высокого качества и урожайности таких культур, как специальные сорта табака (дело самоотверженных и почти фанатичных любителей разведения этой культуры, которое должно вестись ручным способом и на небольших участках), — нет таких машин и крупных предприятий, которые могли бы заменить труд отдельного человека. Тем, кто обладает такими чертами характера, бесплатно даются необходимые участки земли, чтобы они обрабатывали их своими силами. И, напротив, было бы абсурдно делать это с большими, высоко механизированными плантациями сахарного тростника. В кубинском сельском хозяйстве существуют самые различные формы собственности: индивидуальная, кооперативная разных типов, созданы механизмы кооперации, сбора и продажи продуктов, и есть даже специализированные государственные предприятия, которые мы с успехом создаем в нашей стране.

Равным образом, в самых разных отраслях экономики существуют производственные и торговые ассоциации с иностранными предприятиями, которые функционируют прекрасно.

В вопросе приватизации не надо упрощать. Общий принцип таков, что на Кубе ничего, что было бы целесообразно и возможно сохранить как собственность всего народа или коллектива трудящихся, не будет приватизировано.

Наша идеология и наши предпочтения — социалистические, ничего сходного с эгоизмом, привилегиями и неравенством капиталистического общества. На нашей Родине ничто не перейдет во власть высокого должностного лица, и ничто не будет подарено соучастникам и друзьям. Ничто, что можно эксплуатировать эффективно и с высокой отдачей на благо нашего общества, не перейдет в руки кубинцев-частников или иностранцев. И в то же время могу тебя заверить, что никакие инвестиции не пользуются в мире большими гарантиями, чем те, которые, защищаемые законами и честью страны, были разрешены на Кубе.

Относительно твоего упоминания о долларизации экономики я должен сказать две вещи. Первая: в настоящее время мировая экономика долларизирована. После

Бреттон-Вудса Соединенные Штаты получили привилегию выпускать резервную валюту мировой экономики. Вторая: на Кубе существует национальная валюта, на которую никак не распространяется власть Международного валютного фонда. Она, как я уже рассказывал, вела себя героически, будучи ревальвирована семь раз за рекордный срок. Здесь не существует утечки капиталов. Кроме того, возник конвертируемый песо, равный доллару, и его свободное хождение было просто неизбежной необходимостью, но отнюдь не плодом экономической концепции. Я думаю, что в будущем нам никогда не придется вновь запрещать владение долларами или другой иностранной валютой, но их свободное хождение в уплату за многие продукты и услуги будет длиться лишь столько, сколько это будет сочтено полезным в интересах Революции. Потому мы можем абсолютно не беспокоиться по поводу знаменитого выражения “долларизация экономики”. Мы прекрасно знаем, что делаем.

Ф. М.: Фидель, в 1997 году в Гаване Вы сказали мне публично: “Федерико, сегодня у нас уже нет нужды в революциях. Впредь борьба будет состоять в том, чтобы лучше всем делиться. Нашей задачей уже является не классовая борьба, а сближение классов в рамках справедливого и мирного сосуществования”. Три года спустя вы продолжаете думать так же?

Ф. К.: Я не уверен, что когда-то выразился именно так. Быть может, произошла некая путаница в словах или истолковании, потому что кое-какие из этих пунктов достаточно далеки от моих идей.

Недавно я присутствовал в Гаване на международной встрече экономистов, в которой участвовали представители разоренных стран, где на обслуживание долга идет более 40 процентов бюджета — долга, приобретенного “очень демократическим способом” прежними, а также нынешними правительствами. Наблюдается большое чувство бессилия перед сложными задачами, поставленными глобализацией, которая считается неизбежной, но которая до настоящего времени была отмечена зловещим знаком неолиберализма. На этой встрече представители Межамериканского банка развития и Всемирного банка совершенно свободно защищали свои точки зрения, но выводы о неустойчивом характере господствующего экономического порядка были ясны для многих из присутствовавших.

Мы не можем продолжать идти путем, который с каждым днем все более отдаляет бедные страны от богатых и который порождает во всех них все более разительное социальное неравенство. В самое ближайшее время основное для Латинской Америки и карибских стран — это интеграция. Только объединившись, мы сможем добиться пересмотра нашей роли в этом полушарии. Я говорю то же самое о необходимости объединить усилия стран третьего мира по отношению к могущественному и ненасытному клубу богачей. Я уже не раз указывал, что решение задачи интеграции и объединения усилий не может ждать, пока сначала произойдут глубокие социальные изменения или социальные революции в каждой из этих стран. Я также утверждал, что, будучи неустойчивым, нынешний мировой экономический порядок подвержен вполне реальному риску катастрофического обвала, который оставит далеко позади катастрофу и длительный кризис, начавшийся в 1929 году, когда лопнули американские биржи, поскольку стоимость их акций оказалась вздутой за пределами. Даже полный воодушевления, опытный Гринспен, президент Федерального резерва Соединенных Штатов, — чьи бессонные глаза ни на минуту не отрываются от статистических данных, выдаваемых

этой бесконтрольной и непредсказуемой рулеткой – спекулятивной системой, где делают ставки и куда вкладывают свои сбережения 50 процентов американских семей, – не осмелился бы утверждать, что подобного риска не существует. Способ избежать этого не был и не может быть изобретен в рамках такой системы. Я непрерывно говорю о необходимости открыть глаза на эту реальность. Может произойти обвал до того, как народы будут к нему подготовлены. Изменения не рождаются в чьих-либо головах, однако головы должны быть готовы к этим неизбежным изменениям, которые приобретут самые разные формы и пойдут самыми разными путями, без каких-либо исключений, хотя эти пути, с моей точки зрения, станут главным образом результатом действий масс, которые никто не сможет сдержать.

Однако все это будет непросто. Слепота, легкомыслие и безответственность так называемого политического класса сделают этот путь труднее, но он не будет неодолим.

Ф. М.: Существует ли для бедных хотя бы минимальная надежда на улучшение жизни в ближайшие двадцать лет?

Ф. К.: Человечество начинает осознавать происходящее. Посмотрите, что произошло в Сизтле и в Давосе.

Часто вспоминают ужасы холокоста и акты геноцида, имевшие место на протяжении этого века, но, похоже, забывают, что каждый год по вине экономического порядка, о котором мы говорим, от голода и болезней, которые можно предупредить, умирают десятки миллионов человек. Можно потрясать положительной с виду статистикой роста, но, в конце концов, для стран третьего мира все остается по-прежнему или становится еще хуже. Рост часто опирается на накопление потребительских товаров, которые никак не способствуют подлинному развитию и лучшему распределению богатств. Большая правда состоит в том, что после нескольких десятилетий неолиберализма богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее и беднее.

Ф. М.: На последней встрече на высшем уровне Группы 77, проходившей в апреле в Гаване, вы сформулировали ряд идей, направленных на переустройство международного порядка. Вы могли бы вернуться к этим предложениям?

Ф. К.: Там я выступал за аннулирование внешнего долга наименее развитых стран и за значительное облегчение долга многих других стран. Я также высказался за закрытие Международного валютного фонда. Странам третьего мира пора уже выступить с требованием освободиться от механизма, который был неспособен обеспечить стабильность мировой экономики. В более общем смысле я осудил пагубные результаты этой лицемерной политики – неолиберализма – для всех слаборазвитых стран, и в особенности для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Я сказал, что нужен Нюрнберг, чтобы судить геноцид, каким является нынешний мировой экономический порядок.

Ф. М.: Это несколько преувеличено!

Ф. К.: Быть может, наоборот: несколько преуменьшено. Во имя точности я просто приведу некоторые абзацы из речи на закрытии встречи на высшем уровне стран Юга:

“Раньше говорили об апартеиде в Африке, сегодня мы можем говорить об апартеиде в мире, где более 4 миллиардов человек лишены самых элементарных человеческих прав: на жизнь, на здравоохранение, на образование, на питьевую воду, на питание, на жилье, на работу, на веру в будущее для себя и для своих детей. Судя по тому, как развиваются события, скоро для нас не останется даже воздуха, чтобы дышать, воздуха, который все

больше отравляют расточительные потребительские общества, заражающие жизненно важные элементы и разрушающие среду обитания человека.

[...]

Богатый мир пытается забыть о том, что причинами отсталости и бедности были рабство, колонизация, жестокая эксплуатация и грабеж, которым в течение веков подвергались наши страны. На нас смотрят как на низшие народы. Связывают бедность, от которой мы страдаем, с мнимой неспособностью африканцев, азиатов, карибов и латиноамериканцев, то есть негров, индейцев, желтокожих и метисов, развиваться и даже управлять своими странами самостоятельно.

[...]

Я твердо убежден в том, что нынешний экономический порядок, навязанный богатыми странами, не только жесток, несправедлив, бесчеловечен, противоречит неизбежному курсу истории, но также является воплощением расистского мировоззрения, которое в свое время вдохновило в Европе нацизм с его массовым истреблением людей и концентрационными лагерями, называемыми сегодня в странах третьего мира лагерями беженцев, где на самом деле сконцентрированы бедность, голод и насилие; воплощением тех же расистских концепций, которые в Африке инспирировали чудовищную систему апартеида.

[...]

Мы боремся за самые священные права бедных стран, но в то же время боремся и за спасение этого „первого мира“, неспособного обеспечить существование человеческого рода, управлять собой при своих противоречиях и эгоистичных интересах, а уж тем более править миром, руководство которым должно быть демократическим и совместным; мы боремся – это практически можно доказать с цифрами в руках – за сохранение жизни на нашей планете”.

Одним словом, Федерико: необходимо срочно бороться за наше выживание, за выживание всех стран – бедных и богатых, потому что все мы плывем на одном корабле. И в этом смысле я сделал на саммите очень конкретное предложение по деликатному и сложному вопросу: я попросил страны третьего мира-экспортеров нефти предоставить преференциальные цены самым отсталым странам, вроде того, что было сделано Пактом в Сан-Хосе, подписанным двадцать лет назад Венесуэлой и Мексикой, в силу которого центральноамериканским и карибским странам разрешается покупать нефть на более благоприятных условиях.

Ф. М.: Вы так сурово судите об Организации Объединенных Наций?

Ф. К.: Нет, никоим образом, хотя я считаю ее структуру анахронизмом. После 55-летнего существования необходимо создать эту организацию заново. Организация Объединенных Наций должна отвечать своему названию: нации должны быть действительно объединены во имя достижения по-настоящему гуманных и самых важных целей. Все страны, большие и малые, развитые и слаборазвитые, должны иметь реальную возможность быть услышанными. ООН должна бы превратиться в большое место для встреч, где можно будет высказать и обсудить все мнения и точки зрения. Ее функционирование должно быть по-настоящему демократичным. Важно, чтобы в органах Организации Объединенных Наций действовали такие группы, как Группа 77 и Движение неприсоединившихся стран. Структура Организации Объединенных Наций должна быть преобразована, чтобы организация играла ту важную роль, которая подобаает ей в сегодняшнем мире. Например, социальное развитие является сегодня

одной из самых драматичных потребностей стран третьего мира, и задача Всемирного банка – не поставлять средства для разрешения финансовых кризисов: он был создан, чтобы способствовать социальному развитию, отставание в котором стало сегодня самым большим бедствием нашей эпохи.

Ф. М.: Глядя на карту мира, какие изменения вы хотели бы на ней сделать?

Ф. К.: Я думал бы о мире, достойном человека, без сверхбогатых и расточительных стран, существующих наряду с бесчисленными странами, прозябающими в нищете; о мире, где сохранялась бы самобытность всех культур; о мире, где существует справедливость и солидарность; о мире без грабежа, угнетения и войн, где наука и техника стояли бы на службе человека; о мире, где природу бы охраняли и где многочисленный людской рой, каким мы являемся сегодня, смог бы выжить, расти и пользоваться духовными и материальными богатствами, созданными его разумом и усилиями.

Нет нужды спрашивать меня об этом. Я мечтаю о мире, который невозможно никогда построить на основе капиталистической философии.

Ф. М.: Что вы думаете об эволюции Латинской Америки в целом?

Ф. К.: Я думаю, что Латинская Америка потеряла почти 200 лет истории в своем социальном развитии и в своей политической интеграции. У некоторых латиноамериканских стран намного больше экономических ресурсов, чем у Кубы, уже более 40 лет живущей в условиях блокады. Но если хорошенько на них взглянуть, получается, что во многих из них третья часть населения не умеет читать и писать, что у миллионов латиноамериканцев нет даже крышки над головой, что страны погрязли в долгах до такой степени, что их развитие практически невозможно. Латинскоамериканский долг настолько велик, что многие страны региона, каким бы ни был их валовой внутренний продукт, не могут гарантировать достойной жизни большинству своих граждан. Их экономики, которые, если судить по макроэкономическим цифрам, действуют хорошо, оказались в руках крупных финансовых и технологических держав. Из всех них утекают в богатые страны такие капиталы, размеры которых никто не может подсчитать. Их слабые валюты беззащитны перед натиском спекулянтов. Резервы валют, которыми их пытаются защитить высокой ценой инертных фондов, ничем не способствующих экономическому и социальному развитию, растворяются за несколько дней при любой угрозе девальвации. Доходы от приватизации, отчуждающей национальное достояние, исчезают, не принося никакой пользы. Под угрозой финансового кризиса или девальвации все капиталы становятся кочующими – как краткосрочные займы, так и капиталы граждан, опасаящихся неизбежной убыли своих сбережений. Формулы безграничного повышения процентных ставок, к которым так часто прибегают, ввергают в хаос и усложняют всю экономическую жизнь страны. Латинская Америка, как и остальной третий мир, является жертвой навязанного ей международного экономического порядка, про который я уже сказал, что он неустойчив. Разделенные, “балканизированные”, обольщенные обманчивыми иллюзиями прогресса и развития, которые порождены пением сирены – договора о свободной торговле стран полушария, – страны Латинской Америки рискуют окончательно потерять свою независимость и оказаться аннексированными Соединенными Штатами.

Ф. М.: Мне хотелось бы теперь затронуть деликатную тему: тему свободы слова и мысли. Кубинский режим регулярно подвергается нападкам за его репрессивную по-

литику в этом плане.

Ф. К.: Я уже догадался, что ты собирался сказать. Прежде надо бы спросить, можно ли говорить о свободе слова и мысли в США – огромном регионе мира, где огромное количество граждан полностью или функционально неграмотны. Это может показаться жестокой насмешкой. Но есть кое-что и поуже. Многие люди в мире не только лишены свободы мысли: им сломали аппарат мышления. Миллиардам человеческих существ, включая значительную часть тех, кто живет в развитых обществах, говорят, какой прохладительный напиток надо пить, какую сигарету курить, какую одежду носить, какие туфли надевать, каким продуктом какой марки надо питаться. Их политические идеи поставляются им таким же способом. Ежегодно тратится на рекламу триллион долларов. Она сыплется дождем на беззащитные массы, которые полностью лишены элементов суждения и знаний, чтобы размышлять и соображать. Такого не было никогда ранее в истории человечества. У первобытного человека было больше свободы мысли. Хосе Марти сказал: “Быть культурными, чтобы быть свободными”. Следовало бы добавить такой афоризм: свобода без культуры невозможна. Образование и культура – вот чего более всего дала Революция нашему народу, намного больше, чем получили народы большинства развитых стран, где жизнь в обществе потребления отнюдь не является залогом культурности. Иногда становится страшно от поверхностности и неопределенности их знаний. Куба подняла средний уровень знаний своего населения до 9 классов. Это всего лишь основа. Еще через десять лет культура кубинцев будет на уровне выпускника университета, и она будет комплексной. Для этого уже созданы все условия. Никто теперь не сможет помешать тому, что мы станем самым культурным народом Земли и вдобавок к этому будем обладать глубокой политической культурой, не догматической и не сектантской – политической культурой, которой так не хватает многим из самых богатых стран мира. На службу столь великой цели мы поставим созданные человеком сказочные технологии без коммерческой рекламы. Лучше немного подождать, чтобы говорить о настоящей свободе слова и мысли, это нечто, что никогда не сможет сочетаться с жестокой экономической и социальной системой капитализма, которая является отрицанием культуры, солидарности и этики

Ф. М.: Как кубинское государство думает содействовать выполнению этого требования?

Ф. К.: Отчасти я ответил на этот вопрос. Что касается наших конкретных шагов, мне хотелось бы глубже коснуться этого в другом интервью.

Ф. М.: Уже несколько лет мы наблюдаем, как в стране зарождается эмбрион оппозиции: это группы диссидентов, которые начинают организовываться. В таких условиях не пора ли режиму открыться для политического плюрализма?

Ф. К.: Настоящая оппозиция возникла, когда совершилась самая глубокая социальная Революция на этом континенте – в разгар холодной войны и в 90 морских миль от Соединенных Штатов, которые организовали и возглавляли оппозицию в течение более 40 лет.

Революция покончила со столетними привилегиями и затронула интересы самых богатых и влиятельных слоев кубинского общества; в то же время затронула интересы крупных сельскохозяйственных, горнодобывающих, промышленных, коммерческих и сервисных предприятий, созданных Соединенными Штатами на Кубе. Мы пережили грязные войны, вторжения наемников, угрозы прямых военных нападений и были на грани ядерной войны.

Руководителем этой колоссальной контрреволюционной деятельности и всего, что было потом – экономической, политической и идеологической войны, – было и остается до сегодняшнего дня правительство Соединенных Штатов. Остальное – чистая фикция, искусственно созданная и всегда хорошо финансируемая сверхдержавой, ее союзниками и лакеями, в обертке из лжи и клеветы, составляющей спинной хребет системы без идей и без этики, которая противостоит Революции, уже пережившей, выдержавшей и преодолевшей свои самые суровые испытания, и объединенному, боевому и политически более сильному народу.

В этом смысле не будет никаких открытий. Нам незачем поддерживать стратегию Соединенных Штатов.

Ф. М.: Большинство ваших министров еще не родилось, когда победила революция Кастро.

Ф. К.: Это свидетельствует, что они молоды, и нашей Революции конца еще не видать.

Ф. М.: Каковы сейчас мечты кубинского народа?

Ф. К.: Думаю, что у каждого из 11 миллионов есть своя мечта.

Ф. М.: Чем они отличаются от мечтаний предыдущего поколения?

Ф. К.: Тем, что раньше каждый мечтал о счастье для себя, а сегодня все мечтают о счастье для всех.

Ф. М.: Не хотели бы вы теснее привлечь население к принятию политических решений?

Ф. К.: Неужто вы думаете, что Куба и Революция могли бы существовать без максимального и тесного участия народа?

Ф. М.: После победы Революции десятая часть населения Кубы покинула страну. Как объясняете вы этот исход?

Ф. К.: Вы упоминаете цифры. Я пытаюсь вспомнить различные миграции, и мне кажется, что цифры ниже, если только они не включают тех, кто родился за границей. Но это неважно. До Революции кубинцы получали незначительное число виз. После ее победы двери раскрылись настежь. Из 6 тысяч врачей уехала половина, то же произошло с университетскими преподавателями и учителями. Это было колоссальной потерей людских ресурсов. Но мы стойко перенесли этот удар. Никому не было запрещено эмигрировать. Не мы, а они не раз закрывали двери и устанавливали квоты на получение виз законным путем. Их худшим преступлением было поощрение к незаконному выезду посредством чудовищного и смертоносного закона, называемого Законом об урегулировании кубинского вопроса, в силу которого любой человек, каким бы ни было его поведение в прошлом и настоящем, нелегально выехав с Кубы любым способом и достигнув территории Соединенных Штатов, получает – без единого исключения – право на проживание в этой стране. Таким образом они приняли многих преступников, хотя не только преступников, немало людей погибло. Из-за этого дурацкого закона, единственного в мире, созданного только для кубинских граждан, произошел случай с ребенком Элианом Гонсалесом, которому еще не исполнилось шести лет, незаконно задержанным в Соединенных Штатах и попавшим туда в ходе авантюры, при которой погибло 11 кубинцев.

Если бы Мексике и остальным латиноамериканским и карибским странам на протяжении почти 35 лет предоставлялись такие привилегии, более половины населения Соединенных Штатов было бы латиноамериканским и карибским. Сегодня не стояла бы между Мексикой и Соединенными Штатами стена намного большая, чем Берлинская, где каждый год погибает больше эмигрантов, чем за все годы существования той стены. Предложи-

те в Европе такие привилегии для жителей стран к северу и к югу от Сахары, и посмотрим, сколько их эмигрирует.

Следует сказать, что мы никогда не запрещали эмигрировать с Кубы в Соединенные Штаты и что 90 процентов уехавших сделали это по экономическим соображениям.

Ф. М.: Случай с маленьким Элианом пробудил страсти в общине кубинских эмигрантов в Майами. Что вы думаете о кубинских диссидентах как внутри страны, так и во Флориде?

Ф. К.: Я не понимаю, какая может быть разница между теми, кого ты называешь внешними и внутренними диссидентами. Это совершенно одно и то же. И те, и другие одного происхождения и находятся под одним руководством. И те, и другие являются инструментом политики Соединенных Штатов по отношению к Кубе, и те, и другие выступают за империализм, против социализма и за аннексию. Те, кто был выдвинут в качестве руководителей так называемого Кубино-американского фонда – этого порождения так называемого Документа Санта-Фе, политической платформы Республиканской партии, принятой в 1980 году в отношении Кубы, – почти без исключения бывшие агенты ЦРУ или дети известных военных преступников, сбегавших после победы Революции в Соединенные Штаты. Список их преступлений и злодеяний, совершенных против Кубы сначала в качестве лиц, завербованных со времени вторжения наемников на Плая-Хирон, а затем в качестве членов вышеупомянутой кубино-американской мафии, бесконечен. Одним из намерений Рейгана и его команды было найти политическую банду, которая выдвигала бы от имени предположительного кубинского представительства все законы и меры по блокаде и экономической войне против нашей Родины. Они получили выгодные контракты и экономические концессии, торговали всем, включая наркотики, и сколотили значительные состояния. Одной из самых важных порученных им задач было создание лобби, для того чтобы выдвигать и поддерживать в конгрессе сторонников крайне правых и самых реакционных конгрессменов любой из обеих партий в их агрессивной политике по отношению к Кубе.

Арсенал их акций против Кубы включал содействие внешне независимым террористическим группам в целях устройства всяческих экономических диверсий и политических преступлений, распространения вирусов болезней и ведения биологической войны. В конце концов, они создали собственный военный аппарат и готовили нескончаемые планы покушений на меня всякий раз, когда я выезжал за границу. То была настоящая охота на людей с полного ведения и при попустительстве американских властей. Обладая большими ресурсами, они передавали средства на ведение кампаний десяткам законодателей из обеих партий, на виду у всех и тайно под столом. Они выбирали законодателей из членов собственной группы и помогали выбирать других, пользуясь полнейшей официальной поддержкой. Все, что они сделали против нашей Родины, отвратительно. Их последнее преступление – бесчестное задержание ребенка, которому не исполнилось и 6 лет и которого лишили его законной семьи. Хозяйка Флориды, они сочли себя вправе бросить вызов закону и распоряджениям самого правительства. Колоссальное и глупое злодеяние, совершенное против незаконно задержанного ребенка, стало их политическим Ватерлоо. Им будет очень трудно собрать по частям то, что было имевшейся у них значительной властью и политическим влиянием, и вновь сколотить из этого нечто стоящее.

Столь же морально и политически разбитым, как они, оказалось и другое орудие контрреволюционной стратегии Соединенной Штатов: крохотные группки, кото-

рые они собирали в течение многих лет, чтобы создать внутренний фронт для борьбы против прочного и неколебимого единства и крепости Революции. Их поощряют денежными суммами, поступающими самыми различными путями, и поддерживают всеми доступными им пропагандистскими средствами. У них есть свои органы распространения контрреволюционной информации и клеветы – подрывные радиостанции, ведущие передачи из Соединенных Штатов, и пресса Фонда. Они работают в тесной связи с кубино-американской мафией. Их действия непосредственно координирует персонал Отдела, представляющего интересы Соединенных Штатов в Гаване, чешские, польские дипломаты и другие сотрудники некоторых посольств стран-союзниц Соединенных Штатов или подчиненных им.

Их основная задача – затруднить дипломатические и экономические связи Кубы, поставлять своими провокациями материал для пропагандистских и клеветнических кампаний – кампаний, направленных на изоляцию Революции. В эти славные и героические годы двойной блокады и особого периода, когда решается, жить или погибнуть нашей Родине, на фоне подвигов нашего народа они погрязнут в болоте бесчестия и будут забыты, что, несомненно, наиболее соответствует а подобает их жалкой роли.

Ф. М.: Как вы восприняли известие об освобождении ребенка федеральной полицией 22 апреля?

Ф. К.: Почти удивился, что наконец они решились, а это было делом крайне необходимым. Жизнь ребенка подвергалась серьезной опасности. Воссоединение с отцом, братиком, новой матерью и несколькими школьными товарищами вызвало огромную перемену в состоянии духа и в здоровье Элиана. Он быстро делает успехи в учебе и, несмотря на месяцы незаконного задержания, сможет закончить учебный год. Теперь главный вопрос – его возвращение на Кубу. Думаю, что не существует никакого законного, морального или политического способа удерживать его в Соединенных Штатах. Американский народ почти полностью поддержал его воссоединение с отцом и возвращение на Кубу. Это жест, за который мы всегда будем ему благодарны.

Ф. М.: Как вы откликнулись на осуждение Кубы в Комиссии по правам человека ООН 18 апреля 2000 года в результате инициативы Чешской Республики и Польши? Кубу упрекают в жестоком подавлении деятельности политических диссидентов и религиозных групп...

Ф. К.: Что касается голосования в Женеве, стало очевидно, что то был новый лицемерно прикрытый акт враждебности и агрессии Соединенных Штатов по отношению к Кубе при активном пособничестве некоторых правительств бывших социалистических стран, которые предложили свои услуги, чтобы поддержать грязную игру американцев, и при содействии европейских сообщников, голосующих в Женеве в блоке со своим самым могущественным союзником и главарем натовской мафии. Мы без колебаний разоблачили гнусный маневр. Наш народ единодушно осудил его, и мы выдвинули убедительные опровержения, на многие из которых заговорщики не сумели ответить. Наш отпор будет с каждым разом все жестче, и бороться против Кубы станет все труднее.

Ф. М.: В январе 1998 года Гавану посетил Папа Иоанн Павел II. Он вас убедил?

Ф. К.: Я не помню, чтобы Папа пытался в чем-то меня убеждать. Мы приняли его со всем гостеприимством и уважением, какого заслуживает столь выдающаяся личность, обладающая особым талантом и яркой индивидуальностью. Мы оба говорили публично при его приезде и отъезде, и оба высказали с уважением и достоинством

свои идеи. Я говорил кратко: 14 минут при встрече и 5 минут при прощании. Мы показали ему страну; предоставили возможность выступить на главных исторических площадях, выбранных организаторами визита; наши телеканалы были отданы в его распоряжение, как и транспорт, о котором нас попросили для проведения массовых мероприятий, – весь, которым располагала наша живущая в условиях блокады страна; мы пригласили членов нашей Партии, Союза молодых коммунистов и массовых организаций присутствовать на мессах, дав строгие указания уважительно слушать все высказывания, без единого плаката, лозунга и революционных выкриков. Сто десять иностранных телеканалов и 5 тысяч журналистов получили разрешение транслировать это на весь мир. На улицах не было ни единого солдата, ни одного полицейского с оружием. Ни в одной стране не было чего-либо подобного.

В конце организаторы визита Папы заявили, что то был самый организованный визит из всех, им совершенных. Не было ни единого дорожно-транспортного происшествия. Я думаю, что он увез с собой теплые воспоминания о нашей стране; в свою очередь, он оставил теплые впечатления на Кубе. У меня была возможность восхищаться его работоспособностью и самоотверженностью, с какой он строго следовал трудной программе, подготовленной его сотрудниками. Кто потерпел полное фиаско, так это те, за рубежом, – а их было немало, – которые вообразили себе, будто Революция рухнет, как стены Иерихона, от простого присутствия Папы. Визит привел к тому, что как Революция, так и он убедились в собственных силах.

Ф. М.: Никто не бессмертен – ни главы государств, ни обычные люди. Не считаете ли вы, что было бы мудро подготовить себе преемника, хотя бы только для того, чтобы уберечь кубинский народ от травм хаотического перехода?

Ф. К.: Я очень хорошо знаю, что человек смертен, и моя жизнь строилась так, чтобы никогда не тревожиться об этом. Когда мятежный характер побудил меня заняться рискованным делом борца-революционера, к чему меня никто не принуждал, я также знал: весьма маловероятно, чтобы я долго оставался в живых. Я был не главой государства, а совершенно обычным человеком. Я не унаследовал никакой должности, я не король, поэтому мне нет нужды готовить себе преемника, и во всяком случае, это не с целью избежать травм хаотического перехода. Не будет травм, и не будет необходим какой-либо “переход”.

Переход от одной общественной системы к другой совершается уже более 40 лет. Речь идет не о замене одного человека другим.

Теперь, когда настоящая Революция укрепилась и посеянные идеи и сознательность начали давать плоды, ни один человек, каким бы важным ни был его личный вклад, не является незаменимым. На Кубе не существует культа личности. Нигде не увидишь официальных фотографий, нет улиц, скверов или школ, носящих имя живых руководителей. Обязанности в большой степени разделены, работа распределена между многими. Многочисленные молодые и уже опытные люди вместе с менее многочисленной группой революционеров-ветеранов, с которыми у них нет никаких разногласий, – вот те, кто приводит в действие страну. И не надо забывать: существует партия, пользующаяся большим престижем и моральным авторитетом. О чем же беспокоиться?

Ф. М.: То, что вы говорите, очень верно. Но если уже теперь как раз не приводить в действие людей и структуры, способные стать сменой в нужный момент, не кажет-

ся ли вам, что возрастает риск того, что эти социальные достижения будут поставлены под сомнение?

Ф. К.: Смена, о которой ты говоришь, не только подготовлена, но и работает уже довольно давно.

Ф. М.: Вам выпала привилегия при жизни превратиться в миф. Вы продолжите оставаться мифом и после смерти?

Ф. К.: Это не я. Это администрации Соединенных Штатов превратили меня в то, что ты называешь мифом, и если я стал им при жизни, это также благодаря провалу их бесчисленных попыток лишить меня этой жизни. Конечно, я продолжу быть мифом и после смерти. Разве можно недооценивать заслугу – столько лет бороться против

такой могущественной империи?

Ф. М.: Фидель Кастро, вечный заговорщик. Этот образ относится к устаревшему прошлому?

Ф. К.: Наоборот, это стало у меня такой неотъемлемой привычкой, что я даже сам с собой не говорю о самых важных стратегических секретах моей революционной борьбы. Предпочитаю рассказывать о них по телевидению.

Ф. М.: Почему вы работаете по ночам? Когда готовите свои речи?

Ф. К.: Я живу и почти всегда работаю каждый час, днем и ночью. Неужели после семидесяти можно терять время? Что до моих речей, я пришел к убеждению, быть может несколько поздно, что речи должны быть короткими.

Девятый Международный коммунистический семинар в Брюсселе, 2-4 мая 2000 г. Информационное сообщение

Международный Коммунистический Семинар (МКС), организатором которого является Партия Труда Бельгии, с 1991 года регулярно собирает представителей международного коммунистического движения. Очередной, девятый семинар состоялся в Брюсселе 2-4 мая 2000 г. В нем приняли участие представители 69 коммунистических партий и организаций из 42 стран. Девятнадцать других организации, намеревавшихся участвовать в его работе, не смогли прислать своих представителей из-за отсутствия визы или средств. Еще 26 – прислали сообщение о солидарности.

В этом году семинар был посвящен теме “Империализм, фашизации и фашизм”. **Обсуждались два важнейших вопроса: о взаимосвязи современной буржуазной демократией и фашизма; на какие силы должны опираться коммунисты сегодня, чтобы проводить политику единого фронта против фашизма и войны.**

Сорок один участник представили свою точку зрения в докладах и выступлениях на английском, испанском, русском, немецком и французском языках.

Семинар послужил укреплению единства коммунистов, углубил понимание сути и причин процессов фашизации в современном мире.

Участники семинара приняли резолюции в поддержку колумбийского народа и Корейской Народно-Демократической Республики, против агрессивной политики и практики империализма. Были приняты также Заявления солидарности с политическими заключенными Филиппин, США, Германии и Турции.

По просьбе многих участников семинара формируется “тревожная сеть солидарности с политическими заключенными”, которая будет осуществляться с помощью самых современных средств коммуникации для быстрой организации совместных политических акций. Были высказаны предложения создания Международной Лиги Народной Борьбы.

Для более полной информации о МКС следует обратиться по следующему e-mail wpb@wpb.be или к интернет-сайту Партии Труда Бельгии www.wpb.be.

Бороться с империализмом, фашизацией и фашизмом Резолюция девятого Международного коммунистического семинара

1. Мир сегодня переживает невиданную концентрацию капиталов. Горстка монополий делит мировой рынок. Пятьдесят крупнейших монополий производят за год промышленной продукции больше, чем большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки.

2. Внутри монополий трудящиеся испытывают на себе крайние формы экономической диктатуры капитала. Эксплуатация там достигает максимума, она губит здоровье рабочих, причиняет смерть, толкает рабочих на самоубийства, обрекает все более широкие массы на безработицу.

3. Международные учреждения, такие, как Международный валютный фонд и Всемирная Торговая Организация, осуществляют экономическую диктатуру во всем мире. Под лозунгом “свободного предпринимательства” монополии навязывают всевластие рынка, который разо-

рывает целые регионы и страны, обрекает два миллиарда человек на нечеловеческие условия жизни.

4. Новая стадия общего кризиса мировой капиталистической системы, начавшаяся в 1971, еще усугубилась с 1989-1991, годов контрреволюции и полной реставрации капитализма в Восточной Европе и в Советском Союзе.

5. Углубление кризиса обостряет конкуренцию между тремя центрами мирового империализма: США, Европейским Союзом и Японией. Империалистические центры усиливают свое неокOLONIAЛЬНОЕ господство над Азией, Африкой и Латинской Америкой. Они создают там полицейские режимы и военные диктатуры, организуют государственные перевороты и захватнические войны в Ираке, Панаме, Югославии и Демократической Республике Конго и провоцируют реакционные гражданские войны в республиках бывшего СССР, в Алжире и в Руанде.

6. Подавляющее большинство из шести миллиардов жителей нашей планеты не может вечно терпеть эту экономическую и политическую диктатуру монополий, которая вызывает геноциды, один за другим.

7. Чтобы сломить растущее народное сопротивление, империалистические державы увеличивают свои репрессивные силы и повышают их техническую оснащенность. Их полицейские службы и войска все больше обретают международный характер, в первую очередь в рамках НАТО под американском контролем, благодаря созданию европейской армии и военному пакту между США и Японией. В своих неоколониях империалистические державы непосредственно формируют и оснащают элитные отряды в войсках и полиции, призванные обеспечивать их стратегию господства.

8. Монополии прямо подчиняют себе сектор информации и коммуникации с целью извлекать максимальные прибыли и превратить их в идеологические и политические инструменты для оправдания своей диктатуры. В этой области "свобода рынка" означает свободу распространять клевету и самую наглую ложь, чтобы подавлять борьбу трудящихся и угнетенных народов. В руках монополий средства коммуникации и информации стали постоянным политическим и идеологическим оружием против трудящихся и угнетенных народов. Эти СМИ стремятся к тому, чтобы трудящиеся смирились с уничтожением своих демократических прав, интервенцией, агрессией и геноцидом в подчиненных странах.

9. Наш мир живет под экономической диктатурой монополий и под политической диктатурой репрессивных сил, которые гарантируют "свободу эксплуатировать" этим транснациональным корпорациям. В этом контексте парламентская демократия, как никогда раньше, является обманом, жульничеством и маскарадом, где народ по сути может выбирать между разными политическими силами, которые все защищают господство монополий и тоталитаризм свободного рынка. Выборы стали средством "демократического" оправдания диктатуры монополий. После 32 лет диктатуры Мобуту в Конго Франция и США считали, что Мобуту, без сомнения, победит на выборах 1997-го года. Диктатор Еядема в Того, уже тридцать лет самый верный союзник Мобуту, в самом деле выиграл президентские выборы в 1998 г.

10. Трудящиеся и народы всего мира сегодня противостоят фашизации, фашизму и угрозе войны, неизбежным при империализме.

11. После первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. началась эпоха общего кризиса империализма. С этого времени империализм отличается постоянным стремлением к фашизации. По словам Ленина, монополии соответствует политическая реакция. Империализм – внешняя экспансия и внутренняя политическая реакция. Империализм – отрицание демократии и общее стремление к уничтожению демократических прав, которые дают возможность противостоять режиму эксплуатации и способствуют борьбе за социализм. Тяга к фашизму присуща буржуазной диктатуре в эпоху империализма.

12. Когда монополии видят угрозу своим классовым интересам, когда буржуазная демократия больше не может предотвращать революцию или совершать военные агрессии, выгодные самым реакционным кругам буржуазии, тогда они прибегают к фашизму.

13. Главная цель фашизма – уничтожение рабочего и революционного движения и подчинение народных масс путем террора господству монополий. Фашизм этот открытый террор против рабочего авангарда сопровождает

псевдореволюционной или псевдodemократической социальной демагогией, чтобы отвратить рабочий класс от организованной борьбы и организовать его для классового примирения.

14. Чтобы прийти к власти, фашизм пользуется антикоммунистической, расистской, националистической или религиозной демагогией. Фашизм, террористическое движение на службе монополий, может прибегать к "антимонополистской" фразеологии, чтобы привлечь в свои ряды мелкую буржуазию, угнетаемую крупным капиталом.

15. Правящий фашизм – открытая террористическая диктатура самых реакционных и агрессивных элементов финансового капитала.

16. В отдельных случаях фашизм подготавливает свой приход к власти организацией реакционных движений масс, а в других случаях он непосредственно опирается на буржуазную государственную власть, чтобы потом политически завоевать массы. В обоих случаях основной инструмент фашистской диктатуры – буржуазное или феодальное-буржуазное государство, характерные черты которого фашизм лишь усиливает.

17. Буржуазная демократия и фашизм представляют собой две формы господства крупного капитала. Классовый характер буржуазной демократии и фашизма тот же: это две разные формы диктатуры крупного капитала. Сочетание репрессий и социальной или национал-шовинистической демагогии характерно для обеих форм, разная лишь дозировка. Если фашизм отличается открытым террором против революционного и рабочего движения, то буржуазная демократия изолирует и уничтожает революционное и рабочее движение изнутри политическими, идеологическими и полицейскими средствами.

18. Элементы преемственности между буржуазной демократией и фашизмом надо правильно оценивать. Нельзя недооценивать реакционные, фашизирующие меры, предпринятые буржуазией и социал-демократией в странах буржуазной демократии. Это необходимые шаги в подготовке открытой фашистской диктатуры.

19. Две формы буржуазной диктатуры не разделены китайской стеной. Элементы террористической формы растут в лоне буржуазной демократии и поддерживаются ею. Так, во многих случаях фашизм пришел к власти "демократическим" путем, через буржуазную легальность. Таким был приход Гитлера к власти в Германии. Фашизм вырос внутри буржуазной демократии и пришел к власти с ее помощью и на фоне острого политического кризиса буржуазной диктатуры.

20. Самые "демократические" империалистические державы всегда прибегали к методам фашистской диктатуры, чтобы сохранить свое господство в колониях и полуколониях. Против борьбы народов за национальное освобождение они использовали методы, свойственные террористической диктатуре самых реакционных и агрессивных элементов монополистического капитала. Так действовала Франция в Алжире, Великобритания в Кении и США в Корее, во Вьетнаме и в Ираке. Использование в колониях и в полуколониях фашистских методов дает военным, репрессивным силам и политикам опыт, который они могут применять и внутри империалистических стран, если сочтут это необходимым.

21. Начиная с прихода фашистов к власти в Италии в 1921 г., крупнейшая монополистическая буржуазия накопила большой опыт в попеременной смене "демократических" и террористических форм своей диктатуры над народными массами. Одна и та же рука крупнейшей буржуазии осуществляет и политику буржуазного парламентаризма, и политику фашизма. В Чили крупнейшая комп-

радорская буржуазия мобилизовала реакционные массы и весь военный аппарат, чтобы совершить фашистский государственный переворот Пиночета в сентябре 1973 г. Потом, в 1990 г., она снова подняла знамя своей парламентской “демократической” диктатуры, ...оставив руководителя фашистских сил, Пиночета, во главе войск. В Перу при Фухимори демократическая форма парламентского режима сохранялась и служила аргументом для проведения настоящего фашистского террора во всех регионах, где развивалась народная война.

22. История доказывает, что социал-демократия несет огромную ответственность за победу фашизма в Германии. Правая социал-демократия руководила зверской расправой с рабочей революцией в Берлине в ноябре 1918. Первые фашистские группы были созданы военными, которые принимали участие в этих боях. В двадцатые годы и в начале тридцатых немецкая социал-демократия подчинила рабочих диктатуре капитала и насильственно подавляла их борьбу. Она отказалась от формирования объединенного антифашистского фронта против растущего фашизма Гитлера. Даже после взятия власти нацистской партией немецкая социал-демократия продолжала практику открытых союзов с ней. В Бельгии председатель социал-демократической партии Генри Де Ман опубликовал в 1940 г. Манифест, где от имени своей партии приветствовал победу нацистских войск. Во Франции подавляющее большинство социал-демократических парламентариев голосовали за полномочия маршала Петэна, который возглавлял коллаборационистский режим в Виши. Так, в тридцатые годы внутри социал-демократии появилось профашистское течение, которое можно назвать социал-фашистским.

23. В тридцатые годы коммунисты были самыми последовательными приверженцами объединенной борьбы рабочего класса против фашизации и фашистской угрозы. Социал-демократические руководители, вследствие своего антикоммунизма и упорного стремления защищать капиталистическую систему и буржуазное государство, в большинстве стран отклонили предложение коммунистов об объединенном фронте.

24. Гитлеровский фашизм призван был решить проблему сохранения империалистической системы, сотрясаемой глубокими кризисами: устранить коммунистическую партию в Германию и уничтожить социализм в Советском Союзе. Антикоммунизм и стремление к захвату сырья, рабочей силы и рынков на территории Советского Союза были главными стимулами при подготовке войны Гитлером. Однако, благодаря стратегическому уму Сталина и большевистской партии, Гитлер вынужден был начать свою кампанию за мировое господство с войны против империалистических стран: Великобритании и Франции.

25. В период между 1928 и 1941 гг., под руководством Сталина и большевистской партии, Советский Союз превратился из отсталой сельскохозяйственной страны в современную промышленную державу. Социалистическая индустриализация, коллективизация, механизация сельского хозяйства и общее научное и техническое образование представляли собой три великие революции, совершенные рабочими и крестьянскими массами. Они обусловили создание мощной Красной Армии, располагающей современным вооружением. Красная Армия и советский народ проявили невиданный героизм в ходе антифашистской Великой Отечественной войны. Ценой 27 миллионов жизней Советский Союз победил нацистские захватнические войска и сломил, почти в одиночку, последнее гитлеровское сопротивление перед Берлином.

26. Сразу после поражения нацистских войск США достигли мировой гегемонии, они продолжили борьбу, начатую немецкими фашистами, и возглавили самые реакционные и антикоммунистические силы всего мира. США приняли на свою территорию больше 10 000 бывших немецких, литовских, российских нацистов. Эти бывшие нацисты играли существенную роль в антикоммунистическом походе, начатом американским империализмом еще до конца второй мировой войны. Еще в разгаре войны генерал Паттон предложил поменять союзников и наступать, вместе с несколькими немецкими дивизиями, на Москву. США бросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки без всякой военной необходимости, когда Япония готовилась к капитуляции. Это преступление против человечества должно было послужить предупреждением в адрес Советского Союза.

27. В своей антикоммунистической кампании после 1945 г. американский империализм совершенствовал все технологии, разработанные гитлеровским империализмом. Центральной темой американской пропаганды было: “фашизм и коммунизм – близнецы”. Целью – очернить коммунизм и клеветать на него еще яростнее нацистов. Бывшие “перевоспитанные” нацисты в США стали главными идеологами этой позорной кампании. Уже с самого начала фашизм американского типа рядился в тогу “демократии”.

28. Охота на коммунистов и прогрессивных деятелей, развязанная Маккарти в настоящем фашистском стиле, велась во имя защиты “американской демократии”. Димитров, великий борец с нацизмом, заявил в 1947: “Фашистские течения в США идеологически маскируются лозунгами “американизма”, “защиты свободной инициативы”, “спасения демократии”, “поддержки свободных народов”, “защиты свободных учреждений”, “спасения от тоталитаризма”. Реставраторы фашизма в США не так наивны, чтобы механически повторять идеологию Геббельса и Розенберга, которая потерпела крах... Поэтому они камуфлируют свое стремление к гегемонии и пользуются идеями “свободы”, “демократии” и “мира”. Формы фашистской идеологии кажутся другими, но содержание осталось тем же. Это стремление к мировому господству.”

29. Захватническая война против Кореи под руководством американского империализма была прямым продолжением гитлеровской войны против Советского Союза. Война с Кореей была включена в глобальную стратегию США: вооруженным путем уничтожить все социалистические страны, и особенно Китай и Советский Союз. Победа корейского сопротивления, поддержанного Китаем и Советским Союзом, разрушила эти стратегические планы.

30. Несколько десятилетий США продолжали войну, политическую, идеологическую и вооруженную, чтобы уничтожить социалистические страны. Они собирали все фашистские силы мира под крылом Мировой Антикоммунистической Лиги. После полного разрушения социализма в СССР она стала себя называть Мировой Лигой за Демократию и Свободу. Американский империализм, используя внутреннюю реакцию в Советском Союзе, сумел завершить наконец в 1990 г. начатое Гитлером в 1941-1944 гг.

31. Уничтожение остатков социализма в СССР и странах Восточной Европы в 1989-1991 гг. привело к невиданному разгулу антикоммунизма, освободило самые реакционные силы и воскресило идеи и тезисы фашизма нацистского типа. Существует непосредственная связь между так называемой “исторической победой демократии над коммунизмом” в 1989 г. и ростом фашизма в им-

периалистических странах, а также в бывших соцстранах. В тот момент, когда рухнула Берлинская стена, Гитлер воскрес из гроба.

32. Новая стадия общего кризиса капитализма с 1990 г. грозит грядущей фашизацией во всем мире: и в империалистических странах, и в новых капиталистических в Восточной Европе, и в неокOLONиальных.

33. После разрушения остатков социализма в 1990 г., во всем мире мы наблюдаем возникновение мафиозных государств. Сорок процентов российской экономики в руках мафиозных организаций. Албания управляется наркомафией. Государства поглощаются криминальными структурами, связанными с империалистическими державами, например в Албании, Таджикистане, Чечне, Сомали, на оккупированных территориях Конго. Независимые и суверенные страны, такие, как Ирак, Югославия и Конго, подвергаются агрессии и эмбарго фашистского типа.

34. Фашизация укрепляет репрессивный аппарат, создает систему всеобщего шпионажа за населением, укрепляет исполнительную власть, преследует коммунистов и руководителей народной борьбы, подрывает право на организацию и забастовку, проводит институционный расизм против иммигрантов и беженцев и насильственно подавляет народное сопротивление. Эта фашизация принимает разные формы и опирается на классические буржуазные партии, среди которых в Европе социал-демократы играют главную роль.

35. Фашизация является элементом подготовки империалистических держав к большим войнам на мировом уровне для сохранения системы господства, сотрясаемой экономическими и финансовыми кризисами.

36. Одновременно крупная буржуазия в лице откровенно фашистских партий создает запасную силу, на случай, если буржуазная бюрократия больше не сможет сдерживать революционное движение.

37. Рост фашистских партий во всем империалистическом мире и участие фашистов в правительствах Италии и Австрии ведет буржуазию к признанию фашистов как "допустимых" элементов. Так буржуазия заранее облегчает их приход к власти, когда это станет для нее необходимым.

38. Под давлением империалистических держав фашистские режимы установлены в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки и в нескольких бывших соцстранах.

39. В зависимых странах режимы, такие, как Пиночета в Чили, Фухимори в Перу или турецкий режим, правильно определены как фашистские. Это террористические диктатуры самых реакционных фракций, связанных с крайними правыми империалистических держав. Пиночет предоставлял полную свободу действий Милтону Фридману, чтобы превратить Чили в испытательный полигон крайнего либерализма.

40. Главный источник фашизма в нынешнем мире – политика мировой гегемонии американского империализма и его союзников, Евросоюза и Японии. Им очень трудно обеспечить свое неокOLONиальное господство над бывшими СССР и соцстранами и над странами периферийного капитализма Азии, Африки и Латинской Америки методами буржуазной демократии. Фашистский оккупа-

ционный режим в Косово и фашистский религиозный режим в Чечне свидетельствуют, что происходит в бывших соцстранах, а фашистский религиозный режим в Афганистане, военно-фашистский режим в Турции и этно-фашистский режим в Руанде свидетельствуют о положении в зависимых странах Азии, Африки и Латинской Америки.

41. В нынешнем мире международный антифашистский фронт занимает первое место в антиимпериалистическом фронте. Он объединяет страны, которые сохраняют некоторые социалистические черты, такие, как Китай, Куба, КНДР, Вьетнам и Лаос, потом страны и народы третьего мира, борющиеся за свою политическую и экономическую независимость, и бывшие соцстраны, противостоящие империалистическому господству. В него входят революционные и антиимпериалистические силы в капиталистическом мире.

42. Внутри империалистических стран противоречия между силами фашизма и буржуазной демократии могут обостряться и вести к политическим столкновениям. В империалистическом лагере могут также возникать противоречия между фашистскими странами и теми, что сохранили некоторые элементы буржуазной демократии. Коммунисты и демократические силы должны использовать эти противоречия внутри враждебного лагеря и создать антифашистские фронты с фракциями буржуазии.

43. Главное состоит в том, чтобы коммунистические партии сохранили полностью свои идеологические и политические позиции, чтобы они убеждали массы в необходимости революционной антифашистской борьбы и подготавливали их к будущей решительной борьбе с капиталистической системой, которая порождает фашизм.

44. В развитых капиталистических странах поддержка революционной антиимпериалистической борьбы зависимых стран – важный элемент антифашистской политики. Другой существенный элемент антифашизма – борьба против захватнических войн, реакционных гражданских войн и террористических режимов в Азии, Африке и Латинской Америке и беспощадное разоблачение попыток их политического и идеологического оправдания.

45. В империалистическом мире фашизация лишает народные массы возможности принятия существенных решений в экономической, политической и военной области. При монополистическом капитализме демократия стала ложью века. Коммунисты должны укреплять стремление к народной демократии, которое неотвратимо возникает в недрах масс. Борьба с фашизацией и с фашизмом, за коренную демократизацию общества – составная часть подготовки социалистической революции, единственного пути к настоящей демократии народных масс.

46. Строительство и постоянное укрепление коммунистических партий и революционных организаций масс, создание антиимпериалистического и антифашистского фронта, формирование народных вооруженных сил – вот главное оружие в антиимпериалистической и антифашистской борьбе.

47. Экономические законы, присущие капитализму, толкают мир к фашизму, к войне и к варварству. Только национально-демократические и социалистические революции могут спасти человечество и обеспечить достойное, демократическое, культурное и благополучное будущее.

Империализм, фашизация и фашизм: обозрение

Хозе Мари Сизон*

Товарищи,

Очень важно для пролетариата и всех народов мира в нынешней борьбе против империализма, за национальное освобождение, демократию и социализм понять феномен фашизма до второй мировой войны.

Меня просили сосредоточить внимание на немецком фашизме, по теме семинара “Империализм, фашизация и фашизм”. При этом, однако, надо рассмотреть эти явления исторически, включая развитие и общий кризис монополистического капитализма, борьбу между пролетариатом и монополистическим капитализмом, отношения между фашистами, социал-демократами и коммунистами во время Веймарской республики.

Самое главное – наше историческое обозрение должно служить правильному пониманию факторов, которые порождают фашизм и войну в нынешних условиях. Это необходимо, чтобы руководить нынешней революционной борьбой. Обязательно надо проследить все этапы общего кризиса монополистического капитализма до сегодняшнего дня, чтобы определить современное состояние, задачи и перспективы борьбы революционных сил и народов против империализма, фашистской реакции и ревизионизма.

Империализм, фашизация и фашизм

В последнюю четверть 19-го века на смену свободной конкуренции пришли монополии, которые укрепляли буржуазное государство и использовали его для угнетения и эксплуатации рабочего класса. Когда в начале 20-го века наступила эпоха современного империализма, монополистическая буржуазия одной страны, которая соединила промышленный и банковский капитал, чтобы создать финансовый капитал, использовала государство для защиты своей промышленности и конкуренции с монополистической буржуазией других стран за рынки, сырье, пространства для инвестиций и господство над колониями, полуколониями и зависимыми странами. Империалисты говорили о свободной торговле только для того, чтобы защитить свои национальные и межнациональные экономические интересы и развязывать войны за перераспределение мира. Империализм приобретал свои окончательные формы высшей стадии капитализма с 1898 по 1914 год. Испанско-американская война (1898), англо-бурская война в южной Африке (1899-1902), русско-японская война (1904) и экономический кризис в Европе в 1900 году знаменовали наступление эпохи современного империализма.

У некоторых империалистических стран, как, например, Великобритании, было то преимущество, что они имели колонии еще до империалистической эры. Империалисты США, Германии и Японии поздно занялись завоеванием колоний и стали ускорителями перераспределения мира путем войн. Поддерживая экспансию капитала, монополистическая буржуазия во всех империалистических странах приступила к оформлению государственного монополистического капитализма, который означал государственное регулирование в стратегических отраслях промышленности, как непосредственное, так и через военные заказы и субсидии.

По мере того как в Германии развивался монополистический капитализм, классовая борьба между монополистической буржуазией и пролетариатом в ней обострялась, как и во всей Европе. В ходе этой борьбы рабочий

класс вырос и набрал силу. В последнее десятилетие 19-го века марксизм стал преобладающим течением в рабочем движении. Социал-демократическая партия Германии была крупнейшей партией и главной опорой Второго Интернационала.

После всех безуспешных попыток задушить социализм со времен Бисмарка монополистическая буржуазия примирилась с существованием социал-демократической партии. Теперь она стремилась к культивированию реформистов внутри нее. Бернштейн стал первым лидером ревизионизма, исповедуя эволюционный социализм под покровительством буржуазного государства. Потом его прежний противник Каутский сам стал ревизионистом и превратил ревизионизм в преобладающее течение Второго Интернационала.

Социал-демократизм открыто стал буржуазным либерализмом под прикрытием марксистской и социалистической фразеологии. Это была мелкобуржуазная идеология на службе монополистической буржуазии. Социал-демократические лидеры превратились в реформистов и сотрудничали с монополистической буржуазией. Они поддерживали усиление монополистического буржуазного государства и колонизацию угнетенных народов и наций. Большую роль сыграли труды Ленина, которые возродили революционную суть марксизма и были направлены против ревизионистской предательской линии Каутского и его приверженцев.

Когда империалистические державы подготовились к войне в связи с обостряющейся борьбой за перераспределение экономической территории, социал-демократы голосовали за военные кредиты, под прикрытием пустословия социал-пацифизма и социал-шовинизма. Когда началась война они были смущены, но – как выяснилось позже – не смертельно.

Вспыхнувшая в 1914 году первая мировая война явилась кульминацией первого этапа общего кризиса монополистического капитализма. Она обернулась катастрофой для мировой капиталистической системы, поскольку империалистические державы старались уничтожить друг друга и затем большевики и пролетариат превратили империалистическую войну в революционную гражданскую войну и победили в самом слабом звене цепи империалистических держав, в шестой части мира.

Германия и ее войска проиграли войну между империалистическими державами. Пролетарские революции вспыхнули в Центральной Европе. Трудящиеся сумели взять власть, но не смогли ее удержать из-за предательства руководящей примиренческой части социал-демократического движения. Самой главной из этих революций была немецкая революция ноября 1918-го года.

Спартакосцы и “независимые” имели большинство в Берлинском Совете рабочих и солдатских депутатов. Независимые, однако, не следовали за Либкнехтом, который отрицал позиции дискредитировавших себя лидеров социал-демократической партии. Они позволили последним захватить руководство революцией и предать ее.

Для немецкой монополистической буржуазии, потрясенной поражением в войне, победой российской революции, немецкой революции 1918-го года, как никогда ранее стало необходимо сохранить поддержку социал-демократической партии. Эта партия ей служила в качестве особого средства для обуздания рабочего класса, привязывания его к буржуазному государству и предотв-

* Председатель Коммунистической Партии Филиппин

ращения роста влияния немецких коммунистов на пролетарское революционное движение.

Ленин заметил, что после первой мировой войны ускорилось развитие государственного монополистического капитализма. Монополистическая буржуазия всех империалистических стран, побежденных и победивших в войне, обязательно использовала государство, чтобы концентрировать капитал и управлять рабочим классом в следующем раунде монополистической конкуренции и в очередной войне за перераспределение мира.

Проигравшая немецкая империалистическая монополистическая буржуазия особенно нуждалась в государстве, чтобы восстановить разрушенную экономику и одновременно выплатить репарационные платежи победителям.

Веря в то, что социализм может вырасти из монополистического капитализма, социал-демократы рассматривали ускоренное развитие государственного монополистического капитализма как условие для мирного развития социализма. Еще больше они верили в то, что можно превратить буржуазное государство в инструмент борьбы против монополистической буржуазии. Они упорно отрицали, что частная монополистическая буржуазия управляет государством не в интересах рабочего класса. Поэтому они были против классовой борьбы пролетариата с монополистической буржуазией и ее государством.

Немецкая монополистическая буржуазия поддерживала социал-демократов как главный инструмент для управления профсоюзной бюрократией, раскола рабочего класса и борьбы против коммунистов в период с 1918-го до 1930-го года. Затем, по мере того как глобальный и экономический кризис углубился и Веймарская республика дестабилизировалась, фашисты стали более подходящим орудием для проведения террора против рабочего движения.

Чтобы понять причины прихода к власти немецких фашистов, надо проанализировать и социал-демократию, и фашизм как взаимодополняющие орудия немецкой монополистической буржуазии, которые она использовала попеременно. Социал-демократия была инструментом в левой руке, а фашизм – в правой руке монополистической буржуазии.

У социал-демократов и фашистов общая классовая сущность и общая склонность к демагогии. Они занимали мелкобуржуазную позицию и приспособлялись к уровню сознательности средних социальных слоев, при этом социал-демократы специализировались на создании бюрократических профсоюзов, а фашисты – на мобилизации молодежи. Прикрываясь антикапиталистической и революционной фразеологией, они служили монополистической буржуазии. Прежде всего лидеры и тех и других были антикоммунистами, хотя у социал-демократии было и левое крыло, а фашизм в целом был бешено антикоммунистическим.

Социал-демократы и фашисты применяли разные методы. Социал-демократы исповедовали реформизм и преданность буржуазно-демократической конституции. Фашисты предпочитали открытый террор против коммунистов, рабочего класса и политических противников. Создавая массовые движения, они шире, чем социал-демократы, использовали демагогию, поощряли шовинистические, расистские и религиозные предрассудки, комбинировали их с народным возмущением Версальским договором, капиталистами, юнкерами, подкупленными чиновниками, и ужасными экономическими и социальными условиями.

В ходе своего продвижения к власти немецкие фашисты вошли в доверие к монополистической буржуазии,

разжигая антикоммунизм, разгоняя коммунистические митинги, выступая в роли штрейкбрехеров, избивая и убивая коммунистов. Они сотрудничали с войсками и с полицией, вербовали офицеров в члены нацистской партии. После того как фашистская банда насильственно разогнала коммунистическую манифестацию, военные или полиция арестовывали и бросали в тюрьмы манифестантов, которых потом обвиняли и судили.

В своей книге “Майн кампф” Гитлер открыто признается в том, что фашисты должны были украсть красный цвет у коммунистов, чтобы их победить. Так же он украл слово “социализм”. Нацистская программа в 21 пункте предусматривала между прочим: устранение нетрудовых доходов, конфискацию всех военных прибылей, национализацию всех трестов, участие рабочих в прибылях больших предприятий, конфискацию земли без возмещения для коммунальных целей и смертный приговор для спекулянтов.

Фашисты тайно получали для ведения своей экстравагантной пропаганды щедрые денежные субсидии от Круппов, Тиссенов, Детерлингов и Гогенцоллернов. В решающем 1932 году монополистическая буржуазия рассматривала фашистов как главное средство для обмана народа и борьбы с коммунистами. Она в них видела необходимый инструмент для консолидации немецкого капитализма. Эта схема описана в “Дойче Фюрербрифе” (Немецкие Письма Руководителей), конфиденциальном бюллетене Федерации Немецкой Промышленности.

Главные лидеры Социал-демократической партии участвовали в долгосрочном процессе фашизации и способствовали приходу к власти фашистов. Они были социал-фашистами, социалистами на словах, но фашистами на деле. Они сотрудничали с классовым врагом, осуществляя репрессии против пролетарской революции в ноябре 1918. Они поддерживали указы о чрезвычайном положении и другие меры против рабочих и народа при ряде правителей Веймарской республики. Они отвергали своевременные призывы коммунистов к созданию объединенного антифашистского фронта.

Если бы социал-демократы приняли предложение об объединенном фронте против фашистов, совместных сил хватило бы, чтобы изолировать и победить фашистов. Во всех выборах, до того как Гитлер в 1933 году стал канцлером, общее количество голосов социалистов и коммунистов составляло подавляющее большинство. Однако, когда коммунисты предлагали объединенный фронт, социал-демократы усиливали свою антикоммунистическую пропаганду, исключали коммунистов из профсоюзов и выгоняли из своих рядов выдающихся левых социал-демократов.

Лидеры Социал-демократической партии смирились с назначением Гитлера канцлером, основываясь на иллюзии, что фашисты потерпят крах из-за неумения выполнить свои обещания. Даже после того, как Гитлер предпринял ряд мер, чтобы монополизировать политическую власть и расправиться с коммунистами, рабочим классом и другими политическими противниками, социал-демократический лидер Эберт просил Гитлера через Гинденбурга, чтобы тот терпимо относился к социал-демократам и дал им возможность приспособиться к фашистскому режиму.

Коммунисты также совершали ошибки в борьбе с рвущимися к власти фашистами. Они допустили, чтобы фашисты проявили инициативу, подхватили недовольство народа невыносимыми условиями, навязанными победителями в первой мировой войне. Они не уделили достаточного внимания мобилизации и организации молодежи, безработных, мелкой буржуазии и городских полупролетарских масс.

Несмотря на призывы товарища Тельмана и Исполкома Коммунистического Интернационала к немецким коммунистам уделить особое внимание работе внутри главных профсоюзов, руководимых социал-демократами, немецкие коммунисты послали туда только десять процентов своего состава и сектантски замкнулись в Красной Профсоюзной Оппозиции.

После взятия власти фашисты превратили буржуазное государство в открыто террористическую диктатуру самых реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала. Это означало жесточайшее наступление капитала на трудящихся, беспредельный шовинизм, захватническую войну, оголтелую реакцию и контрреволюцию.

Какое-то время нацистский режим оказался способным стабилизировать положение. Он выдвигал проекты общественного строительства и развития военной промышленности, обеспечивая прибыли монополистической буржуазии и рост занятости населения. Однако безжалостный мировой экономический кризис, бурный рост военной промышленности и милитаризация молодежи сотрясали экономику, все больше подталкивали фашистов к агрессии и ко второй мировой войне с окончательной целью уничтожить Советский Союз.

Вторая мировая война знаменовала собой вершину второго этапа общего кризиса монополистического капитализма. Она началась между империалистами, один отряд империалистических держав боролся с другим за перераспределение мира. Но немецкие фашисты, кроме того, стремились к уничтожению Советского Союза. С другой стороны, победа Советского Союза обеспечила поражение фашистских держав и способствовала прогрессу сил национального освобождения, демократии и социализма.

СССР был самым прочным бастионом в борьбе народов против фашизма. Он победоносно вел Великую Отечественную войну, нес самое тяжелое бремя в противостоянии фашистскому нападению в Европе. И он нанес немецкому фашизму смертельный удар. После Сталинградской битвы, а это переломный пункт войны, судьба немецких фашистов была решена.

Третий Интернационал и коммунисты разных стран постоянно призывали к созданию объединенного фронта трудящихся и Народного Фронта против фашистов. Они действовали последовательно и смело, чтобы воплотить в жизнь эти призывы. Внедрение политики объединенного фронта распространялось на все формы борьбы, в зависимости от условий в разных странах.

Объединенный фронт для революционной борьбы с фашистами был жизненно важным. Он вел к освобождению целых народов и к созданию народных демократий в Азии и в Восточной Европе. Лучший пример успешного применения политики объединенного антифашистского фронта – опыт Китая. Сохраняя свою самостоятельность и инициативу, китайские коммунисты заключили договор о ненападении и союз с Гоминданом против Японии, воспользовались империалистической войной, чтобы укрепить народную армию, и тем самым хорошо подготовились к гражданской войне после второй мировой войны.

Фашизм в период холодной войны

Вскоре после того, как вторая мировая война окончилась победой союзных сил, начался третий этап общего кризиса монополистического капитализма. Уже треть человечества жила под руководством революционного пролетариата. Социалистические государства рождались в Азии и Восточной Европе. Большая волна национально-освободительного движения охватила Азию и Африку.

США утвердились как главное империалистическое государство, которое не пострадало от войны, а только нажило на ней огромные богатства. Политические стратеги США беспокоились по поводу того, что вторая мировая война породила новые социалистические страны и национально-освободительные движения. Их также беспокоила возможность нового экономического кризиса в США, как только сократится военная промышленность и возвратятся домой демобилизованные американские солдаты.

США решили навязать холодную войну как предлог для наращивания военной промышленности, развертывания американских войск на заморских военных базах и создания военных альянсов. США объявили себя лидером империалистического союза против коммунизма и защитником “свободного мира”. Как прежде фашистская Германия, они превратились в бешеную антикоммунистическую силу и самого воинственного врага социалистических стран и движения за национальное освобождение.

Они выступали с фашистской демагогией. На их территории не было значительных социал-демократических и рабочих партий, так что империалистическая пропаганда США начала преднамеренно неправильно представлять монополистический капитализм как “свободное предпринимательство” и проповедовать подчинение ему как “умеренность” между так называемыми крайними полюсами фашизма и коммунизма. Империалистическая пропаганда США стала отождествлять Советский Союз и гитлеровскую Германию.

Внутри США маккартистская “охота на ведьм” была нацелена на преследование коммунистов и мнимых коммунистов во всех сферах общественной жизни. Однако монополистическая буржуазия США не установила полностью фашистскую диктатуру. Получившая самые большие военные прибыли, она располагала экономическими ресурсами, достаточными для того, чтобы сохранить атрибуты буржуазной демократии. Она продолжала извлекать прибыли из восстановления разрушенных экономик Европы и Японии и из расширения американской неокOLONиальной империи за счет своих империалистических союзников.

Политика холодной войны включала в себя экономическую блокаду и создание военных альянсов, подобных НАТО, с целью ослабить Советский Союз и другие соцстраны. Если у Советского Союза не было бы атомной бомбы и в Европе не было бы ядерного равновесия, тогда США воспользовались бы своей ядерной монополией, чтобы развязать войну непосредственно с Советским Союзом.

В ходе антикоммунистического наступления США реабилитировали фашистскую преступную монополистическую буржуазию бывших фашистских держав и помогли ей восстановить экономику, подчинив ее монополистической буржуазии США. Западная Германия служила передовым плацдармом против Советского Союза на Западе, а Япония служила таковым на Тихом океане и в Азии.

В странах Азии, Африки и Латинской Америки империализм США насаждал фашистские режимы, чтобы подавлять демократические силы и движения национального освобождения. Это были открыто террористические и оголтело антикоммунистические режимы. В других странах США начали захватнические войны. Войны США против Кореи и потом против Вьетнама и всего Индокитая способствовали росту военно-промышленного комплекса США.

Холодная война была на самом деле третьей мировой войной, если принять во внимание следующее: 1) широкий масштаб заморских военных баз, состав и оборудование, которые США мобилизовали, чтобы окружить социалистические страны и подавлять народы, 2) милли-

оны жертв среди военных и мирного населения в захватнических войнах США, 3) несчастные жертвы террористических кампаний под руководством США, проводимых фашистскими режимами, финансируемыми США.

Только в Юго-Восточной Азии империализм США и его марионетки несут ответственность за убийство более шести миллионов человек во Вьетнаме и больше миллиона коммунистов и подозреваемых в приверженности к коммунизму при военном фашистском режиме Сухарто в Индонезии. Почему мы называем фашистскими открыто террористические марионеточные режимы после второй мировой войны? Их демагогия была антикоммунистической, и их безудержный государственный терроризм служил зарубежной и домашней крупнейшей буржуазии.

К примеру, мы на Филиппинах расцениваем режим Маркоса с 1972 до 1986 г. как фашистский. Эта была бешено антикоммунистическая власть, которая устранила буржуазно-демократические учреждения и убила не меньше 100 000 человек, включая народ Моро, в интересах зарубежной и местной буржуазии. Военная агрессия, в ходе которой США захватили Филиппины в 1899 году, унесла, по меньшей мере, один миллион жизней, то есть десять процентов населения. Но это мы не называем фашизмом, потому что это просто империалистическая захватническая война.

В галерее негодяев, фашистских диктаторов или буржуазных государственных террористов, такие "герои свободного мира" США, как Чан Кайши в Китае, Син Ман Рей и Пак Чун Ги в Южной Корее, Нго Дин Дьем и Нгуен Ван Тией в Южном Вьетнаме, Лон Нол в Кампучии, Сухарто в Индонезии, Маркос на Филиппинах, Зия Уль Хак в Пакистане, шах Ирана, Мобуту в Конго, Бота в Южной Африке, Иди Амин в Уганде, Видела в Аргентине, Кастелло Бранко, Коста е Силва, Медичи и Гейзэл в Бразилии, Батиста на Кубе, Сомоса в Никарагуа, Пиночет в Чили, Стресснер в Парагвае, Дювалье на Гаити, Фухимори в Перу и другие.

Несмотря на миллионы жертв и огромные средства, вложенные США в холодную войну, революционные силы мира одержали много побед до середины семидесятых годов. Среди них Великая Пролетарская Культурная Революция в Китае и победа вьетнамского и других народов Индокитая в борьбе против империализма США. Это были величайшие победы революционного дела социализма и национального освобождения в течение третьего этапа общего кризиса монополистического капитализма и до развала социализма в Китае.

США не смогли победить военным путем ни одной социалистической страны. Но когда к власти в Советском Союзе пришли ревизионисты, США, в конце концов, переиграли СССР в холодной войне, используя политику неоколониализма, гонку вооружений и другие факторы своего влияния. Решающим фактором реставрации капитализма в социалистических странах был рост ревизионизма, сосредоточившегося в Советском Союзе и распространившегося в глобальном масштабе. Со времен Хрущева до Горбачева современные ревизионисты заявляли, имея целью устранение пролетарской классовой диктатуры и осуществление реставрации капитализма, что рабочий класс завершил свою историческую миссию строительства социализма.

Там, где рабочий класс взял власть и построил социализм, а затем буржуазия снова захватила политическую власть и приватизировала общественную собственность, современные ревизионисты сыграли роль классических ревизионистов, социал-демократов, предателей социализма. Как только современные ревизионисты взяли власть, они превратились в монополистических бюрокра-

тических капиталистов и социал-фашистов, использующих демагогию и террор против настоящих марксистов-ленинцев, рабочего класса и всего народа.

В Восточной Европе, в Югославии Тито стал первой ласточкой современного ревизионизма и социал-фашизма, предшествуя Хрущеву несколькими годами, как Муссолини предшествовал Гитлеру. Поощряемые хрущевскими ревизионистами, правящие партии Восточной Европы под прикрытием антисталинской кампании с энтузиазмом выбрали путь ревизионизма.

Больше 30 лет после 1956 г. политическая и экономическая сила Советского Союза подрывалась самодовольной вороватой монополистической бюрократической буржуазией, которая ради самообогащения присваивала себе растущую часть прибавочной стоимости, произведенной пролетариатом. Монополистическая бюрократическая буржуазия объявила себя коммунистической и называла государственную собственность на средства производства социалистической до тех, пока Горбачев и Ельцин не сбросили коммунистические и социалистические маски, не распустили Советский Союз и не начали открытую приватизацию общественной собственности.

Что касается Китая, то здесь сказались те же факторы, которые порождали современный ревизионизм во всех бывших социалистических странах. Даже после того, как капиталистические и дворянские классы были ликвидированы юридически и экономически, они были восстановлены ревизионистами, которые развили мелкобуржуазный слой бюрократии и интеллектуалов и которые преждевременно заявили, что борьба классов уже затухает.

Как в СССР после смерти Сталина, ревизионисты отняли власть у революционного пролетариата сразу же после смерти Мао Цзедунга. Они превратили классовую диктатуру пролетариата в диктатуру монополистической бюрократической буржуазии.

Поступая как социал-фашисты, они систематически преследовали и устранили настоящих коммунистов из Коммунистической партии и отстраняли их от руководящих должностей в государстве. Они разлагались о социальном порядке, стабильности и социалистической трудовой дисциплине только для того, чтобы подвергнуть трудящихся эксплуатации зарубежными монополиями и внутренней крупнейшей буржуазией.

Открытая реставрация капитализма в Китае шла даже еще быстрее, чем в Советском Союзе, после того как китайские ревизионисты взяли политическую власть. Старой буржуазии вернули имущество, ей заплатили во второй раз за военные облигации, ей разрешили брать кредиты в государственных банках, чтобы вложить в частный бизнес. Новая буржуазия ликвидировала систему колхозов, совершила набег на государственные банки, получая займы без залога, присвоила средние и мелкие предприятия под юридическим предлогом аренды администрацией, поощряла частное предпринимательство, покупая дешевое оборудование и сырье в государственном секторе и открывала экономику для непосредственных и не прямых капиталовложений зарубежными монополистическими капиталистами.

Во всех странах, где предали социализм, новая господствующая буржуазия приобретает черты компрадорской крупной буржуазии, потому что она подчиняет экономику зарубежным империалистическим банкам и предприятиям, подрывает и уничтожает промышленную базу, созданную раньше при социализме и укрывает капиталы за рубежом. Она постоянно боится трудящихся, которых ограбила, и поэтому всегда готова использовать государственный репрессивный аппарат и частные вооруженные банды.

После второй мировой войны коммунисты одержали великие победы над империализмом, ревизионизмом и всей реакцией. Однако, самым смертельным врагом оказался современный ревизионизм, который овладел правыми компартиями и социалистическими странами изнутри. Ревизионистские предатели сначала выростали на почве мелкобуржуазной бюрократии и в среде интеллектуалов и постепенно поднимались до высших должностных уровней в партии, в государстве, в армии, на предприятиях и в культурных учреждениях. Наконец они смогли взять политическую власть и использовали ее для реставрации капитализма.

У коммунистов есть оружие, чтобы бороться и победить современный ревизионизм в социалистическом обществе. Это теория и практика продолжения революции при диктатуре пролетариата для укрепления социализма, борьбы с ревизионизмом и предотвращения реставрации капитализма. Оказалось, что создать классовую диктатуру пролетариата политическими и военными методами, превратить частную собственность на средства производства в общественную собственность, подготовить большое количество специалистов, принимать административные и юридические меры против внутренних классовых противников и защищать себя от империалистов необходимо, но не достаточно.

В течение всей исторической эпохи социализма необходимо поддерживать власть рабочего класса и вести классовую борьбу в базисе и в надстройке социалистического общества, сохранять приоритет социалистических производственных отношений над производительными силами, проводить постоянно поэтапную пролетарскую революцию, чтобы завершить пролетарское завоевание надстройки через практическое воспитание масс под руководством революционной партии пролетариата до того, как империализм будет побежден во всемирном масштабе и коммунизм станет возможным.

В Китае, где впервые опробовали антиревизионистскую теорию и практику продолжения революции при диктатуре пролетариата через культурную революцию, Великая Пролетарская Культурная Революция продолжалась десять лет (1966 до 1976 г.), а все-таки не смогла предотвратить приход к власти ревизионистов под руководством Ден Сяопина и реставрацию ими капитализма.

Марксистско-ленинское отношение к такому возврату не может быть другим, чем отношение к успехам и поражению Парижской Коммуны в 1871. Придется всем коммунистам изучать объективные и субъективные факторы в строительстве социализма, который временно побежден, чтобы оценить победу революционного пролетариата и все положительные и отрицательные ее итоги, чтобы достигнуть высшего уровня революционного сознания и классовой борьбы в защите, укреплении и развитии социализма.

Мы должны признать тот факт, что социализм уничтожен изнутри современным ревизионизмом, а не империализмом извне. Наш долг – поставить себе задачу и решить проблему на основе всего прежнего опыта и достижений. Наиболее неотложная нынешняя глобальная задача – бороться и покончить с крупнейшей буржуазией и всеми реакционными силами, совершить национальное освобождение, установить демократию и социализм. Однако уже сейчас мы должны уметь отвечать на прямые вопросы товарищей и народа и на издевательскую клевету врагов относительно решительности и умения настоящих коммунистов сохранить и развить социализм, после того как он победил.

В настоящее время империализм и вся реакция порождают объективные условия для восстановления анти-

империалистических и социалистических движений. У нас есть проверенная марксистско-ленинская теория и практический опыт совершения и строительства социализма до определенного уровня. Теперь надо идти дальше и предотвратить ревизионизм и реставрацию капитализма во всех будущих обществах и поднять красный флаг социализма над всей исторической эпохой до того, как мы достигнем порога коммунизма.

Фашизм сегодня и завтра

В условиях полной реставрации капитализма в бывшем СССР, Китае и других странах империалисты и другие реакционные силы утверждают, что история невозможна вне пределов монополистического капитализма, и усиливают угнетение и эксплуатацию трудящихся в невиданных масштабах.

Следуя неолиберальной моде империализма США, все их империалистические союзники и неоколониальные марионеточные режимы пользуются языком буржуазной демократии и “свободного рынка”. Так же поступают буржуазные партии всего мира. В Европе зеленые, социал-демократические и другие партии камуфлируют идеи крупной буржуазии мелкобуржуазной фразеологии и не отличаются от других крупных буржуазных партий, продвигая неолиберальные реформы.

На фоне постоянно растущей производительности труда вследствие использования передовой технологии и квалифицированной рабочей силы, монополистическая буржуазия бросается в беспредельную гонку прибылей, снижая зарплаты, организуя массовую безработицу, устраняя конкурентов, разоряя подчиненные страны и этим ограничивая мировую капиталистический рынок. Кризис перепроизводства в мировой капиталистической системе усугубляется и углубляется. Очередные раунды уничтожения производительных сил следуют один за другим.

Теперь мы находимся в новом этапе общего кризиса монополистического капитализма, который начался в конце семидесятых годов. Столкновения между империализмом и угнетенными народами, империалистических стран между собой и между монополистической буржуазией и пролетариатом в империалистических странах обостряются. Пока США сохраняют империалистический альянс против трудящихся и угнетенных народов. У их союзников, однако, растет недовольство тем, что США действуют только в соответствии со своими национальными интересами. Одновременно растут противоречия между империалистическими и неоколониальными государствами. Новый мировой порядок создает условия для фашизма и войны, а также для возникновения антиимпериалистических и социалистических движений.

Среди империалистических стран у США самая сильная экономика. США привлекают европейские и японские капиталы в свою экономику, проводят политику торговой экспансии и протекционизма. С другой стороны, США – первый должник мира и подвергаются огромным торговым дефицитам, несмотря на свои торговые наступления. Самый большой нынешний финансовый мыльный пузырь – слишком высокая оценка акций в США.

Можно сказать, что нынешняя Германия реализовала амбициозные притязания Гитлера через немецкое экономическое господство в Европе. Но из-за растущей конкуренции с монополистическим капитализмом США, Германия и другие страны подвергаются стагнации и хроническим кризису перепроизводства и массовой безработице. Россия и Восточная Европа доступны экспансии западных капиталов, но это обернулось постепенной деграцией экономической жизни под покровительством

крупной компрадорской буржуазии, которая крайне коррумпирована и в основном криминальна по своей природе, особенно в России.

После того как в 1990 лопнул финансовый пузырь в Японии, последняя переживает экономическую депрессию.

В мелких индустриальных капиталистических странах, где в еще больших масштабах уничтожаются рабочие места и социальные достижения трудящихся – плоды ожесточенной борьбы, движение рабочего класса и народных масс против монополистической буржуазии и ее политических партий значительно обострилось. Можно ожидать, что оно распространится и усилится во всех промышленных капиталистических странах.

При отсутствии крепкой партии пролетариата, монополистическая буржуазия не прибегает к услугам фашистов в самых развитых промышленных капиталистических странах. Но кризис правящей системы рождает сопротивление трудящихся и народа и прогресс социалистического движения под руководством коммунистов. Тогда монополистическая буржуазия возрождает фашизм, чтобы развязать террор. Значит, у коммунистов, рабочих и всего народа есть право начать вооруженную революцию.

Из-за экономического кризиса три глобальных центра капитализма, США, ЕС и Япония, постоянно сталкиваются по политическим, экономическим, финансовым и военным вопросам.

Желая уменьшить свои расходы на осуществление агрессивной политики и боясь растущих жертв США в сухопутных войнах, США поощряли перевооружение и военную промышленность Германии и Японии вопреки принятым ранее ограничениям и поощряли их участие в захватнических войнах. Теперь спорят о том, нужны ли Европе свои войска, независимые от США. В Японии растет недовольство условиями “новых директив безопасности”, которые разрешают США пользоваться территорией Японии и ее ресурсами в военных целях. Во всяком случае, военный аппарат активизируется, и фашисты мечтают когда-то им управлять.

Война уже вспыхнула в Европе. США и НАТО ведут захватнические войны на Балканах, Россия увязла в чеченской войне. По мере того, как бич войны ударяет по Европе, Германия тоже может вступить в войну, сначала вместе с США, а затем – руководствуясь своими собственными империалистическими интересами. США также включают Японию в подготовку к войне против Китая за Тайвань, против КНДР и движений за национальное освобождение в Восточной Азии. Япония перевооружается, нарушая пределы “самообороны”, и скоро будет готова воевать, сначала вместе с США, а потом тоже в соответствии со своими собственными империалистическими интересами.

Россия, ослабленная империалистическая держава, сегодня тоже превращается в очаг национализма и фашизма. Ее положение похоже на то, которое было у Германии после ее поражения во второй мировой войне. Ее экономика в упадке и испытывает растущее давление со стороны крупнейших империалистических держав, победителей в холодной войне, которые решили держать ее экономически и социально слабой, чтобы обезвредить ее ядерный арсенал и другое современное оружие.

Фашистская военная диктатура может возникнуть, используя недовольство российского народа, обещая оживление промышленности и сельского хозяйства, проводя террор “во имя закона и порядка”, выбирая военный путь и развязывая агрессии под предлогом защиты российской территории и русского населения в соседних странах.

Расширение НАТО до границ России, захватническая

война против Югославии и неокOLONизация Балкан США-НАТО могут стимулировать возникновение военно-фашистского режима в России. К этому также подстрекает российская наследница старой ревизионистской партии, которая послушно играет роль лояльной оппозиции. Как социал-демократы при Веймарской республике, она предотвращает развитие настоящего марксистско-ленинского руководства рабочим движением и народом. Настоящим наследникам дела Ленина и Сталина необходимо готовиться к пролетарской революции.

Китай – это еще одна большая бывшая социалистическая страна, где США применяют двойную тактику вмешательства и сдерживания. Политика вмешательства ведет к росту зарубежных вложений и компрадорского капитализма, к развалу государственной отрасли и неизбежности того, что коммунистические и социалистические вывески будут со временем выброшены. Политика сдерживания стремится к скрытой или открытой военной угрозе Китаю, к превращению его в полную неокOLONию США. Китайское посольство в Белграде США бомбили специально, чтобы продемонстрировать точность своего высокотехнологического оружия.

Компрадорская крупнейшая бюрократия уже господствует в Китае. Национальная буржуазия, которая хочет защищать независимость Китая и развивать ее промышленные основы, играет вторую скрипку и поощряет антиимпериалистический буржуазный национализм. Экономические и социальные условия сегодня быстро ухудшаются. Стихийные вспышки протестов рабочих и крестьян умножаются. По мере того как идет поляризация, противоположные перспективы военной фашистской диктатуры и пролетарской революции становятся все более очевидными.

Кризис перепроизводства в мировой капиталистической системе больше всего разрушал Азию, Африку, Латинскую Америку и страны бывшего СССР. В этих регионах живет подавляющее большинство населения мира. Они задавлены вечными торговыми дефицитами и зарубежными долгами. Они не в состоянии возвращать постоянно растущие зарубежные долги, которые им навязывают МВФ, Мировой Банк и ВТО.

Во всех малоразвитых странах империализм США и его союзников вмешиваются во внутренние дела, направляют события в выгодное им русло. НеокOLONиальные марионеточные государства готовы использовать открытый террор, чтобы проводить политику империализма и подавлять сопротивление народа. Усиливается тенденция заменять правительства с буржуазно-демократическим фасадом фашистскими режимами. Войны и военные столкновения регионального масштаба возникают из-за того, что империализм США направляет друг на друга неокOLONиальные государства, правители которых стараются отвлекать внимание от внутренних проблем насаждением вражды к соседним народам.

Происходят бессмысленные боины, и миллионы людей становятся беженцами, особенно в Африке. Только в Руанде за последнее десятилетие миллион людей были убиты. Сотни тысяч людей погибли тоже на Балканах из-за этнических конфликтов, разжигаемых империалистами и их марионетками.

Империализм США особенно быстро вовлекается в военные интервенции в странах, которые производят нефть или стратегически относятся к нефтяным интересам США. Они лицемерно ссылаются на гуманитарные цели или необходимость сохранения мира, чтобы развязывать и применять свои вооруженные силы. Так они развязали захватнические войны против Ирака и Югосла-

вии, чтобы укрепить свое господство над нефтяными ресурсами и завоевать выгодные стратегические позиции.

Однако успехи империализма США в захватнических войнах против Ирака и Югославии, в созидании “американского мира” на Ближнем Востоке, на Балканах и в Центральной и Восточной Европе не вечны. Они только закладывают семена войны в ближайшем будущем: между империалистическими державами и между империалистами и угнетенными народами.

В Азии, Африке и Латинской Америке марксистско-ленинские партии руководят значительной частью как легальных массовых, так и вооруженных революционных движений и движений за национальное освобождение и демократию. Самые прочные вооруженные революционные движения – те, которые следуют стратегической линии окружения городов из деревни и в течение длительного периода аккумулируют силы для окончательного всенационального взятия политической власти.

Империалистическая неолиберальная политика США ведет к созданию фашистских режимов с буржуазно-демократическим фасадом или без него. Эта политика невыносима для народа, она его толкает к сопротивлению. Она дискредитирует неокOLONIAльные марионеточные режимы и делает из них уязвимые мишени для длительной народной войны, против которой дорогостоящее стратегическое высокотехнологическое оружие США бессильно.

Империализм США клеймит государства, которые занимают антиимпериалистические позиции, как “бандитские государства”, чтобы камуфлировать свою собственную агрессивную роль и готовить войну. Цинично и трусливо он использует свое высокотехнологическое оружие против таких государств и их гражданского населения, инфраструктуры, школ, больниц, электростанций, водопроводов, СМИ, и т.д.

Целые десятилетия он проводил экономическую блокаду и устраивал военные провокации против Корейской Народно-Демократической Республики и против Кубы. Эти страны мудро, доблестно и успешно защищают свою национальную независимость и социалистические устремления своих народов. Они вдохновляют народы всего мира на борьбу с империализмом и реакцией, за достижение своих национальных, демократических и социалистических целей.

Новый мировой порядок несет с собой фашизм, вой-

ну и невыносимые беды для народов. Одновременно он толкает народы к революционной борьбе. Путь к победе над фашизмом и войной требует от коммунистов укрепления своих организаций идеологически и политически, создания объединенного фронта в легальном движении масс и, где возможно, осуществления вооруженной революции, чтобы добиться национального освобождения, установить демократию и социализм.

Во всех странах, где господствует империализм, необходима революционная партия пролетариата, чтобы руководить пролетарскими и непролетарскими массами в революционном движении. В промышленных капиталистических странах такая партия должна убеждать, организовывать и мобилизовать рабочих и весь народ. В странах, где крестьяне еще составляют большинство населения, такая партия должна опираться на союз рабочих и крестьян как главную силу революционного движения.

У революционных партий пролетариата в полукOLONIAльных и в полуфеодальных странах – своя особая роль в длительной народной войне. Это путь непосредственной вооруженной революции против империалистов и местных эксплуататорских классов. Такая революция, кроме прочего, создает условия для революционного движения пролетариата и народа в промышленных капиталистических странах, чтобы предотвратить фашизм и войну и свергнуть монополистическое буржуазное государство, если предотвратить фашизм и войну не удалось.

Рабочие и угнетенные народы мира должны объединяться в борьбе с империализмом и за социализм. Революционные движения в разных странах должны поддерживать друг друга, чтобы поднимать антиимпериалистическое и социалистическое движение на более высокий уровень.

Дальнейшее развитие производительных сил при монополистическом капитализме само по себе не ведет к социализму на национальном или международном уровне. Социализм может быть достигнут только тогда, когда субъективные и объективные факторы революции достаточно созрели, чтобы свергнуть и уничтожить буржуазное государство.

Социальная нестабильность, которая теперь распространяется и усиливается во всем мире – прелюдия восстановления антиимпериалистического и социалистического движения 21-го века. Великие победы ждут пролетариат и угнетенные народы мира!

Фашизм и антикоммунизм

Геруих Леруж *

Более пятидесяти лет прошло после победы над фашизмом. Сегодня весь мир вновь переживает опасный кризис, который порождает неofaшизм.

Фашизация государства происходит как в развитых капиталистических странах, так и в “новых” капиталистических странах, в бывшем СССР и во всем мире.

Существует непосредственная связь между так называемой “исторической победой демократии над коммунизмом” в девяностых годах и подъемом фашизма и всех сил реакции. Антикоммунизм, который исповедовали в то время едва ли не все политические партии, был предте-

чей реабилитации нацистской идеологии. Чтобы одержать победу над коммунистическими силами, империализму пришлось мобилизовать повсюду фашистский сброд. Нацисты немецкие, итальянские, испанские, фламандские, хорватские и другие – самые варварские убийцы в истории человечества. В Советском Союзе они убили более 20 миллионов человек. Сегодня они празднуют свою победу. Сенатор Веррейкен, член фламандской фашистской партии “Фламандский Блок”, заявил в 1995 г. в бельгийской Верховной Палате: “Солдаты Восточного Фронта уже 50 лет тому назад поняли то, что мы знаем сейчас: коммуно-социализм – смертоносный бред. Возможные ошибки Третьей Империи не были ошибками бойцов Восточного Фронта. И сегодня ясно, что они, по большому

---

* главный редактор журнала “Солидэр”, Партия Труда Бельгии.

счету, были правы”. Сегодня фашисты требуют реабилитации своего прошлого. Фламандский Блок пишет: “После прекращения красного террора весь мир согласен с тем, что коммунизм – бесчеловечный и неэффективный строй, а с теми, кто страдал в течение полувека и умер за это убеждение, обращаются как с париями в этом обществе”.

Воинствующий антикоммунизм, раздуваемый буржуазными СМИ после 1988 года, стал одной из основных причин активизации фашизма в Европе. Утверждения, которые раньше появлялись только в журналах крайне правого толка, сегодня “плюралистическими” СМИ представляются как бесспорные истины. Уничтожение остатков социализма в Восточной Европе и в Советском Союзе было с энтузиазмом принято в бельгийском парламенте всеми партиями, от фашистских до социал-демократических и зеленых. Именно антикоммунизм открыл в этих партиях дверь фашизму. Один фашиствующий депутат хвалился единогласием всех партий в бельгийском парламенте в вопросе поддержки румынской контрреволюции. Он заявил, что режим в Румынии был “тоталитарным, находился под господством Компартии, что в Румынии постоянно нарушались права человека, угнетенных меньшинств и там не могло быть и речи о свободе и демократии”. Раньше такое говорили только крайне правые.

С начала этого века только коммунистическое движение на самом деле угрожало власти капитала. Социал-демократия к этому времени уже приняла диктатуру капитала как основу общества.

Антикоммунизм и антимарксизм – основные части фашистской доктрины. Они всегда были самыми главными идеологическими козырями мирового фашизма. Националистическая и расистская демагогия иногда разделяет фашистов. Антикоммунизм, напротив, их прочно соединяет.

Гитлер в своей книге “Майн кампф” проповедует “уничтожение марксизма и большевизма, совершивших ужасные преступления против человечества”. “Фашизм поставил себе главной задачей уничтожить революционный авангард, то есть коммунистические элементы пролетариата и их кадры”, – пишет Палм Датт.

Первые фашистские ячейки появились в Германии в 1918 г. Крайне правые офицеры имперской армии создали под покровительством находящихся тогда у власти социал-демократов “отряды добровольцев”, ответственные за кровавое подавление немецкой революции и уничтожение большей части коммунистического авангарда. Их главарь фон Папст руководил убийством коммунистических лидеров Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Он же руководил и “Генеральным секретариатом исследования и борьбы против большевизма”, который финансировал промышленный магнат Стиннес. Именно в этих кругах Гитлер вербовал свои первые кадры.

В 1923 г. Гитлер поднял в Германии знамя антикоммунизма и спустя десять лет после прихода к власти уничтожил великую немецкую Компартию.

Характерно, что даже антисемитизм был направлен в первую очередь против коммунизма. В 1919 г. Гитлер, до того как его послали в качестве армейского шпиона в маленькую фашистскую партию, учился на курсах некоего Федерера. Позже он написал в “Майн кампф”: “Там я впервые понял значение антисемитизма для борьбы против марксизма”.

Немецкий фашизм пришел к власти, имея антикоммунизм в качестве своего главного оружия, и развязал вторую мировую войну под лозунгом борьбы с иудаизмом-большевизмом. Гитлер старался подчинить всю Западную Европу немецкому господству под знаменем похода против коммунизма.

Гитлер писал в 1923 году: “Веками Россия при царях руководилась немецким ядром. Но после большевистской революции к власти пришли евреи. Русский народ при этом попал в рабство и подвергается постоянному угнетению. В России еврей убил примерно тридцать миллионов человек посредством бесчеловечных мук и голода. Мы должны считать большевизм попыткой иудаизма прийти к мировому господству”. Эта пропаганда стала предлогом для немецкой захватнической политики территориальной экспансии, открыто направленной против Советского Союза. В 1926 Гитлер запустил ложь о “30 миллионах жертв большевизма”.

Антикоммунизм – это мост, по которому обычно буржуазная партия переходит к фашизму.

В Бельгии в тридцатые годы многие лидеры буржуазных партий перешли на сторону фашистов или поддержали их на почве антикоммунизма. Все признавали подавление в Германии “большевистской опасности” как великую заслугу Гитлера.

Поощряемые духовенством, тысячи католических юношей вступали в СС, чтобы бороться с большевизмом на Восточном фронте. Почва готовилась католическими мыслителями в университетах. “Можно думать, что угодно, о фашизме, но нельзя отрицать его добрую волю и стремление созидать. Напротив, первая забота русской диктатуры – все уничтожить”. Так написал в 1933 г. доцент Католического университета Лейвена Джон Миньо. Ватикан поощрял испанских, итальянских и хорватских фашистов и после войны дал убежище тысячам фашистских убийц.

Антимарксизм руководителя Бельгийской рабочей партии и бывшего марксиста Генри Демана довел его до радужной встречи немецких войск в 1940 г. Он распустил свою партию и создал фашистский профсоюз. В том нет ничего удивительного, если вспомнить, что в 1930 году К.Каутский – идеолог социал-демократии, призвал русских крестьян, “недовольных коллективизацией”, к восстанию против большевистского режима, который “подчиняет рабочих и крестьян беспредельному произволу секты коммунистов”.

Под предлогом борьбы против двух крайностей, лидеры социал-демократов Веймарской Республики (1919-1933 гг.) боролись с коммунистами и защищали фашистов. Они знали заранее, что этим они подтолкнут нацистов к власти! Они решили не мешать нацистам.

Вся антикоммунистическая борьба Гитлера всегда получала одобрение и поддержку всей европейской буржуазии.

С 1934 г. Сталин предлагал Франции и Англии создать союз против гитлеровской агрессии. Западные державы отказались и сговорились с Гитлером, чтобы ему отдать сначала Австрию, а потом Чехословакию. В тридцатые годы американские капиталы текли в Германию и помогали Гитлеру создать военно-промышленный комплекс.

В 1939 году Великобритания и Франция подстрекали Гитлера к поиску на востоке “жизненного пространства”, нужного немецкому империализму. Они позволили ему захватить Польшу, чтобы потом броситься в решительный бой против ненавистного большевизма.

Сталин умело использовал предложения Германии и Японии и подписал пакты о ненападении с этими двумя захватническими державами. Таким образом он смог сломать заговор с целью разрушить Советский Союз единым фронтом всех империалистов, когда фашистский блок Германия – Япония – Италия вел войну с молчаливого одобрения Великобритании и Франции.

Когда Гитлер напал на Польшу, Великобритания и Франция были вынуждены объявить войну Германии, но без единого выстрела. Это была “странная война”. Потом

финские фашисты, находясь в сговоре с Гитлером, воспрепятствовали Советскому Союзу в принятии необходимых мер для обеспечения защиты Ленинграда. Советский Союз предпринял военную операцию против Финляндии, в результате которой непосредственная угроза Ленинграду была снята.

В это время Великобритания и Франция, которые пальцем не шевельнули, когда Гитлер захватил Австрию, Польшу и Чехословакию, мобилизовали 150000 военных и огромное количество оружия, чтобы воевать с Красной Армией в Финляндии. Даже Лига Наций, пассивная при прежних агрессиях, проснулась, чтобы ... исключить Советский Союз. "Эпоха права еще не наступила. А символический жест Лиги Наций, исключившей виновную Россию, станет хорошим предзнаменованием будущего, где господство силы над правом будет навсегда устранено". Очень похоже на то, что сегодня делают с Югославией и Ираком.

Советскому Союзу опять грозила опасность единого фронта всех империалистических держав. Но война с Финляндией быстро кончилась капитуляцией Финляндии и договором, подписанным в марте 1940 г. А в это время французские лидеры Даладье и Петэн запретили французскую Компартию, обвиняя ее в сотрудничестве с Германией...

Благодаря Пакту о ненападении с Германией, Сталин выиграл 22-месячную отсрочку начала войны, которая позволила Советскому Союзу существенно укрепить оборону.

Когда Гитлер напал на Советский Союз 22 июня 1941 года, между СССР, Великобританией и США настоящий антифашистский единый фронт был возможен. Но как раз накануне нападения Гесс, второй человек в нацистской партии после Гитлера, полетел в Великобританию, чтобы предложить антибольшевистский союз, которого желала часть английской буржуазии. Французские руководители, сгруппировавшиеся вокруг Петэна, которые раньше запретили Компартию, теперь сотрудничали с немецкими захватчиками, а французская Компартия стала движущей силой Сопротивления.

В самые трудные для Советского Союза дни, с июня 41-го года по январь 43-го года, западные державы отказывались от открытия второго фронта на Европейском континенте, что могло бы облегчить невыносимое бремя войны для СССР. В 1943 г. Алан Даллес, руководивший американскими спецслужбами в Европе, связался с людьми Гимmlера и немецкими генералами, чтобы заключить секретный договор и выступить вместе против большевизма. После десанта в Нормандии генерал Паттон предлагал ему подчинить несколько немецких дивизий для похода на Москву. Только умная политика Сталина способствовала созданию антифашистского союза во время войны, и только усилия Советского Союза позволили сломать хребет фашистскому зверю.

С 1945 г. тысячи нацистских преступников верхнего эшелона, среди которых генерал Гелен, начальник спецслужб СС Шелленберг и палач города Лиона Клаус Барби, включились в работу западных секретных служб в их борьбе против Советского Союза.

В 1953 г. агенты Гелена играли важную роль в организации восстания в Берлине. В 1956 г. они опять появляются в Венгрии.

При Рейгане и Тэтчер старые антикоммунистические документы, написанные нацистами, опять издаются и питают все западные буржуазные партии. В международной антикоммунистической лиге собираются бывшие на-

цисты, проамериканские диктаторы всего мира и правые из правительств многих империалистических стран. Они – двигатели грязных войн против "коммунистических" режимов всего мира, например, Никарагуа, Лаоса, Вьетнама, Анголы и Мозамбика.

В 1985 г. казалось, что эпоха бешеного антикоммунизма уже на исходе. Сегодня же почти все буржуазные партии подхватили лозунг Рейгана "Коммунизм – империя зла".

Нельзя умолчать и о предательстве Хрущева, которое оказало огромную поддержку всем антикоммунистическим силам. Он клеветал на Сталина в терминах, которыми раньше пользовались только крайне правые. Он внедрил оппортунизм и антикоммунизм в Коммунистическую партию. После 35 лет антикоммунистической кампании Горбачев показал себя на 28-м съезде приверженцем капитализма, рыночной экономики и свободного предпринимательства. Спустя год Ельцин восстановил символы царизма.

Сегодня во всей Европе фашизация продвигается под лживым лозунгом "гитлеровский фашизм и сталинский коммунизм – близнецы".

Этот лозунг буржуазные партии впервые запустили в тридцатые годы. Тогда этот лозунг использовался против фашистских партий, которые, казалось, угрожали подорвать позиции традиционных буржуазных партий, но антикоммунизм был общей базой этих двух течений буржуазного политического порядка. Этот лозунг должен был держать рабочих в фарватере буржуазных партий и отпугнуть от коммунистических партий, возглавляющих единственно последовательные антифашистские и антикапиталистические силы.

Лозунг "гитлеровский фашизм и сталинский коммунизм – близнецы" подхватили потом побежденные нацисты, которые в 1945 г. включались в работу западных секретных служб, чтобы продолжать борьбу за уничтожение коммунизма, начатую Гитлером в 1923 г. При помощи и финансировании ЦРУ эти нацисты заливали мир потоками лжи о "преступлениях" и "геноциде" при Сталине. Эта ложь служила для того, чтобы прикрывать, а потом опровергать геноцид Гитлера.

С 1989 г. этот лозунг стал неоспоримой догмой. В Бельгии один из руководителей Партии зеленых ссылался на него, чтобы потребовать запрета Партии Труда Бельгии. Сегодня империализм опять единолично властвует на планете и показывает свое настоящее лицо. Империализм без маски – это всегда фашизм, насилие и война.

Однако посредством промывания мозгов буржуазия внушает людям, что западная система "представляет собой демократию, свободу и права человека". Антикоммунизм, представляющий себя как антисталинизм, на самом деле направлен против любых форм революционной борьбы с мировым капитализмом. Антикоммунисты утверждают, что нет альтернативы империалистической системе, и поэтому сама идея, что мы еще не в конце истории – уже преступление.

Во всем развитом капиталистическом мире кризис обостряется. Технологическая революция создала средства, необходимые для того, чтобы обеспечить человечеству достойную, свободную и богатую жизнь. Однако в руках капиталистов она служит средством для уничтожении всех достижений рабочего класса с начала этого века.

В этих условиях фашизация нужна тем, кто хочет насильственно подавить сопротивление трудящихся и готовиться к новым мировым войнам.

Выдержки из отдельных выступлений на девятом Международном коммунистическом семинаре

Запрещать коммунистов – разве это демократия?

Зденек Стефек, Коммунистический Союз Молодежи Чехии

При растущем экономическом кризисе и политических проблемах в Чехии, все больше людей готовы голосовать за Коммунистическую партию. Поэтому антикоммунисты предлагают внести в уголовный кодекс статью, запрещающую членство в компартии или даже выражение симпатий к коммунистическим идеям. Ясно, что это всего лишь предлог, попытка устранить с политической арены Компартию и

Коммунистический Союз Молодежи. Парламент при голосовании отверг эту статью большинством в один голос. Европейские власти в Брюсселе требуют, чтобы Прага покончила со «сталинскими» коммунистическими организациями, до того как Чехия вступит в Евросоюз. Крайне правые организации расширяют свои международные контакты. Фашизм, скрытый в буржуазных партиях, поднимает голову.

Демократия по-американски

Моника Мурхэд, Мировая Рабочая Партия, США

В США живут 5% мирового населения, а количество заключенных – это два миллиона человек, т.е. 25% всех заключенных мира. Даже приватизированные тюрьмы содержатся американским государством. В 1996 Вашингтон потратил на строительство тюрем один миллиард долларов – больше, чем на строительство университетов. В том же году президент Клинтон решил сократить социальные пособия.

Тюремная промышленность стала, по масштабам труда заключенных второй отраслью страны после «Дже-

нерал Моторс», с его 523.000 рабочими.

Уорлд Ресарч Груп, инвестиционное предприятие в Нью-Йорке, заявляет: «Растет число арестов и приговоров, огромные прибыли можно иметь от преступности. Не колеблясь: купите немедленно акции в этой производственной промышленности!» В штате Огайо заключенные производят запчасти машин «Хонда» получая два доллара в час, в то время как в среднем рабочие-члены профсоюзов зарабатывают от 20 до 30 долларов. Тюремный труд угрожает положению рабочим и их профсоюзов.

Демократия – маска диктатуры буржуазии

Марксистско-ленинская Коммунистическая Партия Эквадора

Под видом демократии в эпоху так называемого «конца идеологий» социальные службы превращаются в предприятия, которые приносят огромные прибыли владельцам. Во имя свободы преследуют профсоюзы рабочих и революционных активистов. Но приватизации и ликвидации общественных свобод не принудили массы ра-

бочих к покорному подчинению. Неолиберальные меры и глобализация не смогли разрешить политический и экономический кризис империализма. В последние годы рабочая и народная борьба в Эквадоре значительно усилилась. С января этого года восстал и индейский народ, начавший широкомасштабную борьбу во всей стране.

Международная Встреча коммунистических и рабочих партий в Афинах, 23-25 июня 2000 года

Информационное сообщение Коммунистической партии Греции

23-25 июня 2000 г. в Афинах состоялась трехдневная Международная встреча коммунистических и рабочих партий, участников которой принимала Компартия Греции. В ней приняли участие представители 60 коммунистических и рабочих партий из 47 стран. Они обсудили вопрос: «Борьба, альянсы, сотрудничество коммунистов сегодня». Ряд партий, выразивших желание участвовать во Встрече, не смогли приехать по причинам, от них не зависящим, в связи с ситуацией в своих странах.

В ходе настоящей Встречи состоялся плодотворный обмен мнениями по вопросам Встречи. Общим стало признание того, что подобные встречи между коммунистическими и рабочими партиями полезны и их необходимо проводить и в дальнейшем.

Многие выступавшие отметили необходимость чаще проводить подобные встречи, которые свидетельствуют, что несмотря на трудные международные и региональные условия, в которых находятся коммунистические и рабочие партии, они продолжают действовать, встречать-

ся, обмениваются мнениями, являются влиятельной политической силой на всех континентах.

Подчеркнуто также, что политика союзов, проводимая партиями, неразрывно связана с ежедневной борьбой на национальном уровне и на нее оказывает непосредственное влияние связь ее с борьбой на международном уровне.

Многие выступавшие отметили также необходимость проведения международных встреч по отдельным вопросам, региональных встреч (Америка, Африка, Азия, Европа), а также дальнейшего развития и совершенствование встреч, уже ставших традиционными.

Участники отметили, что увеличивается разрыв между так называемыми «Севером» и «Югом», причем в ущерб народам «Юга», которые и составляют большинство населения земли. Таким образом, «Юг» превратился в значительное поле конфронтации с империализмом.

Во время Встречи многие выступавшие подчеркивали, что несмотря на некоторые разногласия между

партиями (что есть нормальное явление), такие встречи, как нынешняя, объективно выявляют общие позиции партий в борьбе против империализма, его нарастающей агрессивности и ужесточающейся эксплуатации трудящихся во всем мире.

Отмечено, что появился новый момент, дополняющий опыт коммунистов, связанный с демонстрациями в Сиэтле, в Давосе, в Вашингтоне, а также с выступлениями во время очередных “встреч в верхах ЕС” (как это недавно было в Португалии). Эти выступления, как отмечалось, направлены против политики международных империалистических организаций, таких, как Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Мировой банк, которые привели многие страны и народы в долговую кабалу. Выступавшие отметили новые возможности, открывающиеся этими выступлениями и необходимость самого активного участия в них коммунистов.

Многие участники Встречи коснулись нового мирового порядка, который империализм стремится установить посредством новой стратегии НАТО, бомбардировками Югославии и попыткой формирования нового международного права, которое будет опираться на право сильного. В связи с этим было подчеркнута также значение массовых протестов против империалистической гегемонистской политики США, НАТО и лидирующих сил ЕС, против сил “быстрого реагирования” и сил по “улаживанию кризисов”, против военизации Европы и системы ПРО США, против ядерного оружия, против империалистического вмешательства и военной оккупации, а также против изменений границ.

Отмечено особое значение координации действий профсоюзных движений и организаций, в эпицентре которых – борьба против капиталистических реорганизаций и наступления на права и завоевания трудящихся, борьба против транснациональных монополий, а также необходимость координации борьбы на всех дочерних предприятиях и филиалах этих компаний, размещенных по всему миру. Подчеркнута необходимость международной координации такой борьбы и решающего вклада, который должны внести в эту борьбу коммунисты.

Многие выступавшие выразили свое беспокойство по поводу продолжающихся запретов, гонений и дискриминаций коммунистических партий, коммунистов и всех тех, кто сопротивляется капиталистическому варварству и империалистическому вмешательству.

Во время Встречи был представлен первый выпуск информационного журнала с названием **“Информационный бюллетень”**, где каждая коммунистическая и рабочая партия может помещать свои документы. Одновременно представлены делегатам очень обнадеживающие результаты функционирования *Центра быстрого взаимного информирования*, под названием **SOLIDNET.ORG**.

Мы считаем, что дискуссия между представителями коммунистических и рабочих партий, состоявшаяся на этой встрече, будет способствовать решению острых современных проблем, координации усилий для отпора агрессивным устремлениям империализма, а также осознанию человечеством необходимости перехода к социализму.

Во время работы Встречи развивались двусторонние связи, контакты между партиями и состоялся обмен мнениями.

Мы уверены, что Международная встреча, несмотря на трудности и различные подходы, которые были высказаны по ряду вопросов, будет способствовать координации и совместной деятельности коммунистических и рабочих партий.

Список партий, принявших участие в Международной встрече Коммунистических и Рабочих партий

Австралия
Коммунистическая партия Австралии
Австрия
Коммунистическая партия Австрии
Албания
Коммунистическая партия Албании
Алжир
Партия демократии и социализма
Армения
Коммунистическая партия Армении
Белоруссия
Коммунистическая партия Белоруссии
Бельгия
Коммунистическая партия Бельгии
Партия Труда Бельгии
Болгария
Болгарская Коммунистическая партия “Георгий Димитров”
Коммунистическая партия Болгарии
Марксистская платформа БСП
Великобритания
Коммунистическая партия Британии
Новая Коммунистическая партия Британии
Венгрия
Рабочая партия Венгрии
Вьетнам
Коммунистическая партия Вьетнама
Германия
Германская Коммунистическая партия
Греция
Коммунистическая партия Греции
Дания
Коммунистическая партия в Дании
Египет
Коммунистическая партия Египта
Израиль
Коммунистическая партия Израиля
Иран
ТУДЭ
Ирак
Иракская Коммунистическая партия
Коммунистическая партия Курдистана – Ирак
Ирландия
Рабочая партия Ирландии
Иордания
Иорданская Коммунистическая партия
Испания
Коммунистическая партия народов Испании
Объединенные левые Испании
Партия коммунистов Каталонии
Италия
Партия коммунистического возрождения
Партия итальянских коммунистов
Канада
Коммунистическая партия Канады
Кипр
АКЭЛ
Колумбия
Коммунистическая партия Колумбии
Корейская НДР
Партия Труда Кореи
Куба
Коммунистическая партия Кубы

Латвия
Социалистическая партия Латвии
Ливан
Коммунистическая партия Ливана
Молдавия
Партия коммунистов Республики Молдовы
Непал
Коммунистическая партия Непала
Нидерланды
Новая Коммунистическая партия Нидерландов
Норвегия
Коммунистическая партия Норвегии
Палестина
Коммунистическая партия Палестины
Португалия
Коммунистическая партия Португалии
Россия
Коммунистическая партия Российской Федерации
Российская Коммунистическая рабочая партия
Союз коммунистических партий – КПСС
Румыния
Коммунистическая партия Румынии

Сирия
Коммунистическая партия Сирии
США
Коммунистическая партия США
Судан
Коммунистическая партия Судана
Украина
Коммунистическая партия Украины
Союз коммунистов Украины
Финляндия
Коммунистическая партия Финляндии
Филиппины
Коммунистическая партия Филиппин
Филиппинская Коммунистическая партия (РКР-1930)
Чехия
Коммунистическая партия Чехии – Моравии
Швеция
Коммунистическая партия Швеции
Югославия
Новая Коммунистическая партия Югославии
Южная Африка
Южноафриканская Коммунистическая партия

Борьба, альянсы и сотрудничество коммунистов сегодня

Алека Папарига*

Дорогие товарищи!

Коммунисты нашей страны, члены Коммунистической молодежи (КМН) и Центральный Комитет нашей партии приветствуют Вас в Афинах, на новой нашей Встрече. Дружья нашей партии и силы, с которыми мы сотрудничаем в последнее время в политической и социальной борьбе и в избирательных кампаниях, а также многие прогрессивные люди с интересом ожидают нашего обмена опытом и мнениями.

Мы предложили этот конкретный вопрос для обсуждения, потому что многие товарищи, которые были на предыдущих встречах в Афинах, высказали ряд предложений именно по этой проблеме. Этот вопрос находился и в эпицентре многих значительных международных инициатив, таких, как Форум в Сан-Пауло, Средиземноморская встреча, которую провел АКЭЛ, и другие.

Кроме того, за последний год произошли значительные события, а также появились новые инициативы, которые делают еще более актуальным обмен мнениями по вопросу альянсов и союзов. Мы прежде всего говорим о выступлениях против капиталистической интеграции, так называемой "глобализации": о выступлениях в Сиэтле, в Давосе, в Вашингтоне. Об инициативе 77 государств, о борьбе в Колумбии и еще во многих странах Латинской Америки, о выступлениях против НАТО и его войны против Югославии, об обострении борьбы в Палестине, на Кипре, на Украине, в Южной Африке и на всем африканском континенте. Практически это означает, что борьба идет одновременно во многих точках планеты.

Готовятся новые акции, как, например, выступление против Всемирной Организации Торговли в Праге, в сентябре с.г., которое поддерживает КП Чехии-Моравии и другие силы.

---

* Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Греции

Первое: Мы обсуждаем важный вопрос политических союзов коммунистических и рабочих партий. Это всегда животрепещущий вопрос, так как политика союзов неразрывно связана с ежедневной борьбой, и, естественно, со стратегической целью – с социализмом, который сегодня становится еще более актуальным. Мы обсуждаем этот вопрос в тот период, когда капиталистические реорганизации и новая доктрина НАТО оказывают все более глубокое влияние на все страны, независимо от их включения в империалистические союзы, независимо от их уровня капиталистического развития и даже независимо от того, продолжатся ли в них строительство социализма или нет. Это такой период, когда противник старается сформировать свою политику союзов, поощряет или использует разные препятствия против коммунистов, старается установить режим изоляции компартий и вообще антиимпериалистических сил, оказывая на них жесткое давление извне, чтобы принудить их встать на линию соглашательства и классового сотрудничества.

Второе: Мы сегодня обсуждаем не только необходимость союзов вообще, но и конкретный опыт, который мы приобрели за последнее десятилетие, когда развернулись значительные бои во многих странах мира, причем в местах, где раньше сопротивление было "заморожено". Конечно, хотя эти движения развиваются и сплачиваются, они еще имеют аморфную форму, ограничены, не всегда продолжительны. Но несмотря на это, миф о пользе так называемой "глобализации" уже ставится под сомнение.

Третье: Политика союзов дает ответ на тревожный вопрос о том, каким образом народы смогут препятствовать империалистической политике. Каким образом все больше и больше стран будут освобождаться от империалистического ига и зависимости. Политика союзов неразрывно связана со стратегической важностью вопроса о том, как мы перейдем к новому этапу революционных движений. Все это вселяет надежду, оптимизм, веру в ус-

пех борьбы против реакции и мракобесия.

В 1996-м году на 15-м съезде наша партия разработала стратегию союзов, сформировав предложение о создании социально-политического союза в форме Народного Фронта, который сплотит социальные и политические силы, общественно-политических деятелей, согласных с тем, что борьбу нужно будет вести в направлении радикального противоборства с интересами монополистического капитала и его империалистических союзов.

В конце этого года пройдет 16-й съезд нашей партии, на котором мы отчитаемся перед народом о том, что мы сделали для строительства Фронта, каких результатов достигли и какой опыт приобрели.

Антиимпериалистический, антимонополистический демократический Фронт (ААДФ) как всегреческий альянс с единой программой действий еще не сформирован. Реализация таких решений, которые связаны непосредственно с обострением классовой борьбы и с созреванием политического сознания народа, не может быть определена жесткими временными рамками, а ААДФ не является бумажным планом. Но мы и не стоим на месте. Можем сказать, что мы поставили определенный фундамент для его строительства, хотя он еще не достаточен. Мы не несем за это полную ответственность. Невозможно преодолеть так быстро все препятствия: отрицательную ситуацию, которая господствует в профсоюзном движении по вине его руководства; настроения компромисса и соглашательства, господствующие в силах, которые называя себя левыми и прогрессивными, манипулируют сознанием части народа. Но мы все-таки продолжим и усилим наши инициативы. Тем более что в ближайшие годы, как на национальном, так и на международном уровне будут обостряться противоречия, и мы должны быть готовыми развивать нашу деятельность без опоздания.

Доказательством того, что предложение Компартии Греции вызывает процессы и раздумья в народе, является факт особо жесткой волны идеологических и политических нападков на ККЕ накануне 16-го съезда партии. Эти нападки осуществляются не без участия механизмов империализма, особенно возмущенного антиимпериалистическими акциями нашей партии, которые поддержали широкие народные силы, а не только коммунисты. Несколько лет тому назад, когда мы не могли еще расширить наши связи, нас обвиняли, что мы действуем сами по себе. Сегодня же, когда имеются положительные тенденции в политике наших союзов, нас обвиняют в том, что мы якобы создаем плохие союзы. Дело доходит до смешного, когда классовый противник обвиняет нас в том, что наши союзы меняют наш коммунистический характер. Буржуазные партии стараются отбросить нас в абсолютное политическое небытие или подтолкнуть к таким союзам, которые им на руку, чтобы сделать нас подконтрольными.

1. Союзам – да, так как нет другого выхода, но с кем, по каким направлениям и для какой цели? Каждый день мы убеждаемся все больше и больше на событиях в Греции и во всем мире, что наиболее общей основой для сплочения на социальном и политическом уровнях является решение о том, что мы должны бороться против намерений монополистического капитала и его империалистических союзов, несогласие с режимом транснациональных монополий, которое может дорасти до уровня столкновений с этим режимом. Вне этой основы нет никаких серьезных надежд и одновременно велика опасность вrostания в капиталистическую систему. Мы знаем также, что союз (ААДФ) во всегреческом масштабе не может с самого начала обрести необходимую политическую нишу, невозможно определить с большой уверенностью

его стабильность и даже жизнеспособность до достижения объявленной цели. Но тем не менее нужно с самого начала обеспечить направление всеобщего противоборства, которое даст перспективу выхода за сегодняшние рамки.

Греция не просто сотрудничает с ЕС и НАТО, она полностью присоединена, она активно участвует в реализации империалистических планов в нашем регионе. Таким образом, невозможно закрыть глаза на факты обширной приватизации секторов стратегического значения, на то что широко внедряется неполная занятость, что сворачивается система социального страхования, что в нашей стране создается наемная армия, с целью действовать как внутри страны против народного движения, так и на Балканах и в районе Черного моря.

2. Мы не бездействуем. Мы продолжаем выдвигать новые инициативы, помогаем созреванию предпосылок Фронта через отдельные фронты борьбы и сплочения для достижения антимонополистических, антиимпериалистических целей, которые, как речки, должны сливаться в единый поток великой реки. Мы встречаемся с представителями общественных, политических сил, с общественно-политическими деятелями и на деле проверяем, насколько мы можем вести речь о всеобщем сотрудничестве. У нас хороший опыт сотрудничества в борьбе против НАТО, против войны в Югославии, в рабочих и крестьянских выступлениях, в борьбе за народное образование, а также по вопросам демократии. В последней избирательной кампании 1/3 кандидатов в наших избирательных бюллетенях были не члены партии, а сотрудничающие с Компартией. Мы сотрудничали также с новым политическим движением, которое называется "Коммунистическое обновление". Конечно, все эти альянсы в конкретных действиях, все эти отдельные фронты и союзы не отождествляются с Фронтом, а только должны посеять зерна и продвинуть дело.

3. Мы видим, что во Фронте могут участвовать различные классовые, радикальные организации и движения рабочего класса, мелкобуржуазных слоев города и деревни, т.е. мелкие предприниматели и бедное крестьянство, а также движения за мир, за права женщин, молодежи, движения за сохранение окружающей среды, за демократию, за устранение причин социальной преступности, против наркомании и т.д.

Это будет союз социальных и политических сил, которые не ограничатся поддержкой сверху массовых движений или борьбой за изменение соотношения сил в парламенте, это будет союз, нацеленный прежде всего на организацию народа для ведения борьбы снизу, с целью открыть новую дорогу для греческого общества. Фронт, который, хотя и будет действовать при нынешних институтах, одновременно народной борьбой будет способствовать рождению новых народных институтов власти.

4. Фронт будет включать в себе неоднородные социальные и политические силы, следовательно, его будут характеризовать как элементы единства, так и элементы отличия, которые вызовут некоторые разногласия в его рамках. Это будет альянс, опирающийся на необходимый компромисс, так как нам необходимо способствовать мобилизации возможно больших сил. Но это будут такие компромиссы, которые не приведут народное движение к примирению с капиталистической системой, т.е. к попыткам лишь ее улучшения.

5. Мы осознаем, что в связи с характером нашей партии мы несем ответственность и за сохранение единства действий, за расширения рядов Фронта новыми возможностями силами. Когда мы говорим народу о необходи-

мости укрепления Компартии Греции, то это мы говорим потому, что это пойдет на пользу Фронту. Критическими для союза будут периоды усиления нападков буржуазного класса и международных империалистических организаций, и тогда потребуются наивысшая решительность, твердость и боевитость.

6. Мы понимаем, что такие союзы, как те, которые сейчас предлагаем, будут собирать силы с различными представлениями о характере власти, тем более, что ААДФ не будет формироваться на основе согласия всех с идеей социализма. Ход борьбы, соотношение сил, существование или отсутствие революционной ситуации определяют конечный исход. Конечно, будут возникать или усиливаться и другие разногласия, независимо от первоначального соглашения. Нельзя говорить о перспективе Греции, если мы с самого начала не определимся с фундаментальным вопросом: подчиняться или нет политике ЕС и НАТО, сопротивляться или нет, участвовать в них или нет. Следовательно, альянс должен иметь направление, известное всему народу.

Если в процессе борьбы ААД Фронта возникнет правительство антиимпериалистического, антимонополистического направления, т.е. если еще не будут сформированы предпосылки для социалистической власти, такое правительство должно будет пойти, причем за самое короткое время, на существенные изменения, потому что в ином случае оно окажется между двумя огнями: и народ не будет доволен своей жизнью, и противник будет нападать с целью его свержения. Заранее невозможно аналитически и подробно описать все конкретные случаи, но нужно очертить общее направление Фронта, чтобы народ был политически готов.

7. Мы не согласны с мнениями, что борьба на национальном уровне бесперспективна и что только всемирная борьба может привести к результатам во всем мире. Наш противник знает, что раз нельзя устранить национальное поле борьбы, можно под предлогом глобализации включить в свою империалистическую политику и подчинить ей. Естественно, сегодня интернационализация классовой и антиимпериалистической борьбы, борьбы за социализм приобретает все большее значение. Конечно, сегодня существует необходимость наносить одновременно и координированные удары по центрам империализма. Но интернационализация борьбы не может привести к каким-либо результатам, если нет на национальном уровне мощного народного, рабочего движения с классовой ориентацией, нет мощной компартии с правильной политикой союзов, которая может решить вопрос о власти в стране и вырвать ее из мировой империалистической системы. Трудности и слабости, которые имеют место сегодня на национальном уровне, не должны породить теоретическую концепцию о том, что якобы борьба на национальном уровне закончена или что национальное поле борьбы не существует. Неравномерность развития капитализма сегодня еще более усилилось, следовательно, борьба и будет иметь неравномерный характер. Необходимо, чтобы движения на национальном уровне завоевали передовые позиции, приводя к глубоким изменениям, которые так или иначе будут способствовать изменению международного соотношения сил.

Именно потому, что интернационализация борьбы имеет сегодня большое значение, мы поддерживаем необходимость координации действий рабочих и коммунистических партий, борьбы за формирование последовательных марксистско-ленинских революционных позиций в самом коммунистическом движении и в широком фрон-

те антиимпериалистической борьбы, чтобы усилить интернациональную сплоченность и солидарность.

Мы серьезно считаем, что коммунистическим и рабочим партиями, другим антиимпериалистическим и радикальным силам во всем мире нужно поддерживать существующие и создавать новые международные движения, образующие свои международные органы, особенно сейчас, когда империалистические союзы создают везде так называемые неправительственные организации, большинство которых являются их подручными.

Неполная статистика ЕС в нашей стране показывает, что за период 1985-91 гг., были "вскормлены" 24 неправительственные организации, а за период 1995-96 гг. их число дошло до 73.

Особенно важным является вопрос поддержки международных и региональных движений против НАТО и транснациональных монополий, против милитаризации Европы, против системы ПРО США, против ядерного оружия, против империалистического вмешательства и военной оккупации, против изменения границ. Борьба против законов, которые под видом борьбы с терроризмом широко используются реакцией: начиная от контроля за личной информацией до подавления движений, гонений, убийств и т.д. Существуют еще серьезные вопросы в связи с использованием генетически модифицированных продуктов и вообще использованием науки и технологии в ущерб человеку. Проблемы голода, нищеты и бедности.

Прогрессивное греческое движение должно проявлять интерес и выражать свое отношение к тому, что происходит на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии. Выразить свою позицию по поводу долгов тех стран, которые попали в долговую ловушку МВФ, МБ. Борьба против преступлений империализма, евроатлантизма на Балканах, а также в отношении народов Палестины и Кипра, в отношении Кубы.

Мы уверены, что нужно перейти в наступление на идеологическом фронте. Имеет особое значение, чтобы народы не попадали в ловушки неклассовых терминов. Необходимо вскрыть сущность теорий о капиталистической интеграции, которая, сознательно или нет, не учитывает неравномерности развития, внутриимпериалистических противоречий, не учитывает значение сопротивления стран отношениям зависимости и несправедливости, к которым они приговорены как члены и соучастники империалистических союзов.

Нужно перейти в контрнаступление, подчеркивая необходимость социализма, выдвигая наше научное мировоззрение и принципы марксизма-ленинизма, преодолевая разочарование от распада социалистической системы в Европе, от любых прошлых ошибок и искривлений. Нужно вновь выдвинуть мечту о социализме в каждой стране.

Ни один народ, ни один рабочий класс не может быть авангардом и стать революционной силой, ограничиваясь лишь осуждением империализма и выдвигая только отдельные задачи борьбы. Мало и выдвигания социалистической мечты, если мы не сможем способствовать организации борьбы, столкновений и подрыва фундамента капиталистической системы на всех фронтах: на рабочих местах, в сферах образования, социальной политики, в сфере культуры, спорта, охраны окружающей среды, СМИ, борьбы в целом.

Противоборство с монополиями, империализмом, альянсы в этом направлении дают возможность народам не только смягчить их отрицательные последствия и завоевать некоторые позиции, но и перейти в контрнаступление с целью добиться полной победы.

Коммунисты в современном мире

Минчо Минчев*

Тема, которая нас сегодня собрала, является темой исключительной важности. Ее значение определяется двумя фундаментальными фактами. Во-первых, специфическим, до сих пор в истории неизвестным, состоянием современного империализма; во-вторых, нарушенным единством международного коммунистического и рабочего движения.

Разъединение коммунистического движения продолжается уже более полувека. Практически вся вторая половина XX века прошла под знаком углубляющегося разъединения нашего движения.

Закономерно это было или случайно?

Однозначный ответ на этот вопрос можно дать только после последовательного и углубленного анализа множества разнообразных обстоятельств, которые действовали с начала XX века до наших дней. В этом отношении одной из сопутствующих проблем, которую необходимо разрешить, является определение субъективных и объективных причин, приведших к нынешнему кризисному и трагическому состоянию коммунистического и рабочего движения.

Необходимость найти ответы на эти вопросы бесспорна. Но, если мы ограничимся только этими вопросами, мы неизбежно замкнемся в рамках академического, чисто теоретического анализа. Сегодняшнее положение в мире вынуждает нас искать ответы на другие вопросы, а именно на те, которые диктует нам сама жизнь, вопросы, которые имеют судьбоносное значение не только для нас, коммунистов, не только для наших народов, но и для всего человечества.

Два из этих вопросов имеют непосредственное, практическое значение:

– почему необходимо единство коммунистических и рабочих партий?

– как его осуществить?

На ответах на эти два вопроса я бы хотел сосредоточить свое внимание,

В течение всего XX века капитализм переживал драматическое развитие. Он прошел через несколько глубоких экономических кризисов и все же уцелел. Обрек человечество на две кровавые мировые войны, понес тяжелые политические и военные потери. Показал окончательно, что это несправедливый, жестокий и опасный для самого существования человечества общественный строй.

Вместе с тем в истекшем XX веке у капитализма были и бесспорные победы. Он успел выскользнуть из смертельной хватки экономической катастрофы конца 20-х и начала 30-х годов. После 50-х годов он сумел заставить научно-технический прогресс работать на пользу капитала. Создал несколько зон благоденствия в мире, в сущности превращая людей, живущих там, в заложников интересов буржуазии, а остальные страны – в колониальное гетто, подвергающееся жестокой, хотя и скрытой эксплуатации.

Еще в начале XX века буржуазии удалось разъединить и временно обескровить социалистическое и рабочее движение. Она постепенно интегрировала в систему своего общества оппортунистские социал-демократические партии. Таким образом, эти партии превратились в резервный политический двигатель капитализма.

Но было и другое: революционный марксизм и семьдесят лет после Великой Октябрьской социалистической революции, которые мировая буржуазия прожила в исте-

рическом страхе перед коммунистическим движением. И она вела борьбу против него серьезно, упорно и умно, что позволило ей торжествовать сегодня на огромных пространствах бывшего социалистического блока.

Еще накануне Первой мировой войны В.И. Ленин предрекал близкую гибель капитализма и определял его состояние в то время как последнюю фазу его существования. Но оказалось, что эпоха империализма намного продолжительнее и изменения в самих капиталистических общественных отношениях намного глубже и сложнее, чем предполагал В.И. Ленин и его прямые последователи.

Описанный им империализм закончился большим кризисом конца 20-х – начала 30-х годов. Тогда капитализм уцелел и вошел в новую фазу своего собственного развития, которая продолжалась почти шесть десятилетий, чтобы десять лет назад включиться в совсем другой, новый режим своего существования – режим глобальной экспансии. Сегодня он окончательно перерос границы отдельных государств и устремился к преодолению границ отдельных экономических регионов.

Этот процесс безмерного расширения сопровождается невиданной в истории концентрацией капиталов, которые находятся под контролем транснациональных корпораций. Как ни парадоксально, подобное положение вызывает сопротивление, в первую очередь, части буржуазии региональных экономических структур капитализма. Таким образом, зарождается противоречие между **глобализмом** и **регионализмом** в самом буржуазном блоке. Это серьезный фактор дестабилизации капитализма как общественно-экономической системы в мировом масштабе, на который мы должны обратить особое внимание.

Чтобы понять это противоречие, нам необходимо уточнить понятия, которыми мы пользуемся. Универсализация мировой истории, начавшаяся около пятисот лет назад, является объективным процессом, который протекает ускоряющимися темпами. Сейчас, в эпоху научно-технической революции, капитализм создал две модели осуществления универсализации, а именно: через глобализацию и через региональную интеграцию. Но обе модели имеют общую отличительную характеристику – экономическую экспансию капитала.

Разница между двумя моделями универсализации состоит в том, что регионализация происходит преимущественно как экономическая интеграция, а глобализация – как процесс тотальной унификации всех элементов общественной жизни. Глобализация ведет уже не к разделению мира на бедные и богатые нации, а к формированию мировой наднациональной элиты и огромного океана бедности.

Регионализм превратил трудящихся самых высоко-развитых капиталистических стран во вторичных эксплуататоров бедных стран, так называемого “третьего мира”. Именно это привело к возникновению мелкобуржуазных настроений среди пролетариата развитых западных стран во второй половине XX века.

Случай глобализма более специфичный и сложный. **Здесь речь идет о качественно новом этапе империализма**, который не был известен В.И. Ленину. Этот этап характеризуется глобальным экспансионизмом анонимых, наднациональных сил. Целью этих сил является обеспечение нового господства над человечеством. Но это уже господство неорабовладельческого типа.

Мы являемся свидетелями того, как в процессе углубляющейся технолого-информационной интеграции консо-

* Председатель Марксистской платформы БСП

лидируется наднациональная элита мировой финансовой олигархии. Это происходит не только потому, что технологические и информационные достижения делают эту интеграцию объективно необходимой, но и из-за разобщенности и бессилия главной силы, альтернативной капитализму, – коммунистического и рабочего движения.

Современный технологический прогресс дает равные возможности как капитализму, так и социализму. Вопрос в том, есть ли у нашего движения силы и возможности противостоять зарождающемуся, новому информационно-технологическому рабству?

Ответ краток – да!

Но как осуществить это противодействие? Оно возможно только в том случае, если мы используем наш испытанный инструмент осуществления мировой универсализации – интернационализм.

Глобализация – это буржуазный вариант объединения человечества. Наш вариант – это социалистический (а почему бы и не пролетарский?) интернационализм. Если коммунистическое и рабочее движение успеет объединиться в мировом масштабе, тогда, на этой основе, уже можно приступить и к созданию самого широкого антиимпериалистического фронта против наступления транснациональной капиталистической олигархии. И все же это только возможное, желанное будущее. Настоящее же у нас другое: оно кризисно, трагично. Сразу после Второй мировой войны появилась трещина в едином до тех пор коммунистическом движении. С годами она расширялась и приобрела катастрофические размеры. Последовал распад социалистической системы в СССР и Восточной Европе. Таким образом, наше движение в целом перестало играть роль решающего политического субъекта мировой политики. Современный капитализм фактически остался без исторической альтернативы.

В течение пятидесяти лет между коммунистическими партиями постепенно складывались отношения холодной отчужденности. Очень часто отчужденность между некоторыми коммунистическими партиями оказывалась намного больше, чем между ними и отдельными мелкобуржуазными партиями в соответствующих странах. Иногда и между существующими в одной и той же стране несколькими коммунистическими партиями существовало больше враждебности, чем между ними и правыми политическими силами. Это абсурдное и ничем не оправданное состояние вещей.

Нетерпимость к критике одних братских партий другими превратилась с годами чуть ли не в норму поведения, и это нанесло неизмеримый вред коммунистическому движению. В немалой степени это способствовало появлению в нашем движении таких руководителей, которые пренебрегали интернациональной сущностью марксистско-ленинской идеологии, ее ценностями, целями и средствами борьбы. Отговорки об исключительной национальной специфике каждой отдельно взятой страны чаще всего использовались для прикрытия мелкобуржуазного национализма, который постепенно превращался в сердцевину политики немалого числа коммунистических партий, открывая путь таким же мелкобуржуазным элементам к верхам государственной власти в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Где теперь подавляющая часть этих лидеров? Мы хорошо знаем, что они просто перешли в лагерь реакции, прикрываясь и сегодня фразами о “защите национальных интересов”. А все это началось с недialeктической абсолютизации так называемых “национальных специфик”.

Завышенная оценка такой специфики привела за последние полвека к серьезным отступлениям от исконных

принципов нашей теории и практики, которые завещали нам К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин, а также их сподвижники и ученики. Отсюда до оппортунизма в нашем движении осталось несколько шагов.

Между многими коммунистическими партиями установилась практика формального, то есть расчетливого и протокольного, общения. И это нанесло много вреда нашему движению. Пора положить конец разноязычию и практике формального общения между нами.

Прежде чем мы вернемся к нашему забытому общему языку, нам надо вернуться к нашим общим корням. Так, еще в Манифесте К.Маркс и Ф.Энгельс определили коммунистические партии **как особый тип политических организаций**, которые стоят вне системы всех остальных, буржуазных партий.

Но возможно ли это вообще? Если нет, то почему? Если да, то как? Что это возможно, реально и даже необходимо, доказала бурная история всего XX века. Более того – отказ от подобного самоопределения и от подобного статуса, всегда приводил соответствующие коммунистические партии не к идее “свержения” капитализма, а к идее “преодоления”. Это означает ожидание “естественного” развития этого строя, постепенного назревания обстоятельств, при которых он изменится и получится “что-то” новое. Скажем, социализм...!

Подобные ожидания основываются на положении, что история совершается “сама по себе” и поэтому принятие статус-кво со всеми его элементами считается “здоровым смыслом”, реализмом в политике. Все это полвека тому назад породило оппортунизм в нашем движении. Реформистские партии постепенно превратились в неотъемлемую часть буржуазной политической системы. Они стали безопасными для капиталистической общественной системы. Поэтому сегодня нам незачем искать такого рода партии среди рабочего движения. Они являются частью буржуазного лагеря и выражают интересы так называемого “среднего класса”, то есть мелкой буржуазии или обуржуазившихся слоев рабочего класса.

Освобожденное социал-демократией место в правом крыле спектра левых партий в восьмидесятые годы было занято так называемыми еврокоммунистическими партиями. Свое движение вправо они начали недобросовестными интерпретациями идей А. Грамши. Позже, и вполне закономерно, эти коммунистические партии эволюционировали в обычные мелкобуржуазные политические организации, отказавшись окончательно от принципов революционной классовой борьбы.

Еще в пятидесятые годы немало коммунистических партий отказались от классового подхода при анализе общественных процессов, от революции как радикальной формы преодоления опасных общественных кризисов, в которые периодически попадает капитализм.

Позже нам был навязан отказ от диктатуры пролетариата, рассматриваемой как совершенно новый тип государственности, вслед за этим, абсолютно закономерно – отказ от доминирующей роли государственной собственности в рамках общественной системы, которая считалась социалистической

У этой метаморфозы железная логика. Тот, кто однажды ее принял, почти всегда проходит заранее очерченный путь отказа от революционного марксизма. Эта же логика вела когда-то к непрерывной и, как правило, необоснованной критике некоторыми товарищами из западных коммунистических партий практики социализма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Некоторые теоретики, а в некоторых случаях – и лидеры этих братских партий, оспаривали даже социалистический ха-

рактер революций в наших странах и вообще социалистический характер нашего общественного строя.

Эти деятели коммунистических партий Западной Европы давно покинули наше движение. Но вопросы к ним и ко всем тем, кто еще разделяет их взгляды, остались: если они знали лучший вариант социалистического устройства общества, то почему они не проэкспериментировали **этот вариант** в своих странах? И почему они в конечном итоге отказались от формационной модели общественного развития?

Мы, те кто пережил разрушение социализма в Восточной Европе, ждем западноевропейскую модель социализма. Дайте нам ее, товарищи! Но не стоит говорить, что для этого интернационализм должен быть заменен какой-то формой “умеренного национализма”, проистекающей из национальной специфики отдельных стран.

Нет сомнений, что такой тип социализма будет осуществлен без сильной власти трудящихся, то есть без властной гегемонии пролетариата и без осознанного авангардного характера политического субъекта – коммунистической партии. Неудачных экспериментов в этом направлении намного больше, чем провалов нашей модели социализма. Хотя мы тоже потерпели поражение, но не потому, что следовали правилам, описанным классиками, а именно потому, что мы не следовали им до конца.

Независимо от какой бы то ни было национальной специфики коммунистические партии – это политические, идейно-теоретические и моральные общности особого типа. Они ставят перед собой цель – уничтожение капитализма и являются носителями нового типа государственности. И именно поэтому коммунистические партии, независимо от национального поля деятельности, ответственны не только перед своими народами, но и перед всем человечеством, перед мировой историей.

Здесь я бы хотел внести уточнение по поводу спора о национальной специфике при определении деятельности той или иной коммунистической партии. Национальная специфика существует, и этого никто не отрицает. С ней все должны считаться. Но считаться совсем не значит ее абсолютизировать. А именно это часто происходит на практике.

Пролетарский интернационализм и в теории, и на практике доказал много раз, что никоим образом не пренебрегает национальной спецификой стран, в которых действуют братские коммунистические партии. Мы были сильны тогда, когда в полной мере действовали пролетарский интернационализм, братская солидарность между нашими партиями и нашими народами.

Нелепо звучит аргумент, что объединение коммунистического движения на основе пролетарского интернационализма ограничит самостоятельность отдельных партий. Это зависит от модели подобного объединения. Неужели развитие других интернационалов – социалистических, либеральных и пр., ограничивает в чем-то их национальных членов? Очерчивая широкие рамки каких-то принципов, они дают полную свободу действий своим членам в отдельных странах. А почему бы и нам не сделать то же самое? Важно объединиться на основании принципов.

Абсолютизация национальных особенностей именно сейчас, когда через глобализацию мировой олигархический капитал вошел в период решительной битвы за окончательное уничтожение коммунистического движения, за ничем не ограниченное мировое господство, подобное кустарничеству крайне опасно.

Не мы, а мир, человечество, нуждаются в том, чтобы мы остановили транснациональный капитализм, нуждаются в консолидации прогрессивных, революционных сил

в мировом масштабе. Буржуазия уже десять лет совершает контрреволюцию на гигантских просторах от Одера до Камчатки, применяя жестокую эксплуатацию и политический обман сотен миллионов людей из бывшего так называемого “советского блока”. А что делаем мы? – Продолжаем считать с тем, что скажут всякие там разные империалистические, пропагандистские центры о наших объединительных усилиях.

Естественно, торжествующий сегодня олигархический империализм встретит любой опыт объединения мирового коммунистического движения массивной и беспощадной пропагандистской атакой. Но должны ли мы из-за этого отказаться от наших стратегических целей? Неужели мы, принявшие коммунистическое кредо, сделали свой жизненный выбор для того, чтобы понравиться империалистической буржуазии?

Естественно, нет! При этом мы не просто за преодоление капитализма, не за переход “по ту сторону капитализма” без уточнения, что мы понимаем под этим определением. Мы – за уничтожение капитализма. Надеюсь, что каждый из нас согласится с тезисом, что сотням миллионов людей сегодня необходимо возрождение социализма в теории и практике. Речь идет не о реставрации, не о возвращении того социализма, который со всеми своими свершениями и ошибками уже состоялся, а именно о ренессансе социализма.

Чтобы осуществить это, необходимо развернуть широкомасштабную и всестороннюю борьбу против современного капитализма в тот момент, когда он выглядит всемогущим и непобедимым. Наш классовый враг торжествует уже две пятилетки. Хватит! Когда-то в наших странах за две пятилетки совершали экономические и социальные чудеса. Сейчас нам нужно просто выйти из состояния политического и социально-психологического шока, который все мы пережили после разрушения социалистического блока в странах Восточной Европы и в Советском Союзе.

Чтобы выйти из шокового состояния, в котором все еще находятся коммунисты во всем мире, необходимо начать объединение нашего движения. Сейчас, в эпоху ускоряющегося процесса капиталистической глобализации, просто необходимо создание объединяющей структуры коммунистического и рабочего движения.

Это объединение может начаться уже сейчас не с создания какого-то центрального органа, наподобие съездов или Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, а с постоянно действующего совета по оперативной координации деятельности коммунистических и рабочих партий всего мира. И если это не получится сразу, то давайте начнем с объединения на региональном уровне.

Возрождение социализма как общественной системы может быть лишь следствием предварительного возрождения самого коммунистического и рабочего движения. Из замкнутых в национальных границах, ординарных политических сил коммунистические партии должны снова превратиться в мощный фактор развития мировых процессов.

Возможно ли это при теперешнем состоянии нашего движения? К сожалению – нет! Чтобы это стало возможным, необходимо осознать императивное требование нашего времени. Только так мы сможем мобилизовать субъективный фактор – коммунистические партии; только так мы сможем наиболее эффективно использовать объективные условия возрождения социализма.

В этом и состоит задача коммунистов в современном мире.

Угроза потери трудовых прав и как с ней бороться

И.М. Герасимов*, А.В. Золотов**, М.В. Попов***

Публикуя настоящую статью, посвященную проблемам законодательной защиты трудовых прав работников, редакция отмечает особую важность этой проблемы как соединяющей экономическую и политическую борьбу трудящихся. Экономическая борьба за увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, сохранение рабочих мест, улучшение условий труда и расширение социальных гарантий становится по необходимости политической борьбой, поскольку встает вопрос о законодательном закреплении достигнутых завоеваний в виде соответствующего кодекса законов о труде. Поэтому вопрос о Трудовом кодексе для работников, профсоюзов, для считающих себя левыми партий имеют особую актуальность.

В статье на основе сравнительного анализа раскрывается концептуальная противоположность официально внесенных в Государственную Думу проектов Трудового кодекса Российской Федерации: Авалиани-Шеина (профсоюзного) и трех проправительственных проектов – основного, дублирующего и обеспечивающего. Обсуждается вопрос о том, какой тактики необходимо придерживаться, чтобы сохранить трудовые права, содержащиеся в действующем КЗоТ.

Реставрация капитализма в СССР и ряде других социалистических стран привела к заметному ухудшению положения трудящихся во всем мире. Для буржуазии отпала необходимость заботиться о внешней привлекательности “общества всеобщего потребления”, начался приток высококвалифицированных, но непритязательных иммигрантов из бывших соцстран – все это сильно осложнило борьбу за права работников даже в развитых капиталистических странах. Вопиющие нарушения этих прав в России, на Украине и других странах СНГ (Белоруссия стоит особняком в этих процессах), такие, как невыплата зарплаты, массовые увольнения работников, создают крайне нежелательные для трудящихся всего мира прецеденты.

Что касается стран СНГ, то в них назревает ситуация, которую можно охарактеризовать как попытку юридического закрепления откровенного беззакония, получившего за годы “становления рыночной экономики” самое широкое распространение. Это закрепление буржуазия стремится провести под флагом модернизации трудового законодательства.

Не секрет, что процессы, происходящие на территории СНГ, во многом определяются положением в России. Это объясняется историческими причинами, экономическим и политическим доминированием России на “постсоветском пространстве”. Поэтому рассмотрение ситуации с изменением трудового законодательства в России, что является предметом настоящей статьи, представляет интерес не только для российских трудящихся и их профессиональных и политических представителей, а также и для товарищей из других государственных образований на территории разрушенного СССР.

Впервые в России разрозненные “фабричные” законы были сведены в Устав о промышленном труде в 1913 г. Но принятие этого Устава существенного влияния на положение дел не оказало – взаимоотношения хозяина и рабочего в основном по-прежнему определялись “свобо-

дой договора”: не нравится – иди куда хочешь. Ситуация существенно изменилась лишь после социалистической революции, в конце 1918 года, когда ВЦИК принял первый Советский Кодекс законов о труде. После окончания гражданской войны и упразднения связанной с ней системы “военного коммунизма”, в 1922 году был принят новый КЗоТ, который регулировал трудовые отношения в нашей стране до 1971 года.

Действующий на территории России до сих пор КЗоТ, принятый в 1971 году является результатом исторического развития, крупным социальным завоеванием трудящихся. Он и сегодня играет немалую роль в сдерживании развала отечественного производства. Но, естественно, подвергается резким нападкам со стороны реакционных сил за якобы “нереальность гарантированных им прав и льгот работников”.

Первый шаг в сторону принятия реакционного трудового кодекса сделало правительство Черномырдина в конце 1994 года. Опубликованный им анонимно проект был встречен в штыки депутатами Государственной Думы, профсоюзами и политическими силами левого толка. Ответственность за этот проект никто не взял и он вроде бы куда-то сгинул.

Вскоре после этого появился проект, созданный специалистами Фонда Рабочей Академии и профсоюзов и внесенный в Государственную Думу депутатами Григорьевым, Корсаковым, Шандыбиным и Ионовым. Этот проект в целом отвечал концепции защиты прав наемных работников, способствующей развитию отечественного производства. Но рабочее, профсоюзное движение в тот момент было еще слишком слабым, чтобы отстоять свой проект, и вследствие пассивной позиции внесших его депутатов руководству Думы удалось снять прогрессивный проект с рассмотрения. Первый раунд битвы за новый Трудовой кодекс окончился ничьей. Продолжал действовать прежний КЗоТ.

Вновь ситуация обострилась после августовского кризиса 1998 года. Согласно Меморандуму МВФ России предлагалось, в частности, “привести трудовое законодательство в соответствие с новыми условиями”. Под этим понимались ликвидация социальных льгот, завоеванных трудящимися за предыдущий период, и существенное урезание прав профсоюзов. И неудивительно – ведь именно работники, объединенные в профсоюзы, оказы-

* зав. отделом Института законодательства и сравнительного правоведения Фонда Рабочей Академии

** доктор экономических наук, профессор, руководитель Нижегородского отделения Фонда Рабочей Академии

*** доктор философских наук, профессор, президент Фонда Рабочей Академии

вают сейчас противодействие уничтожению отечественных предприятий, осуществляемому в угоду иностранным монополиям. Этот проект был направлен в Думу правительством Примакова в феврале 1999 года. Практически сразу после этого депутат-коммунист Т.Г. Авалиани внес в Госдуму проект Фонда Рабочей Академии и профсоюзов, получивший название “профсоюзного”. Вскоре официально оформил внесение своего проекта, дублирующего правительственный, и “яблочник” Голов.

Хотя формально в 1999 году в Думу были внесены три проекта, вскоре выяснилась тождественность концепций правительственного и “яблочного” проектов. Оба предлагают вернуться в XIX век – увеличить в полтора раза рабочий день, сверхурочных не платить, увольнять работников за однократное нарушение трудовой дисциплины, оба практически ликвидируют профсоюзы. Неудивительно, что оба этих проекта получили отрицательное заключение Комитета по труду и социальной политике, а правительственный проект – негативную оценку Палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ. Профсоюзный проект не только избежал отрицательной оценки в Государственной Думе, но и получил массовую поддержку самых разных сил. За него высказались ряд законодательных органов субъектов Федерации, десятки отраслевых и региональных профсоюзных организаций, трудовые коллективы, многие левые партии и движения. В этой ситуации правящие круги пошли на то, чтобы отложить решение вопроса до выборов нового состава Государственной Думы.

В новой Думе, которой “по наследству” досталось решение вопроса о новом Трудовом кодексе, сначала сложилась следующая ситуация: дальнейшее продвижение профсоюзного проекта Авалиани взял на себя руководитель Астраханского отделения Фонда Рабочей Академии, один из сопредседателей Объединения рабочих профсоюзов “Защита” депутат О.В. Шеин; депутатов, желающих поддержать “яблочный” проект, не нашлось; не нашлось и желающих активно выступать за правительственный проект. Изменению ситуации в пользу профсоюзного проекта Авалиани-Шейна способствовал проведенный 17 мая 2000 г. День единых действий в его поддержку.

В то же время проправительственно настроенная группа из восьми депутатов разных фракций, в том числе СПС, внесла в Думу проект Трудового кодекса, с виду напоминающий действующий КЗоТ. Практически не имея прогрессивных нововведений по сравнению с действующим КЗоТ, он нацелен на то, чтобы пробить стену противодействия урезанию прав работников, и в этом смысле опаснее правительственного проекта. В случае принятия проекта восьми за основу в первом чтении, его путем поправок легко будет привести к тому, на что нацелен правительственный проект.

Таким образом, на сегодняшний день две противоположные концепции изменения трудового законодательства в Государственной Думе Федерального Собрания РФ представляют четыре проекта. Прогрессивную – профсоюзный проект Авалиани-Шейна, реакционную – остальные три проекта.

Проведем более конкретное сопоставление официально внесенных в Государственную Думу проектов.

С точки зрения социальных гарантий, для работников прежде всего важна их защищенность от увольнения по произволу собственников средств производства.

Профсоюзный проект Авалиани-Шейна (ст. 133) сокращает число оснований для расторжения трудового договора по инициативе администрации, оставляя только те, которые исключают административный произвол. Су-

щественно, что во всех случаях требуется предварительное согласие профсоюзного органа на увольнение работника.

В правительственном проекте (ст. 76) перечень оснований для расторжения трудового договора по инициативе собственников предприятий и их представителей значительно расширен. Имеется, например, пункт об увольнении в случае “однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей”. А любое нарушение можно посчитать грубым. Уволить работника можно и при “повторном неисполнении” трудовых обязанностей. Предварительного согласия профсоюзного органа на расторжение трудового договора при этом не требуется. Проект бывшего депутата фракции “Яблоко” Голова в этом отношении еще более жесткий, если не сказать жестокий для работников. Так, в нем имеется статья 22/5 о прекращении трудового договора с “ненадлежащим работником”. Предусматривается даже увольнение работника в случае простоя по вине работодателя (ст. 22/2). Проект восьми предлагает дать право собственнику увольнять работников под предлогом сокращения численности (ст. 41) “в связи с ухудшением финансово-экономического положения работодателя” (ст. 43). В нарушение устоявшихся правовых норм в нем предлагается, чтобы при увольнении работников не работодатель обосновывал причину увольнения, а профсоюзный орган мотивировал свой отказ (ст. 44). Естественно, что собственник всегда сможет счесть мотивировку профсоюзного органа неубедительной. Таким образом, проект восьми не обеспечивает работникам основополагающего права на занятость. Для человека же, лишенного работы, все остальные права теряют смысл.

Таким образом, профсоюзный проект Авалиани-Шейна соблюдает, развивает и обеспечивает право на труд, а правительственный проект, “яблочный” проект Голова и проект восьми это право работника ограничивают, попирают и уничтожают.

Возьмем теперь нормы, регулирующие рабочее время.

Согласно профсоюзному проекту Авалиани-Шейна (статья 38) нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю и восемь часов в день при пятидневной рабочей неделе, а сверхурочные работы не должны превышать четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год. В профсоюзном проекте прямо указывается, что переход в перспективе к более короткой рабочей неделе должен происходить без уменьшения реальной заработной платы и с увеличением оплачиваемого времени участия трудящихся в управлении предприятиями.

Правительственный проект, на словах вроде бы признавая 40-часовую рабочую неделю нормальной, вместе с тем включает статью 98 “Работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени по инициативе работника”. Названиестораживает: сегодня собственнику средств производства и его администрации проще простого добиться от работника подобной инициативы. “Инициативная” сверхурочная работа по проекту может продолжаться до 4 часов в день и 16 часов в неделю, а оплачивать ее в повышенном размере администрация не обязана. Аналогичная статья присутствует и в проекте яблочника Голова, но там работник может работать “по своей инициативе” уже 20 часов в неделю. Проект восьми не заходит так далеко, но в нем ничего не говорится о возможности сокращения рабочего времени с сохранением зарплаты, чем игнорируется одна из важнейших закономерностей социально-экономического развития в условиях научно-технического прогресса, реализуемая в таких капиталистических странах, как Австрия,

Франция, ФРГ и т.д.

Таким образом, линию на сокращение рабочего дня ведет лишь профсоюзный проект Авалиани-Шейна. Правительственный проект и проект бывшего депутата Голова, прикрываясь инициативой работника, фактически ликвидируют 8-часовой рабочий день и 40-часовую рабочую неделю, допуская без повышенной оплаты работу по 12 часов в день и 56 (правительственный) – 60 (“яблочный”) часов в неделю. “Яблочный” проект Голова, более того, вводит такое новшество, как “сверхурочные работы свыше предельной продолжительности”, которые оплачиваются в одинарном размере (ст. 28/16). Проект восьми отличается тем, что никаких улучшений по сравнению с действующим КЗоТ не дает.

Для нормального развития подрастающего поколения следует законодательно определить возраст, начиная с которого разрешается прием на работу.

В профсоюзном проекте Авалиани-Шейна этот возраст по общему правилу составляет 16 лет (ст. 84). Проект разрешает труд учащихся с 14 лет при условии, что это не мешает их учебе и не вредит здоровью.

Правительственный проект (ст. 59) и проект восьми (ст. 200) допускают прием на работу с 15 лет в случае получения основного общего образования или оставления общеобразовательного учреждения. Это, несомненно, будет способствовать снижению образовательного уровня до неполного среднего образования взамен среднего. Проект, внесенный “яблочником” Головым, предусматривает работу детей. Причем в соответствующей статье (2/8) нет даже уточнения о труде в свободное от учебы время. Напрасно надеяться, что проект содержит хоть какое-нибудь ограничение возраста, с которого допускается прием малолетних на работу. До 240 часов в год могут работать даже дети, не достигшие 8 (восьми!!!) лет (ст. 26/7).

Только профсоюзный проект Авалиани-Шейна нацелен на воспитание полноценной рабочей смены. Напротив, введение продажи родителями детей предпринимателям, преодоленное уже в середине прошлого века, – вот что скрывается за яблочно-правительственным “реформированием” российского трудового законодательства. И это в то время, когда развитые страны стоят на пороге введения всеобщего высшего образования молодежи!

Прогрессивное трудовое законодательство предусматривает наличие специальных положений по охране труда женщин, без чего не обеспечить женщине равные с мужчинами возможности в обществе.

Профсоюзный проект Авалиани-Шейна существенно расширяет имеющиеся нормы по охране труда женщин. В нем предусматривается (ст.82) организация детских садов, комнат для кормления грудных детей и т.д. на всех предприятиях с применением женского труда. В проекте прямо запрещено отказывать женщинам в приеме на работу и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью и наличием детей. В случае отказа беременной женщине или женщине с ребенком в приеме на работу администрация обязана письменно обосновать свой отказ (ст. 80).

В правительственном проекте нет этих норм. Более того, он ликвидирует ограничение труда женщин в ночное время. Отсутствуют в нем и положения о выдаче беременным женщинам путевок в санатории и дома отдыха, оказании им материальной помощи и т.п. Он разрешает привлечение к работам в ночное время, к сверхурочным работам и направление в командировки женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет. Что касается проекта, внесенного яблочником Головым, то в нем вообще отсутствуют специальные статьи по охране труда женщин. Одно из

немногих ни к чему не обязывающих администрацию положений таково: “при организации посменной работы и назначении на работу в ночную смену следует, когда это возможно и практически осуществимо, принимать во внимание особые потребности трудящихся, связанные с выполнением семейных обязанностей” (ст.26/10). Вот как: “следует, когда это возможно и практически осуществимо, принимать во внимание”! Проект восьми цинично предлагает разрешить привлечение женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и беременных женщин к работам в ночное время, к сверхурочным работам и работам в выходные дни и направление их в командировки (ст. 186). Вводимые при этом ограничения (письменное согласие, а для беременных – и отсутствие противопоказаний по состоянию здоровья) очевидно не гарантируют защиты интересов женщины-матери. Тем самым в проекте заложена предпосылка дальнейшего вымирания населения России.

В то время как профсоюзный проект Авалиани-Шейна исходит из того, что государственное регулирование социально-трудовых отношений должно защищать основы жизнедеятельности общества от разрушительной стихии рынка, в остальных трех проектах удар по интересам женщины-матери преподносится как забота о ее конкурентоспособности на рынке труда.

Значительное место в системе гарантий работникам играет социальное страхование. В фондах социального страхования концентрируются значительные средства, и от их правильного использования зависит своевременная оплата больничных листов, выдача различных пособий и многое другое.

Согласно профсоюзному проекту Авалиани-Шейна “распределение средств социального страхования на нужды социальной защиты работников предприятий осуществляют соответствующие профессиональные союзы” (ст. 205).

Правительственный же проект, проект яблочника Голова и проект восьми передают распределение средств социального страхования государственному чиновнику. Но даже добросовестный чиновник не распорядится средствами, предназначенными для работников, лучше самих работников, объединенных в профессиональные союзы. А в условиях нынешней действительности неподконтрольные трудящимся фонды обычно становятся рассадником злоупотреблений и коррупции, разворовываются и расхищаются.

Только профсоюзный проект Авалиани-Шейна приближает распределение средств социального страхования к работнику.

Для существования работников непосредственное значение имеет своевременная оплата их труда.

Профсоюзный проект Авалиани-Шейна в статье 291 прямо указывает, что “при нарушении сроков выплаты заработной платы... представитель собственника подвергается штрафу”.

Правительственный проект и яблочный проект Голова не только не устанавливают ответственности за невыплату зарплаты, но и позволяют заменять ее продукцией предприятия, разумеется, “с согласия работника” (ст. 129 и 28/3 соответственно). Проект восьми позволяет собственнику задерживать зарплату работникам на срок до 10 дней с последующей выплатой мизерных процентов (ст. 117). Этот проект также позволяет выдавать зарплату в натуральной форме (ст. 116).

Таким образом, только профсоюзный проект Авалиани-Шейна гарантирует работникам заработную плату. Другие, декларируя отказ от принудительного труда, узаконивают труд без гарантий его оплаты – то есть, по сути

дела, принудительный труд.

Во всем мире признано, что участие работников в управлении производством является залогом его успешного функционирования.

Статья 163 профсоюзного проекта Авалиани-Шейна гласит, что представители работников имеют право принимать участие в решении всех основных производственных вопросов. Чтобы это право не осталось пустой декларацией, статья 164 обязывает собственников привлекать представителей работников к управлению. А статья 165 указывает, что работники должны заниматься вопросами управления производством в рабочее время и с оплатой по среднему заработку.

Согласно правительственному проекту (ст. 50) представители работников имеют право лишь на получение информации (и то только “непосредственно затрагивающей их интересы”), на проведение ни к чему не обязывающих консультаций, на внесение предложений, которые никто не обязан принимать и т.п. Право голоса (не указано, совещательного или решающего) они имеют лишь по узкому кругу вопросов. В проекте яблочника Голова только тогда, когда развал предприятия вступил в завершающую фазу и предстоит массовые увольнения, представители работников получают право “знакомиться с балансом предприятия”, “устанавливать контроль за ценообразованием”, “устанавливать ограничения заработной платы и других выплат должностным лицам” (ст. 15/10). Кроме того, как граждане работники имеют право “требовать”, “обращаться в суд” и не более того. Проект восьми издевательски не запрещает работникам участвовать в распределении дохода организации – если они добились этого права при заключении коллективного договора (ст. 256). Там же говорится о том, что работники имеют право вносить предложения и заслушивать информацию представителей работодателя.

Таким образом, профсоюзный проект Авалиани-Шейна направлен на необходимое развитие участия работников в управлении производством, а правительственный, проект Голова и проект восьми – на урезание и сокращение соответствующих прав.

Большую позитивную роль в жизни предприятия способен сыграть коллективный договор. Как показывает практика ряда предприятий, в частности морского порта Санкт-Петербурга, удачный коллективный договор способен не только принести большие льготы работникам, но и предотвратить развал производства.

Согласно профсоюзному проекту Авалиани-Шейна заключенный коллективный договор действует до тех пор, пока не будет принят новый или изменен (дополнен) действующий. Причем вновь принятый коллективный договор не может ухудшить положение работников по сравнению с предыдущим. Таким образом, профсоюзный проект Авалиани-Шейна гарантирует закрепление и развитие результатов борьбы работников за улучшение своего положения на базе развития производства.

Согласно правительственному проекту, по истечении срока действия коллективного договора (максимум через три года) он может быть продлен на срок не более трех лет (ст. 44). В яблочном проекте Голова ничего не говорится даже о возможности продления коллективного договора, срок действия которого ограничен максимум тремя годами (ст. 12/5). Правительственный проект и проект Голова создают предпосылки для того, чтобы разрастались бесплодные конфликты работников и руководителей предприятий на почве заключения новых договоров без опоры на действие предыдущих.

Чтобы коллективный договор представлял интересы

коллектива, профсоюзный проект Авалиани-Шейна предусматривает широкие возможности для ознакомления членов коллектива с проектом коллективного договора и его обсуждения (ст. 225). Согласно правительственному и яблочному проектам, “порядок разработки и заключения коллективного договора определяется сторонами” (статьи 41 и 12/2 соответственно). Правительственный проект и проект Голова создают возможность для келейного заключения коллективного договора, не выражающего интересы коллектива, что также ведет к конфликтности.

Проект восьми совсем не регламентирует порядок разработки и заключения коллективных договоров, отсылая к закону РФ “О коллективных договорах и соглашениях”. Не регламентируя столь существенный аспект трудовых отношений, данный проект не является полноценным с точки зрения кодификации трудового законодательства.

Таким образом, только профсоюзный проект Авалиани-Шейна предполагает дальнейшее развитие коллективно-договорных трудовых отношений. Другие проекты в этом отношении идут не вперед, а назад.

Реализация трудовых прав работников в капиталистическом хозяйстве возможна только при активной работе профессиональных союзов.

Согласно статьям 14, 15, 16 профсоюзного проекта Авалиани-Шейна профсоюзы наделяются широкими полномочиями, а их выборным органам предприятия должны предоставлять помещения, транспортные средства, оргтехнику и средства связи. Все вопросы, затрагивающие права и интересы работников, администрация может решать лишь по согласованию с соответствующими профсоюзными организациями. Предусмотрены и дополнительные гарантии для выборных профсоюзных работников, ибо велик риск их преследования со стороны администрации. Отстаивать коренные интересы работников без участия в большой политике невозможно, и потому проект наделяет профсоюзы в лице их федеральных органов правом законодательной инициативы. Такой подход соответствует, например, нормам, действующим на протяжении ряда десятилетий в Германии.

В правительственном проекте декларируются права профсоюзов, но даже не упоминается о материальных гарантиях их работы. Сокращены в нем и дополнительные гарантии для выборных профсоюзных работников. Проект депутата-“яблочника” вообще не определяет прав профсоюзов, дается отсылка к другим документам. Защиту прав по тексту правительственного проекта и проекта Голова должна осуществлять Федеральная инспекция труда (главы XLVI и V соответственно). Тем самым работников, объединенных в профсоюзы, лишают права на свою защиту, оставляя один на один с государственными чиновниками. Проект восьми также существенно снижает уровень прав и возможностей профсоюзов по сравнению с действующим КЗоТ. Он не обязывает собственника предоставлять профсоюзам транспортные средства. В то время как предприниматели широко используют современную оргтехнику, в том числе и для борьбы с наемными работниками и их представителями, проект не предусматривает обеспечения профсоюзов оргтехникой со стороны администрации. А ст. 263 (“Работодатель может передавать в бесплатное пользование профсоюзам находящиеся на балансе работодателя либо арендуемые их здания, ... базы отдыха, спортивные и оздоровительные сооружения...”) имеет совершенно нелепую в данном случае разрешительную форму, ни к чему не обязывающую собственника. Этот проект не регламентирует разрешение трудовых споров, отсылая к Закону “О порядке разрешения коллективных трудовых споров”, обеспечивая тем самым

возможность урезания прав профсоюзов в организации трудовых споров путем пересмотра данного закона.

Профсоюзный проект Авалиани-Шейна предусматривает не только провозглашение, но и обеспечение права работников на объединение в профсоюзы для защиты их законных прав и интересов, а правительственный проект, “яблочный” проект Голова и проект восьми фактически уничтожают это право и ведут дело к вытеснению профсоюзных организаций с предприятий.

Подведем итоги. Профсоюзный проект Авалиани-Шейна действительно развивает трудовые права работников, повышает роль профсоюзов. Проект восьми, правительственный проект и, в еще большей степени, внесенный бывшим депутатом фракции “Яблоко” сводят эти права к минимуму.

Профсоюзный проект ставит предпринимателей в условия, когда для роста прибыли требуется внедрение достижений научно-технического прогресса при творческом труде социально защищенных работников. Альтернативные проекты насаждают примитивное, хищническое использование рабочей силы, несовместимое с научно-техническим прогрессом и неизбежно порождающее крайние формы сопротивления работников.

Профсоюзный проект нацелен на возрождение отече-

ственного производства, на создание благоприятных условий для свободного развития граждан России. Альтернативные проекты отражают скорее интересы зарубежных хищников типа Международного валютного фонда, подачки от которых оборачиваются разрушением нашей экономики, лишают народы России исторических завоеваний.

Из сравнения проектов Трудового кодекса России вытекает, что профсоюзный проект Авалиани-Шейна, с одной стороны, правительственный проект, проект яблочника Голова и проект восьми – с другой, являются носителями противоположных концепций изменения трудовых отношений. Отсюда следует, в частности, что не может быть выработан единый проект на базе всех имеющихся, пропагандируемая некоторыми наивными людьми попытка создания общей комиссии не может принести положительных результатов. Государственная Дума должна решить, какую концепцию положить в основу будущего Трудового кодекса РФ – профсоюзного проекта Авалиани-Шейна, расширяющего права работников, или альтернативных ему проектов, урезающих и ликвидирующих эти права.

Выдержки из официально внесенных проектов Трудового кодекса России, подтверждающие противоположность соответствующих концепций, приведены в нижеследующей таблице.

Профсоюзный проект Авалиани – Шейна	Правительственный проект, Проект Голова и проект восьми
I. РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шейна: “в случае систематического неисполнения работником без уважительной причины обязанностей, возложенных на него трудовым договором (контрактом) или правилами внутреннего трудового распорядка, если к работнику раньше применялись меры дисциплинарного взыскания” (ст. 133).</p> <p>При этом требуется согласование с профсоюзом.</p>	<p><i>Правительственный:</i> в случае “однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей” (ст. 76).</p> <p><i>А.Г. Голова:</i> в случае “однократного грубого неисполнения работником без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором”, и даже в случае “просто по вине работодателя” (ст. 22/2). Кроме того, трудовой договор, заключенный с неким “ненадлежащим работником”, “расторгается в день обнаружения факта отсутствия специальной работоспособности” (ст. 22/5). Работодатель наделяется также правом на локаут (ст. 3/8).</p> <p><i>Проект восьми</i> позволяет уволить работника под предлогом несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе (ст. 41), а также под предлогом сокращения численности в связи с ухудшением финансово-экономического положения работодателя (ст.ст. 41,43). При этом не от администрации требуется обосновывать увольнение работника, а от профсоюза – обосновывать отказ в согласии на увольнение (ст. 44).</p>
II. РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шейна: всякая работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени считается сверхурочной. Более того,</p> <p>“По мере создания экономических и других необходимых условий осуществляется переход к более короткой рабочей неделе без уменьшения реальной заработной платы и с увеличением оплачиваемого времени участия в работе органов самоуправления” (ст. 38).</p>	<p><i>Правительственный:</i> работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени “по инициативе работника” “не может превышать четырех часов в день и 16 часов в неделю” (ст. 98).</p> <p><i>А.Г. Голова:</i> Работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени “по инициативе работника” “не может превышать четырех часов в день и половины месячной нормы рабочего времени” (ст. 26/21)</p> <p>В этих проектах такая сверхурочная работа (сверх 40, до 56–60 часов в неделю) сверхурочной не считается и повышенной оплате не подлежит.</p> <p><i>Проект восьми</i> сокращения рабочего времени по мере создания экономических и иных условий не предусматривает.</p>
III. ОПЛАТА ТРУДА РАБОТНИКОВ	
<p>1. Профсоюзный проект Авалиани-Шейна не допускает выплату заработной платы в неденежной форме.</p>	<p>1. <i>Правительственный:</i> “С согласия работника оплата труда частично может производиться продукцией в натуре” (ст. 129).</p> <p><i>А.Г. Голова:</i> “В исключительных случаях с согласия работников может производиться частичная выплата заработной платы товарами, пригодными для личного потребления работников” (ст. 28/3). Доля натуральной оплаты не ограничивается.</p> <p><i>Проект восьми:</i> “выплата заработной платы может производиться частично в натуральной форме...” (ст. 116).</p>

Профсоюзный проект Авалиани – Шеина	Правительственный проект, Проект Голова и проект восьми
<p>2. “При нарушении сроков выплаты заработной платы ... представитель собственника подвергается штрафу в размере тысячекратной величины минимальной заработной платы в пользу заинтересованных работников и в таком же размере в доход государства и несет ответственность, предусмотренную статьями Гражданского кодекса Российской Федерации” (ст.291).</p>	<p>2. Правительственный проект и проект Голова ответственность собственника за невыплату заработной платы не устанавливают. Проект восьми принуждает работника трудиться без оплаты труда в течение 10 дней (ст. 117).</p>
<h4>IV. ТРУД МОЛОДЕЖИ</h4>	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шеина: “Не допускается прием на работу лиц, моложе шестнадцати лет. В исключительных случаях по согласованию с соответствующим органом могут приниматься на работу лица, достигшие пятнадцати лет ... Допускается прием на работу учащихся для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью и не нарушающего процесса обучения, в свободное от учебы время по достижении ими четырнадцатилетнего возраста с согласия родителей или заменяющего их лица” (ст. 84).</p>	<p><i>Правительственный:</i> “В случаях получения основного общего образования либо оставления общеобразовательного учреждения трудовой договор могут заключать лица, достигшие пятнадцати лет” (ст. 59). <i>А.Г. Голова:</i> “Работники, не достигшие четырнадцати лет (малолетние) вправе осуществлять трудовую деятельность с помощью и в присутствии своих законных представителей... Ответственность по трудовому договору малолетнего несут его законные представители” (ст. 2/8). Продолжительность рабочего времени для работников “в возрасте до 14 лет – не более 12 часов в неделю, общая продолжительность рабочего времени не должна превышать 360 часов в год, а в возрасте до 8 лет 240 часов в год” (ст. 26/7). <i>Проект восьми</i> безоговорочно допускает прием на работу лиц, достигших 15 лет (ст. 200).</p>
<h4>V. ТРУД ЖЕНЩИН</h4>	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шеина: “Труд женщин в ночное время не допускается... Прием женщин на работу, где применяется труд в ночное время, запрещен” (ст. 70). Предусматривается выдача беременной женщине по ее заявлению и ходатайству выборного органа профсоюзной организации бесплатно путевки в санатории и дома отдыха, а также оказание ей материальной помощи (ст. 81). “Предприятия, применяющие женский труд, организуют детские ясли и сады, комнаты для кормления грудных детей, а также комнаты личной гигиены женщин” (ст. 82).</p>	<p>В правительственном проекте такие гарантии отсутствуют. В проекте Голова вообще отсутствуют специальные статьи по охране труда женщин. Проект восьми: “Привлечение к работам в ночное время, сверхурочным работам и работам в выходные дни и направление в командировки беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет допускается” (ст. 186).</p>
<h4>VI. СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ</h4>	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шеина: “Распределение средств государственного социального страхования на нужды социальной защиты работников предприятий осуществляются соответствующие профессиональные союзы” (ст. 205).</p>	<p>В правительственном проекте статьи, посвященные социальному страхованию работников, отсутствуют. В проекте Голова вопрос о том, кто должен распоряжаться средствами социального страхования, только лишь затрагивается в ст. 16/2, где есть слова “Федеральные органы социального страхования”. Проект восьми не указывает прямо, кто должен осуществлять распределение средств государственного социального страхования, но из контекста главы XVII вытекает, что это будут государственные чиновники.</p>
<h4>VII. ДЕЙСТВИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА</h4>	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шеина: “Коллективный договор заключается на срок от одного года до трех лет... По истечении установленного срока коллективный договор действует до тех пор, пока стороны не заключат новый или не изменят, дополнят действующий” (ст. 227).</p>	<p>Правительственный: “Коллективный договор заключается на срок не более трех лет... стороны вправе продлить действие коллективного договора на срок не более трех лет” (ст. 44). <i>А.Г. Голова:</i> “Коллективный договор заключается на срок от одного года до трех лет” (ст. 12/5). Проект восьми: “Порядок разработки и заключения соглашений и коллективных договоров регулируется Законом Российской Федерации “О коллективных договорах и соглашениях” (ст. 19). А нужные хозяевам поправки к этому закону сделать гораздо легче, чем поменять Трудовой кодекс.</p>
<h4>VIII. ПРАВА ПРОФСОЮЗОВ</h4>	
<p>Профсоюзный Авалиани-Шеина: “При решении вопросов, затрагивающих права и интересы работников, требуется согласование с профсоюзом. Предусматривается отчисление денежных средств предприятиями профессиональным союзам” (ст. 15) “Предприятие обязано предоставить выборным профсоюзным органам бесплатно необходимые помещения со всем оборудованием, отоплением, освещением, уборкой и охраной для работы этих органов и проведения собраний работников Администрация предприятия предоставляет выборным профсоюзным органам бесплатно транспортные средства, оргтехнику, средства связи и необходимые нормативные документы” (ст. 16). “Профессиональные союзы в лице их федеральных органов обладают правом законодательной инициативы” (ст. 14).</p>	<p>Правительственный проект и проект Голова: При решении вопросов, затрагивающих права и интересы работников, согласование с профсоюзом не требуется. Материальное обеспечение деятельности профсоюзов не предполагается. Все права профсоюзов сводятся лишь к консультациям с администрацией, ни к чему ее не обязывающим. Проект восьми: при решении большинства вопросов, затрагивающих права и интересы работников, согласование с профсоюзом не требуется. Обеспечение профсоюзов транспортом и оргтехникой не предполагается.</p>

Естественно, что попытки навязывания реакционного трудового законодательства встречают отпор со стороны трудящихся. Против правительственного проекта выступают практически все профсоюзы. Но, к сожалению, их борьба нередко сводится к борьбе “против правительственного проекта” и к призывам сохранить действующий КЗоТ. Такая тактика не может привести к успеху и сохранения действующего КЗоТ не обеспечивает.

Дело не только в том, что, будучи созданным в совершенно иную эпоху, КЗоТ не предоставляет трудящимся достаточных средств для коллективной самозащиты, что по уровню предоставляемых льгот он уже отстает от трудового законодательства развитых стран. Дело в том, что те, кто просто держится за старое, непременно будут обвинены в догматизме, выставлены противниками реформ, объявлены врагами всему новому, представляемому как прогрессивное. Поэтому эффект может дать лишь борьба трудящихся за свой проект, который, сохраняя все достигнутое в действующем КЗоТ, учитывал бы современные условия и являлся бы действенным оружием для отстаивания трудовых прав. Из имеющихся на настоящий момент в России проектов таким проектом является лишь профсоюзный проект Авалиани-Шейна. Поэтому приходится признать, что те, кто выступают против этого проекта – реакционеры, объективно действующие против интересов работников, объединенных в профсоюзы.

Главное оружие борьбы за профсоюзный проект – активные действия трудовых коллективов: кратковременные остановки производства, собрания, конференции, митинги с резолюциями поддержки этого проекта, направленные в Думу, Правительство, Президенту. Письма, обращения по этим же адресам могут и должны посылать профсоюзные организации, партии, движения и даже отдельные граждане. В случае принятия Думой в первом чтении за основу будущего Трудового кодекса какого-либо реакционного проекта в Думу немедленно будет внесена новая редакция профсоюзного проекта с учетом поступивших на него замечаний, и необходимы будут активные действия в его поддержку.

Трудящиеся России могут и должны добиться принятия трудового законодательства, нацеленного на возрождение и развитие отечественного производства, и, уж во всяком случае, на то, чтобы не дать отбросить Россию в области трудового законодательства в XIX век. Для этого надо уже сейчас использовать профсоюзный проект для выставления забастовочных требований и включать содержащиеся в нем положения в коллективные договоры. То есть надо вводить его в действие явочным порядком, не ожидая принятия Думой. Так могут поступать и трудящиеся других стран, занимая позитивную, боевую, наступательную позицию, а не выжидательную. Права не дают, их берут.

Всемирная федерация профсоюзов: страницы истории и борьбы за интересы трудящихся

Всемирная федерация профсоюзов (ВФП) – крупнейший международный профцентр, объединяющий на классовой основе десятки демократических профсоюзов различных стран Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании. Пользуется консультативным статусом в Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС), ЮНЕСКО, МОТ и других международных организациях.

ВФП создана вскоре после второй мировой войны в результате настойчивых усилий передовых отрядов международного профсоюзного движения, в первую очередь – рабочего класса СССР. Основой учреждения ВФП стала общность интересов народов мира в совместной борьбе против гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Важную роль в создании ВФП сыграли активные контакты советских профсоюзов с профцентрами стран антигитлеровской коалиции в военные годы.

Основы ВФП заложены Всемирной конференцией профсоюзов, которая состоялась в феврале 1945 г. в Лондоне. В этом форуме приняли участие представители 60 млн. рабочих и служащих всех континентов. Из крупных профцентров мира в ней не участвовали только Американская федерация труда (АФТ), возглавлявшаяся антикоммунистическими лидерами, и организации христианского синдикализма.

ВФП создана на I Всемирном конгрессе профсоюзов, который состоялся 25 сентября – 9 октября 1945 г. в Париже и проходил в условиях общего подъема демократического и национально-освободительного движения, вызванного победой Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции в войне.

Днем учреждения ВФП считается день принятия Устава ВФП 3 октября 1945 г. Основные уставные задачи ВФП включают объединение профсоюзов всех стран и

защиту интересов трудящихся всего мира, организацию общей борьбы против посягательств на социально-экономические права людей труда и их свободы, борьбу против войн и причин, их порождающих, организацию просветительной работы по вопросам единства трудящихся.

Создание ВФП стало знаменательным событием в международном профсоюзном движении, так как впервые в его истории доказало возможность объединения профсоюзов различной ориентации в общей борьбе за жизненные интересы трудящихся – прочный мир, национальную независимость народов, профсоюзные и общедемократические права и свободы, социально-экономический прогресс.

С первых лет своего существования ВФП, основанная на принципах международной пролетарской солидарности и классовой борьбы, зарекомендовала себя последовательной сторонницей мира и защитницей трудового народа. Курс империалистических кругов Запада на разжигание холодной войны встретил решительное противодействие со стороны ВФП, призвавшей всех людей доброй воли сплотить свои ряды в борьбе против новой военной угрозы.

Однако в 1948 г. лидеры Британского конгресса трудящихся (БКТ) и американского Конгресса производственных профсоюзов (КПП) начали упорно саботировать решения ВФП. В 1949 г. БКТ и КПП вместе с некоторыми другими западноевропейскими профорганизациями вышли из ВФП и учредили Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП), объединившую в своих рядах профсоюзы главным образом социал-демократической ориентации в странах развитого капитализма и ряде развивающихся государств.

Так был внесен раскол в международное профсоюзное движение, который ослабил его в первые послевоен-

ные годы и вскоре привел к заметному сдвигу вправо лидеров западноевропейских профсоюзов и возрастанию влияния идеологии АФТ-КПП в МКСП, взявшей курс на борьбу с “коммунистической опасностью” как в собственном доме, так и на мировой арене.

Но этот раскольнический шаг не смог подорвать престиж и влияние ВФП в международном профсоюзном движении. Более полувека входящие в нее профсоюзы

ведут самоотверженную борьбу под руководством ВФП за освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации и ига транснациональных корпораций, за развитие пролетарской солидарности в борьбе против глобального капитализма. Ярким и убедительным свидетельством приверженности ВФП идеалам борьбы за мир, демократию и социальный прогресс служит ее послание ООН, которое приводится ниже.

Послание Всемирной Федерации Профсоюзов Ассамблее ООН и Встрече на высшем уровне ООН, посвященным вступлению человечества в новое тысячелетие

Всемирная федерация профсоюзов (ВФП) от имени организаций, входящих в нее или связанных с ней на всех континентах, шлет поздравления и наилучшие пожелания ассамблее Тысячелетия Организации Объединенных Наций и Встрече Тысячелетия на высшем уровне Организации Объединенных Наций. В связи с этим важным событием ВФП с нетерпением и надеждой ожидает, что Встреча на высшем уровне проявит политическую волю, чтобы прийти к достижению соглашений по глобальным проблемам, с которыми сталкивается население нашей планеты, и удовлетворит стремление человечества к установлению нового порядка, основанного на высоких принципах Устава Организации Объединенных Наций.

* * *

Вступая в третье тысячелетие, каждый человек оказывается составной частью глобального сообщества, в котором живут и работают люди. Их жизни, как в настоящем, так и в будущем, зависят не только от их собственных дел, но и от той окружающей среды, которая создается и поддерживается вокруг них. Вот почему чрезвычайно важно, чтобы каждый из нас понимал окружающую его среду, права и обязанности всех, а также правила, с помощью которых каждый из нас мог бы защищать себя и оказывать влияние на всеобщее развитие человечества.

С этой точки зрения среди множества различных институтов, возникших в прошлом, Организация Объединенных Наций представляет собой единственное универсальное учреждение, которое обладает признанной законностью и достаточной способностью, чтобы играть существенную роль в глобальном управлении. Ее роль в этом качестве не может и не должна подвергаться сомнению или подчиняться интересам любой другой специфической группы или учреждения.

Чтобы Организация Объединенных Наций могла ответственно и эффективно выполнять свои функции, необходимо усилить и расширить ее роль в современном мире. Соответственно должны быть реконструированы ее структуры. Организация Объединенных Наций должна создать универсальное право и иметь возможность осуществлять надзор за его претворением в жизнь.

С этой целью ООН должна руководствоваться самыми высокими принципами и универсальными правилами, положенными в основу Устава ООН:

- сохранять мир, человеческую жизнь и природу;
- создавать условия для торжества справедливости, равенства и свободы, как людей, так и государств;
- контролировать экономическое и социальное развитие таким образом, чтобы гарантировать достойную

жизнь для всех.

Каждый из нас, кто живет в этом мире, заслуживает того, чтобы реализовать себя в наиболее возможной степени. Мы могли бы достичь этого совместными усилиями.

* * *

Глобальное управление в настоящее время страдает вследствие чрезвычайных искажений. Исторический прогресс, достигнутый в прошлом столетии в результате учреждения Организации Объединенных Наций после кровавой и жестокой войны, развязанной фашистскими силами, успеха национально-освободительных движений в борьбе за освобождение от колониальной системы империализма и принятия Декларации Генеральной Ассамблеи ООН (1974) об учреждении нового международного экономического порядка, может и должен получить дальнейшее развитие.

Продвижение к достижению желаемого прогресса остановилось с тех пор, как те силы, которые обладают экономической властью и контролируют мировые ресурсы, стали преградой на пути движения народов к утверждению своего права на развитие. Совершенно очевидно, что политические структуры, связанные с ними, под прикрытием глобализации хотят навязать миру новую форму неоколониального экономического господства. Как отмечалось на посвященном Тысячелетию Форуме неправительственных организаций, для большинства людей глобализация представляет собой процесс экономического, политического и культурного господства государств, сильных в экономическом и военном отношении, над слабыми.

Принципы Устава ООН игнорируются теми самыми учреждениями, которые, как предполагается, должны быть членами семейства ООН, но в действительности плотно контролируются гигантскими транснациональными корпорациями и финансовыми структурами. Господство Большой Власти навязывается миру посредством таких учреждений, как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация. Именно в связи с этим ВФП поддерживает требование, выдвинутое НПО на Форуме Тысячелетия, о необходимости преобразования и демократизации всех уровней принятия решений в Бреттон-Вудских институтах и Всемирной торговой организации и полного интегрирования их в систему Организации Объединенных Наций, установления подотчетности этих учреждений Экономическому и Социальному Совету ООН.

Универсальный характер Организации Объединенных Наций должен поддерживаться любой ценой, и все политические и практические шаги ООН должны отражать

демократические стремления и коллективную волю всех ее членов. Это должно получить отражение в составе Совета Безопасности ООН посредством адекватного представительства в нем развивающихся стран, принадлежащих к группе-77 и движению неприсоединившихся стран, которые представляют большинство населения нашей планеты.

Реформирование Организации Объединенных Наций, которое обсуждается в настоящее время, должно принимать во внимание серьезные отрицательные последствия доминирования в ней одной сверхдержавы и грубых нарушений принципов Устава ООН некоторыми большими державами, а также частого обращения этих государств к политике двойных стандартов и даже к военным нападениям на государства – члены ООН, введения санкций и блокад и неправильного использования их господства в таких учреждениях, как МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Профсоюзы и другие организации людей труда, а также демократические силы во всем мире обеспокоены тотальным контролем, установленным монополиями и корпорациями над глобальными средствами массовой информации. Такое господство и такой контроль в настоящее время прослеживаются в каждом секторе промышленности, экономики и культуры.

Политическое, идеологическое и экономическое давление, оказываемое на страны и народы монополиями и корпорациями, особенно четко просматривается в непрерывной пропаганде в пользу приватизации и либерализации, ликвидации государственного сектора и коммунальных служб, а также в пользу передачи даже фондов социального обеспечения фондовым биржам в спекулятивных целях.

Спекулянты перемещают триллионы долларов через национальные границы не для каких-либо производительных инвестиций, а для того, чтобы дестабилизировать валюты и национальные экономики и делать прибыль на обнищании людей. Эти необузданные законом элементы подрывают экономическую безопасность народов и стран.

ВФП с сожалением отмечает неспособность наций, как это было показано на специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам о положении женщин и социального развития, состоявшихся ранее в этом году, осуществить твердые меры по претворению в жизнь Пекинской и Копенгагенской программ действий. Поэтому Встреча на высшем уровне, посвященная Тысячелетию, призвана принять действенные решения, направленные на строгое осуществление обязательств, принятых на различных встречах на высшем уровне ООН по глобальным проблемам, и, прежде всего, в области устранения бедности, достижения полной занятости и охраны окружающей среды.

Первой задачей мирового сообщества должна стать отмена огромного долга развивающихся стран, и это должно быть сделано до 2001 года. В то же самое время решение ООН о передаче 0,7 процента от ВВП развитых стран в качестве помощи на цели развития развивающимся странам должно быть выполнено незамедлительно. Адекватные финансы для обеспечения развития должны быть изысканы, с тем чтобы создать производительные рабочие места и устранить высокие уровни безработицы и неполной занятости.

Работа по выработке Кодекса поведения транснациональных корпораций с целью регулирования их деятельности должна быть возобновлена Организацией Объединенных Наций. В настоящее время многие правительства

начали принимать меры против табачных монополий, и имеется потребность регулировать, в частности, действия глобальных компаний, господствующих в сфере производства лекарств, продовольственных товаров и других существенных поставок. Пришло время, чтобы международное сообщество предприняло адекватные меры, направленные на охрану здоровья и благосостояния людей, страдающих в результате погони корпораций за прибылями.

В этом контексте 14-й Всемирный конгресс профсоюзов, состоявшийся в Нью-Дели в марте 2000 года, предложил установить демократический контроль над всеми индустриальными, финансовыми и другими экономическими предприятиями и компаниями в частном и общественном секторах и принять поправки к законам об управлении корпорациями, чтобы обеспечить ежегодные доклады компаний по вопросам, имеющим отношение к признанию профсоюзов, соглашениям между предпринимателями и профсоюзами о заработной плате и других условиях труда, выполнению международных трудовых стандартов и инструкций о защите окружающей среды. Было также предложено учредить институты для проведения социальных ревизий, которые наделялись бы полномочиями изучать социальные последствия всех экономических решений корпораций и правительств и представлять сообщения по этому вопросу парламентам и другим выборным органам.

Нежелание некоторых государств – членов ООН, представляющих экономически мощные страны, уважать международное право и Устав ООН в настоящее время подвергается широкому осуждению. В этих условиях становится еще более отвратительным то, что страна, на территории которой находится ООН, игнорирует призыв Генеральной Ассамблеи ООН положить конец экономической блокаде Кубы. ВФП настаивает на том, чтобы Ассамблея Тысячелетия призвала к немедленному прекращению всех блокад и санкций, нарушающих основные права миллионов людей в странах, против которых применяются названные меры.

Миру на Ближнем Востоке серьезно угрожает отказ Израиля покинуть оккупированные арабские территории и строго выполнить решения Совета Безопасности ООН.

Все государства – члены ООН должны возобновить усилия для того, чтобы поддержать принципы Устава ООН и способствовать утверждению климата мира и установлению добрососедских отношений, немедленному окончанию всех войн и вооруженных конфликтов.

Необходимо немедленно достичь соглашений по вопросам полного запрещения ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения. Попытки слома главных соглашений в области разоружения должны быть остановлены. Все государства должны активизировать и поддержать процесс разоружения, и серьезно отнестись к осуществлению призыва ООН к разоружению в интересах развития.

Первое столетие нового тысячелетия должно стать столетием развития ООН. Это должно означать, что все препятствия на пути к выполнению демократической стратегии развития в целях равноправного и сбалансированного развития всех людей должны быть устранены. Мы, народы Организации Объединенных Наций, можем подняться до уровня реализации этой задачи. Ассамблея Тысячелетия и Встреча Тысячелетия на высшем уровне Организации Объединенных Наций должны сделать первые шаги в этом направлении.

Перевод с английского А. Арсеевко

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Уильям Фостер и рабочее движение США: страницы биографии

А.И. Лиховод

С ранней молодости я всегда гордился тем, что я рабочий, и непосредственное участие в борьбе рабочего класса дало мне глубокое удовлетворение.

Уильям З. Фостер

Быть знакомым с Уильямом З. Фостером – большое счастье. Простота сочетается в нем с силой ума и необычайной проницательностью, позволяющей быстро и безошибочно разбираться в современных событиях и анализировать их. Для меня он – святой, первый и единственный, с которым мне довелось войти в общение. Я многим, очень многим обязан ему.

Фостер родился в то время, когда в Америке стали появляться крупные капиталистические корпорации... Одновременно начало развиваться и рабочее движение, ибо гигантские монополии сами порождают своего могильщика в лице рабочего класса.

Теодор Драйзер

Жизненная биография Уильяма Фостера дает возможность познакомиться с огромным и, пожалуй, самым важным периодом в биографии рабочего движения Северной Америки. Его деятельность, вначале как рабочего активиста, а затем как профсоюзного и партийного лидера американских трудящихся, полностью отражает все противоречия в организации и становлении этого движения. И это вовсе не случайно: Фостер всегда шел впереди, был одним из первых на каждом этапе его развития, остро чувствовал потребности текущего момента и, решительно отбрасывая косность и догматизм, переходил на сторону всего нового, прогрессивного, что рождалось в процессе борьбы угнетенного рабочего класса Америки. В этом “новом” деле он был одним из первоходцев, а значит, учиться в основном приходилось на собственных ошибках, – но он никогда не боялся извлекать из них уроки, хотя подчас они были достаточно тяжелыми, зачеркивали результаты многих лет работы. Жизненные убеждения Фостера, цели и методы организуемой им деятельности всегда определялись интересами трудящихся США и служили им. “Сравните преданность этого человека народу, его деятельность по организации профсоюзов и призыв к независимым политическим действиям – с действиями карьеристов и приспособленцев из Американской федерации труда, и вы увидите, какая между ними разница и каким выдающимся человеком и преданным народу вождем является Фостер”, – писал о нем выдающийся писатель-реалист Т.Драйзер.

Уильям Фостер родился 25 февраля 1881 года в городишке Тоунтон, штат Массачусетс, в ирландском гетто. Его отец, Джеймс Фостер, был неграмотным крестьянином, фением – борцом за независимость Ирландии, бежавшим от преследований королевской жандармерии в Америку и зарабатывавшим на жизнь поденной работой. Типичный ирландец, любитель бокса, футбола, уличных драк и выпивки, он и в США состоял в тесных связях с национальным освободительным движением, за что преследовался полицией. Фостеры были строгими католиками, и в их семье родилось 23 ребенка, из которых выжило только четверо, в том числе и мальчик – Уильям Зебюлон Фостер. В 1888 году поредевшая от смертей семья перебирается в Филадельфию, в трущобы Кейтер-стрит, где Фостеры прожили 12 лет. Детство будущего рабочего лидера проходило в ужасающей нищете. Голод и антиса-

нитарные условия погубили большинство многочисленных братишек и сестреночек Фостера, а сам он с семи лет с готовностью хватался за возможность любого мелкого заработка: был на побегушках у хозяев лавочек, таскал тяжести, торговал газетами. А кроме того, состоял в местной ирландской уличной банде “бульдогов”, которая занималась мелким воровством, грабежами, хулиганством, избиением негров и стычками с молодежными группировками из других кварталов. (Впрочем, в 1895 году “бульдоги” приняли участие в потрясшей город забастовке трамвайщиков, переворачивая вагоны, выведенные на пути штрейкбрехерами).

В 1891 году Фостер получил свою первую настоящую работу – “джоб” – подручным в мастерской скульптора, а в 1894 году становится подсобным рабочим Американской словолитной компании в Балтиморе. На словолитнях работали только иммигранты, негры и ирландцы – это была низкооплачиваемая, крайне тяжелая и вредная для здоровья работа. Пары свинцовой пыли неизбежно приводили к чахотке, рабочие быстро заболели, и их состав менялся практически каждый месяц. Фостер оставался там четыре года, пока не перешел на филадельфийские бойни, где из туш больных животных и нечистот производились удобрения. Здесь он проработал до начала нового, XX века.

В это же время молодой ирландец включается в борьбу за свои права – естественный путь для жестоко угнетаемого рабочего. “Не имея еще ни малейшего представления о социализме, я – правда, очень путано, резко – восставал против положения, при котором миллионы людей были вынуждены преждевременно сходить в могилу из-за непосильного труда в промышленности и всю жизнь терпеть нужду, в то время как богачи – явные бездельники и моты – пользовались всеми благами жизни. С этим я никак не мог смириться. К тому же собственный печальный опыт работы в промышленности переполнил чашу моего терпения”, – вспоминал впоследствии Фостер. Начало его трудовой деятельности совпало с мировым экономическим кризисом, потрясшим США в 1893 г., когда по всей стране прокатилась волна забастовок, вызванных массовым увольнением рабочих. Впервые во главе многих выступлений – шахтеров, сталелитейщиков, транспортников – стояли социалисты. Во время знаменитой Пульмановской стачки 1894 года бастовало свыше ста тысяч железнодорожников Пульмановской компании

во главе с Юджином Дебсом, крупнейшим лидером рабочего и социалистического движения того времени. Сам Фостер в 1895 году принимает участие в забастовке транспортников, перешедшей в массовые беспорядки по всей Филадельфии. Стачка окончилась победой рабочих, и этот первый опыт классовой борьбы был чрезвычайно важным для четырнадцатилетнего Фостера: “В результате этой забастовки я стал тред-юнионистом... Я получил элементарный урок, который научил меня, что индивидуальный рабочий бессилён против предпринимателя и что, только объединяя свои силы с другими рабочими, он может добиться влияния в жизненном для него вопросе заработной платы... Теперь мое внимание окончательно и навсегда оказалось прикованным к классовой борьбе в Америке”. В это же время Уильям знакомится с “уличной” литературой социалистической направленности – разнообразными брошюрами, издаваемыми анархо-синдикалистами, социалистами и рабочими профсоюзами. Благодаря этому постепенно формируется его новое мировоззрение. “Моим первым серьезным шагом в выработке разумного пролетарского взгляда на жизнь и политику, – отмечал Фостер, – был отказ от религиозных убеждений, которые мне тщательнее прививали в детстве (мать Уильяма готовила сына в иезуиты, – А.Л.). Это оказалось для меня достаточно легким делом. Для приобретения настоящего материалистического мировоззрения мне нужно было прочесть труды Маркса и Энгельса, что я и сделал через несколько лет. Мой собственный опыт не кажется мне чем-то исключительным. Я всегда считал, что всякий непредубежденный человек, прочитав те основные труды, которые прочел я, не сможет больше верить в бездоказательные легенды, на которых строится религия”. Это важное решение было достаточно смелым для Америки, где, как и в наши дни, господствовали религиозное мракобесие и ханжество, пустившие глубокие корни среди трудящихся. Особый интерес молодого рабочего вызывали книги о Великой французской революции и войне за независимость американских колоний. Из этих примеров Фостер узнал о возможности вооруженного восстания против угнетателей и революционного преобразования общества.

Летом 1900 года в родных трущобах Филадельфии Уильям услышал выступление уличного оратора-социалиста, говорившего о необходимости уничтожения капиталистической системы, о том, что рабочие могут и должны быть хозяевами своих заводов и фабрик, своей страны. Его слова произвели сильнейшее впечатление на юного Фостера: “С того дня я стал считать себя социалистом, – вспоминал он. – Этот уличный митинг явился поворотным пунктом в моей жизни”.

К этому времени социалистическое движение начинает приобретать значительное влияние среди рабочих США. Еще в 1857 году эмигрировавшие из Германии Майер, Зорге, Фогт и другие последователи идей Маркса, основывают в Нью-Йорке Коммунистический Клуб, который через 10 лет присоединился к Международному товариществу рабочих. Однако еще очень долгое время марксизм, как и “лассальянство”, в США оставался распространенным только в довольно замкнутом кругу европейских эмигрантов. А в это же время бурное развитие капиталистических отношений приводило к постоянным, жестоким столкновениям интересов наемных рабочих и беспощадно эксплуатирующей их буржуазии. Вначале борьба с хозяевами была стихийной, затем рабочие начали объединяться в союзы ремесленнического типа, известные под названием “Рыцари труда”, идеологией которых в основном служил прудонизм. В 1869 году на их основе

был образован “Благородный Орден Рыцарей Труда” – нелегальная организация, членами которой были в основном неквалифицированные рабочие, в том числе и негры. В 80-х годах “Орден” выдвинул лозунг борьбы за 8-часовой рабочий день. К этому времени в его рядах состояло около 700 тысяч человек. Движение за сокращение рабочего дня приобрело наибольшую остроту в 1886 году, во время кровавых майских столкновений в Чикаго. После этого стало ясно, что “Рыцари Труда” не способны организовывать выступления рабочих и эффективно ими руководить: давало о себе знать отсутствие последовательной революционной теории, и вскоре организация распалась.

Но становление рабочего движения в США по европейским “меркам” происходило невероятно быстро. Этому способствовали невиданный рост промышленности, ускоренные темпы капиталистического развития страны, которая к концу столетия вышла во многих отраслях промышленного производства на первое место в мире, а по показателям мировой торговли отставала только от Англии. “В европейских странах рабочему классу потребовались долгие годы для того, чтобы полностью убедиться в том, что он составляет особый и, при существующих общественных отношениях, постоянный класс современного общества; и затем снова потребовались годы, пока это классовое самосознание привело его к тому, чтобы организовать в особую политическую партию, независимую от всех старых политических партий, образованных различными фракциями правящих классов, и враждебно противостоящую этим партиям. На более благоприятной почве Америки, где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин, где история начинается при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества, рабочий класс прошел через эти две стадии своего развития в течение десяти месяцев”, – отмечал Энгельс в статье “Рабочее движение в Америке” – предисловии к американскому изданию “Положения рабочего класса в Англии” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е издание, т.21, с.347). Он уже тогда обращал внимание на особенности организации американских рабочих: “В Нью-Йорке и в других больших городах Востока организация рабочего класса шла по линии профессиональных объединений путём образования в каждом городе сильного Центрального рабочего союза... Огромная ассоциация, распространенная на огромной территории страны в виде бесчисленных “ассамблей”, представляет все оттенки личных и местных мнений внутри рабочего класса. Все они объединяются соответственно неопределенной программой и сплачиваются не столько практически невыполнимым уставом, сколько инстинктивным чувством того, что уже самый факт их объединения для достижения общей цели делает их великой силой в стране... Это волнующаяся, находящаяся в состоянии брожения масса, состоящая из пластического материала и ищущая формы, которая соответствовала бы её природе. Эта форма несомненно будет найдена, так как историческое развитие, подобно развитию природы, имеет свои собственные, присущие ему законы. Безразлично, сохраняют ли тогда Рыцари труда свое теперешнее название или нет, но для постороннего наблюдателя ясно, что здесь перед нами тот сырой материал, из которого должно выковываться будущее американского рабочего движения, а вместе с ним и будущее всего американского общества” (Там же, с.348, 350, 351)

Действительно, вскоре на смену “Рыцарям” приходят “классические” профсоюзы, выступавшие, в основном, с реформистскими требованиями. В 1886 году они объе-

диняются в Американскую федерацию труда, которую на долгие годы возглавил ветеран американского оппортунизма Сэмюэль Гомперс. А еще раньше, в 1876 году, на базе секций I Интернационала была основана Социалистическая рабочая партия, лидером которой вскоре стал известный своим радикализмом писатель, публицист, ученый, марксист Даниэль Де Леон.

Среди хлынувших в страну эмигрантов из Европы было немало талантливых организаторов, уже имеющих опыт стачечной и профсоюзной борьбы. Они и стали ядром новой партии, три четверти которой вначале составляли выходцы из Германии. Но в скором времени СРП значительно увеличила свое влияние среди многонационального контингента американских рабочих. Де Леон, выдающийся пропагандист и агитатор, впервые “объединил” марксизм с рабочим движением, направил работу социалистов на решение практических задач, в первую очередь – на организацию стачечного движения. Однако постепенно он и возглавляемая им партия в теории, а затем и в практической деятельности все больше уклоняются в сторону анархо-синдикализма.

Надо особо заметить, что анархо-синдикализм всегда, вплоть до нашего времени, являлся наиболее распространенной болезнью рабочего движения США. Он зародился как стихийная, но вполне закономерная реакция на расцвет реформизма и оппортунизма в профсоюзном движении – традиционно основном направлении борьбы американского рабочего класса, и его влияния и впоследствии не избежал ни один из рабочих лидеров страны.

Де Леон первым пошел на бойкот реформистских профсоюзов АФТ, создав Социалистический альянс профсоюзных организаций и рабочих союзов – сектантскую и нежизнеспособную организацию. На практике это отрезало СРП от подавляющей массы рабочих, состоящих в Федерации труда, что быстро свело на нет влияние партии в рабочей среде. Кроме того, Де Леон сознательно игнорировал набирающее в то время силу движение разоренных капитализацией страны фермеров, ведущих борьбу за землю и уменьшение налогов. Позднее Фостер, всегда признававший важную роль Де Леона в становлении социалистического движения США, назовет его “ревизионистом наоборот”. Все эти ошибки привели к расколу СРП и образованию в 1901 году Социалистической партии, во главе которой стал лидер профсоюза железнодорожников, популярный рабочий вожак Юджин Дебс. Новая партия действовала более широко, она сумела наладить масштабную пропагандистскую работу, придавая многочисленным стачкам политических характер, наладила выпуск ряда рабочих газет, – в первую очередь газеты “Призыв к разуму” (“Apply to Reason”), выходящей тиражом в 250 тысяч экземпляров, привлекла к своей работе многих известных деятелей молодой американской культуры – писателей Джека Лондона и Эптона Синклера, художника Роберта Майнора и других. Вместе с тем Социалистическая партия продолжала следовать сектантской политике бойкота реформистских профсоюзов АФТ, которые, между тем, с каждым годом увеличивали свою численность и влияние в рабочей массе. К 1905 году партия насчитывала 23 тысячи членов, но руководство ею постепенно перешло к мелкобуржуазному крылу, в которое входили либеральные адвокаты, профессора и даже священники, влияние Дебса сходило на нет, а элементы марксизма были подменены экономизмом.

С 1900 года Фостер постоянно принимает участие в митингах, демонстрациях, сходках рабочих, маевках, участвует в агитации за кандидата в президенты от социали-

стов Ю. Дебса и даже отказывается от предложенной ему хозяевами административной работы на заводе удобрений. В этом же году у него начинает развиваться профессиональная болезнь американских рабочих – туберкулез, быстро перешедший в хроническую форму, затем один за другим умирают его родители. Он оставляет свой дом и отправляется на Кубу в надежде подлечиться и отыскать работу, затем работает лесорубом во Флориде, едет в Нью-Йорк и устраивается там вагоновожатым трамвая, но его увольняют за попытку самостоятельно создать профсоюз транспортников. После этого увольнения Фостер вступает в Социалистическую партию США. Но туберкулезный процесс усугубляется, и рабочий “зайцем” отправляется в “солнечный штат” Калифорнию. А не найдя там работы, становится “хобо” – железнодорожным бродягой, промышляющим случайным заработком, поденной и сезонной работой, и шесть раз пересекает огромную страну с запада на восток: “Несколько раз меня арестовывали, дважды я чуть не замерз, раз двадцать чуть не погиб под колесами поезда”. Отчаявшись найти постоянную работу на родине, Фостер в Портленде занимается матросом на английское каботажное судно за 12-17 долларов в месяц и совершает кругосветное плавание, посетив порты Латинской Америки, Африки, Европы, Австралии. Возвратившись в США три года спустя, в 1904 году, он сразу же включается в рабочее движение, осев на некоторое время в Портленде, работает кочегаром на железной дороге. В это же время он изучает Маркса, Энгельса, Бебеля, Каутского, Плеханова и вскоре становится социалистическим активистом. Однако деятельность Социалистической партии кажется ему слишком пассивной, не оказывающей существенного влияния на рабочую среду. Нарастание борьбы рабочих должно было привести к новым формам ее организации. И они вскоре появляются.

В 1905 году состоялся учредительный съезд профсоюзной организации “нового типа” под названием “Индустриальные рабочие мира” (“Industrial World Workers”, IWW), занимающей особое место в истории американского рабочего движения.

В основе создания ИРМ лежала старая идея создать альтернативный реформистскому АФТ революционный рабочий профсоюз, который смог бы на деле помогать стачечной борьбе и организовывать ее, способствуя развитию классовой солидарности и практическому взаимодействию рабочих различных предприятий и отраслей промышленности.

Ядро организации составили лучшие рабочие активисты из всех социалистических и профсоюзных течений США: Уильям (Билл) Хейвуд, лидер Западной федерации рудокопов, Винсент Сент-Джон, Том Муни, Элизабет Герли Флинн, Фрэнк Литл, Чарлз Мойер, рабочий поэт Джо Хилл и многие другие. Огромное влияние на ее образование оказала первая российская революция. Выступая на учредительном съезде, “Большой Билл” Хейвуд объявил одну из основных задач ИРМ: способствовать росту и организации социалистического рабочего движения, пока в него не “вольется огромное большинство трудящихся, которые восстанут против капиталистической системы, как это сделал ныне рабочий класс России”.

“Индустриальные рабочие мира” не стали очередным профсоюзным объединением. Это была настоящая революционная рабочая организация, основой работы которой была мобильная агитация по всей территории США и Канады. “Уоббли” (такое название они получили по аналогии со звучанием аббревиатуры IWW) направлялись в любую точку страны, где происходили стачки или

столкновения рабочих с властями, они появлялись там сразу же после начала событий, оказывали помощь в организации борьбы. Еще чаще активисты ИРМ сами устроили рабочие выступления. “Никогда ни до, ни после не было такой организации. Ее члены, по крайней мере на Западе, всегда были в движении, переходя с одной работы на другую, кочуя из штата в штат – от Рио-Гранде до Колумбии, от Омахи до Сан-Диего, вскакивая в товарные поезда, пристраиваясь на буферах. Они путешествовали куда глаза глядят, как багаж без адреса. То были профсоюзы на колесах, стальных колесах”, – так рассказывали об ИРМ Ричард Бойер и Герберт Морейс, авторы “Нерассказанной истории рабочего движения в США”.

При всем этом лидеры ИРМ придерживались анархо-синдикалистской ориентации. Это в основном выразилось в открытом пренебрежении к политической работе, преобладании экономических требований в борьбе, слабой организованности. По сути, уоббли исповедовали тот же самый экономизм, что и АФТ, с оппортунизмом которого они беспощадно боролись. Но в отличие от “шарашки” Сэма Гомперса, активисты Индустриальных рабочих рассчитывали достигнуть своих целей в ожесточенной стачечной борьбе.

Уоббли подвергались яростным преследованиям со стороны американской охранки и многочисленных “патриотических” организаций. Многих из них, как “красного индейца” Фрэнка Литла, линчевали, других, как Тома Муни, на десятилетия похоронили в тюрьмах. Уже в 1906 полиция арестовала Большого Билла, Чарльза Мойера и Джорджа Петтиборна, пытаясь отправить их по сфабрикованному обвинению на эшафот. Сам президент Теодор Рузвельт открыто призвал утвердить смертный приговор, назвав арестованных уоббли “нежелательными гражданами”. Однако социалисты добились оправдания лидеров горняков, развернув всеобщую кампанию в их защиту.

Кочегар Уильям Фостер также участвовал в борьбе за спасение товарищей. После кризиса 1907 года он переезжает в Сиэтл, где примыкает к левому крылу социалистов, возглавляемому Дебсом и Чарльзом Рутенбергом, и участвует в издании газеты “Голос трудового люда”. “Я был глубоко убежден, что реформистский план постепенного превращения капитализма в социализм путем осуществления реформ – несбыточная мечта. Беспощадный капиталистический класс не может быть лишен власти путем увещевания, выборов, или отступного, – вспоминал Фостер. – Поэтому я решительно присоединился к пролетарскому течению, которое стремилось превратить Социалистическую партию в революционную организацию”.

В 1909 году ИРМ организует кампанию в защиту бесправных лесорубов-сезонников на Севере США, проводя многочисленные уличные митинги. Полиция ответила массовыми арестами, которых не избежал и известный писатель-социалист Эптон Синклер, арестованный за публичное чтение Декларации независимости. Ответом на произвол полиции стали беспорядки, центром которых стал городок Спокан в штате Вашингтон. Полиция с трудом подавила выступления рабочих, а активисты, в том числе и Фостер, были отправлены на работы в каменоломни, а затем брошены в тюрьму, где Уильям познакомился со знаменитым вожаком уоббли, 19-летней Элизабет Герли Флинн, также одним из будущих лидеров Компартии США. Там же, в тюрьме, он вступает в ИРМ, а после освобождения выходит из Социалистической партии и на некоторое время становится одним из организаторов просуществовавшей очень недолго Партии рабочих наемного труда. В это время 28-летний уоббли Фостер становится убежденным синдикалистом.

Впоследствии он тщательно проанализирует причины популярности синдикализма среди рабочих активистов США. В их основе лежали более удобные по сравнению с Европой, условия труда: в результате быстрой капиталистической экспансии в конце XIX века в стране очень рано сложилась рабочая аристократия, аналогичная английской, что, в свою очередь, способствовало развитию профсоюзного бюрократизма. Значительная часть рабочего класса, особенно в экономически благоприятные периоды, находилась в плену реформистских иллюзий, веря в возможность улучшения своего положения экономическим путем, а зачастую даже надеясь на обогащение. Буржуазия всячески поощряла экономическую сегрегацию между рабочими, выделяя из их среды отдельные, привилегированные группы или профсоюзы. (Этот процесс точно и красочно описан Джеком Лондоном в “Железной пяте”). Кроме того, армию дешевого резервного труда постоянно пополняли иммигранты и “кочующие” рабочие, что, в свою очередь, постоянно приводило к конфликтам на расовой и национальной почве. Все это приводило к росту аполитичности внутри рабочего класса и в корне подрывало классовую солидарность рабочих. Крупнейшее профобъединение страны – Американская федерация труда, в которую в начале века входило около 28 тысяч (!) профсоюзов, своей реакционной соглашательской политикой, постоянным предательством по отношению к бастующим, отталкивала от себя прогрессивных рабочих.

Синдикалисты видели перед собой своих прямых врагов – хозяев и их приказчиков на отдельных заводах, тресты, концерны и монополии, объединяющие капиталистов, подконтрольные им суды и полицию, но плохо понимали и недооценивали роль машины буржуазного государства, практически полностью отказавшись от борьбы за захват государственной власти, подменив ее конкретными требованиями чисто экономического характера. Кроме того, даже наиболее революционно настроенные уоббли, такие, как Фостер, считали, что добиться поражения капитализма в стране можно только путем единой всеобщей забастовки. О необходимости вооруженного восстания в Америке того времени никто всерьез не говорил.

В начале 1910 года Уильям Фостер приезжает в Париж, где участвует в заседании основанной в 1895 г. Всеобщей конфедерации труда – самого массового профобъединения Европы, в руководстве которого тогда преобладали синдикалисты. ВКТ сумела объединить в своем составе большинство французских профсоюзов; даже в наиболее реакционных организациях они образовывали боевое ядро синдикалистски настроенных рабочих. Это привлекло особое внимание Фостера, заставив его по-новому, теперь уже критически, взглянуть на профсоюзный дуализм, выраженный в поляризации американских профсоюзов на АФТ и ИРМ. Теоретики ВКТ во главе с ее лидером Жоржем Сорелем также выступали с анархистских позиций, последовательно развивая теорию всеобщей забастовки до ее логического завершения: “полное прекращение работы и есть революция”. Они справедливо критиковали сползающую к социал-шовинизму Социалистическую партию Франции, партию Лафарга, Геда и Жореса, но критиковали ее не за оппортунизм в политической деятельности, а за политическую деятельность вообще. Приняв участие в работе ВКТ, Фостер учит немецкий язык и в 1911 году по приглашению Германского синдикалистского союза приезжает в Германию. Буквально с первых же дней его поражают социал-шовинистические настроения среди социал-демократов, явный легализм и

открытое сотрудничество с государственной властью, аналогичные тем, что он видел во Франции, но еще более явные. Под этим впечатлением он пишет в журнал "Ви Увриер" резкую статью против политического соглашения, на которую руководство Германской социал-демократической партии немедленно реагирует официальным опровержением, а крупнейший теоретик социал-демократического движения, 57-летний Карл Каутский приглашает американского рабочего к себе домой. Этот разговор с маститым метром произвел на Фостера тяжелое впечатление: "Я отметил, что, хотя он постоянно подчеркивает в своих работах силу и влияние германской социал-демократии, я так и не смог понять, каким образом ее сила и влияние будут использованы для свержения капиталистического строя". Тогда он так и не получил ответа на свой вопрос, но классовое чутье рабочего активиста помогло ему обнаружить скользкие места в теоретизированиях главного идеолога II Интернационала. "Ответом" Каутского, по словам Фостера, стала его социал-шовинистическая позиция в канун Первой мировой войны.

После этой встречи Фостер пишет множество статей для газет и журналов, критикуя социал-демократов за оппортунизм и соглашательство. Впрочем, при этом он выступает и против позиции Розы Люксембург и Карла Либкнехта, упрекая их в нежелании присоединиться к синдикалистской линии в профсоюзном движении. "Индустриальные рабочие мира" назначили Фостера своим делегатом на конференции Международного секретариата профсоюзных организаций, которая проходила 10-12 августа 1911 года в Будапеште. Из-за отсутствия средств ему с товарищами пришлось пешком пройти 350 километров от Нюрнберга до главного города Венгрии, чтобы добиться аннулирования мандата представителя АФТ и потребовать признания ИРМ единственным представителем рабочих профсоюзов Америки. Это требование, конечно же, не прошло, но Фостер затеял горячую дискуссию о рабочем движении с председательствующим на конференции немецким реформистом Карлом Легиним, яростно защищавшим АФТ. (Здесь уместно вспомнить написанные позже и по другому поводу слова Ленина: "...таких людей, как г. Легин в Германии и г. Гомперс в США мы считаем буржуями, и их политику – не социалистической политикой, а националистической буржуазной политикой" (Ленин В.И., Полн. собр. соч., т.27, с.73).

Вернувшись в США, Фостер сразу же предложил своим товарищам отказаться от бойкота АФТ и создания параллельных классовых профсоюзов и перенести основную часть работы внутри огромной реформистской организации, чтобы захватить над ней контроль по образцу ВКТ. К этому времени в состав ИРМ входило около 100 тыс. человек, но ее влияние явно шло на спад, в то время как АФТ насчитывала свыше 2 млн. членов, и ее численность продолжала увеличиваться. Руководство ИРМ не поддержало предложения Фостера, после чего он развернул дискуссию по этому вопросу на страницах редактируемой им газеты "Промышленный рабочий" и нашел немало сторонников среди рабочих активистов. В 1912 году часть уоббли во главе с Фостером, Томом Муни и Люси Парсонс выходят из ИРМ. Сам он вступает в профсоюз железнодорожников АФТ и одновременно основывает Синдикалистскую лигу Северной Америки, которая быстро завоевала популярность на Западном побережье. Однако в это же время Фостер, которому ранее обошлось дело взрывом котла на паровозе, практически полностью лишился зрения. Он теряет место в железнодорожной компании и оказывается безработным. Денег на лечение не хватало. Фостеру приходится перенести че-

тыре болезненных операции, 6 недель он безвыходно находился в темной комнате, но зрение возвращалось очень медленно. В это же время он женится на Эстер Абрамович, бывшей анархистке из Литвы, и усыновляет трех ее маленьких детей.

Поправившись, Фостер вновь начинает разъезжать по США и Канаде, где организывает ряд стачек. Путешествует по стране с бродячим театром, играя в нем, и в это же время вместе с уоббли Ирлом Фордом пишет нашумевшую брошюру "Синдикализм", в которой призывает рабочих к захвату своих предприятий, созданию рабочих дружин и "агрессивному экономическому саботажу".

К этому времени в США нарастает волна классового террора, связанная с началом мировой войны. Начинается жестокая травля рабочих активистов, завязанная на "патриотических" лозунгах. В 1915 году по сфабрикованному делу осужден Том Муни, которому смертная казнь была заменена на пожизненное заключение, казнен замечательный рабочий поэт – Джо Хилл, автор "Кейси Джонса, скэба", "Мятежной девушки", гимна уоббли "Рабочие всего мира, объединитесь" и других песен рабочего класса США. За антивоенную пропаганду были осуждены Чарльз Рутенберг, Кэйт О'Хейр, Роза Стокс, братья Макнамара и многие другие видные деятели Индустриальных рабочих. В руководстве Социалистической партии США окончательно утвердилось правое крыло: в 1914 году из нее было исключено большинство членов ИРМ во главе с Хейвудом. Из всех рабочих организаций только ИРМ и Синдикалистская лига последовательно выступали против империалистической войны, но только Фостер одновременно выступает и против пацифизма, призывая к классовой войне против буржуазии. Вместе с левым крылом социалистов Дебса он поддержал решения Циммервальдской конференции, с которыми американцев ознакомила А.М. Коллонтай, посланная в США с поручением Ленина. К этому времени Фостер постепенно начинает отходить от синдикалистских позиций (этому способствовало тщательное изучение работ немецких и русских марксистов) и в 1914 году распускает Синдикалистскую лигу – первую в истории США организацию, поставившую своей целью вырвать руководство массовыми профсоюзами из рук реакционных боссов. Взамен ее организовывается Интернациональная лига профсоюзной пропаганды, просуществовавшая около двух лет. Теперь Фостер сосредоточивается на работе в профсоюзах АФТ и антиимпериалистической пропаганде. АФТ в 1914 году полностью поддержала милитаристский курс профсоюзов в обмен на поощрение в виде закона Клейтона, легализовавшего большинство независимых профсоюзов и дававшего право на забастовку. (Надо ли говорить, что соблюдать этот закон никто и не собирался?) В 1916 году, перед вступлением США в войну, президент Вильсон в качестве поддачи швырнул рабочим такой же мертворожденный закон о 8-часовом рабочем дне. Эти действия президента существенно повысили популярность "идеи войны" среди рабочих, и такой пример показал Фостеру, что, даже идя на уступки и вынужденно предпринимая прогрессивные действия, буржуазные власти страны извлекают из них максимальную выгоду, используя их с реакционными целями.

В конце 1915 года группа рабочих активистов Интернациональной лиги во главе с Фостером взяла под свой контроль Чикагскую федерацию труда, которая быстро стала самым боевым и прогрессивным отделением АФТ в стране. Теперь они направляли действия профсоюзов гигантского города, самого большого индустриального центра США, с каждым годом наращивая масштабы ста-

чек. Им удалось организовать мощную забастовку работников чикагских мясобоен – бесправных неквалифицированных эмигрантов, – закончившуюся полным удовлетворением требований бастующих. Фостер и его товарищи приветствовали Февральскую революцию в России, и с особым восторгом – октябрьскую победу российских рабочих.

После окончания войны в США прошли массовые увольнения рабочих в связи с конверсией предприятий, работавших на военные заказы. Уильям Фостер вместе с видным чикагским профсоюзным лидером Джоном Фитцпатриком начинает масштабную организацию всеамериканской забастовки сталелитейщиков. Попытки руководства АФТ и президента Вильсона купить “брата” Фостера высокой должностью и окладом провалились, Фостер и Фитцпатрик обратились к низовым профсоюзным организациям и получили там полную поддержку. Государственные власти готовились к забастовке, как к войне: была объявлена мобилизация, в рабочие кварталы вводились войска и полиция. Однако все это только подстегивало рабочих, среди которых активистами революционных профсоюзов была проведена огромная пропагандистская работа. Великая стачка сталелитейщиков началась 22 сентября 1919 года. Требования рабочих составили 12 пунктов, наиболее важными из которых были: право на заключение коллективного договора, восстановление на работе всех уволенных за профсоюзную деятельность рабочих с выплатой им содержания за вынужденный прогул, 8-часовой рабочий день, один день отдыха в неделю, отмена 24-х часовой смены, установление твердой шкалы заработной платы для рабочих всех специальностей и квалификаций, двойная оплата за всякую сверхурочную работу и за работу в праздничные и воскресные дни, полное упразднение “желтых” хозяйских профсоюзов. Стачное движение охватило 50 крупных городов в 10 штатах, в забастовке приняло участие 365 тысяч рабочих, а с семьями – свыше полутора миллиона человек. Жизнь крупнейших индустриальных регионов США оказалась парализованной. Власти бросили на бастующих полицию, национальную гвардию, банды уголовников, расистов-куклуклановцев, несколько десятков тысяч штрейкбрехеров. По всей стране происходили вооруженные столкновения, в результате которых погибло 22 рабочих и десяток полицейских агентов, десятки тысяч людей были брошены за решетку, их избивали, пытали т.н. “третьей степенью допроса” – голодом и жаждой. Правительство приказало арестовать Фостера, но его защищали чикагские рабочие. Сенатор Майерс назвал рабочего лидера “известным революционером, врагом правительства и всего существующего строя”. Альберт Гэри, глава “Юнайтед Стейс Стил корпорейшн”, крупнейшего металлургического треста США, заявил, что забастовка может “советизировать сталелитейную промышленность”. В Джонстауне, штат Пенсильвания, Фостер был схвачен заводскими охранниками, которые, приставив к его голове пистолеты и ружья, потребовали подписать воззвание о возобновлении работы. “Вы можете убить меня или сделать со мной все, что угодно, но я никогда не подпишу этот приказ”, – ответил им Фостер. Рабочим удалось чудом вырвать своего избитого вожака. Сила забастовки, ее популярность была огромной: в профсоюзы вступило свыше 50 тысяч металлургов, почувствовавших силу и возможности организованных действий. И все-таки бастующие потерпели поражение: через три с половиной месяца самое большое выступление трудящихся за всю историю США стало постепенно затухать. Реакционное руководство АФТ лишило Фостера

всяческой поддержки, правительство наращивало кампанию репрессий против рабочих. Но главные выводы Фостер сделает сам: “Сказалось пренебрежение политическими требованиями и целями в борьбе, а главное – отсутствие политического авангарда пролетариата, – марксистской, революционной рабочей партии”. Забастовочное движение не прекращалось, всего в 1919 году в США бастовало свыше 4 миллионов человек, однако результаты акций явно не соответствовали их масштабам. Впоследствии глава АФТ Сэм Гомперс признался, что видел в Великой стачке начало американской революции. Но для Фостера поражение детища его многолетней организационной работы означало полный крах синдикалистских иллюзий.

Победа Великой Октябрьской революции и волна рабочих выступлений вызвала подъем в американском социалистическом движении. Большая часть членов Социалистической партии поддерживала Коммунистический Интернационал, однако правое руководство СП исключило из ее состава сразу 55 тысяч членов, половину всей организации – во избежание “большевизации” партии. Часть исключенных во главе с Чарльзом Рутенбергом сразу же, весной 1919 года основала Коммунистическую партию Америки. Другая, во главе с Джоном Ридом, надеялась победить на чрезвычайном съезде Соцпартии в августе. После провала этой попытки Рид и его товарищи основали Коммунистическую рабочую партию Америки. Обе партии объединились в 1921 году.

Первое время Фостер относился к обеим компартиям достаточно осторожно: они поддерживали ИРМ и политику дуализма в профсоюзах. Перелом наступил после выхода работы Ленина “Детская болезнь “левизны” в коммунизме”. “В этой книге, – писал Фостер, – я обнаружил, что революционный профсоюзный дуализм осуждался, а политика “завоевания изнутри” профсоюзов поддерживалась более ясно и решительно, чем мы когда-либо это делали в прошлом. Действительно, Ленин обвинял “левых” немецких коммунистов в “глупости” за отказ от работы в профсоюзах, возглавляемых реакционными и контрреволюционными лидерами. Такая политика, писал Ленин, непростительная ошибка и самая большая помощь, которую могут оказать коммунисты буржуазии... “Нет сомнения, господ Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким “левым” революционерам, которые подобно немецкой “принципиальной” оппозиции (упаси нас боже от этакой “принципиальности!”) или некоторым революционерам из числа американских “Промышленных рабочих мира”, проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них”. (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, стр 38). Для Фостера эти ленинские слова имели огромное значение, ведь они теоретически обосновывали и подтверждали верность тех выводов, к которым он сам пришел путем долгой работы в профдвижении и которые доказал на практике рядом крупных успехов в организации стачек. А вскоре стало известно, что II конгресс Коммунистического Интернационала принял тезисы Ленина, и обе коммунистические партии США отказались от сектантской тактики параллельных профсоюзов и начали работу с АФТ.

Весной 1921 года Фостера вместе с возглавляемой Биллом Хейвудом делегацией ИРМ приглашают в Москву на первый учредительный съезд Красного Интернационала профессиональных союзов – Профинтерна. В Москве они посещают и IV Всероссийский съезд профсоюзов. Непосредственное знакомство с жизнью Советской России произвело на американского рабочего лидера глубокое впечатление, о котором он рассказывает во множе-

стве статей и корреспонденций, посылаемых для публикации на родину. 26 августа 1921 года в профсоюзной газете АФТ “Голос Труда” выходит репортаж под красноречивым названием: “Красная демонстрация глубоко взволновала Фостера”. “Иногда доведется пережить такое, чего не забудешь никогда в жизни. Сегодня (17 июня 1921 г.) это выпало на мою долю. Я был свидетелем в Москве грандиозной массовой демонстрации. Мне казалось, что передо мной раскрылась душа революции”. Эти высказывания немало повидавшего в жизни и обычно скупого на эмоции рабочего привели к бешеной его травле в реакционной прессе. Но с этих пор он навсегда остается другом Советской России и ее народа. “Брат” (типичное обращение в американских профсоюзах) Фостер становится товарищем Фостером.

Он принимает участие в III конгрессе Коминтерна, слушает выступления Ленина, поддерживает ленинские предложения о тактике единого фронта с различными рабочими организациями. “Мне было легко согласиться с его сокрушающей критикой ревизионизма, синдикализма и анархизма и принять общую программу коммунизма – все это подтверждалось живой действительностью русской революции и тогдашней обстановкой в мире”, – писал позднее Фостер в “Страницах из жизни рабочего”. На конгрессе он знакомится с Тельманом, Димитровым, Поллитом и другими лидерами мирового коммунистического движения. В “Правде” выходит статья Фостера “Рабочее движение в Америке”, где он, уже с ленинских позиций, критикует профсоюзный дуализм.

Об этом же говорится и в его выступлении на I конгрессе Профинтерна, собравшем 880 делегатов из 41 страны мира, где вопрос о работе с реакционными профсоюзами сразу же стал основным. Подавляющее большинство одобрило ленинскую платформу и основанные на ней тезисы Артема (Сергеева), однако синдикалистски настроенная делегация ИРМ, за исключением группы Хейвуда, вскоре вступившего в объединившуюся компартию США, в категорической форме отвергла рекомендации Профинтерна. (В дальнейшем ИРМ выступает с антисоветских позиций, причем особо критикуя теорию диктатуры пролетариата). Конгресс принял основанную Фостером Лигу профсоюзной пропаганды в качестве американской секции Профинтерна, а после его закрытия американцы в течение трех месяцев знакомились с жизнью заводов и фабрик РСФСР. Это позволило Фостеру собрать материалы для шумевшей книги “Русская революция”, которая была издана в том же году в Чикаго и по популярности среди рабочих США превзошла даже “Десять дней, которые потрясли мир” Джона Рида.

Сразу же по возвращении на родину в 1922 году Фостер принял участие в организации крупной стачки в Денвере, во время которой был жестоко избит полицией и арестован. Компанию по его защите возглавил Юджин Дебс, он писал Фостеру: “В конце концов, Вас можно только поздравить с тем, что Вы еще раз испытали на себе ту злобу, которая присуща капиталистическим законам и капиталистической “справедливости”, так как в этих злобных выпадах проявляется страх их вороватых и жестоких блюстителей. То, что они сделали, можно расценивать как самую высокую оценку, данную Вам”. Выпущенный на свободу, он почти сразу же “возвращается” в тюрьму и в числе других коммунистических деятелей выступает обвиняемым на первом в истории США “показательном” антикоммунистическом процессе. Суд над Фостером проходил отдельно. Присяжные совещались 31 час без перерыва, голосовали 36 раз с одним результатом: 6 против 6, и в итоге вынуждены были признать аре-

стованного невиновным. В это же время профсоюзные боссы исключают его из АФТ – под предлогом неуплаты взносов за время тюремного заключения.

В 1924 году Уильям Зебулон Фостер становится членом ЦК и политбюро Компартии США, действующей в подполье, а также членом Исполкома Коминтерна. С 1928 года и до конца своей жизни Фостер исполняет обязанности председателя Коммунистической партии; с 1928 года он кандидат, а с 1935 года – член президиума ИККИ до его роспуска в 1943 году. С помощью Лиги профсоюзной пропаганды он организует большинство крупнейших стачечных кампаний, таких, как забастовки текстильщиков в Пассейке, штат Нью-Джерси, и швейников в Нью-Йорке в 1926 году – обе они закончились полной победой рабочих.

Однако положение коммунистов было очень сложным. В борьбе против Компартии США объединились все реакционные силы страны: проводились массовые аресты, на корню давились все общественные движения, связанные с “комми”. С 1927 года после смерти Ч.Рутенберга Уильям Фостер руководит работой по фактическому созданию партии. Это была нелегкая задача, так как в первые годы своего существования действующая нелегально Коммунистическая партия США в основном состояла из разрозненных групп энтузиастов. Под руководством Фостера происходит организация партийных структур во всех штатах, причем основой партийных ячеек, как правило, становились старые активисты профсоюзного движения, например, уоббли, вышедшие из утратившей свое влияние ИРМ. Это привело к тому, что КП США во многом все-таки сохранила специфику американского развития рабочего движения: коммунисты активно работали с профсоюзами, организовывая крупные стачки и акции протеста – такие, как марши на Вашингтон, блокирование железных дорог, и т. п., однако некоторое “пренебрежение” политической борьбой продолжало иметь место еще довольно долго. Этому способствовала острая внутрипартийная борьба против правого руководства Ловстона и влиятельной троцкистской фракции, которая завершилась только в 30-х годах.

В своих статьях и работах Фостер призывал к вооруженному восстанию против капиталистов, говорил о необходимости захвата власти и уничтожении буржуазного государства. Однако в эпоху процветания – “просперити” двадцатых годов – к его заявлениям практически не прислушивались. Лишь после экономической катастрофы 24 октября 1929 года начинается новый подъем рабочего движения, а точнее, движения безработных (Америка еще не знала такой волны массовых увольнений). КП США сразу же организует Лигу профсоюзного единства, в которую уже через несколько дней вступает около ста тысяч выброшенных на улицу рабочих. Во главе Лиги встает Фостер, который одновременно организует и возглавляет Национальный совет безработных. В стране начинается кампания массовых забастовок. 6 марта 1930 года, в День борьбы против безработицы, организованный Компартией и Лигой, по улицам Лос-Анджелеса, Детройта, Нью-Йорка, Чикаго и других крупнейших городов США прошли массовые марши протеста, в которых приняло участие более миллиона американских граждан. Крупнейшая стотысячная демонстрация в Нью-Йорке закончилась кровавыми столкновениями с полицией, после которых Фостер был вновь арестован, как и другие руководители Лиги и НСБ. Выйдя на свободу через шесть месяцев, он становится во главе ослабленной репрессиями партии, но его здоровье оказывается окончательно подорванным, и в 1932 году, после инфаркта, Уильям

Фостер на несколько лет выбывает из организационной работы, используя эту вынужденную “передышку” для того, чтобы написать целый ряд книг.

И впоследствии Фостер был одним из руководителей КП США, работая вместе с новым поколением американских коммунистов: Юджином Деннисом, Гэсом Холлом, Виктором Перло. В сороковые годы он оказывал активную поддержку сражающемуся советскому народу, боролся против ликвидаторской политики правого крыла партии. Уже в 1948 году, во время разгула маккартизма, тяжело больной ветеран рабочего движения в числе других коммунистов подвергался травле и преследованиям, был вновь арестован и судим. Преследования Компартии продолжались и в пятидесятые годы, – и коммунист Фостер неизменно становился одной из главных мишеней реакционеров, по словам В. Перло, “обвинявших его даже в том, что он умер в Москве”, где смертельно больной Фостер находился на лечении. Это произошло 1 сентября 1961 года, но до последних дней Уильям Зюбюлон Фостер продолжал свою работу, о характере и идее которой красноречиво говорит название его последней недописанной статьи: “Борьба против капитализма в Америке будет неизбежно продолжаться в будущем”.

Его насыщенная событиями жизнь – жизнь американского рабочего-коммуниста, его постоянная борьба за права и интересы трудящихся в течение десятилетий была теснейшим образом переплетена с рабочим, коммунистическим, профсоюзным движением США и прекрасно передает моменты сложного процесса его развития. Она раскрывает перед нами историю, которую нужно знать, о которой необходимо помнить, и особенно сегодня, когда “социал-государственники”, популяризаторы “славянского патриотизма” в России и на Украине сплошь и рядом подменяют классовую борьбу воинствующей американофобией, автоматически зачисляя в число “врагов человечества” чуть ли не поголовно всех граждан “Империи Зла”. Между тем сейчас есть все основания говорить о том, что американское рабочее движение со всем своим потенциалом и возможностями, богатыми историческими традициями, находится в состоянии подъема. А ведь в известном смысле, роль рабочего класса США – крупнейшего империалистического государства нашего времени, “хозяйина планеты” – можно сравнить с исторической ролью пролетариата другого “мирового жандарма” – царской России. И, таким образом, борьба рабочих Америки в условиях предельного обострения классовых противоречий в “планетарном”

масштабе получает действительно всемирное значение.

В то же время до сих пор живут и здравствуют старые грехи американского комдвижения – различные формы синдикализма и экономизма, широко распространенные среди большинства рабочих организаций, причем, далеко не в одних только США. Однако такие масштабные события, как восстание в гетто Лос-Анджелеса в 1992 году или массовые акции протеста, прошедшие в декабре 1999 года в Сиэтле, в которых основную роль, кстати, сыграли рабочие из профсоюзов АФТ-КПП, при всей противоречивости своих предпосылок и целей говорят о том, что последнее слово в классовой борьбе в США еще не сказано.

Некоторые из работ Уильяма Фостера, опубликованных на русском языке

Фостер Вильям. Волны рабочей революции в Германии, Англии, Италии и Франции в 1918–1921 гг. Пер. с англ. М., “Красная новь”, 1922.

Фостер Вильям. Банкротство классового сотрудничества в Америке. Пер. с англ. Ростов н/Д. – М., “Прибой”, 1923.

Фостер Вильям. Лига профсоюзной пропаганды в Америке. Пер. с англ. М., Профинтерн, 1924.

Фостер Вильям З. Профжулики в С. А. С. Ш. (Американская профбюрократия за работой). Пер. с англ. М., Изд-во Профинтерна, 1928.

Фостер Вильям З. Революционное профдвижение в С.А.С.Ш. М., Изд-во ВЦСПС, 1930.

Фостер Вильям. Закат мирового капитализма. Пер. с англ. М., “Иностранная литература”, 1951.

Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., “Иностранная литература”, 1953.

Фостер Уильям З. Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М., “Иностранная литература”, 1955.

Фостер Уильям З. Очерки мирового профсоюзного движения. Пер. с англ. М., Профиздат, 1966.

Фостер Уильям З. Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. Пер. с англ. М., Госполитиздат, 1958.

Фостер Уильям З. История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 г. по настоящее время. Пер. с англ. М., Госполитиздат, 1959.

Фостер Уильям З. Исторический прогресс мирового социализма. М., Госполитиздат, 1961.

Народ Конго во главе с Л.-Д. Кабиллой в борьбе за независимость и социальные преобразования

Людо Мартенс *

Со 2-го августа 1998 года против Демократической Республики Конго ведется захватническая война, вдохновленная американским империализмом. Эта война разрушает страну во второй раз – после эпохи Мобуту. Война уносит десятки тысяч жизней. Мужчины, женщины, дети умирают от насилия, террора оккупационных войск, дефицита питания, отсутствия медицинского обслуживания и лекарств.

Смысл этой войны можно понять, только хорошо зная колониальную и неоколониальную историю Конго. В 1885 г. Леопольд II, король Бельгии, ловко используя противоречия основных империалистических держав – Англии, Франции, Португалии, под видом организации научной экспедиции осуществил военный захват и сделал Конго своим личным владением. Проникновение европейцев встречало отчаянное сопротивление народов бассейна реки Конго. Но борьба была неравной. Хорошо обученным и оснащенным первоклассным оружием и техникой европейским войскам противостояли африканцы, вооруженные копьями и луками. Несмотря на это, сопротивление длилось десятилетия. Для облегчения захвата земель бельгийцы в 1888 году начали создавать из местных жителей колониальную армию, которой командовали бельгийские офицеры. С помощью этих подразделений впоследствии подавлялись выступления против колонизаторов.

Короля Бельгии в Конго интересовали в первую очередь каучук и слоновая кость. Для их добычи использовался принудительный труд местного населения, которое подвергалось жесточайшей эксплуатации и зверскому насилию. Цифры о числе погибших от пыток, болезней, непосильного труда колеблются от 5 до 10 миллионов человек. Колониальный режим основывался на трех китах, “колониальной троице”, которую представляли собой администрация и армия, церковь и капитал. Офицеры армии стали администраторами и председателями крупнейших капиталистических компаний (Union Miniere, Горнопромышленный Союз и Сосьете Женераль, Генеральная Банковская Компания). Католическая церковь также играла важную роль в политике колониализма. Министр колоний заявил, что миссионеры – “естественные воспитатели дикарей” и что благодаря их труду “Конго станет продолжением Бельгии”.

Слияние государственного аппарата, крупнейшего капитала и церкви дает о себе знать до сих пор. Действует католическая церковь, которая теперь конкурирует с сотней американских сект. Они препятствуют тому, чтобы люди задумались об экономических и политических основах системы, которая их держит в нищете и неграмотности.

Конголезский колониальный режим, возможно, был самой жестокой репрессивной машиной в Африке. Под давлением военных конголезское население подвергалось всеобщему контролю со стороны белого колониаль-

ного персонала. Любое восстание беспощадно подавлялось. В 1931 году, в условиях жестокого кризиса, силой оружия принуждали людей к труду. В селе Кабимба, в регионе Куилу, жители убили администратора, который приехал требовать рабочих. В отместку армия зверски уничтожила 4000 человек.

Конго стало одной из немногих колоний, куда никакая марксистская публикация до 1957 года не могла проникнуть. В Сенегале, например, еще в 1921 г. крупный коммунистический мыслитель Ламин Сенгор создал международную Антиимпериалистическую Лигу. В Конго же только в октябре 1958 года была разрешена первая политическая партия. 4 января 1959 разразились мощные антиколониальные выступления в Киншасе. Юноши, жившие в столице без прописки, безработные и рабочие вышли на демонстрацию с требованием независимости, несмотря на запрет властей и на то, что местные партии, руководимые, как правило, “эволюэ” (развитыми – так называли получивших образование конголезцев – ред.), призывали воздержаться от решительных действий. Полиция открыла огонь. Только по официальным данным, было убито 49 человек и сотни ранено. Власти выслали из столицы 50 тыс. чел. Но репрессии не дали желаемого результата, и бельгийское правительство вынуждено было пообещать дать независимость Конго в 1960 году.

Это невероятно стремительное развитие в бельгийской колонии определилось соотношением сил на мировой арене после 1945 года. В результате войны самая мощная европейская империалистическая держава, нацистская Германия, была побеждена социалистическим Советским Союзом. Такие колониальные державы, как Бельгия, Франция и Великобритания сильно пострадали от войны. Только США и СССР вышли из нее крепче, чем были. Хартия ООН определяет принципы уважения независимости, суверенитета и территориальной неприкосновенности стран. Все страны взяли на себя обязательство не вмешиваться и не нападать на другие страны. Хартия облегчала создание международного фронта против империализма, который (империализм) по своей природе никогда не может уважать эти принципы.

После победы над фашистской Германией Красная Армия вошла в Китай, нанеся смертельный удар по японской оккупационной власти. Это стимулировало революционное движение под руководством Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая. Победа Китайской революции 1 октября 1949 представляет собой поворотный пункт в истории двадцатого века: антиимпериалистическая, демократическая революция в третьем мире связывается с социалистической революцией. Северная Корея и Вьетнам шли тем же путем. Революция бурно развивалась в Индии, британские колонизаторы боялись сильного коммунистического движения и передали власть про-британской партии Ганди. С началом алжирской освободительной войны в 1952 г. Революция вошла в арабский мир. В Черной Африке движение Мау-Мау под руководством Дедана Хематы в Кении в 1953 г. организует первое

---

* Председатель Центрального Комитета Партии Труда Бельгии

национальное вооруженное восстание. Эта международная волна поддерживает и конголезское движение за независимость. Бельгийская колониальная власть быстро организует выборы, будучи уверена, что партии, верные Бельгии, выиграют.

Но колонизаторы недооценивали скрытую ненависть народных масс, которые десятки лет подвергались репрессиям, эксплуатации, дискриминации и унижениям. Эти народные массы обеспечили победу на выборах националистическим партиям, особенно Национальному Конголезскому Движению Патриса Лумумбы и Солидарной Африканской Партии.

Бельгия позволила Лумумбе создать первое правительство независимого Конго 30 июня 1960. Но одновременно она подготовила провокации в колониальной армии. Уже 5 июля 1960 года начался военный мятеж. Бельгия послала в Конго 10.000 военных и... декларировала "независимость" двух самых богатых провинций: Катанги и Южной Касаи. Лумумба обратился за помощью в ООН, которая послала войска. Но силы ООН под руководством проамерикански настроенного генерала шведа Карла Хорна при преступном попустительстве тогдашнего генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда фактически выступили на стороне сепаратистов в Катанге и Южной Касаи, боролись против Лумумбы и поддержали группу заговорщиков во главе с Мобуту. В таком положении Лумумба был вынужден организовывать отпор агрессии против Конго. До независимости у Лумумбы не было целостной революционной идеологии. Ему пришлось в ходе ежедневной борьбы формулировать основы революционной антиимпериалистической политики. Патрис Лумумба утверждал, что политическая независимость должна сопровождаться экономической. Подземные богатства Конго принадлежат конголезскому народу, и бельгийское имущество будет конфисковано, если Бельгия не отведет свои войска. Лумумба говорил, что министры должны жить одной жизнью с крестьянами и помогать им в создании кооперативов. Бывший пацифист руководил теперь патриотическими силами Конголезской Национальной Армии в освобождении двух оккупированных провинций. Он призвал все население поддержать патриотическую войну.

Лумумба, который еще недавно верил в то, что "все черные – братья", теперь констатировал, что Чомбе, Касавубу, Мобуту и некоторые группы "развитых" стали агентами империализма и что они сотрудничали с Бельгией, чтобы сохранить колониализм в другой форме.

17 января 1961 Лумумба был убит. Об этом объявили только 13 февраля. Это активизировало вооруженную освободительную войну, которая в конце февраля уже охватывала половину национальной территории. Однако реформизм последователей Лумумбы привел их к капитуляции.

Так 10 июля 1960 началась первая большая африканская война. На конголезской территории агрессорами выступили бельгийская армия, военные ООН, в большинстве из Марокко и Туниса, и европейские наемники.

Эта война нанесла сильный удар по надеждам конголезского народа. Новый неоколониальный режим оказался еще хуже старого. Новые тираны: Мобуту, Бомбоко, Нендака и Адула – использовали опыт и организаторские способности бельгийских колонизаторов.

Большинство националистических депутатов стали сотрудниками нового режима или ограничивались реформистской оппозицией. Революционные лумумбисты искали выход из тупика, они, чтобы усвоить революционные принципы и революционный опыт посещали радикальные африканские и социалистические страны, особенно Китай и Кубу.

Один из ближайших соратников Лумумбы Пьер Мулеле и его друг Теодор Бенгила шесть месяцев изучали политику и военное искусство в академии Нанкинга в Китае. Другие великие конголезские революционные деятели, такие как Лоран Кабила, Леонар Митудиди и Томас Мукуиди следовали по этому же пути.

Мулеле и Бенгила организовали в августе 1963 г. первые партизанские отряды в регионе Куилу. С февраля 1964 г. Кабила и Сумиало начали вооруженную борьбу на востоке, в регионе Увиры. Революция с быстротой молнии охватила две трети конголезской территории. В большом народном мулелистском восстании 1963-1968 гг. проявилась ненависть подавляющего большинства населения к неоколониализму, к убийцам Лумумбы. Если Патрис Лумумба выражал пробуждение конголезского национального и революционного сознания, то Пьер Мулеле уже создал ясную стратегию национальной и демократической революции, которая связана со всеми революционными движениями в мире и в перспективе имеет построение социалистического общества.

Мулеле и все революционное крыло Национального Совета Революции (Бенгила, Кабила, Митудиди, Мукуиди, Кибуге Ча Маленга, Юмбу и другие) руководствуются марксистско-ленинской идеологией и отмежевываются от ревизионизма хрущевского типа, который поддерживает реформистское крыло НСР.

Мулеле и его соратники впервые организовали народные массы как независимую и сознательную силу в революции. На освобожденных Мулеле территориях, где жили 500.000 человек, 100.000 юношей были организованы в партизанские отряды своих сел.

Революционное крыло НСР утверждало, что только народная война может покончить с неоколониальной диктатурой, с господством империализма над Конго через крупнейшую конголезскую буржуазию, которая тесно связана с империалистическими державами.

Против этого народного восстания Запад развязал на территории Конго вторую большую африканскую войну. Бельгийская армия опять вмешалась. Американцы предоставили ей свой транспорт. Великобритания предоставила военную базу. Бельгия и США решили воспользоваться южно-африканскими, родезийскими (Зимбабве) и европейскими наемниками, чтобы сломать наступление мулелистов.

Бельгийские войска, и особенно наемники и войска Мобуту, без разбора убивали всех юношей, которых подозревали в связях с партизанами. Считают, что контрреволюционная война унесла жизни от 300000 до 400000 конголезцев.

Революция 1964-1968 была первой попыткой народных масс Конго организовать и освободиться посредством народной войны от неоколониального режима. Идеалы и опыт этой революции, которая, в свою очередь, основывалась на первом революционном опыте при Лумумбе, продолжали жить в народе даже в самые мрачные дни мобутизма.

В течение этой второй великой африканской войны все антиимпериалистические силы мира стали на сторону Национального Совета Революции. Например, Че Гевара боролся с апреля до ноября 1965 г. вместе с Лораном Кабиллой в джунглях региона Физи-Барака.

Революция, которую Кабила начал в 1996, была бы невозможной без этого опыта.

С конца ноября 1965 года до 24 апреля 1990 Мобуту без ограничений властвовал над Заиром. Террором, репрессиями, всеобщим политическим контролем, шпионажем и демагогией были подавлены все попытки противо-

стояния. В семидесятые годы экономика росла, и Запад беспредельно обогащался за счет конголезских природных богатств и гигантских капиталовложений, которые засыпали страну огромными долгами. Крупнейшая заирская буржуазия всеми средствами накапливала богатства в стране, где большинство населения испытывало страшную нужду. Империалистические державы были хорошо осведомлены о коррупции, воровстве, обмане и других формах вымогательства, они знали об убийствах и терроре, бойнях, устраиваемых войсками Мобуту. Однако они настойчиво поддерживали Мобуту столько, сколько он им был нужен, чтобы создать в Конго плацдарм для войск ангольской УНИТА, которые готовило ЦРУ.

После контрреволюции и реставрации капитализма в Восточной Европе и в СССР, империализм больше не боялся освободительных сил в Африке и в Конго.

США, Франция и Бельгия решили «навести порядок» в Конго и убрать уже ненужного Западу диктатора. Коррупция, произвол и дестабилизация в Конго Мобуту приняли на самом деле такие масштабы, что транснациональные компании больше не могли в этой стране торговать и получать прибыль по определенным правилам. Наступило время спокойно сменить неокOLONиальную диктатуру Мобуту, в свое время использовавшуюся против «социалистической угрозы», на неокOLONиальную демократию. Разным партиям разрешалось бы соревноваться за власть. Речь шла, конечно, о разных проимпериалистических партиях. В «демократических выборах» была бы выражена так называемая воля народа, а на самом деле итоги определили бы деньги, местные властные структуры и зарубежная поддержка разных партий.

Превращение неокOLONиальной диктатуры в неокOLONиальную демократию планировалось в лоне Национальной Суверенной Конференции. НСК и ее преемник, Верховный Совет Республики – Переходный Парламент, действовали с 1991 до 17 мая 1997 года. В течение всего «переходного периода» к «демократии» Мобуту оставался главой государства. «Демократизация» состояла в том, что все главари диктаторского режима, которые раньше собирались в центральном комитете, теперь создали «свою» неокOLONиальную партию. По сути НСК была многопартийной системой... с разными мобутистскими партиями.

НСК задался целью демобилизовать конголезское население и покончить с революционной борьбой против неокOLONиализма. Ключевым словом всего «демократического переходного периода» стало «национальное примирение». Надо было примирить население, которое так пострадало от мобутизма, с политиками крупнейшей конголезской буржуазии, поскольку они теперь сняли ярлык «мобутист» и называли себя демократами.

После шести лет Национальной Конференции и «перехода к демократии» монстр Мобуту снова овладел положением. Самая главная черта «перехода» – не «демократизация», а полное уничтожение конголезского государства и экономики. В конце 1990 года в стране было 1600000 рабочих мест (рабочих, чиновников и т.п.). В конце периода Конференции их число сократилось до 990000, было ликвидировано 600000 рабочих мест. Средние доходы в 1990 году составляли 295 долларов в год, то есть меньше доллара в день. Даже эти мизерные доходы сократились в 1996 году до 133 долларов.

С середины 1996 г. сформировалась коалиция с целью устранить систему Мобуту в Конго. Мобуту защищал лагерь Хуту на востоке Конго, где виновники геноцида в Руанде контролировали территорию с населением в один миллион человек. С этих конголезских баз убийцы действовали в Руанде. Для Руанды было жизненно важно по-

кончить с существованием этих лагерей и режимом Мобуту, который их обеспечивал. Ангола в бесконечной гражданской войне противостояла УНИТА, которая всегда получала стратегическую помощь от Заира Мобуту. Поэтому и Ангола хотела помочь устранению режима Мобуту, чтобы уничтожить базы УНИТА в Конго. Конголезские революционеры вокруг Кабилы и Киссасе Нганду раньше всегда вынуждены были бороться с оружием в руках без поддержки из-за границы. Теперь новая местная перегруппировка сил дала им шанс снова начать вооруженную борьбу.

Американцы поддерживали эту коалицию. Почему? Американский империализм уже в 1990 хотел прекратить существование режима, который ему больше ничего не давал. Национальная Конференция была попыткой отодвинуть в сторону Мобуту и организовать мобутистам новую «демократическую» молодость. Эта конференция показала свое бессилие. Восстание на востоке поддержали, чтобы устранить Мобуту и реформировать неокOLONиальную систему.

Американцы были уверены, что положение в стране находится под их контролем, так как Руанда и Уганда были уже полностью в их руках. О Кабиле американцы знали, что он побывал в Китае и является приверженцем революционных идей. Но уже многих революционеров им удавалось купить: Мусевени, Раулингс, Чиссано... Американский вариант предусматривал использовать Кабилу, включив его в Национальную Конференцию. Во время наступления Африканского Демократического Освободительного Фронта американцы неоднократно предупреждали Кабилу, что он не сможет взять власть только в свои руки. Однако, против всех ожиданий, Кабила ловко маневрировал и ликвидировал неокOLONиальное учреждение под названием «Национальная Конференция». Он реабилитировал националистическое мышление 1960 года и уничтожил старую систему Мобуту.

Удивленные американцы сразу начали политическую войну против человека, освободившего Конго от мобутизма.

В 1997 две темы преобладали в этой политической войне. Первая тема: «Кабила совершил геноцид против населения Хуту на востоке Конго». Но только руандийская армия была заинтересована в том, чтобы уничтожить некоторые группы Хуту. Кабила вынужден был еще только создавать собственные войска в ходе самой войны, когда перед ним была большая армия Мобуту, поддерживаемая наемниками. Столкновения с Хуту ему не были выгодны, и для этого у него не оставалось сил.

Вторая тема: «Кабила – диктатор». Мобуту пришел к власти после самой страшной бойни в истории Конго. Тем не менее Запад его считал уважаемым и дружественным главой государства. Только в конце, когда он больше не устраивал империалистов, они стали его называть диктатором. Интоксикация умов состоит в том, что Кабилу отождествляют с Мобуту и обоих называют диктаторами. Почему? Потому что Кабила ликвидировал «демократическую» Национальную конференцию. Но она была основана с целью легализации мобутизма и спасения политического персонала Мобуту. Разгоняя Конференцию, Кабила уничтожил почву для продолжения мобутизма.

Кабила унаследовал разоренную страну. Все надо восстанавливать. В конце 1997 конголезцы узнали, что западные державы пообещали на конференции в Брюсселе 10 миллионов долларов помощи. Это было воспринято как национальное оскорбление. Говорили: «У каждого важного мобутиста эта сумма здесь в кармане». Стало ясно, что Запад хочет сломать Кабилу экономически.

Однако Кабила в первый же год своего правления со-

вершил то, что никто не считал возможным. Сначала в стране властвовал полный беспорядок. Убегающие мобутисты открыли тюрьмы. Столица Киншаса переполнилась бандитами, и неразоруженные военные Мобуту разбойничали в городе. Каждую ночь в кварталах стреляли. За три месяца Кабила решил эту проблему, и жители Киншасы впервые за двадцать лет почувствовали себя спокойно.

Во-вторых, Кабила восстановил государственные учреждения, здания которых он, въехав в столицу, нашел пустыми и разграбленными.

В-третьих, инфляция тогда колебалась от 100 до 1000 % в год. За год после прихода Кабилы к власти, инфляция сократилась до 10 %, покупательная способность стабилизировалась, и денежная реформа увенчалась успехом.

Кабила отверг ложные нормы жизни мобутизма и восстановил национальное сознание, люди опять гордятся тем, что они конголезцы.

Мобуту отменил национальный праздник 30 июня, день Независимости. Через месяц после вхождения Кабилы в Киншасу впервые этот день опять отмечался. Народа было мало, скептических высказываний много. А спустя год я участвовал в празднике 30 июня, который представлял собой взрыв возрождающегося сознания в массах, молодых и старых.

Из этих четырех достижений конголезцы и американцы сделали вывод, что Кабила имеет успех. Сразу американцы дали сигнал к началу войны своим самым верным союзникам, Руанде и Уганде.

Речь шла, как в 1960, о подземных богатствах Конго. Наряду с Россией, у Конго самые большие неэксплуатируемые минеральные подземные богатства в мире. Редкие металлы, нужные для современной промышленности, медь, уран, алмаз, нефть имеются в Конго. Конго могло бы быть одной из самых богатых стран в мире, а теперь, после эпохи Мобуту и американской войны, это самая бедная страна в мире после Чада.

Участвуя в собраниях в народных кварталах Киншасы, я имел возможность почувствовать политическую зрелость конголезских масс. Почти все конголезцы понимают, что у маленьких соседних стран, таких, как Руанда и Уганда, есть только плантации кофе и чая. Они могут бросаться в большую захватническую войну только потому, что вдохновителем и спонсором этой операции являются США.

Уже 4-5 лет американцы развивают новую стратегию "Африканский Кризис – Ответная Инициатива" (АКОИ). Это – старая система Леопольда II в Африке: черные наемники ведут колониальные войны. Американцы в разных странах, таких, как Уганда, обучают элитные подразделения. Офицеры готовятся в США, подразделения оснащаются современным оружием, а системами разведки руководят американские "техники".

Эти африканские элитные подразделения будут использованы в других африканских странах, как только этого потребуют американские интересы. Захватническая война, которая теперь ведется в Конго, – первый опыт применения американского военного подхода АКОИ.

По сути это война американская. Руанда и Уганда не могут принимать никаких решений без согласия американцев. У Руанды и Уганды есть больше 150 высших офицеров, стажировавшихся в США. Кроме того, США имеют своих офицеров-инструкторов внутри этих армий. У американцев есть спутники, с помощью которых можно зарегистрировать предметы размерами от 50 сантиметров. Когда из Руанды десятки военных грузовиков и тяжелая артиллерия переступили границы, американцы это немедленно обнаружили. Тем не менее они в течение трех

месяцев делали вид, что в Конго произошел «внутренний конфликт». За полтора года войны американцы ни разу не произнесли слово «агрессия». Они говорят только о «конflikте» с «внутренними и внешними аспектами». Надо заметить, что за несколько дней до государственного переворота 2 августа 1998 г. конголезской армией еще руководили руандийские офицеры. Джеймс Кабареге был начальником генерального штаба, и все службы разведки были в руках руандийцев.

Сначала план американцев состоял в том, чтобы руандийские военные в Киншасе физически уничтожили Кабилу в ходе государственного переворота. Этот план провалился в последний момент. Тогда начали реализовывать второй вариант: свергнуть националистический режим Кабилы в результате блицкрига. Американцы поручили своим руандийским союзникам захватить гражданские самолеты (а это международный терроризм), что и было сделано. Из аэропортов Кигали и Гома они вылетели на конголезскую базу Китона, недалеко от столицы Киншасы. Как эти самолеты смогли спокойно пролететь над конголезской территорией? Два американских военных корабля находились около портов Матади и Киншасы! Они обеспечивали связь с захваченными самолетами. В то же время из Испании вышли два других американских корабля, на борту которых были 2000 солдат морской пехоты. А за два дня до их прихода в Киншасу вдруг им приказали вернуться. В этот день американцы бомбардировали Хартум, под предлогом того, что «открыли» в столице Судана завод химического оружия. Весь арабский мир был возмущен, и США не могли себе позволить вывести из терпения еще и всю Черную Африку.

В сентябре 1998 руандийские и угандийские элитные подразделения захватили электростанцию Ингы и отключили электричество для Киншасы, где живут 6 миллионов человек, что стало причиной смерти сотен людей. Взятые в плен солдаты и офицеры элитных подразделений агрессоров обучались американцами. Мадлен Олбрайт, номер 3 в американской политике, лично ходатайствовала перед Мугабе об их освобождении. Тот факт, что американцы используют самых высокопоставленных чиновников для спасения окруженных агрессоров за 2000 км от своей страны, доказывает, что они истинные заказчики агрессии.

В начале агрессии у Кабилы не было армии и союзников. Конголезскими вооруженными силами руководили высшие руандийские офицеры. Большинство армии состояло из бывших военных Мобуту. Стив Метз написал в июне 1996 г. доклад для американской армии, где требовал полностью распустить Заирскую армию, потому что ни с офицерами, ни с солдатами нельзя что-либо предпринимать. Потом у Кабилы было много молодых военных, пришедших при наступлении Союза в 1996-1997 из Гомы, но они никогда не воевали.

Кабила в драматические дни начала агрессии принял три стратегических решения. Во-первых, он сразу выступил по телевидению с сообщением: «будет длительная война, нужна народная война». Особенно патриотически настроенные юноши поняли значение слов «народная война». Когда 26 августа 1998 руандийские и угандийские войска вместе с мятежниками вторглись в народные кварталы вокруг аэропорта, эти юноши там организовали настоящую народную войну. Многих агрессоров линчевали с горячей шиной вокруг шеи. Обугленные черные трупы оставили на улице, чтобы напугать агрессоров. Многие агрессоры сдались. В решающий момент Кабилу спасли обыкновенные люди, а не армия.

Второе. До агрессии министром внутренних дел был Бизима Караха, ставший одним из главных руководителей

лей руандийско-угандийской агрессии. В Зимбабве и в Анголе он пытался убедить руководителей, чтобы их страны в случае «внутренних конфликтов» в Конго не вмешивались. Кабила сам посетил Мугабе и Душ Сантуша, чтобы доказать им реальность американской агрессии и убедить в необходимости помочь в интересах независимости Конго и всей Африки. Военный вклад Анголы и Зимбабве был решающим. Если бы они пришли на помощь несколькими днями позже, Киншаса была бы захвачена агрессорами, а правительство свергнуто.

В-третьих, Кабила призвал патриотическую молодежь вступать в армию, которую он создает. Но это требует времени. Для обучения хорошего военного требуется от 12 до 18 месяцев. А противники – самые опытные военные в Африке, ибо в Руанде война идет уже 10 лет. До того, как военный баланс будет на стороне защищающегося Конго, пройдет определенное время.

Когда в Руанде и Уганде намечали государственный переворот и военную агрессию, спешно начали вербовать конголезских марионеток. Сообщив министру здравоохранения доктору Сонджи, что «демократические силы» решили свергнуть Кабилу, ему предложили руководить движением. Он категорически отказался участвовать в этой аванюре. Однако другие недовольные буржуазные политики поехали в Кигали, чтобы там создать Конголезскую Группировку за Демократию и «правительство» мятежников. Большинство из них раньше участвовали в Национальной Конференции. Они хотят возвратиться к той форме буржуазной многопартийности, которая позволяла им обогащаться, сотрудничая с империалистами. Почти все приверженцы Мобуту выбрали стратегию вооруженной контрреволюции. Известные фигуры, такие, как Лунда Булулу, бывший премьер, Тамбуе Муамбе, бывший министр, Кин-Кией Мулумба, последний министр информации при Мобуту, стали «руководить восстанием». Генералы Барамото, Нзимби, Елуки, Илунга встали на сторону агрессоров. Другие «демократические герои» Национальной Конференции – Заиди Нгома, Уамба дия Уамба и Мпети – присоединились к войскам агрессоров.

Если бы блицкриг увенчался успехом, конголезские «мятежники», свергнув Кабилу и правительство, покончили бы с националистической, антиимпериалистической политикой и заключили союз с «демократической оппозицией» в Киншасе на основе возврата к Национальной Конференции, символу продолжения мобутизма и неокOLONIALИЗМА.

Кабила все-таки смог остановить первые волны нападения и более-менее стабилизировать военное положение. Он уже смог бросить в бой первые батальоны своей новой армии. В оккупационных зонах он организовал вооруженное народное сопротивление, которое наносит мощные удары по агрессорам. Молодых вооруженных патриотов в провинциях Киву называют «бойцы Маи Маи». В память о революции Мулеле 1964-1966, когда юноши шли в бой с криком «Мулеле Маи».

На востоке солдат руандийской армии, которые принадлежат к народности тутси, ненавидит все население, которое они могут подчинить только массовым террором. Между 30 декабря 1998 г. и 1 января 1999 г. в селе Макобола в самой страшной боине этой войны были убиты 550 человек. В первые месяцы 1999 г. убили 50 крестьян в селе Мушинге и 100 человек в городке Камитуга недалеко от золотых приисков. Руандийские военные в Магунге у берега озера Танганьика 20-21 марта убили 250 деревенских жителей Бургинуи и Нгуеше... Полный список жертв очень длинный.

Кроме того, сказывается полная дестабилизация экономической жизни. Дефицит продовольствия, медицинс-

ких служб и лекарств стал причиной многих тысяч смертей. Доклад ООН говорит о «потрясающих количествах мертвых» в оккупационных зонах. В регионе Катаны, около города Букаву, умирают в 2,5 раз больше людей, чем в среднем в Черной Африке. Все это заставляло юношей в захваченных регионах участвовать в сопротивлении, которое сейчас координируют свои действия с действиями регулярной армии.

Во времена Национальной Конференции «демократическая многопартийность» означала, что бесчисленные прозападные клики политиков соревновались за самые высокие посты в государственном аппарате. Все боролись против всех, чтобы как можно скорее обогатиться любыми средствами. Поэтому мятежников не объединяют общие идеалы или идеология, между ними постоянно вспыхивают конфликты. Заиди Нгома, первый «председатель» мятежников, спустя несколько месяцев ушел. Он критиковал оккупацию Конго Руандой. Его преемник, Уамба дия Уамба, очень скоро поссорился с мобутистами Лунда Булулу и Тамбуе Муамбе. Уамба искал поддержку у угандийцев и переместил свою штаб-квартиру в город Кисангани. Другое крыло под названием РСД-Гома тесно сотрудничает с «твердой рукой» Руанды, Кагаме. Одновременно угандийцы, которые оказывали некоторое влияние на Конголезскую Группировку за Демократию, тоже создали «свою» организацию мятежников и войска: Движение за Освобождение Конго мобутистского бизнесмена Жан-Рьер Мбемба.

В середине 1999 г. американская военная стратегия зашла в тупик. После десяти неудачных раундов переговоров американцы сумели 11 июля заставить все воюющие стороны подписать соглашение в Лусаке. Этот договор невыгоден для Конго и навязан под тяжелым давлением. Однако предполагают, что если бы Кабила не подписал соглашение, то американцы дали бы «добро» на окончательное наступление на город алмазов Мбуи Майи, а Кабила в большой степени зависит от доходов от них.

Рассмотрим сначала отрицательные стороны договора.

Нигде в договоре нет слова «агрессия», хотя резолюция ООН от 9 апреля 1999 г. гласит, что «не приглашенные стороны немедленно предпримут шаги», чтобы уйти из страны. В договоре говорится о борьбе против руандийских войск Хуту на территории Конго, а на самом деле эти ополчения были лишь предлогом, которым в Руанде оправдывали свое вторжение и оккупацию.

Договор предусматривает «межконголезский диалог» между правительством Кабилы, мятежниками, «демократической» оппозицией и гражданским обществом, который должен вести к «новому политическому порядку». Все проимпериалистические силы хотят на этом форуме собрать искусственное большинство неокOLONIALИЗМА партий и организаций, таким путем свергнуть Кабилу и правительство национального спасения. Это – путь к парламентскому государственному перевороту, который уничтожит достижения революции 17 мая 1997 г. и приведет к возврату мобутистской Национальной Конференции.

Договор включает в себя статьи, которые обеспечивают раздел Конго. Уже несколько лет у американцев есть планы разделить насколько возможно мощное Конго и предотвратить ситуацию, когда крепкое государство Конго станет двигателем нового всеафриканского движения за независимость. По договору мятежники могут управлять территорией, которую захватили войска Руанды и Уганды, до завершения межконголезского диалога. Затем мятежники будут интегрированы в конголезскую армию. В этой армии уже сейчас много проблем с дисциплиной. Если

мятежные подразделения войдут в национальную армию, тогда, вероятно, эта армия будет распадаться на части, а после нее угроза дезинтеграции нависнет и над страной.

На практике этот договор все же дал и некоторые выгоды для конголезской оборонительной войны. Подписывая договор, Кабила выиграл тактические и стратегические очки. Тактически агрессорам теперь трудно вести широкомасштабные наступления. Одновременно выросли противоречия между агрессорами Уганды и Руанды. Последние надеялись на алмазы Мбуи Майи и теперь требуют свою часть золота и алмазов, которые находятся под контролем Уганды в Кисангани. Их противоречия также обострились в ожидании политического урегулирования, после которого и те и другие хотят увидеть своих агентов на ведущих местах. С 14 до 17 августа 1999 г. между войсками Уганды и Руанды в городе Кисангани вспыхнула настоящая война. Около 200 военных Уганды и 500 граждан были убиты. Многие военные из Уганды теперь видят в Руанде своего главного врага. Военные Руанды первоначально были намерены физически уничтожить Уамбу и его команду. Теперь Уамба обвиняет РСД-Гома в создании «фашистского режима».

Стратегически Кабила тоже укрепил свои позиции. После войны в Кисангани мятежники потеряли на международной арене всякий авторитет, и Африка констатировала, что Руанда и Уганда после подписания договора о прекращении огня воевали на чужой территории. Обе страны все больше чувствуют себя изолированными.

Договор в Лусаке позволил Кабиле выиграть время и осуществить военную подготовку десяти тысяч новобранцев. Хоть медленно, но военное соотношение сил на местах меняется в пользу Конго.

И еще один стратегический фактор выгоден Кабиле. В начале 1999 года на границе с Конго в Анголе находились сильные войска УНИТА. В рядах УНИТА сражались конголезские мятежники и руандийские войска, которые бежали в августе-сентябре из нижнего Конго перед наступлением войск Анголы. 9 марта 1999 года министр обороны Кунди Раухама заявил, что «политическое и военное положение в стране тревожное». Тогда УНИТА контролировала примерно 60 % территории, она приблизилась на 50 километров к Луанде, ее подразделения уже проникли в город. Благодаря общей мобилизации и ширококомасштабной программе вооружения дело повернулось иначе. В конце 1999

года правительственные войска взяли штаб-квартиру УНИТА, главные силы войск УНИТА были разгромлены и руководитель УНИТА вынужден был бежать. Ангола теперь может помочь Конго, особенно против подразделений УНИТА, которые подтянулись к территории Конго.

В декабре 1999 американский дипломат Холбрук посетил Африку, не уделив внимания проблеме руандской-угандской агрессии. Он обратил внимание только на «межконголезский диалог». После провала своего военного подхода США сосредоточились опять на политической стратегии свержения Кабилы, заявляя, что внутренние проблемы Конго – ядро столкновений в Центральной Африке, и что новое прозападное правительство решит эти проблемы. Они особенно надеются на тяжелые экономические и социальные трудности и стараются поощрять массовые протесты и мятежи, которые укрепили бы положение оппозиции против Кабилы. В начале января 2000 г. в Киншасе продовольствия не хватало, и оно было очень дорогим. Большие трудности с транспортом, сотни тысяч жителей Киншасы вынуждены каждый день проходить пешком многие километры. Но маловероятно, что население попадет в эту ловушку. Информация о терроре и геноциде на востоке Конго усилила его обидительность. Массы понимают, что все социальные беды вытекают из захватнической войны и оккупации востока, и что жизнь станет лучше только после того, как уйдут агрессоры.

Для правительства Кабилы скоро стало ясно, что агрессоры не соблюдают договор Лусаки и что выполнять этот договор из-за его противоречий просто невозможно. Только наращивание военных усилий может гарантировать независимость и суверенитет Конго. Кабила теперь основывает свою политику на резолюции ООН № 1234, которая отвергает любой предлог для нарушения суверенитета и независимости. Эта резолюция признает право Конго на защиту против агрессии, и право других стран помогать стране, подвергавшейся агрессии. Резолюция требует, чтобы «не приглашенные силы приняли немедленные меры», чтобы уйти из страны.

Министр иностранных дел Еродия сказал, что межконголезский диалог не может идти в то время, когда так долго внешние силы оккупируют часть Конго. Правительство хочет достигнуть национального единства вокруг одного требования: руандские и угандские захватнические войска должны безусловно быть выведены из страны.

Везде создавать комитеты народной власти*

Лоран Кабила*

Сейчас мы обсуждаем задачи «комитетов народной власти». Альянс должен быть преобразован в комитеты народной власти. Мы создали Альянс, чтобы освободить нашу страну от государства, которое проводило антинародную политику, защищая только зарубежные интересы. Результаты его деятельности – разрушения, разграбленная экономика, народные бедствия.

Государство на службе зарубежных стран или на службе народу?

У государства Мобуту была только одна цель: подчинить национальные интересы интересам великих держав. Альянс хочет покончить с этим компрадорским государством, которое служило только передаточным рем-

нем в системе эксплуатации нашего народа в интересах других стран. Это компрадорское государство существовало долго. Оно создало определенную культуру, определенные традиции в области промышленности, мышления и общественной жизни.

Когда мы взяли государственную власть, наша основная цель состояла в том, чтобы сам народ создал правительство. А чтобы народ сумел создать свое правительство, мы сначала должны народ организовать. Народ надо так организовать, чтобы он сам нес ответственность за свои действия. Альянс должен создать народное государство, которое будет заботиться в первую очередь об интересах Конго.

Почему на нас клеветают?

Те, кто создавал старое государство и жирел от него, введут во всем мире кампанию, с тем чтобы представить

* Речь в Народной Палате, Киншаса, 21 января 1999 г.

** Президент Демократической Республики Конго,

цели Альянса в черных красках. Они хотели заставить новый режим взять на себя функции старого государства, отправленного в отставку. Нам пришлось выбирать. Или бояться этой чудовищной лжи и играть ту же роль, какую играло прежнее государство, или противостоять всем этим клеветническим кампаниям и стараться строить государство, которое отдает приоритет национальным интересам. Реакция во всем мире на взятие власти Альянсом не была случайной. Речь шла о будущем конголезского народа, который взял в свои руки самый важный инструмент в деле создания материального, социального и культурного благополучия. Мы решительно отказались превращаться в компрадорское государство.

Они хотят взять власть обратно

Давным-давно король Леопольд Второй использовал свою власть над Конго, чтобы получать из него каучук. В то время, если ты не приносил достаточно каучука, у тебя отрубали руку. Убивали людей ежедневно, страну ограбили до предела. Потом колонизаторы ушли, и мы добились права на другое государство, с конголезцами во главе, но они были агентами других стран. Задача государства была угнетать, везде и всегда. Мы взяли власть, чтобы создать государство народа, вручить власть народу. Мы знаем, что противники приложат много усилий, чтобы взять обратно государство в свои руки, особенно посредством политических партий, которыми они управляют. Народ должен быть бдительным.

Власть начинается с улицы и с села

Теперь мы должны организовать народ так, чтобы он взял свое будущее в собственные руки. Организовать народ – это мобилизовать его постоянно. Это – предоставлять ему права, которые в других государствах предоставляют только администрации, которая якобы выражает интересы народа. “Народ должен управлять” – таков был лозунг борьбы Альянса. Чтобы уметь управлять, народ должен быть организован. Именно это происходит в комитетах народной власти. Они необходимы для жизни нации. Власть в руках конголезского народа, начиная с улицы и с села, должна быть реальной. Она должна организовывать жизнь в обществе, на улицах, в селах, в кварталах.

Народная демократия или неокOLONиальная “демократия”

В комитетах народной власти само население может обсуждать все проблемы, с которыми сталкивается страна. Нам нужно национальное единство, чтобы больше никто не смог расколоть народ. Скоро будет принят законопроект, который легализует политическую деятельность. Каждая политическая группа постарается провозгласить свою программу. Они будут предлагать народу, который еще не достаточно организован, голосовать за кого-то. В старой системе было множество политических партий, которые сотрудничали со старым государством, пока народ был расколот. Сегодня мы должны работать на единство народа, на его сплоченность. Надо противостоять расколу. Народ должен себя организовать и отдавать себе отчет об опасности, которую несет разделение.

Заманчивые обещания волшебников

В нашей стране перед комитетами народной власти открыто большое будущее. Долгое время конголезский народ работал в интересах иностранных компаний. Сейчас наступило время работать на свои интересы. Надо

устранить беду. А как это совершить, если мы не организованы, если у народа нет ответственности? Некоторые люди думают о народе только тогда, когда желают стать депутатами! В нынешнее время они умоляют о мандате, обещают рай. Но как только их изберут, они исчезают, а проблемы остаются. Парламент может решить мало проблем. Нужна солидная народная организация, которая позволит всем участвовать в работе, в принятии решений и в проверке исполнения этих решений. Поэтому мы предлагаем создать комитеты народной власти.

Комитеты смогут предотвратить хаос, который возможен в условиях, когда легализуются политические партии. Что они вам предложат? Было бы огромной ошибкой передать власть кому-то, предлагающему привлекательные вещи. Он к вам обращается, как волшебник. Вы за него голосуете. Он говорит, что отремонтирует вашу улицу. А вы больше его не увидите. Почему он не отремонтировал в минувшие годы? Недовольные нынешним режимом рассчитывают на политические партии, чтобы разорвать единство народа. Кучка стран боится, что конголезский народ поддержит полностью наше правительство. Они знают, что, если мы сплотимся, мы совершим чудеса. Опираясь на свой разум, народ сможет разрабатывать все богатства, на которых мы сидим уже все эти годы. Тогда мы станем нацией, равной всем другим.

Единственная разница между вами и политическими партиями в том, что вы – организованный народ. У вас в руках власть, вы обладаете властью. Политические партии стремятся отнять у вас эту власть. Разница очевидна. Политиканы хотят вырвать эту власть из ваших рук. Значит, решение за вами. Если власть вам надоела, передайте ее политиканам.

Итоги войны в Киншасе

Недавно вы были свидетелями ситуации, которая свидетельствовала о том, что конголезский народ достиг некоторой политической зрелости. Несмотря на вражескую кампанию, конголезский народ крепко поддерживал правительство национального благополучия и его руководителя Кабилу. Миллионы конголезцев из всех политических партий стали на сторону человека, представляющего их интересы. Здесь, в Киншасе, когда узурпаторы пытались совершить государственный поворот, весь народ восстал, чтобы уничтожить тех, кто хотел опять колонизовать Конго. Надо сохранить это единство. Надо сохранить эту сплоченность в трудные моменты, надо организовать народ, чтобы он участвовал в осуществлении власти.

Мы принимали меры, направленные на улучшение жизни нации. Я напоминаю здесь о решении определить официальный курс нашей валюты Конголезского франка, действующего на всей территории Демократической Республики Конго. Это удачная мера, которая усиливает власть народа. Всем известно, что валюта – один из элементов суверенитета нации. В стране свирепствует спекуляция. Доллар, доллар... Наша страна была почти колонией. У нее не было собственной валюты. Никто в Конго не контролировал циркуляцию доллара. Требовалось мужество, чтобы с этим покончить. Иностранное давление было чрезвычайным: “Осторожно, скажи президенту, что плохо кончится, если он выгонит спекулянтов с улицы”. Решение, каким бы удачным оно ни было, не было бы возможным без сплоченности народа, который поддерживает правительство. Теперь у конголезского народа есть крепкая валюта. Так комитеты народной власти, от основания до верхушки, должны защищать и принимать меры на пользу нашей страны.

Управляйте своей улицей, своим муниципалитетом и селом

Комитеты народной власти на улицах – это правительства улиц. Больше не будет, как раньше, когда село не занималось определением приоритетов. Село – это ядро нации. Мы предоставим народу определять приоритеты развития, начиная с улицы или квартала, и предлагать свои решения назревших проблем. Еще больше: народ должен сам участвовать в реализации этих решений. Так как комитет народной власти – это не комитет одной политической партии. Это народ, обладающий властью и отстаивающий свои приоритеты в той или другой области.

Проверять торговцев и мэров

Город всегда страдал от спекуляции и роста цен. Поэтому народное правительство заботится о надзоре над ценами. К примеру, итальянское правительство доставляет продовольствие Конголезскому правительству. Государство передает это зерно или этот рис торговцам, чтобы они его продали. Они конечно не все святые, народ об этом хорошо знает. Народ знает, какие торговцы жадные и какие честные! Поэтому надо включать комитеты народной власти в это дело. Улица, квартал, муниципалитет и город должны решать, какие торговцы – настоящие патриоты, кто и как выполняет наши поручения. И народ на улице осуществляет надзор за ценами.

Другую часть зарубежной помощи мы передаем в обмен на труд. Комитеты народной власти должны сказать: “В нашем квартале улицы плохие, нет школ, нет медпункта...” Муниципалитет обсуждает дело с комитетами разных уровней и определяет четко: мы отремонтируем эту улицу, и те, кто поможет ремонту, получит это количество риса. А что случилось бы, если бы мы это сделали постарому, не слушая народа? Мы знаем, чем это кончилось бы. Часть риса, предназначенного для вознаграждения тех, кто работал, попала бы в магазины торговцев. А для работы вдруг приехали бы на машине люди издалека, остановились, заглушили машины на некоторое время, и потом оказалось бы, что рис исчез. А комитеты народной власти дают народу власть и ответственность. Народ должен быть включен в регулирование всех вопросов жизни нации и собственной жизни.

Остановить грабеж наших алмазов

На уровне области комитет – важный орган власти, он знает приоритеты области. Он выполняет трехлетний план восстановления. Мы хотим развивать нашу страну и поощрять торговлю с другими странами. Но мы должны предотвратить разбазаривание нашего сырья. Некоторые меры были приняты, как например, урегулирование обмена драгоценных природных богатств. Иностранцы оккупировали, в большинстве совсем нелегально, целые регионы, чтобы красть алмазы, золото и т.д. Они их превращают в капитал, аккумулируют богатства, но государство ничего от этого не получает. Когда комитет народной власти находит такого иностранца, тогда дело ясно: “Господин, что вы здесь делаете? Вы здесь не на своем месте. Вы не конголезец, что вы делаете на нашем алмазном руднике? Вы импортировали капиталы, чтобы купить наши алмазы, вы должны быть на официальном рынке драгоценного сырья с вашими долларами, а не в селе.”

Раньше кумовство шефа села была правилом. У каждого шефа был свой ливанец или другой иностранец. А сейчас они должны останавливаться в Киншасе, а внутри страны только конголезцы должны заниматься делами. В составе комитетов народной власти есть экономические отделения. Мы будем организовывать крестьян, которые мо-

гут покупать оборудование чтобы разрабатывать алмазы, золото и изумруды. Они смогут продать его в Киншасе.

Они убили инициативу

Наши торговцы не имеют ничего общего с капитализмом. У них нет заводов, они в большинстве своем занимаются маленьким бизнесом. Они импортируют кур и рыбу. Разве Конго может выжить на основе такой экономики? Вы импортируете продовольствие, продаете его здесь, получаете доллары на улице, и круг опять начинается. Конголезский народ от этого ничего не получает. Совсем ничего.

Совсем недавно еще компрадорское государство препятствовало любому развитию национальных капиталистов. Такой национальный капиталист был бы конкурентом транснациональных корпораций. Оно всеми средствами убивало всякую инициативу, и поэтому у нас нет промышленности. Мы ввозим бумагу, ручки, карандаши, все товары, которые мы могли сами производить. Нам нужно больше мелкой перерабатывающей промышленности.

Развитая тяжелая промышленность

Мы должны развить новую экономику для нашей страны. Это цель нашего народного государства. Я хочу видеть заводы, которые производят туфли. Я хочу видеть крупные текстильные заводы. Мы ввозим хлопок, потому что мы сами не выращиваем его. Должны мы все ввозить? Нет, я думаю что наступило время создать развивающуюся национальную экономику. Мы должны сами производить средства транспорта. Запчасти для импортируемых товаров мы сами должны производить. Иначе, что будет с Конго? Вы вынуждены все покупать, и вы думаете, что с этой экономикой вы можете вести войну? Где наша тяжелая промышленность?

Народное государство, народ, организованный в комитетах народной власти, должны создать солидную впечатляющую экономику. Сегодня трудно нести бремя войны с экономикой, которая существует только для удовольствия торговцев. Наша задача – создать национальную промышленность. Вам нужны танки и бронетехника? Мы сами можем их производить. На некоторых заводах уже есть некоторое нужное оборудования. Для этого мы взяли власть.

Наша победа – передать власть народу

Альянс должен продолжать свою трансформацию в комитеты народной власти. Без этой трансформации мы шли бы против течения истории. Тогда Альянс стал бы реакционным и исчез. Великая победа Альянса – это передать власть народу и для этого создать комитеты народной власти. Чего бояться? Альянс не служит индивидуальным карьерам. Борьба идет острая. Надо взять в свои руки собственную трансформацию, иначе события определят нас. Нельзя пытаться остановить такую революцию, цель которой известна. Мы рады тому, что конголезский народ в целом себя узнает в действии, которое мы начали. Это действие Конголезского народа. Мы должны так организовать народ, чтобы он чувствовал ответственность за свои действия, вот суть комитетов народной власти. Это настоящая великая революция в нашей стране, великая народная революция, где народ – не жертва. С комитетами народной власти мы достигнем действительной демократии. Будьте бдительны. Нам будут говорить, что мы мешаем политическим партиям играть свою роль. Когда старые политические партии поднимут опять голову, мы им не позволим расколоть народ, потому что иначе нам станет

трудно защищать интересы народа.

Мы знаем главные недостатки. Сейчас самое главное – правильное политическое руководство. Народ, комитеты народной власти должны руководить политически. Надо защищать свою власть, потому что противники не смирились. Вы по-настоящему обладаете властью в стране. Вначале вы сомневались. Но мы рады тому, что народ теперь понимает, что он должен нести ответствен-

ность сам, один, я подчеркиваю: один. Наша решительность довести дело до конца непоколебима. Скоро у нас будет съезд комитетов народной власти города Киншасы, и потом широкомасштабный общенациональный съезд.

Многие африканцы, которые глубоко заботятся о своих народах, будут следовать за вами, потому что конголезцы очень храбры. За это я вам благодарен, мы увидимся на съезде комитетов народной власти области Киншаса!

Президент Лоран-Дезире Кабила

Тони Басселен

Родился в 1939 в городе Анкоро, в Северной Катанге, Конго. После окончания средней школы переехал в Париж.

В 1960 г. Конго стало независимым государством. Бывшие бельгийские колониальные лидеры и их марионетка Моизе Чомбе организуют отделение Катанги от Конго. С августа 1960 до января 1961 Кабила борется в рядах партии “Балубакат” за единство Конго, против катангезких жандармов. Руководитель партии Балубакат, Ясон Сендуе, назначает молодого Кабилу лидером антиколониальных дружин “молодежь Балубакат”. Позднее он входит в местное правительство Северной Катанги в городе Манонго и становится председателем “Молодого Балубаката”.

После убийства Лумумбы Кабила уезжает из страны и один год учится в Белградском университете, в Югославии.

С февраля 1962-го года он становится руководителем администрации Министерства информации в правительстве Северной Катанги, затем – Министерства общественных работ. Спустя год, в ноябре 1963 г., он уезжает в Браззавиль, где находятся лумумбистские лидеры, которые там создают Национальный Комитет Освобождения (НКО) под руководством Кристофа Гбение. В НКО Кабилу назначают генеральным секретарем Общих Дел, Молодежи и Спорта, и в январе 1964 посылают его в Буджумбуру (Бурунди) вместе с Гастоном Сумиало, с заданием подготовить восстание народа поля Рузизи и Северной Катанги против правительства в Леопольвиле (Киншаса) в руках империалистов. В феврале 1964 он едет в Албервиль (Калеми). В мае 1964 он принимает участие в первом восстании в Албервиле в рядах Народной Освободительной Армии (НОА). 21-ого июля его назначают заместителем президента, ответственным за международные отношения и торговлю, во временном правительстве НКО, в восточном регионе (Албервиль). С августа 1964 до ноября он живет в Найроби (Кения), Дар-эс-Саламе и Париже. Его назначают госсекретарем внешних дел НКО и полномочным министром в Танзании, Кении и Уганде. 21 апреля 1965 Лоран Кабила и Пьер Мулеле становятся заместителями президента Высшего Совета Революции. В это время Че Гевара приезжает в Конго, чтобы бороться на стороне войск под командованием Кабилы на востоке Конго. Кабила настаивает на том, чтобы Че Гевара не оказался лично на фронте и соблюдал осторожность. Че Гевара тогда пишет о Кабиле: “Единственным человеком с настоящими качествами руководителя масс я считаю Кабилу. Я думаю, что настоящий революционер не может руководить революцией, если у него нет качеств лидера. Но не достаточно быть лидером, чтобы довести революцию до конца. Надо быть серьезным революционером, и идеология

должна вести действия, дух самопожертвования должен сопровождать цели. Пока Кабила еще не доказал мне что у него есть такие качества. Но он молод, и может измениться”. В мае 1965 г. Кабила находится в Танзании, чтобы руководить оттуда, потом в Кигоме, в зоне Киву и Катанги. После поражения восстания в Конго, он бежит в Кению, затем в Уганду, где в 80-е годы уходит к партизанам Иоери Мусевени, нынешнего президента Уганды. В 24 декабря 1967 Кабила в Найроби создает свою собственную организацию: Партию Народной Революции (ПНР) и формирует ее Народные Вооруженные Силы (НВС). Он в Конго восстанавливает в регионе Физи, в северной Катанге, и приступает к идеологической работе. Он борется с “семью ошибками” революции: 1. Отсутствие политического воспитания 2. Слишком большая зависимость от других стран 3. Пренебрежение ролью крестьян 4. Трайбализм (племенная рознь) 5. Отсутствие дисциплины 6. Отсутствие связей с народными массами 7. Отсутствие революционной партии. Его военная стратегия – это продолжительная народная война. В течение семи лет борьба ПНР велась в глубоком подполье. В ноябре 1979 г. Кабила присутствует в качестве почетного гостя на учредительном съезде Партии Труда Бельгии в городе Антверпен. В ноябре 1984 г. ПНР становится широко известной, когда она за три дня занимает город Моба, на севере Шабы, около озера Танганьика.

До 1988-го года Кабила руководит партизанским движением в регионе Уимби. С 1979-го года, однако, основное внимание он сосредотачивает на политическом объединении непримиримой оппозиции против диктатуры президента Мобуту.

С июня до октября 1996 года старый диктатор Мобуту истребляет население Баньямуленге в южной Киву. Но молодежь Баньямуленге хорошо подготовилась к отпору и ее поддерживает Руанда. В ходе последующих боев руандийская армия освобождает лагерь беженцев племени Хуту от руандийских фашистов, которые в 1994 г. совершили геноцид в Руанде. За несколько дней 800 000 беженцев вернулись в Руанду. В Баньямуленге формирует Альянс Демократических Освободительных Сил, вместе с тремя другими конголезскими организациями, с целью свергнуть режим Мобуту. Несколько месяцев, этот АДОС поддерживается Руандой, Угандой и Анголой.

С начала октября 1996 Кабила руководит Альянсом Демократических Освободительных Сил Конго, намерен свергнуть диктатуру Маршала Мобуту. Через семь месяцев, 7 мая 1997 года войска АДОС входят в столицу Киншасу, откуда бегут мобутисты. Вступление в город происходит практически спокойно, без больших столкновений. Лоран-Дезире Кабила становится третьим президентом страны. Бывший Заир – теперь Демократическая Республика Конго.

Болгария и “демократические преобразования”

Симеон Б. Владимиров, Васил П. Коларов

1. На подступах к контрреволюции

Контрреволюция, имеющая своей целью смену собственности на средства производства, стартовала в Болгарии на пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 года. Это не была какая-то ошибка или недосмотр ЦК, использованные впоследствии классовым врагом. Классовый враг уже многие годы находился в руководстве партии, его внедрение началось еще с первой половины пятидесятых годов, что постепенно привело к ревизии марксистско-ленинской теории и практики, к созданию болезненно огромной партии, охватывавшей 12 % всего населения страны, партии с неясной, с марксистско-ленинской точки зрения, идеологией и еще более неясной практикой. Эта партия, беспрекословно подчиняющаяся своему руководству, была единственной организованной политической силой в стране, которая могла и стремилась осуществить контрреволюцию. Действительно, к ноябрю 1989 года в Болгарии существовало только несколько слабых и разрозненных диссидентских групп. Они не могли служить базой для достижения поставленных целей.

Поэтому руководство партии приступило к созданию оппозиции в виде множества антикоммунистических партий, объединенных в Союз Демократических Сил (СДС, впоследствии превратившийся в монолитную правую партию с ярко выраженной прозападной ориентацией), и оставшихся самостоятельными Движения Прав и Свобод (ДПС – партия этнических турок), Болгарского Бизнес Блока (БББ), Зеленой Партии и многих других.

Руководящие кадры были подобраны из комсомольской элиты, а частично и из самой БКП. Также при помощи партийных и профсоюзных кадров был создан, по подобию американских, правый профсоюз “Подкрепа”, который всеми силами старался играть ту роль, какую играла польская “Солидарность”. Была дана полная свобода антикоммунистическим действиям – не только пропаганда в средствах массовой информации, но и варварское разрушение памятников героям сопротивления, советским воинам и даже деятелям культуры, известным своими русофильскими взглядами, массовые антикоммунистические демонстрации и пр. ЦК отдал всем этим политическим силам инициативу, дал зеленый свет контрреволюции, но сохранил еще на долгое время свою руководящую роль с закрытых позиций.

После вычищения большинства кадров, несогласных с контрреволюционным курсом, в феврале 1990 г. ЦК провел XIV съезд БКП, на котором был принят совершенно ревизионистский устав, дающий возможность ЦК, переименованному в Высший Партийный Совет (ВПС), проводить внутрипартийные референдумы. Вслед за этим ВПС провел референдум о переименовании партии в Болгарскую Социалистическую Партию (БСП). Результаты референдума были фальсифицированы. Утром 4 апреля 1990 г. все коммунисты проснулись социалистами.

Какова была классовая диспозиция в стране на этом, первом этапе контрреволюции?

Рабочий класс, трудовое крестьянство и, прежде всего, трудовая интеллигенция в своем большинстве поддер-

жали контрреволюцию и идеи антикоммунизма. Не обозначилась ни одна классовая прослойка, которая бы выступила против. Это был результат не только предательской политики партийного руководства накануне 10 ноября 1989 г., но и его деятельности задолго до этого, как было указано выше.

Период разгрома большевизма в КПСС, который начался в 1954 году и завершился к концу 60-х годов нашел адекватное отражение и в Болгарии. Последствия этого разгрома огромны и касаются не только СССР и соцстран, но и все международного коммунистического и рабочего движения. Об этих последствиях говорилось и писалось много. Здесь мы назовем только два из них, которые имеют прямое отношение к рассматриваемому вопросу.

Первое – углубление товарного характера труда и неуправляемое развертывание действия закона стоимости. Все это вызвало снижение темпов экономического роста, который к 1989 году был едва 1-2 % – рост абсолютно недостаточный для социалистической страны, а скорее характерный для капстран в спокойном периоде их развития. Попытки как-то ускорить этот рост разными организационными и “экономическими механизмами” лопались, как мыльные пузыри.

При этом развитии “реального социализма” рабочий класс, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция постепенно потеряли свои права на средства производства и превратились в настоящих наемников государства. Все это привело к их отчуждению от производственных результатов, от БКП и, наконец, – от социализма. Создание привилегированной номенклатуры и ненависть широких слоев населения к ней, является только одним, хотя и немаловажным следствием этих общественно-экономических явлений.

Была ли альтернатива? Да, была. Еще в 1952 году в своей работе “Экономические проблемы социализма в СССР” И.В. Сталин подчеркнул, что государственная собственность на средства производства уже сыграла свою положительную роль, но переход от социализма к коммунизму требует развития новых форм общественной собственности, при которых заинтересованность производителей в производственных результатах была бы выше, чем при кооперативной или при государственной собственности. При безоглядном отрицании всей деятельности И. В. Сталина была обругана и эта его работа, и ее выводы игнорировались.

Второе следствие разгрома большевизма, имеющее прямое отношение к рассматриваемому вопросу – это обеспечение оперативного простора и снятия всех препятствий перед идеологическими диверсиями. Еще в конце 70-х годов идеологически чуждые взгляды начали проникать в средства массовой информации. Основной удар был направлен на разложение интеллигенции и молодежи с акцентом на комсомольскую элиту. Конечно, все это не могло не оказать влияние на рабочий класс и на трудовое крестьянство.

В конце 70-х – начале 80-х годов Болгария была уже готова принять контрреволюцию. Как раз в это время То-

дор Живков заявил в тесном кругу, что если в Болгарии реставрируется капитализм, то это будем делать мы – т. е. БКП во главе с ним. Запад придержал на 10 лет контрреволюцию в Болгарии, вероятно чтобы приурочить ее вызревание к подобным процессам в СССР и во всем социалистическом лагере, чтобы не дать возможности отдельным его членам сохранить социализм, хотя бы даже и в виде “развитого социализма”. В этом смысле конкретно для Болгарии роль Горбачева была ограничена. Единственное, что он смог сделать, это содействовать снятию Тодора Живкова на пленуме 10 ноября 1989 года, но не потому, что Живков помешал бы контрреволюции, а потому что у него был другой подход к осуществлению этого перехода, отличающийся от горбачевского.

2. Лучшая система

Еще задолго до пленуме 10 ноября 1989 года в эфире прозвучали результаты “теоретических исследований”, свидетельствующие о том, что социализм является неудавшимся экспериментом, что он не имеет права на существование из-за своей непригодности в реальной жизни. Уже в 1990 т. этот “эксперимент” был объявлен преступным, а экономическое состояние страны в 1989 г. охарактеризовано как национальная катастрофа. Аполотеты контрреволюции клялись, что их появление на политической сцене вызвано необходимостью выведения Болгарии из этой катастрофы и улучшения жизни народа.

С самого начала мы должны подчеркнуть, что все эти утверждения базировались на обмане. В 1989 г. экономика Болгарии не была в состоянии катастрофы. Наоборот, это был год с максимальными абсолютными показателями производства в большинстве сфер народного хозяйства, показателями, которые не были достигнуты ни до, ни после этого. Кризис имел место. Это был кризис социализма, чьи темпы роста опустились до уровня капиталистических. Но ни в коем случае состояние страны не напоминало национальную катастрофу. Повысить темпы роста можно было бы только путем необходимой коррекции в реально существующей социалистической системе, не меняя ее сущность, возвращаясь к ее коренным положениям.

Сравнение экономики социализма и капитализма следует делать как в национальном, так и в международном плане.

В международном плане болгарский социализм не может считаться таким же представительным, каким является советский.

Давайте сравним экономику социализма с экономикой капитализма до и во время Второй мировой войны. Сравнение не нуждается в цифрах, так как результат определен и стал ясен еще 9 мая 1945 года. Столкновение двух экономик: находящейся в это время в руках Германии европейской, которая развивалась веками, – и социалистической экономики, развивавшейся реально с 1927 года с характерными для социализма, до тех пор неизвестными теории высокими темпами развития, – показало огромную живучесть и устойчивость последней даже в экстремальных условиях.

Давайте посмотрим, каковы возможности социализма и капитализма в болгарских условиях. Иногда говорят, что болгарский капитализм был и является несовершенным. Но мы будем сравнивать его с социализмом, который тоже был несовершенным.

До 1944 г. Болгария жила в условиях капитализма, достигшего зенита своего развития в 1939 году. Разрушения во время войны были невелики, так что восстановление хозяйства продолжалось 3-4 года после прихода к

власти социалистических сил 9 сентября 1944 года.

Социалистическое строительство началось в конце 1948 года, когда была национализирована промышленность и основные фонды инфраструктуры, началась коллективизация сельского хозяйства, которая в основных чертах закончилась в 1952 году.

До 1989 года Болгария была социалистической, а затем снова стала капиталистической. Эти три периода с двумя переходами дают возможность объективно сравнить жизнеспособность капитализма и социализма в стране. Мы не ставим перед собой цель сделать полный или даже статистически представительный обзор данных. Приведем только некоторые основные показатели.

Население Болгарии в 1939 году составляло 6,32 млн. чел. (без Северной Добруджи); в 1948 г. – 7,16 млн.; в 1958 г. – 7,72 млн.; в 1989 г. – 9,00 млн.; в 1995 г. – 8,38 млн.; в 1999 г. – 8,23 млн. Часто быстрое уменьшение количества населения оправдывают экономической эмиграцией, которая действительно играет определенную роль. Основным фактором этого явления, однако, становится ясным, если привести данные естественного прироста населения в единицах на тысячу: 1939 г. – +8,0; 1948 г. – +18,0; 1958 г. – +10,0; 1989 г. – +0,7; 1995 г. – -5,0; 1999 г. – -4,8.

Из этих данных видно, что если во время первого капиталистического периода численность населения увеличилась значительно, а во времена социализма перевалила за 9 млн., то второй капиталистический период можно характеризовать как время физического геноцида болгарского народа. Во время Косовского этапа войны НАТО против Югославии югославы потеряли меньше воинов и мирных жителей страны – жертв агрессии, чем за тот же период Болгария от геноцида. “Демократия” привела страну к настоящему демографическому срыву – за 10 лет, в условиях “нежной” и “мирной” контрреволюции, Болгария потеряла 12% населения. Таких потерь не было со времен Второй мировой войны.

В 1939 году Болгария произвела 2 млн. тонн пшеницы; в 1948 г. – 1,7 млн.т.; в 1958 г. – 2,3 млн.т.; в 1989 г. – 5,4 млн. т.; в 1995 г. – 3,4 млн.т.; в 1999 г. – 3,2.

Производство сахарной свеклы в 1939 г. достигло 234 т. тонн; в 1948 г. – 560 т.т.; в 1958 г. – 882 т.т.; в 1989 г. – 966 т.т.; в 1995 г. – 157 т.т.; в 1999 г. – 62 т.т. Еще в 1995 г. производство этого продукта сравнивалось с уровнем производства в 1913 году.

Из всего этого видно, что первые 10 лет социалистического строительства характеризуются положительным ростом по всем показателям. В последующие годы социалистической Болгарии тенденция к росту усиливалась еще больше. И наоборот – первые 10 лет реставрации капитализма характеризуются значительным спадом по всем показателям, и эта тенденция сохраняется. Можно привести значительное количество примеров с еще более красноречивыми результатами.

Методика вычисления национального дохода на душу населения менялась трижды, и поэтому сопоставление данных нельзя сделать с достаточной точностью. Однако приблизительные вычисления показывают, что после неуклонного роста национального дохода на душу населения при социализме, во время второго капиталистического периода он уменьшился в 6 раз. Если допустить, что с 2000-го года среднегодовой рост экономики страны будет 3%, Болгария достигнет уровня “национальной катастрофы” 1989 года через 65 лет.

Генеральная линия в экономическом развитии Болгарии может быть резюмирована следующим образом: до 1948 года экономика страны была капиталистической и соответствовала доиндустриальному этапу развития ка-

питализма. Индустриализация была совершена во время социализма. Из капиталовложений в промышленность только 1% является наследственным результатом национализации 1948 года. В сельском хозяйстве была введена высокая механизация, современные технологии и достигнута высокая продуктивность. Добывающая промышленность была расширена также в результате применения высоких технологий. Энергетика почти полностью была создана в условиях социализма, и энергия уже составляла значительную часть нашего экспорта. Электроника и информатика развивались ускоренными темпами, включая производство ЭВМ и систем по собственным лицензиям и технологиям с внедрением их во всех отраслях народного хозяйства.

Возвращение к капиталистическому развитию привело к срыву: промышленное производство уменьшилось многократно, нарушена была структурная связь между промышленными предприятиями и объединениями; большинство из них были ликвидированы. Сельхозпроизводство резко снизилось, кооперативы были ликвидированы, а технологии достигли уровня периода доиндустриального развития страны. Постепенно ликвидируется энергетика, а электроника и информатика уже не существуют. Болгария потеряла и свои традиционные рынки, такие как российский, рынки арабских стран, Африки, Азии и Латинской Америки, в результате чего резко уменьшился и ухудшился внешнеторговый баланс страны.

Становится ясным, что социализм, хотя и “реальный”, хотя и тот, который нам не особенно нравился, является безусловно лучшей системой, и это так очевидно, что человек не может этого не видеть.

3. Стратегия обмана

До конца 1992 года в Болгарии никто в средствах массовой информации и в официальной прессе не говорил о переходе от социализма к капитализму. Говорилось о переходе к “социализму с человеческим лицом”, к рыночной экономике, о структурной реформе народного хозяйства. Была использована терминология, которой пользовались и во время Тодора Живкова для оправдания того или иного “экономического механизма”. Не могло быть и речи о вступлении в НАТО, о приватизации таких промышленных гигантов, как “Нефтохим”, “Соди-Девня”, “Химко”, авиакомпания “Балкан”, телекоммуникационной компании. Удары по семейной экономике наносились непрерывно, но никто не говорил, что действует шоковая терапия. Чуть позднее начали появляться такие термины, как “капитализм с человеческим лицом”, “европейские ценности”, “атлантические ценности”, и только после 1997 г., когда контрреволюция стала необратимой, в открытую заговорили о капиталистическом пути развития, хотя это “развитие” носило и продолжает носить отрицательный знак. Те, кто знал о чем идет речь, не допускались к средствам массовой информации, и только в конце 1995 года некоторые из них получили возможность рассказать правду в малотиражных, неофициальных изданиях. А в средствах массовой информации и до сих пор нет прецедента глубокого и аналитического изложения всей правды. Трудно сказать, как протекала бы контрреволюция, если бы с самого начала всем был ясен ее характер, ее содержание. Ясно только то, что в этом случае от БСП осталось бы только одно руководство, так как ее членская масса вряд ли приняла бы такую политику и покинула бы партию. Уже только этот факт мог затормозить контрреволюционный процесс, так как участие БСП в его проведении в качестве большой партии “бывших коммунистов” было и продолжает быть очень существенным, оно значительно облегчило и продолжает облегчать

реставрацию капитализма.

Стратегия обмана, постепенно, шаг за шагом имплантировавшая болгарам капиталистическое сознание, была самой эффективной. Суть этой стратегии – действие за спиной народа. Таким образом, контрреволюция в Болгарии превратилась, без всякого преувеличения, в расширяющуюся криминальную контрреволюцию.

Первый большой и поразительно наглый обман был применен еще в 1990 году. В это время руководство БСП активно использовало идеологему о “демократическом социализме”, а СДС ругал их, обзывая “неисправимыми коммунистами”, “бетонными головами” и пр. Членская масса БСП гордилась “принципиальной позицией” своего руководства и его всячески поддерживала. Однако... в конце этого 1990 года член руководства БСП и премьер правительства Андрей Луканов неожиданно явился в парламент, чтобы защитить проект “об экономическом росте и переходе к рыночной экономике в Болгарии”. Во вступлении к проекту авторами была сформулирована задача: “Подобно своим новоосвобожденным соседям Болгария выбрала путь демократического капитализма и сделала важные шаги в этом направлении; но еще много необходимо сделать. Признавая этот факт, новое правительство Болгарии обратилось за содействием к американцам.” Разработка проекта была осуществлена под руководством Ричарда Рана. Участвовали две команды: американская – в составе 34 человек и болгарская – в составе 29 человек. Состав болгарской команды известен. В ней можно отыскать имя нынешнего премьера Болгарии и лидера СДС Ивана Костова, с тех пор и до сегодняшнего дня непримиримого борца против БСП. Тогда он работал плечом к плечу со своими “кровными врагами” – заместителями министров в правительстве Луканова и с другими активными деятелями БСП.

Каким видят авторы проекта ход экономического роста во время перехода к рыночной экономике? Они не умалчивают об этом, а цинично заявляют: “В период перехода к рыночной экономике нельзя думать о сохранении жизненного уровня населения. Он неминуемо упадет, какие бы меры ни предпринимались”. Из этого следует только то, что экономический рост в представлении авторов никак не связан с уровнем жизни, но из полного текста проекта становится ясным, что слова “экономический рост” являются только украшением его заглавия – это проект не роста, а разгрома, притом не только экономики, а разгрома всей страны.

Уже из начала первой главы становится ясным, что точкой отправления для всего последующего является требование “заменить существующую систему управления другой, основывающейся на частной собственности”. Как это сделать? Без обиняков записано, что Болгария немедленно должна принять всеохватывающую программу приватизации свыше 2200 государственных предприятий, земельных хозяйств, а также мелких объектов из сферы торговли и обслуживания. Но что такое приватизация? “Приватизация – прежде всего и только политический процесс с экономическими последствиями”. И дальше: “Приватизация – это процесс, при котором предприятия и авуары переходят от государства к собственникам и руководителям частного сектора”. С сельским хозяйством также все ясно: “Конечной целью является переход всей земли, используемой для сельского хозяйства, природных ресурсов, скота, сельскохозяйственной инфраструктуры и оборудования в Болгарии в частные руки”.

Так как, по определению в проекте, приватизация является криминальным процессом, то должны быть ликвидированы все законы и общественные препятствия к криминальному добыванию богатства. Именно в этом на-

правления даны указания в проекте. Предлагалось ликвидировать все санкции против спекулянтов, вычеркнуть из законов понятия “спекулятивная деятельность” и “незаконная прибыль”, отменить нормы, запрещающие перепродажу и укрывательство дефицитных товаров.

Согласно проекту разрушение болгарского государства должно быть всеохватывающим. Государство устранялось от экономики, для чего предлагалось изменить Конституцию страны, отнять у государства право на собственность, ликвидировать понятие “коллективная собственность”, отменить пункт Конституции, обязующий болгарских граждан защищать общественную собственность, лишить болгарское государство права внешнеторговой деятельности и полностью либерализовать товарную агрессию иностранных фирм на болгарских рынках. Ликвидировались права трудовых коллективов предприятий; о профсоюзах вообще не идет речь. Инструкции даны в категорическом тоне: “Государство не должно вмешиваться в экономику”, “Государство не должно вмешиваться в формирование цен” и т. п.

США осуществляли и осуществляют свой диктат над Болгарией уже много лет. Но программа Рана представляет собой исключение. В этом случае само болгарское правительство во главе с социалистическим премьером заказало ее, притом в такой политической момент, когда руководители БСП, включая того же Андрея Луканова, вводили в заблуждение массы перспективами, осуществление которых вовсе не входило в их намерения.

4. Абсурды “демократии”

Если в странах ЕС 30000 человек в год умирают от употреблении недоброкачественной пищи, несмотря на “строгий контроль”, это не шокирует европейцев, так как им хорошо известно, что огромный частный сектор эффективно контролю не подлежит, а они, их отцы и деды не представляют свою жизнь без частного сектора. Но в маленькой Болгарии люди шокированы такими фактами. Они шокированы появлением таких болезней, как туберкулез, малярия, сифилис, о которых раньше им было известно только из литературы.

Если в странах ЕС безработица составляет 5-10%, европейцев это не шокирует, так как этот инструмент капиталистов обязательно присутствует в их жизни постоянно. Но если в 8-миллионной Болгарии, в которой в недалеком прошлом рабочих рук не хватало и тунеядство наказывалось, за короткий срок появилась прогрессирующая безработица, достигшая около 20% всего трудоспособного населения, то болгарин считает это национальным бедствием.

Ко многим “чудесам демократии” среднестатистический болгарин был вынужден привыкнуть. Шокировал внезапный рост преступности после 1989 г., хотя она была значительно ниже соответствующего уровня развитых капиталистических стран, особенно США. Все эмиссары контрреволюции часто напоминают о роскоши, в котором жила социалистическая номенклатура, но уже никто их не слушает, так как богатые дачи членов Политбюро выглядят теперь бедняцкими хибарами по сравнению с дворцами “новых болгар”.

Одним из больших “чудес демократии” можно считать разгром национального образования, науки и культуры. За годы социализма их уровень достиг завидной высоты, был сравнимым с уровнем наиболее развитых стран. В стенах болгарских вузов было подготовлено свыше 450000 специалистов, из которых 250000 хозяйственников. В наших вузах училось много студентов и аспирантов из Африки, Азии и Латинской Америки. Наука развивалась ускоренными темпами и широким фронтом в Болгарской

Академии Наук, в вузах и в десятках других специализированных и ведомственных научных институтах. Искусство входило в каждый дом. Деятели искусства и культуры были обеспечены материально.

“Демократия” пришла к нам с требованием рентабельности образования, науки и культуры и, соответственно, все созданное при социализме рухнуло. Без этой разрухи она не смогла бы выполнить три очень важные задачи: разгром кадров страны, особенно хозяйственных, военных и органов безопасности, и воспрепятствование созданию новых качественных кадров в будущем; притупление сознания болгар, сделавшее их податливыми для промывания мозгов; ликвидация национального самосознания, включая и славянское самосознание, и генетическую привязанность большинства болгар к России. Каждая из этих задач имела прямое отношение к целостному разгрому страны, определенному программой Рана.

Разгром кадров органов безопасности был полным. За исключением предателей, всех их объявили “шпионами КГБ” и уволили. Вся система безопасности страны была сведена к нескольким мелким, неспособным к действиям ведомствам.

Армейские кадры громили медленнее, постепенно, синхронно с ликвидацией и самой армии. Параллельно с армией был ликвидирован и военно-промышленный комплекс.

С ликвидацией кадров безопасности и армии были ликвидированы понятия “военная тайна” и “государственная тайна”. По первому требованию какого бы то ни было официального представителя США любая информация предоставляется немедленно.

Весьма красноречивой является статистика, извлеченная из годового доклада правительства о состоянии национальной безопасности за 1999 г. В нем аббревиатура “НАТО” встречается 70 раз; “Европа” и “ЕС” – 66 раз; “болгарская армия” – 10 раз; “национальная оборона” – 10 раз. Комментарии излишни.

Разгром хозяйственных кадров также осуществлялся поэтапно, синхронно с разгромом самого народного хозяйства. За борт были выброшены свыше 30000 хозяйственных руководителей и руководителей научных институтов, их заместителей, ведомственных и государственных экспертов.

Притупление сознания болгар осуществлялось преимущественно средствами массовой информации еще с первых дней “демократии”, т. е. контрреволюции. Прежде всего, нужно было обезличить понятие “факт” и сделать его равнозначным понятию “мнение”, чтобы создать полную свободу определения истинности факта. Фильтр “мнений”, однако, находится в руках управляющих, и они на практике не допускали и не допускают “мнения”, существенно отличающиеся от их собственных, а если и допускают, то точно по определенной схеме, напускающей туман на “факты” так, чтобы выводы опять были в их пользу.

Для разгрома национального самосознания в качестве исходного рубежа была использована естественная и характерная для болгарина национальная самокритичность, которая всегда проявлялась как созидательная сила и не достигала национального нигилизма. Но именно этот нигилизм и является крайней целью “демократии”.

Формирование чувства национальной неполноценности осуществляется ежедневно и ежечасно, в основном под давлением средств массовой информации. Большую роль играют и деформированные учебные программы в школах. Снова используется метод многонаправленности истины. Человек имеет право на выбор между патриотиз-

мом и нигилизмом, но на выбор дают – в пользу нигилизма. Этот метод дублируется умопомрачительным чужепоклонством. В газетах можно встретить абзацы, где только глагол болгарский, а все остальное – подогнанные под болгарский английские слова. Рекламы, написанные всецело на болгарском языке, – редкость. Знамя ЕС обязательно сопровождает болгарский флаг, а часто ставится на 20-30 сантиметров выше, как это положено добросовестному протекторату, независимо от того, что Болгария не является членом ЕС и неясно, примут ли ее вообще. “Демократия” требует однако, чтобы болгарин чувствовал себя не полноправным гражданином Европы, как убеждали людей вначале, а гражданином европейского протектората.

Многонаправленность истины используется и в системе праздников; но опять эта многонаправленность имеет целью оправдать неистовую русофобию и сербофобию. Так, например, 3 марта – день победы России над Турцией в 1878 году, когда силой русского оружия и ценою многочисленных жертв русских армий пришел конец турецкому рабству над нашим народом. В связи с этим днем подчеркивается, что турецкое рабство вовсе не было рабством, а всего только турецким присутствием, от чего болгарское население только выигрывало (так написано в учебниках истории) и что русско-турецкая война вызвана агрессивными устремлениями русской империи.

Антирусская истерия сегодня многократно превосходит по своей многоплановости, массивности в использо-

вании чудовищных фальсификаций истории антисоветскую истерию в годы монархо-фашизма, предшествовавшие 9 сентября 1944 года. Прозападная пропаганда в современной Болгарии несравнимо мощней просоветской пропаганды во время социализма. Никогда на дверях болгарских магазинов не было надписей “от себя” и “на себя”, никогда фирменные надписи не были на русском. Все это теперь написано на английском. Никогда в Болгарии не существовал Русский Университет. Зато теперь имеется Американский. Созданный как реакция на это Славянский Университет был закрыт не иначе, как решением парламента.

Раздавлен ли болгарский народ этим мощным экономическим, политическим и нравственным прессом? Окончательно ли “промыты мозги” болгар? Есть ли шанс у Болгарии выжить? Да, есть! На последних выборах не голосовало или голосовало за партии, не попавшие в парламент, 48% избирателей. Это не монолитная масса людей, готовая в определенный момент пойти за по-настоящему прогрессивной политической силой. Но это люди, которые не дали промыть свои мозги, это думающие люди. Болгарское государство уже полностью подчинено Западу, но болгарский народ – нет. И этого никогда не случится.

От времен социализма у нас осталось уважение к слову “демократия”. Пора отправить это уважение в архив. “Демократия” начала нового века является для нас олицетворением рабства. Нам нужна не эта “демократия”, а подлинное народовластие – власть трудового народа. Это ясно, просто и велико, как сам народ.

Реставрация капитализма и реанимация фашистских идей в Латвии в конце XX века

А.П. Рубикс

Латвия – исторически молодое государство. Но, несмотря на молодость, ее история имеет прямое отношение к фашизму, к различным формам его проявления.

Свою государственность Латвия получила 22 декабря 1918 года, когда В.И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР “О признании независимости Советской Республики Латвии”.

Именно Советскую Латвию признала Советская Россия независимым государством. Это трудовой народ, руководимый революционной социал-демократией Латвии, поднялся на борьбу за установление Советской власти и своей национальной государственности в форме независимой Латвийской Советской республики. Части латышских красных стрелков вместе с частями Красной Армии Советской России наносили удары по войскам немецких оккупантов и тем самым помогали труженикам деревень и городов в борьбе против оккупационной власти. 4 декабря 1918 года было сформировано Временное Советское правительство Латвии во главе с Петром Ивановичем Стучкой. Это правительство 17 декабря обратилось к трудящимся с Манифестом, в котором объявлялось, что в Латвии устанавливается Советская власть под руководством суверенного Советского правительства Латвии. Таким образом, была провозглашена независимая Советская Республика Латвия, которую признала Советская Россия. С тех пор Латвия существует как самостоятельное государство. Становление государственности Латвии всеце-

ло было связано с Советской Россией и В.И. Лениным. Однако, сегодня в Латвии нет ни одного памятника Ленину. Все они были варварски разрушены в 1990-1991 годах, после принятия Верховным Советом Латвийской ССР пресловутой Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики. Так новоявленные “демократы” “отблагодарили” Россию и Ленина за историческое событие в жизни народа – обретение государственности.

Установленная в декабре 1918 года на территории Латвии Советская власть продержалась недолго. Задуманная зарубежным империализмом и местной контрреволюцией, 13 января 1920 года Советская власть пала, и перестало существовать первое суверенное государство латышского народа – Социалистическая Советская Республика Латвия. Наступили годы террора буржуазной диктатуры. “Кто сосчитает, сколько революционеров расстреляно, повешено, замучено в карцерах, сошло с ума в латвийских тюрьмах!” – пишет в своих воспоминаниях ветеран коммунистического движения, член нелегального Коммунистического союза молодежи, а затем Коммунистической партии Латвии Элла Анкупе.

Наиболее кровавым террор буржуазной диктатуры был в период становления и первые годы существования ее власти.

В номере за 20 июля 1920 года газета “Циня” (“Борьба”), орган ЦК Компартии Латвии, писала: “Белый террор за последний год в Латвии унес около 12 тысяч жизней рабочих.” Террор был главным средством, с помощью которого держалась диктатура буржуазии в Латвии. В сегодняш-

* Председатель Социалистической партии Латвии

ней Латвии об этом говорить не принято. Внимание сегодня приковано к другим событиям. Особенно популярны в средствах массовой информации различного рода писания о «сталинских депортациях» 1941 года. Для сравнения скажем, что 14 июня 1941 года были арестованы 4202 человека и подвергнуты принудительному переселению 9992 человека (Журнал Латвийского университета «Latvijas Vesture» 1999г., №1). В годы Советской власти данные о количестве депортированных не публиковались, что дало возможность буржуазным пропагандистам после контрреволюционного переворота 1991 года называть цифры, многократно превышающие истинные. Среди депортированных в 1941 году большую часть составляли участники «пятой колонны» в Латвии. О чем многие годы советская пропаганда молчала, не желая предать гласности факт существования в Латвии вооруженного сопротивления Советской власти. По данным доктора исторических наук Дзинтарса Я., среди депортированных в 1941 году около пяти тысяч составляли участники гитлеровской «пятой колонны», которые под руководством полковника 24-го территориального корпуса Латвийской армии Упитиса Я. готовили восстание и свержение установленной волей народа в июне 1940 года Советской власти. Не учитывает буржуазная пропаганда и того, что среди остальной части депортированных было много криминальных элементов. То, что историками советского периода отрицалось существование гитлеровской «пятой колонны» в Латвии, в печати не объяснялись все причины депортаций, служит благоприятным фоном для сегодняшних буржуазных политологов, обвиняющих коммунистов и Советскую власть в необоснованных репрессиях и диктатуре.

Этот период истории Латвии ждет серьезных исследований ученых. Сказанное здесь не означает оправдания всех репрессий. Как известно, репрессии против криминальных элементов и активных врагов Советской власти, желавших путем насилия вернуть власть буржуазии, сопровождались во многих случаях переселением и даже осуждением невиновных. К таковым, в первую очередь, следует отнести членов семей репрессированных – детей, жен, престарелых людей. По данным вышеупомянутого доктора исторических наук Дзинтарса Я., несколько тысяч лиц, определенных к депортации не были депортированы из-за болезни и по другим причинам. В отношении невиновных должна быть восстановлена справедливость, и они все должны быть реабилитированы. Но любая реабилитация не должна быть огульной. Компартия Латвии такую оценку депортации дала еще в декабре 1990 года на заключительном заседании своего XXV съезда.

История Латвии сохранила немало свидетельств о зверствах фашиствующих буржуазных националистов в годы правления национальной буржуазии после свержения Советской власти в 1920 году. Чтобы более полно представить героическую борьбу трудящихся, коммунистов и Временного Советского правительства П.Стучки с буржуазными противниками Советской власти, следует вспомнить, что 18 ноября 1918 года было создано буржуазное правительство Латвии под руководством К.Ульманиса. В связи с непредставительным характером этого правительства и так называемого Народного совета, новоявленные деятели испытывали панический страх перед Советами и Временным правительством П.Стучки. Для борьбы с Советской властью и ее сторонниками был развязан чудовищный террор фашистского характера. Проиллюстрирую сказанное несколькими цитатами из опубликованного 27 мая 1919 года в газете «Балтияс вестнесис» приказа командующего ландесвером майора Флетчера, в котором он отдает 10 распоряжений, нарушители коих караются смер-

тью на месте. Вот некоторые из этих указаний:

«...2. Все, кто при большевиках служили чиновниками управлений, члены комитетов, милиционеры и т.п., все, относящиеся к Красной Армии, и все остальные, сражавшиеся против освободительных частей, в течение 48 часов после этого извещения обязаны явиться на ближайшую полицейскую вахту. За неявку в указанный срок виновные будут наказаны (заметим, что явившихся тоже расстреляли – А.Р.)

3. Всякий, кто примет кого бы то ни было, будет за ним ухаживать, или поможет ему бежать, а также всякий, кто знает о таком человеке и немедленно не сообщит об этом на ближайшую полицейскую вахту, будет наказан.

4. Если из какого-либо дома будут стрелять по войскам, то все жильцы отвечают за это своей жизнью.

5. Всякое частное лицо, которое без разрешения выйдет на улицу с 6 часов вечера до 6 часов утра, будет казнено...»

9 июня 1919 года буржуазное правительство Латвии приняло решение о том, что «... учреждаются военно-полевые суды, которые будут состоять из офицеров – двух латышей, двух остзейских немцев и одного русской национальности». Таким образом, неправы те латышские историки, которые утверждали, что виновниками кровавых расправ были лишь немецкие ландсверовцы и «железная дивизия». Фашистская диктатура исходила от самой национальной латышской буржуазии. Тот же ландсвер опирался в ту пору на соглашение, заключенное 7 декабря 1918 года между К.Ульманисом и генеральным управляющим Германии в Прибалтике Артуром Винингом, предусматривавшее создание такого ландсвера.

Так в кровавых фашистских расправах была задушена Советская власть в Латвии. Начались долгие годы буржуазного правления, приведшие к фашистскому государственному перевороту, совершенному 15 мая 1934 года главой правительства К.Ульманисом.

Еще накануне переворота 21 ноября 1933 года были арестованы депутаты рабоче-крестьянской фракции Сейма Латвии. Словно грибы после дождя появлялись фашистские организации. Наиболее сильной из них была организация «Унгскруст» («Огненный крест»), позднее – «Перконскруст» («Громовой крест»).

В те годы в Латвии, в отличие от Германии и Италии, не было руководящей фашистской партии как базы режима. Эту роль играла массовая военизированная организация «Айссаргов» («Защитников»), имевшая свои отделения во всех сельских волостях. Зато все главные и определяющие признаки фашистской диктатуры – террор и репрессии, ликвидация буржуазно-парламентского режима, авторитарная власть и безудержная проповедь национализма – были налицо. Были концентрационный лагерь в Лиепеае и каторга в каменоломне Калнциемс. Были попытки применить смертную казнь для политических противников. Были произведены массовые аресты коммунистов. К сожалению, борьба коммунистической партии за то, чтобы создать единый антифашистский фронт и преградить путь фашизму в Латвии, закончилась безуспешно.

После фашистского переворота было введено военное положение, которое продолжалось 1371 день. Была прекращена работа Сейма, члены его президиума были интернированы. Были закрыты 35 изданий: журналов и газет, прекращена деятельность 29 профсоюзов, закрыты 178 различных обществ и союзов, была приостановлена деятельность 60 городских дум, ликвидированы уездные управы. С мая 1934 года по май 1940 года в тюрьмы и Лиепайский концлагерь было брошено 18 тыс. 198 человек.

Государственный переворот и созданный К.Ульмани-

сом фашистский режим являются мрачными страницами в политической истории Латвии. Но о преступлениях этого режима в сегодняшней Латвии говорить не принято.

Режим К.Улманиса продолжался до июля 1940 года, когда был сметен социалистической революцией в Латвии. Однако социалистический строй просуществовал недолго. Европа была в огне. Уже 1 июля 1941 года Рига была оккупирована фашистской Германией. В Латвии снова был установлен фашистский режим, который просуществовал до 13 октября 1944 года, когда Рига и большая часть территории Латвии были освобождены от немецко-фашистских войск. В эти годы уже упоминавшиеся айзсарги и перконькрустовцы верой и правдой служили Гитлеру и его режиму в Латвии. Многие перконькрустовцы еще до оккупации страны гитлеровцами сотрудничали с немецкими спецслужбами. Перконькрустовец Густав Целминьш в ноябре 1938 года писал в одном из своих писем: “Когда Германия учредит “новую Европу”, тогда в государствах Европы не будет уже ни одного еврея”. Из этого следует, что идея Холокоста в голове этого фашиста созрела не позднее, чем в голове Гитлера. И совсем не случайно, что пока в оккупированной немцами Риге не была создана сеть карательных органов оккупантов, кровавые экзекуции проводили предатели латышского народа – бывшие айзсарги, полицаи, перконькрустовцы, часть офицеров латышской армии, корпоранты и прочее отребье.

Тысячи людей были расстреляны без суда и следствия. Особой жестокостью и бесчеловечностью отличалась “боевая группа” бывшего полицейского и корпоранта Виктора Арайса. Массовому уничтожению подвергались евреи и цыгане. Был создан латышский легион “Ваффен СС”, через службу в котором прошло более 150 тысяч мужчин из 2-х миллионного населения Латвии.

После 1942 года, когда Латвия была “приведена в порядок”, зондеркоманда Арайса все чаще выезжала “на работу” в Россию, Белоруссию и Польшу. После окончания войны В.Арайс проживал в Германии под чужой фамилией. Все же в 1975 году он был арестован и осужден на пожизненное заключение как военный преступник.

Анализ этих и подобных фактов дает ответ на вопрос, почему Латвия была одним из тех мест, где совершалось массовое истребление евреев, советских военнопленных и сторонников Советской власти. Согласно сведениям, опубликованным в сборнике материалов “Нюрнбергский процесс” (Госюриздат. 1958 г.), в Латвии было уничтожено 85 тысяч евреев. В годы гитлеровской оккупации в Латвии, под Ригой, с октября 1941 года находился самый крупный в Прибалтике концлагерь – Саласпилский лагерь смерти, в котором (вместе с его филиалами) было убито более 100 тыс. человек гражданского населения, в том числе 7 тысяч детей.

Арестами, конвоированием, допросами и пытками, уничтожением невинных мирных жителей занимались не только немецкие службы. В рядах их помощников было много латышских националистов из “пятой колонны”; бывшие айзсарги, перконькрустовцы, полицейские, офицеры буржуазной армии. Даже бывший руководитель отдела Генеральной прокуратуры нынешней Латвии по расследованию преступлений тоталитарных режимов Стрелис У. вынужден был признать, что “ЛССР до самого 1990 года искало и привлекало к ответственности лиц, которые участвовали в экзекуциях против евреев и других мирных жителей... Были привлечены к ответственности и репрессированы несколько десятков тысяч жителей Латвии за то, что во время второй мировой войны они были вовлечены в различные немецкие военные формирования”. (Лауку авизе. 28.01.2000 г.). Правда, тут же он добавляет,

что “большинство из этих репрессированных были признаны невинными (режимом нынешней буржуазной Латвии – А.Р.) и реабилитированы”. Эта реабилитация “невиновных” привела к тому, что сегодня в качестве “политически репрессированных” можно увидеть тех, кто на самом деле такими не являются и реабилитации не заслужили.

За все послевоенные годы Советской власти в Латвии – до 1991 года – проявления фашизма публично не наблюдались. Если что-то появлялось, с ним справлялись органы государственной безопасности, прокуратура и суды.

Это все необходимо, на мой взгляд, помнить, чтобы не быть равнодушным к тем проявлениям фашизма, которые наблюдаются в сегодняшней Латвии, когда в результате контрреволюционного переворота с 1991 года в ней реставрирован капитализм.

Реставрация капиталистического общественного строя привела к активизации проявлений фашистских идей. Один только перечень этих проявлений говорит о многом. В Латвии была издана книга Гитлера “Майн кампф”; был установлен праздник – день создания латышского легиона “Ваффен СС” (по настоянию депутатов Сейма Латвии от социалистической партии и наших коллег по фракции левых сил “За права человека в единой Латвии” этот “праздник” был отменен); бывшие легионеры “Ваффен СС” маршируют под своими знаменами по Риге, а их колонны возглавляют депутаты Сейма Латвии от правых сил и официальные государственные лица.

В парламенте Латвии, состоявшем из 201 депутата, была ликвидирована депутатская фракция “Равноправие”, состоявшая из коммунистов; 16 депутатов парламента – коммунистов были лишены депутатских мандатов, а лидер коммунистов депутат А.Рубикс был арестован и отправлен в тюрьму; без суда и следствия были запрещены Компартия Латвии и ряд других общественных организаций, в том числе организации военных пенсионеров, боровшихся в рядах антифашистов. Компартия Латвии и другие запрещенные тогда общественные организации, находятся под запретом по сей день.

В Риге трижды предпринимались попытки взорвать памятник освободителям города и Латвии от немецко-фашистских захватчиков. При последнем взрыве три года тому назад погибли два человека. Взрывниками оказались члены зарегистрированной еще в 1933 году организации “Перконькруст.”

Несмотря на явно фашистский характер этой организации, на то, что ее члены активно участвовали в работе полиции немецкого оккупационного режима, в массовых экзекуциях, а в августе 1941 года перконькрустовцы были включены в репрессивные органы фашистского режима, эта организация в Латвии официально не запрещена. Видимо, правящему режиму такого рода организации нравятся, их сохраняют “на всякий случай”.

Такой вывод косвенно подтверждает доктор исторических наук сегодняшней буржуазной Латвии И.Крейтусе, которая 6 июня с.г. по радио “Свободная Европа” заявила: “Муссолини для Латвии являлся очень положительным образом. Муссолини, к примеру, на похороны Зигфрида Мейеровица (бывший министр буржуазной Латвии – А.Р.) самолетом через Германию прислал специальный венок, выразив тем самым особую признательность бывшему министру иностранных дел Латвии”. И даже следует вывод, в научности которого усомнился бы сам Гитлер: “Если мы говорим о фашизме, то нужно различать эти два явления. **Не надо увязывать фашизм с концентрационными лагерями, клубящимся дымом над трубами, колоннами голых людей, идущих на смерть**” (Выделено мною – А.Р.).

Если бы это было умозаключение рядового новоиспе-

ченного ученого, то оно не стоило бы внимания. Но эти слова принадлежат уже зрелому человеку, получившему ученую степень еще при Советской власти; человеку, бывшему председателем Сейма Латвийской Республики. Именно под председательством Крейтуса 22 августа 1996 года была принята декларация “об оккупации Латвии”. В этом документе выражены претензии к СССР и России, а содеянное оккупационным режимом фашистской Германии лишь упомянуто.

Есть достаточно оснований, чтобы квалифицировать подобного рода высказывания и официальные документы как попытку защиты, обеления и даже оправдания фашизма. А это уже представляет собой опасность не только для государства, представители которого занимаются столь неблагоприятной и античеловеческой деятельностью.

Такие “теоретические” рассуждения приводят не только к реанимации фашистских идей, но и к конкретным действиям по увековечиванию памяти фашистов. Например, на кладбище в Лестене сооружается памятник латышским легионерам и “национальным партизанам”. Для оправдания деятельности тех и других придумана идея о борьбе за независимую свободную Латвию: мол, легионеры боролись против коммунистов, желая отстоять независимую Латвию.

По определению председателя правления общества воинов Латвии Николая Романовскиса, легионеры “боролись против Красной Армии, против повторной оккупации Латвии”.

Такое утверждение не имеет никакого фактического подтверждения. Как известно, в годы второй мировой войны существовала широкая антигитлеровская коалиция, в которую входили и СССР и его Вооруженные силы. Антигитлеровская коалиция вела войну против гитлеровской Германии и ее сателлитов. Существовавшее до начала второй мировой войны законное правительство Латвийской Советской Социалистической Республики выступало на стороне СССР в составе антигитлеровской коалиции. На стороне СССР выступили и вооруженные силы Советской Латвии.

Что касается латышского легиона “Ваффен СС”, то он был создан не законным правительством Латвии, а оккупационным режимом гитлеровской Германии. Таковы факты. И тут уже, как говорится, сколько ни мой, черного кобеля не отмоешь добела. На волне критики и бездоказательного охаивания всего коммунистического и самих коммунистов такая пропаганда “невиновности” легионеров среди части населения Латвии имеет успех. Только при этом упускаются из виду еще два существенных фактора. Первый. Все легионеры присягали на верность лично Гитлеру, и ни о какой “независимой Латвии” ни в присяге, ни в каких других документах не было даже упоминания. Немцы, принимая “неарийцев” в иностранный легион СС, никогда не уравнивали их с собой. Солдаты и офицеры 19 дивизии СС (2-й латышской), как и всех других, не имели права носить руны СС в правой петлице и, следовательно, были “неполноценными” эсэсовцами. Не могли же чумазые недочеловеки наравне с властелинами мира носить одну и ту же форму. Части иностранного легиона СС обычно использовались для самых “почетных” дел: сторожить заключенных, сгонять евреев в гетто, расстреливать, сжигать деревни и дома. Причем солдат иностранного легиона, как правило, использовали для карательных акций на территории их собственных стран. Второе. Гитлеровская пропаганда открыто вещала о том, что Прибалтийские страны населены неполноценными народами, которые подлежат уничтожению и частичному переселению для “разведения” рабочей силы. Лишь ма-

лую часть населения этих стран планировалось сохранить. Сами же государства должны были стать после победы Германии ее протекторатами.

Всего этого не могли не знать “борцы за независимую Латвию”, сражавшиеся с коммунистами, а по сути, предавшие интересы своей страны и своего народа. Нет оснований оправдывать борьбу “национальных партизан”, как их сейчас величают, а по сути своей, бандитов, “лесных братьев”, в рядах которых, по некоторым данным, находилось около 30 тысяч человек. Ведь среди “лесных братьев” было немало лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с оккупационным фашистским режимом, уничтожением советских патриотов, участием в различных экзекуциях и т.п. действиями. Разумеется, их ждал справедливый советский суд. В сегодняшней же Латвии не победившие фашизм ветераны Великой Отечественной войны имеют льготы, пенсии и пособия, а наоборот – почести воздаются тем, кто в годы второй мировой войны воевал на стороне фашистов.

В Латвии Прокуратура “не находит” доказательств, чтобы судить бывших приспешников режима, в том числе подозреваемых в участии в Холокосте и военных преступлениях. Так было со списком лиц, представленным центром Визенталя, так было с Калейсом – членом уже упомянутой команды Арайса. Но в Латвии находят “аргументы”, чтобы судить советского партизана Василия Кононова, воевавшего против фашистской Германии и лично пустившего под откос 14 гитлеровских железнодорожных воинских эшелонов. По находящимся в распоряжении наших депутатов данным, готовятся документы для привлечения к суду целого ряда других лиц – участников антигитлеровской борьбы, в том числе и на бывшего командира Латышской партизанской бригады, ученого-историка, академика, Героя Советского Союза Вилиса Самсона.

Такова истина о сегодняшней Латвии. Не верьте политикам, с различных европейских трибун разглагольствующим о демократии и равноправии людей, об отсутствии нарушений прав человека в Латвии.

Верховный суд под давлением общественности республики, России и Европы, борцов антигитлеровского сопротивления был вынужден признать необоснованность осуждения Василия Кононова на шесть лет лишения свободы за якобы совершенное военное преступление, отменить решение окружного суда, освободить В.Кононова из-под ареста и отправить дело на дорасследование. Это победа! Пусть маленькая, но победа в защите борца-антифашиста. И мы признательны всем, кто этому содействовал.

В Латвии по-прежнему 680 тысяч человек (28 % населения) не имеют гражданства и по этой причине лишены как активного, так и пассивного избирательного права. Попытки добиться изменения избирательного закона и предоставить негражданам, большинство из которых живут в Латвии десятки лет, право участвовать хотя бы в муниципальных выборах, были отклонены правым большинством Сейма. В целом же неграждане, по сравнению с гражданами, дискриминированы в Латвии в 55 правах в политической, экономической, социальной и гуманитарной сферах.

Этот небольшой анализ дает мне право сделать вывод о том, что история Латвии подтверждает в полной мере справедливость утверждения, что реставрация капитализма, как и сам капитализм, ведут к фашизации и фашизму.

Фашизм не может быть много или мало. Фашизм как смертельная зараза опасен в любых дозах и в любых проявлениях. Все его проявления необходимо искоренять в зародыше. Именно в этом Социалистическая партия Латвии видит одну из задач своей деятельности и готова содействовать такой работе в международном масштабе.

Американская политика “открытых дверей” и новый мировой порядок

Николай фон Крейтор

4 февраля 1996 года бывший министр обороны США Уильям Перри откровенно и безапелляционно заявил: “Расширение НАТО важно для обеспечения успеха политики “открытых дверей” и капитализма в странах Восточной Европы”. “Увеличение НАТО неизбежно и оно произойдет”, – добавил он тоном, который безошибочно напоминал ультиматум.

Тем самым были определены цели американской внешней политики: учреждение новой восточной границы или же, если следовать “пограничному тезису” Ф.Дж. Тернера – новая западная граница американской империи, а также главная миссия Североатлантического союза – основная функция НАТО заключается в обеспечении гарантий того, что двери Восточной Европы будут открыты и останутся открытыми в будущем. Расширенное НАТО станет стражем новой западной границы американской империи. По словам американского политолога Роберта Кокса, НАТО призвано заменить план Маршалла в качестве орудия экспансии американского рынка, экономического империализма и распространения геополитических принципов доктрины Монро на Восточную Европу и за ее пределы.

Если в эпоху раннего американского империализма геополитик адмирал Мэхэн рассматривал новые американские ВМС в качестве средства, поставленного на службу экспансионизму “открытых дверей” и “дипломатии канонерок”, то в нынешние времена подобная функция предписывается НАТО. 24 марта 1999 г. эта аналогия была самым наглядным образом подтверждена началом агрессивной войны США и их сателлитов по НАТО против Югославии. Старая же “дипломатия канонерок” перевоплотилась в новую американскую дипломатию “Томагавков”.

Бывший ответственный работник министерства обороны США и один из архитекторов “нового мирового порядка” З. Хализзад прямо указывал: американское экономическое процветание требует полного контроля над Восточной Европой. Экономические интересы Соединенных Штатов, а вместе с ними и периметр безопасности, значительно возрастают, ибо “Восточная Европа предлагает новые и потенциально широкие рынки для американских товаров, инвестиций и услуг”. Более того, примерно в то же время сенатор Лугар провозгласил, что ради безопасности Соединенных Штатов в будущем необходим абсолютный и безусловный американский контроль над всей Евразией. (Не меньше и не больше!). К тем же выводам пришел и Зб.Бжезинский в своей книге “Большая шахматная доска”.

Во всех этих декларациях четко просматривается традиционная американская политика “открытых дверей”, сформулированная и применявшаяся еще президентом Теодором Рузвельтом в конце прошлого столетия. Именно при нем политика экспансии в соответствии с доктриной Монро начала применяться как наиболее эффективный метод расширения американской империи, создания новых рынков и колонизации экономик других стран.

Концепция “открытых дверей” в сочетании с “пограничным тезисом” Тернера, является сущностью геополитической теории, требующей постоянного расширения Соединенных Штатов. Этой же цели служит интерпретация Бруксом Адамсом политических задач “открытых дверей”: постоянный американский экспансионизм, ведущий к тому, что было названо им Всемирной американской империей. Не случайно немецкий геополитик Отто Мауль писал по поводу американской доктрины “открытых дверей”, направленной на завоевание рынков, что “полное экономическое проникновение имеет тот же эффект, что и оккупация территории”. По его определению, проведение политики “открытых дверей” – это, по сути, военные действия средствами экономики.

Американский геополитик Исайя Боуман определил политику “открытых дверей” как американскую версию германской доктрины “Лебенсраума”, то есть “жизненного пространства”. А выдающийся американский историк У. А. Уильямс справедливо указал, что “история “открытых дверей” стала историей американских внешнеполитических отношений в двадцатом столетии”. Эта доктрина стала основой милитаризации внешней политики США.

Если в конце Второй мировой войны президент Ф.Д. Рузвельт заявил, что новая американская граница проходит вдоль Рейна, то после поражения Советского Союза в “холодной войне” администрация Клинтона проводит новую американскую границу уже в глубине России, вдоль Днепра и далее. Внешнеполитическая карта мира, напечатанная в журнале “Форин Аффферс” (1993, № 3) и иллюстрирующая геополитические планы США, показывает большую европейскую часть бывшего СССР под прочным американским контролем. Прибалтийские страны, Украина, Белоруссия, Молдавия и весь Кавказ включены в сферу применения доктрины Монро.

“Холодная война” как геополитическая концепция

Геополитические цели и внешняя политика США в период после “холодной войны” в основном совпадают с их экспансионистской политикой сразу же после окончания Второй мировой войны, завершение которой и привело к “холодной войне”.

После Второй мировой войны цели американской внешней политики определились под влиянием геополитических идей Ф. Дж. Тернера, Б. Адамса, Х. МакКиндера, Н. Спайкмена и И. Боумана в сочетании с доктриной Монро, императивами экспансионизма “пограничного тезиса” и империализмом “открытых дверей”. Эти цели, выраженные в главном и основополагающем документе “холодной войны” – Меморандуме Совета Национальной Безопасности № 68 (NSC-68) 1950 г., заключаются в следующем:

1. Предотвращение консолидации геополитического пространства Евразии под господством какой-либо иной силы, чем Соединенные Штаты.

2. Постоянное расчленение этого пространства для

предотвращения нежелательной консолидации, которая в будущем может стать враждебной американской политикой “открытых дверей”.

3. Установление постоянного политического и военного присутствия Америки на европейском континенте. Расширение сферы американского влияния и распространение действия доктрины Монро на другую сторону Атлантического океана. Посредством этого США, помимо своей традиционной роли морской супердержавы, превратятся в силу, прочно утвердившуюся в Евразии, становясь, таким образом, также и континентальной силой.

4. Разрушение и расчленение Советского Союза как державы, занимающей стержневую позицию в сердцевине Евразии (то, что МакКиндер называл “Хартленд”)

5. Установление режима “решительного перевеса сил” США в Евразии, то есть американской гегемонии над всей Европой.

Эти цели первоначально были лишь геополитическими, а не идеологическими (борьба и противопоставление, как подчеркивал Дин Ачесон, ведущей морской силы и ведущей континентальной силы), хотя американская пропагандистская машина сумела со временем идеологизировать их, демонизируя своего основного геополитического противника в контексте теологии “Предопределенной судьбы” Америки). Даже создатель стратегии “сдерживания” Дж.Кеннан видел американские стратегические задачи в узких геополитических понятиях.

Что касается плана Маршалла, то, как сказал его инициатор Дж.Маршалл, выступая в 1947 г. в Гарварде, он был “продолжением войны иными средствами – средствами экономики”. А создание НАТО явилось, по словам сенатора Коннэлли, “логическим расширением принципов доктрины Монро”. По поводу же доктрины Трумэна можно сказать, считает известный американский политолог У.ЛаФебр, что она означала конец “первой холодной войны”, которая велась за контроль над Западной Европой и была предпринята Вудро Вильсоном еще после завершения Первой мировой войны, начиная с мирной конференции в Париже. С принятием плана Маршалла и созданием НАТО был установлен американский контроль над Западной Европой. Однако попытки Соединенных Штатов в конце Второй мировой войны включить и страны Восточной Европы в свою империю “открытых дверей” и таким образом расширить сферу влияния доктрины Монро и на эти страны, натолкнулись на сопротивление со стороны Советского Союза. В результате появилась на свет “холодная война”, или то, что ЛаФебр называет “второй холодной войной”.

Грядущая мировая американская гегемония была рассмотрена в широких геополитических понятиях. Концепция многополюсного баланса сил, иными словами – возврат к Вестфальской системе, расходилась с американской геополитической доктриной. Согласно этой доктрине, на место традиционного баланса сил должна прийти однополюсная мировая империя, которая явилась бы логическим завершением американского “пограничного тезиса” – распространением доктрины Монро на весь мир. Специалисты по истории и американским гегемонистским учениям могут вспомнить, что уже Вудро Вильсон в конце Первой мировой войны отверг общепринятую идею о разделе сфер влияния. Он искренне полагал, что весь мир должен стать американской сферой влияния. 27 ноября 1998 г. на дискуссии, посвященной грядущим американским планам завоевания балтийских стран и Украины, в которой участвовали большинство министров обороны последних десятилетий, Дж. Шлессинджер в духе Вудро Вильсона заявил: “США не признают никаких

сфер влияния России. Более того, США не признают и сферы влияния каких бы то не было стран, ибо теперь весь мир – сфера влияния США”.

В этом контексте можно сравнить геополитические доктрины гегемонии Великобритания и США. Великобритания испокон веков преследовала цель не допустить господства какой-либо державы в Европе. Парадигма гегемонии Великобритании заключалась в формуле “сравнительного преимущества Великобритании” в европейских делах, достигаемого прежде всего дипломатией и контролем над международной финансовой системой. Иными словами, Великобритания играла роль решающего рычага в системе баланса сил на континенте, который сохранялся в Европе еще со времен Венского конгресса.

Гегемония США, пришедшая на смену гегемонии Британской империи, унаследовала эти традиционные устремления Великобритании – прежде всего не допустить доминанции континента какой бы то ни было континентальной державой. Но американская парадигма мирового владычества существенно отличалась от британской. США уже во время окончания Первой мировой войны отвергли принцип “баланса сил”. На смену балансу сил США стремились установить систему решающего перевеса силы США. К тому же США не только стремились предотвратить господство континентальной державы на континенте, США сами претендовали на установление своего господства. Суть всех геополитических документов “холодной войны” заключается именно в этом. Провозгласив доктрину Трумэна, США поставили под свою доминанцию не только всю Западную Европу, но и окраины Европы (Грецию, Турцию), Исландию, Гренландию – так называемый Римленд в геополитических концепциях Н.Спайкмена. После окончания же “холодной войны” США практически захватили вторую Европу – Восточную Европу, включая Балканский полуостров.

Когда Вудро Вильсон разглагольствовал на Парижской мирной конференции после окончания Первой мировой войны о том, что со сферами влияния необходимо раз и навсегда покончить, он, конечно, не имел в виду, что сферы влияния являются чем-то плохим, с чем необходимо покончить. Он лишь имел в виду, что сферы влияния других империалистических стран необходимо ликвидировать, с тем чтобы они отошли к США. Этого Вудро Вильсону не удалось добиться после окончания Первой мировой войны. Но после Второй мировой войны произошло именно это, о чем свидетельствуют все основные документы “холодной войны” и сама история. Лишь Советский Союз не попал в сферу гегемонии США. Вот почему США воспринимают сегодня сильную и независимую Европу как излучающее силу геополитическое пространство, как главную угрозу своему владычеству.

Экономическая политика как геополитика

Вступив на тропу геополитического экспансионизма после окончания Второй мировой войны, Соединенные Штаты создали целый ряд институтов гегемонии для достижения своей цели. В том числе, например, Генеральное Соглашение по Тарифам и Торговле, Всемирный Банк, Международный фонд развития и ту же Организацию Объединенных Наций. Все они были задуманы как инструменты проведения американской политики “открытых дверей” в глобальном масштабе и, таким образом, глобализации американского “жизненного пространства”. Главное внимание было уделено мировой политической экономике, в которой торговля и капитал могли бы свободно пересекать государственные границы в соответствии с законами спроса и предложения и поли-

тикой “открытых дверей” Соединенных Штатов. У.А.Уильямс назвал это эскизом для создания “мировой империи открытых дверей”.

Глобальная экономическая политика была задумана в русле геополитических концепций США, и поэтому американская система экономического империализма подверглась милитаризации. Весь мир рассматривался США как один глобальный универсальный “абстрактный рынок”, который необходимо структурировать, поддерживать и определять в соответствии с политикой “открытых дверей”. Эта парадигма всемирной организации, перечеркивающая принципы национального суверенитета и автаркической (защищенной) национальной экономики, направлена на ничем не ограниченное возвышение Америки, вытекающее из тезиса “открытых дверей”. Данная парадигма была сконструирована для того, чтобы наилучшим образом служить нуждам американского “жизненного пространства”, защищать которое являлось делом НАТО.

Лорд Дж.М.Кейнс в 30-е гг. пытался примирить капитализм с внешней политикой невмешательства, предложив модель автаркического капитализма, называемую им “национальной самодостаточностью”. Понятно, что эта концепция радикально расходилась с геополитической парадигмой американской империалистической экономики.

Госсекретарь США Д.Ачесон отвергал идеи создания самодостаточной американской экономики. Он указывал, что неограниченный доступ к иностранным рынкам является главным условием американского экономического развития и процветания. “Будущее процветание США”, декларировал он, “требует неограниченного доступа к иностранным рынкам”, новой границы для заморских экспансий, иными словами, американской системы интервенционизма и империализма. Автаркическая экономика, заявлял Ачесон, “должна полностью изменить нашу конституцию, наше отношение к собственности, к человеческой свободе, саму нашу концепцию права. И никто не собирается делать это. Следовательно, надлежит понять, что нам нужны новые рынки и они находятся за границей”. Так Соединенные Штаты приступили к осуществлению политики “открытых дверей” в Европе – их собственной первоначальной версии политики “жизненного пространства”, проводившейся впоследствии нацистской Германией.

Величайшая опасность для США, замечает Шварц, исходила не от Советского Союза, а от Германии и Японии, ибо мощь именно этих государств была потенциально угрожающей для мультинациональной экономики, создававшейся Соединенными Штатами. Национальный капитализм в этих странах мог бы стать серьезным противником глобального охвата мира американской политикой “открытых дверей”. Международная капиталистическая экономика при доминировании Америки должна служить американским интересам – вот к чему стремились Соединенные Штаты.

Ключ к пониманию послевоенной политики США лежит в воле и способности Соединенных Штатов играть роль сверхдержавы-гегемона, устанавливающей систему международного, то есть американского, капитализма, направленного против национального капитализма других стран. Единственный путь к преодолению опасности национального капитализма и создания защищенных экономических пространств, состоит в образовании господствующей супердержавой гегемонических союзов с тем чтобы другие государства “не ощущали нужды в стремлении к автаркической политике или же к торговым

блокам в попытках улучшения своих позиций. Главная цель американской политики после 1945 года заключалась не в противодействии пресловутой “советской угрозе”, а скорее в усилиях по навязыванию специфической экономической модели, служащей американским интересам, всему непослушному миру.

Не стоит забывать о том, что независимая Западная Европа в свое время опрокинула Pax Britannica и глобальный экономический порядок под эгидой Великобритании. Приняв на себя роль мирового гегемона после Второй мировой войны и заменив Pax Britannica на Pax Americana, Соединенные Штаты восприняли независимость Западной Европы как угрозу для своего грядущего мирового господства. Западная Европа должна была быть нейтрализована как независимая геополитическая единица, которая могла бы в будущем превратиться в соперника Соединенных Штатов. Согласно планам заокеанских стратегов, Западную Европу следовало деполитизировать. Ее политическая воля должна была полностью совпадать с политической волей Вашингтона. Ее же рынки должны были подчиниться императивам стратегии “открытых дверей”.

США хорошо помнили и понимали, что в распадающейся гегемонии Великобритании решающую роль играла политика конкурирующих государств, направленная на то, чтобы создать региональные автаркии. Эти центробежные силы приводили к устранению географических регионов из международной экономической системы “свободной торговли” под эгидой и гегемонией Великобритании.

Попытки создать региональные торговые блоки – Срединная Европа Германией и Северо-восточная Азия Японией – натолкнулись на мощь американской политики “открытых дверей”. Жизненное пространство для Германии и Японии являлось омертвляющим пространством для американского империализма. Если бы две ведущие страны оси преуспели в своих намерениях, считал Вашингтон, тогда мировая система, и мировой рынок распались бы на четыре Большие пространства, организованные вокруг индустриальных центров в Западной Европе, Северной Америке, Советском Союзе и Японии. Во время президентства Ф.Д.Рузвельта такой мировой сценарий широко обсуждался. В американской истории он известен как “политика четвертьсферы” или как “американская крепость”.

Как отмечает американский историк Т.МакКормик, правительство Рузвельта отвергло эту стратегию, считая, во-первых, что “политика четвертьсферы” требовала введения системы государственного капитализма и снижения прибыли для американских монополий. Во-вторых, это означало бы для США отказаться от трех четвертей мировой системы и мирового рынка в такой благоприятный исторический момент, когда все условия для воцарения американской мировой гегемонии были налицо, и США могли превратиться в мирового властелина. Вторая мировая война являлась для Соединенных Штатов средством для достижения гегемонии в мире. США стали мировым банкиром и мировой мастерской, мировым судьей (суперарбитром) и мировым жандармом. Потенциал для такого присвоения власти существовал уже после 1919 г, но теперь война обеспечила США недостающие составные части, а именно: волю к власти заправил Вашингтона и идеологическую легитимацию этой воли. К 1945 г. Вашингтону стало очевидно, что следующие условия должны быть выполнены для утверждения абсолютной гегемонии США:

1. Создание государства-гегемона, способного заставить другие государства следовать правилам междуна-

родного поведения, созданным государством-гегемоном в целях экспансии политики “открытых дверей”.

2. Способность государства-гегемона наказывать и изолировать те государства, которые отказывались следовать этим правилам (то есть подчиняться политике “открытых дверей”).

Существование всемирной империи “открытых дверей” может быть гарантировано только при условии, если как Западная Европа, так и Япония будут навсегда уничтожены в плане геополитического соперничества, а страны Восточной Европы превращены в колониальные рынки для Соединенных Штатов. Предыдущая система баланса сил должна быть разрушена, вместо нее должно прийти господство “решающего перевеса силы США” в мире.

Таким образом, американская внешняя политика является империалистической, ибо она направлена на расширение гегемонии США во имя достижения экономических целей. Основная цель американской политики периода “холодной войны” имела мало общего со “сдерживанием” Советского Союза или с “советской угрозой”, несмотря на то, что термин “советская угроза” использовался для оправдания послевоенного экспансионизма в глазах патриотической публики и Конгресса. Основопологающие принципы этой политики заключались в следующем:

1. Установление “решающего перевеса силы США” во всем мире, а значит и американского мирового господства.

2. Установление в глобальном масштабе режима “открытых дверей”, то есть охват доктриной Монро всего мира и, таким образом, создание *Imperium Monde* (доктрины Монро для всего мира), называемой идеологическим аппаратом Вашингтона *Pax Americana*, “свободным миром”, “атлантическим сообществом” или “мировой экономикой свободного рынка”.

Меморандум Совета Национальной Безопасности N 68 был эскизом для американского мирового господства: “способствовать образованию мировой среды, в которой бы американская гегемония могла существовать и процветать”. Такую политику Соединенные Штаты проводили бы даже в том случае, если бы и не было ни “советской угрозы”, ни Советского Союза.

Возражая против предложения Дж.Кеннана о нейтрализации Германии и выводе войск обеих супердержав с европейского континента, ЦРУ утверждало, что “суть германской проблемы (в данном случае речь идет о снижении напряженности в отношениях с Советами) состоит в том, чтобы на длительный срок получить контроль над германской силой”, пишет историк Мельвин Леффлер в своей книге “Силовое превосходство”. “К 1957 году Кеннан, носившейся с идеями о выводе американских и советских войск, казался “опасным еретиком” официальному Вашингтону. В своих мемуарах он был вынужден признать, что американские государственные деятели “не собирались выводить ни одного батальона с территории Западной Германии даже при условии, если бы русские пошли на то, чтобы в ответ на этот шаг согласились совсем уйти из Германии и Польши”. “В то время как Кеннан долгое время полагал, что американская европейская политика мотивировалась идеологической реакцией на Советы, ныне он пришел к выводу, что она объяснялась устремлениями, никак не связанными с Советским Союзом”. Взаимный вывод войск СССР и США из Западной Европы был, собственно говоря, невозможен. Система многополюсного баланса сил означала на практике восстановление Вестфальской системы *Jus Publicum Europaeum*, преобладавшей в Европе в прошлом, которая, как в доктринальном отношении, так и с точки зрения

национальных интересов, была полностью неприемлемой для Соединенных Штатов.

Само существование подлинно независимых актеров на международной арене должно было быть непереносимым и полностью неприемлемым для США, ибо оно подрывало бы американскую гегемонию, являющуюся ключом к экономическому процветанию Соединенных Штатов. Такая концепция носит характер почти аксиомы, и она подчеркивает основную парадигму американской внешней политики – достижение и поддержание “решающего перевеса силы США в мире”. Когда же Зб.Бжезинский написал недавно, что “американская гегемония в Европе является самоочевидной аксиомой”, он просто подтвердил традиционные геополитические цели США. Миссия американской безопасности состоит в глобальном решающем силовом превосходстве, к такому заключению приходит Мельвин Леффлер.

Руководство Пентагона по оборонному планированию

Секретное “Руководство Пентагона по оборонному планированию” в период после “холодной войны”, выдержки из которого были опубликованы в “Нью-Йорк Таймс” 8 марта 1992 г., суммирует и обобщает парадигму американской мировой гегемонии и аксиомы стратегии “решающего перевеса силы США в мире”, зеркально отражает цели “холодной войны” и подтверждает требования, выдвигаемые американской геополитикой: “ни целостной Европе, ни объединенной Германии, ни независимой Японии не должно быть позволено проявить себя в качестве третьей силы, способной стать конкурентом США”.

В идеологической сфере глобальной американской геополитической экспансионизм, наблюдающийся по окончании “холодной войны”, определяется в терминах, заимствованных из политической теологии доктрины Монро и находящих свое оправдание в потребностях глобальной безопасности.

В пентагоновском руководстве отражаются и геополитические теории МакКиндера в сочетании с экспансионистским устремлением “пограничного тезиса” Тернера. В результате экспансия НАТО переводится в действительности в “мирный” или же далеко не мирный, как в случае Югославии, захват Восточной Европы, Украины, прибалтийских стран, Кавказа и Центрально-азиатских республик.

В практическом отношении “Руководство Пентагона по оборонному планированию” может рассматриваться как осовремененный Меморандум 68. В нем формулируются и уточняются определенные задачи, направленные против всех потенциальных политических и геополитических противников, не только России, но, главным образом, Германии и Японии.

Представляется совершенно недопустимым существование какой бы то ни было независимой страны, не важно, капиталистической или социалистической, проводящей национальную политику или же имеющей национальные интересы, отличающиеся от интересов Соединенных Штатов. В этом отношении “новый мировой порядок” символизирует тотальное отвержение традиционной системы баланса сил, международного плюрализма и, в конце концов, самого принципа национального суверенитета.

Не случайно в приговоре, вынесенном на заключительной сессии Международного Трибунала по расследованию американских военных преступлений в Югославии под председательством бывшего министра юстиции США Р.Кларка “Руководство Пентагона по оборонному планированию” было заклеено как основной доку-

мент, свидетельствующий о заговоре против мира правящей верхушки США.

Экспансионизм под прикрытием “озабоченности безопасностью”

Президент Клинтон заявил в 1993 г., что “мировая экономика изменилась таким образом, что связи между внутренней и внешней политикой, на мой взгляд, сделались неразделимыми”. Он имел в виду, конечно, тот факт, что американский геополитический экспансионизм и захват новых рынков ныне приравниваются к внешней политике “открытых дверей”, а экономическое империалистическое обогащение и процветание отождествляются с внутренней политикой, и, таким образом, внешняя и внутренняя политика становятся неотделимыми друг от друга.

НАТО отныне служит целям как внешней, так внутренней политики США. С одной стороны, Североатлантический союз является первичным инструментом контроля над Западной Европой, геополитического экспансионизма и захвата других стран, с другой – обслуживает местные экономические нужды, создавая новые рынки и содействуя, таким образом, империалистическому обогащению. Экспансионизм и экономическое процветание взаимосвязаны, а традиционный империализм и политика захвата в сфере идеологии представляются идеологическим аппаратом Вашингтона как вопрос безопасности. Американское процветание связано с американским контролем Европы, а НАТО является основным и всемогущим инструментом этого контроля. Поэтому любая угроза НАТО есть угроза и американской гегемонии и, следовательно, американскому экономическому процветанию. Как отмечает Шварц: “Начиная с конца сороковых годов, Соединенные Штаты определили свои жизненные интересы в Европе как связанные с противодействием нормальному ходу экономического и геополитического соперничества между государствами этого региона”.

У.Р.Мид, первым выдвинувший идею аннексии Сибири и превращения ее в очередной американский штат, утверждал, что независимая Европа будет в экономическом аспекте закрытой для Соединенных Штатов. “Экономически закрытая Европа – револьвер, приставленный к голове Америки”. Континентальная система, возглавляемая Германией, – смертельная угроза американской гегемонии и, следовательно, американской экономике. Создание такой системы явилось бы для США как геополитической, так и экономической катастрофой. Именно по-

этому США должны навсегда остаться единственной сверхдержавой мира. Германия и Япония должны быть навсегда лишены возможности проявлять свою силу в Персидском заливе – там, где расположены крупнейшие ресурсы нефти. Проявление Японией и Германией самостоятельности во внешней и экономической политике – угроза для США. Этим странам, с точки зрения заокеанской державы, нельзя позволять демонстрировать свои силовые возможности для обеспечения безопасности ресурсов, имеющих стратегическое значение.

Недавно гарвардский экономист М.Фелдштейн написал во влиятельном журнале “Форин Аффферс”, отражающем взгляды правящих кругов Вашингтона, что “европейская экономическая интеграция и евро, и связанное с ними будущее экономическое соперничество объединенной Европы с Соединенными Штатами могут послужить поводом для войны”! К подобным выводам приходит и У. Пфафф в своей работе “Будущее столкновение Европы с Соединенными Штатами”.

Однако то, что Америка называет “законной обеспокоенностью безопасностью”, на деле сводится к геополитическому экспансионизму и колонизации новых стран, осуществляемых под идеологическим прикрытием образования всемирной империи “открытых дверей”, глобального американского “жизненного пространства” или “нового мирового порядка”. Соединенные Штаты проводят планомерную дестабилизацию международной среды, чтобы расширить свою военную власть и геополитический контроль, который выходит далеко за пределы того, чего требуют естественные нужды безопасности. Америка использует имеющуюся в ее распоряжении силу исключительно для неоколониальных захватов. Для Соединенных Штатов понятие “озабоченность безопасностью” не имеет ничего общего с законным “мирным” беспокойством или “обороной”, для них она ассоциируется только лишь с разного рода интервенциями и международной агрессией. По определенным историческим, идеологическим, политическим и экономическим причинам американское руководство не способно содействовать делу стабилизации международного положения. Проводимая в жизнь Вашингтоном доктрина “легитимной безопасности” требует продолжения геополитического экспансионизма, который может вести лишь к дальнейшей дестабилизации мирового сообщества.

Но в итоге, как сказал У.Уильямс, главным противником Соединенных Штатов явится сама история.

Роковой комплекс Эрисихтона

Ю.А. Жданов

Античный мир обогатил духовную сокровищницу человечества бесчисленным количеством роскошных и разнообразных, мудрых и поучительных мифов. Нам с детства знакомы увлекательные рассказы о Зевсе и Посейдоне, Афродите и Афине, Геракле и Антее, Гефесте и Персее – список можно продолжить, но новых имен уже не внесешь. В новые времена Ницше пытался актуализировать аполлоновское и дионисийское начала. Но самый модернистский поиск был совершен Зигмундом Фрейдом, который выдвинул против изумленного человечества Эдипов комплекс. Правда, Курт Хюбнер сердито на это проворчал: “Истолкование мифа об Эдипе Фрейдом и его сторонниками является совершенно произвольным” [1]. И в самом деле, весьма сомнительным является утверждение, будто каждый малыш желает прирезать своего папашу, чтобы овладеть матерью. Комплекс Эдипа скорее можно назвать в память о его отце комплексом Лая, поскольку последний поднял руку на фундаментальный закон продолжения рода (случай с Хрисиппом).

В то же время нельзя не отметить наметившегося усиления внимания к мифологии у многих современных философов, культурологов, социологов. Мифологическое сознание оказалось весьма живучим, несмотря на все успехи научного познания, логики, диалектики. Правда, не следует забывать, что массовое обыденное сознание людей весьма далеко и от науки, и от логики.

Крупнейшие умы человечества немало внимания уделяли природе мифа, его исторической обусловленности и эволюции. К. Маркс в свое время справедливо заметил: “Древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии” [2]. Закономерность и неизбежность формирования мифов отмечал Ф. Энгельс. По его мнению, мифологический процесс – это “свободное саморазвитие сознания в пределах всемирно-исторической необходимости” [3].

В классической немецкой философии существовала мощная традиция глубокого анализа мифотворчества. Ф. Шеллинг посвятил этой проблеме “Введение в философию мифологии”, полагая, что в мифе “ощутимы первые переживания сил, незримо управляющих человеческим миром” [3]. На этой основе формируется в сознании универсум первообразов, обладающий бесконечной природой. При этом, по мысли Шеллинга, мифология не только изображает настоящее или прошедшее, но стремится охватить также будущее, обладая даром пророческого предвосхищения.

Глубокий анализ природы мифа содержится во многих работах Гегеля (“Философия духа”, “Философия религии”, “Лекции по истории философии”). Формирование мифов он связывает с закономерным этапом постижения мира в виде эмоционально насыщенных образов, представлений, колеблющихся между чувственным созерцанием и подлинной мыслью. По поводу мифологии Гегель пишет: “Она, правда, является продуктом фантазии, но не продуктом произвола, хотя последний также находит себе здесь место. Главное в мифологии является результатом фантазирующего разума, делающего своим предметом сущность, но не обладающего никаким другим органом, кроме чувственного способа представления, так

что боги выступают в человеческом образе” [5].

Размышления Гегеля имеют огромное значение для теории познания, гносеологии, теории отражения. Природный и общественный мир человека отражается в его голове в виде идеальных, всеобщих, еще абстрактных представлений, которые воплощаются в индивидуальные фантастические образы, как бы опредмечиваются и овеществляются вплоть до фетишей и кумиров.

Итак, мифология есть способ освоения природного и социального мира, образно-чувственное его восприятие, переливающееся в сферу интуиции и фантазии, творческого воображения. Она содержит в себе дискурс на уровне представлений и в то же время непрерывно отрывается от реальности.

Эти предварительные размышления, надеюсь, позволяют оправдать рискованный шаг актуализации еще одного, малоизвестного, фактически всеми забытого античного мифа. Речь идет о неприметном фессалийском царьке Эрисихтоне, мифологическую историю которого рассказали два автора: александрийский грек Каллимах и Овидий в своих “Метаморфозах”.

Извинившись за неизбежные купюры, приведем вначале миф в той форме, в которой его представил Каллимах в гимне “К Деметре”:

*В давнее время не Книда предел, но Дотий священный
Племя пеласгов еще населяло; они посвятили
Рощу богине густую – сквозь листья стреле не пробиться,
Там и сосна возрастала, и статные вязаи, и груши,
Там и сладчайшие яблоки зрели; электра яснее,
Там струилась вода из протоков. Не меньше ту рощу,
Там Элевсин, иль Триоп, иль Энну, любила богиня.
Демон благой отошел меж тем от Триопова рода.
И через то Эрисихтон был злым подвигнут советом:
Двадцать служителей он повел с собою, могучих,
Словно Гиганты, способных хоть целый град
ниспровергнуть,*

*Их секирами всех ополчил, ополчил топорами –
И предерзких толпа к Деметриной кинулась роще.
Был там тополь огромный, до неба росшее древо,
Тень в полуденный час для игры дарившее нимфам;
Первый приявши удар, печально оно восстало.
Вот Деметра вняла, как тополь отражает священный,
И промолвила в гнев: “Кто дивные рубит деревья?”*

Но попытка Деметры урезонить зарвавшегося буяна встретила решительный отпор:

*“Прочь! – он вскричал, – иль моим топором тебя поражу!
Что до этих дерев, то они пойдут на укрытье
Для чертога, где радостный пир сотворю я с друзьями!”
Юноша кончил; была записана речь Немесидой.
Гневом вскипела Деметра, мертвые от страха слуги
Прочь пустились бежать, в лесу топоры покидавши.
Их Госпожа отпустила, людей подневольных, не доброй
Волей пришедших сюда; но владыке молвила гневно:
“Так, хорошо, хорошо, о, пес, о, пес! О веселых
Ныне пекися пирах! Предстоит тебе трапез немало”.*

*Так провеждала она, Эрисихтону горе готова;
В тот же миг он был обуян неистовым гладом,
Жгучим, ярости полным, и злой в нем недуг поселился.
О, злосчастный! Чем больше он ел, тем больше алкал он.
Двадцать слуг подносили еду, а вина – двенадцать,
Ибо гневом пылал Дионис с Деметрой согласно:
Что ненавидит Деметра, всегда Дионис ненавидит.
... Дома меж тем запершись, целодневно,*

с утра и до ночи

*Ел он и ел без конца, но вотще – свирепый желудок
Только ярился сильней; как будто в пучину морскую
Все погружались бесплодно, нимало не пользуя, яства.
Словно снег на Миманте иль воск в сиянии солнца,
Так он таял, и таял сильней, пока не остались
Только жилы одни у страдальца, да кожа, да кости...
Но когда от зубов ненасытных все опустело,
На перекрестке дорог уселся царственный отпрыск,
Клянча сухие куски и стола чужого отбросы [6].*

Итак, у Каллимаха рассказ идет о высокопоставленном шалопае, который совершил святотатство, оскорбив Деметру, за что и был наказан голодом. Станным образом, весьма проницательные специалисты по истории мифологии лишь бегло касаются выходки Эрисихтона. Так, несомненный знаток мифологии А.Ф. Лосев мимоходом упоминает об Эрисихтоне по случайному поводу [7].

Дотошный Дитер Лауэнштайн вскользь отмечает: “В остальном пропитание – сфера Деметры, как подчеркивает Каллимах в своих гимнах к этой богине на примере обжоры Эрисихтона, “того, на кого гневается богиня” [8].

Великий итальянский мастер Джорджоне на своем полотне “Адонис и Эрисихтон” также противопоставляет фессалийского царька кругу Деметры – Персефона в лице прекрасного юноши Адониса – символа вечно возрождающейся природы.

Роберт Грейвс более детально анализирует проступок “обжоры”: “Рассказ о сыне Триопа Эрисихтоне – это нравочтение: среди греков, латинян и древних ирландцев бытовал обычай, в соответствии с которым рубка деревьев в священной роще каралась смертью. Однако наказание ненасытным голодом, который в елизаветинские времена получил название “волчьего аппетита”, – это несправедливое наказание за рубку деревьев, и имя Эрисихтона ... означает “бороздящего землю” и говорит о том, что его действительным преступлением ... была пахота без согласия Деметры” [9].

Мудрый знаток мифологии Я. Голосовкер не поверил внешней канве сюжета об “обжоре”: “Эрисихтонов голод – голод ненасытный, ничем не утолимый... Такова и трагедия ума: никакое знание не может утолить голода мысли, ее голода, и она в итоге сомнений, потеряв все основания знания, съедает самое себя” [10]. Голосовкер справедливо замечает, что Эрисихтон выпадает из ряда “голодающих” античных героев. Те просто лишены доступа к пище: Тантал тщетно домогается питья и плодов, гарпии отбирают съестное у Финей; у несчастного Мидаса пища превращается в золото. Эрисихтон успешно пожирает все окружающее и не может насытиться. Голосовкер почувствовал, что не так все просто с Эрисихтоном и попытался нащупать в мифе некую эпистемологическую метафору, отходя от традиции Каллимаха и обращаясь к варианту мифа, представленному Овидием [11]. В “Метаморфозах” римский поэт примыкает к традиции Каллимаха, но под его пером миф об Эрисихтоне приобретает новые, подлинно космические очертания, мрачную глубину, характер социального прогноза и предостережения.

Подобно Каллимаху, он начинает со вторжения Эри-

сихтона в священную рощу Деметры-Цереры. Однако уже не тополь становится жертвой его топора, а могучий дуб, символизирующий во многих мифологиях Древо жизни или Древо мира. На него поднял руку Эрисихтон в священной роще богини растительности, богини плодородия, щедро одаряющей человека своими плодами.

Мало понимали древние греки в экологии, но в их душах и в памяти их предков хранились картины опустынивания обширных районов Малой Азии, обезлесения их родной Эллады, Балкан. Нить Ариадны тянется с тех времен к современному экологическому кризису биосферы. Вырубается не роща Деметры-Цереры, нет! Рушатся зеленые гиганты в лесах Амазонки, забиты гниющим молевым лесом реки Сибири. Отравлены коралловые рощи на дне океана, о чем с болью рассказал нам великолепный Кусто. Осыпалась листва от американских дефолиантов на миллионах гектаров джунглей Вьетнама. На землю пришел экоцид, биоцид, геноцид.

Недавно, услышав о том, что в проливах Каттегат и Скагеррак в Северном море захоронены со времен войны тысячи тонн отравляющих веществ, контейнеры которых постепенно ржавеют, разрушаются и зловеще дегерметизируются, взрослая дочь сказала своей маме: “Не хочу жить среди людей!”...

Повторяя сюжетную линию Каллимаха, Овидий внес в миф об Эрисихтоне новые, принципиально важные отличия и черты. Видимо, поэту римской эпохи были доступны более широкие источники, чем александрийскому греку. Под пером Овидия миф не только обогатился новыми деталями, но и приобрел поистине общечеловеческое значение и величие. Последуем же за его рассказом об Эрисихтоне:

*Он топором – говорят – оскорбил Церерину рощу,
Будто железом нанес бесчестье древней дубраеве.
Дуб в той роще стоял, с долголетним стволом,
преогромный,
С целую рощу один, – весь в лентах, в дощечках
на память,
В благочестивых венках, свидетельствах просьб
не напрасных.
Часто дриады под ним хороводы в праздник водили,
Часто, руками сплетая по порядку, они окружали
Дерева ствол; толщина того дуба в обхват
составляли
Целых пятнадцать локтей. Остальная же
роща лежала
Низменно так перед ним, как трава
перед рощею всею.*

*Но, несмотря ни на что, Триопей топора рокового
Не отвратил от него; приказал рабам, чтоб рубили
Дуб. Но, как медлили те, топор из рук у них вырвал.
“Будь он не только любим богиней, будь ею самою,
Он бы коснулся Земли зеленою все же вершиной” –
Молвил. И только разить топором он наискось начал,
Дуб содрогнулся и стон испустило богинино древо.
В то же мгновенье бледнеет и листва, и желуды дуба
Стали; бледностью вдруг его длинные ветви*

*покрылись,
А лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилась кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык, – из шеи крутой поток изливается алый.
Остолбенели кругом; решился один святотатство
Предотвратить, отвести беспощадный*

*топор фессалийца.
Тот поглядел – “За свое благочестье прими же награду!” –
Молвил и, вместо ствола в человека направил оружие,*

Голову снес – и рубить стал снова с удвоенной силой.
Вдруг такие слова из середины слышались дуба:
“В дереве я здесь живу, Церере любезная нимфа,
Я предрекаю тебе, умирая: получишь возмездье
Ты за деянья свои, за нашу ответишь погибель!”
[11, с.269-270].

Овидий вплетает в повествование новый важный мотив: кровь, насилие, убийство. Из нанесенной дубу раны струится кровь обитавшей в нем прекрасной нимфы. В человека направил оружие Эрисихтон и снес топором голову своего товарища, воспротивившегося разрушительному неистовству.

Нет, не духовно жаждою был томим Эрисихтон, как думал Голосовкер, в нем восторжествовали “дикие, слепые и необузданные силы разрушения”, как их охарактеризовал Маркс [12].

Как и Каллимах, Овидий описывает далее то великое проклятье, которое пало на Эрисихтона по воле Деметры-Цереры. Это проклятье – смертный голод. Исполнительницей кары стала богиня голода. Правда, Церера не хотела иметь с ней личных контактов и направила за ней в запряженной змеями колеснице одну из своих помощниц на окраину “Скифии льдистой”:

*На мерзлой горе, на Кавказе
Остановилась она и змей распрягла, и сейчас же
Глада богиню нашла на покрытом камнями поле*
[11, с. 271].

На первый взгляд, кажется неожиданным то обстоятельство, что богиня голода обитает на Кавказе, в скифских степях. В современном представлении именно здесь всегда были плодородные степи, поля и сады Кубани, Предкавказья и лишь “злые большевики организовали тут голод” в тридцатых годах. Однако, на самом деле все обстояло далеко не так.

В историческом сознании предков античных греков сохранились воспоминания о давних временах миграции индо-арийских племен. Эти же воспоминания отразились у современных кавказских народов в нартских сказаниях. Как и греческая мифология, нартский эпос связывает богоборческие мотивы с наказанием голодом.

Герой кабардинского эпоса, прославленный нарт Узырмак спасает нартов от голода, который наслал на них мстительный властелин Пако [13]. Осетинское сказание повествует о голодном годе нартов, когда пал весь скот и выгорели нивы. Более того, гибель племени героев связывается с тем, что на земле нартов перестал родиться хлеб [14].

Поэтому местообитание царицы голода в Скифии не случайно, миф об Эрисихтоне в изложении Овидия имеет весомое основание.

Хотя и враждебная Церере, богиня голода исполнила ее просьбу и вдохнула в спящего Эрисихтона неутолимую ненасытность:

*Сладостный сон между тем Эрисихтона нежил
крылами
Мяжкими: тянется он к соблазнительно снимающимся
яствам;
Тщетно работает ртом; изнуряет челюсть об
челюсть,
Мнимую пищу глотать
обольщенной старается глоткой.
Но не роскошную снедь, а лишь воздух пустой
пожирает.*

*Только лишь сон отошел, разгорается буйная
алчность,
В жадной гортани царит и в утробе, отныне
бездонной.*

*Тотчас всего, что земля производит, и море, и воздух.
Требуется; блюда стоят, но на голод он сетует горько.
Требуется яств среди яств. Чем целый возможно бы город,
Целый народ напитать – для него одного не довольно.
Алчет все большего он, чем больше нутро наполняет,
Морю подобно, что все принимает земные потоки,
Не утоляясь водой, выпивает и дальние реки,
Или, как жадный огонь постоянно питания алчет
И без числа сожигает полен, и чем больше получит,
Просит тем больше еще и становится все ненасытней,-
Так нечестивого рот Эрисихтона множество разных
Блюд принимает и требует вновь: в нем пища любая.
К новой лишь пище влечет. Он ест, но утроба пустует.
Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
Средства отцовские. Ты лишь один, о, безжалостный
голод,*

*Не притуплялся внутри; не смиренное пламя пылало
В глотке его. Наконец все имущество кануло в чрево*
[11, с. 271-272].

По мере того, как вчитываешься в драматические строки поэмы, невольно охватывает и проникает в сознание мысль: так ведь это же описание общества потребления, которое ненасытно, в нарастающем неистовстве требует всего, что производит земля, и море, и воздух. Создатель и глава Римского клуба Ауреллио Печчеи утверждает, что ныне на карту поставлена судьба человечества как вида и объясняет, почему это так: “Уподобившись Гаргантюа, он развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию” [15].

Как не вспомнить здесь грозную филиппику Энгельса: “Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели” [16].

Но эти фурии частного интереса и корысти празднуют свое торжество именно в нашу эпоху.

Жестокий миф продолжает свою беспощадную логику. Эрисихтон ищет спасения в ... рыночной экономике: он решил продать свою дочь:

*Дочь оставалась одна, – не такой подобал ей родитель!
Нищий, он продал и дочь...*
[11, с. 272].

Однако вырученных от продажи родной дочери средств хватило не много. Обладая даром репродукции, дочь возвращается к своему неупутевому отцу. Тот снова торгует ее жизнью:

*Но убедившись, что дочь принимает различные виды,
После отец продавал Триопеиду часто, – и дева
То кобылицей была, то оленем, коровой и птицей
И доставляла отцу беззаконное тем пропитанье.*

В своем замечательном исследовании о природе человеческой деструктивности известный философ и психоаналитик Эрих Фромм так определяет природу рыночных отношений:

“...Для рыночной личности **весь мир** превращен в предмет купли-продажи” [17].

Греки времен Эрисихтона еще не знали денег, но уже освоили товарный обмен. Замечательным образом они инстинктивно почувствовали его внутреннюю антагонистическую природу. Более того, несчастная дочь Эрисихтона уже выступает в форме всеобщего товарного эквивалента, который может быть обменен на кобылицу или корову. Удивительным образом это напоминает схему Маркса из “Капитала” *, представляющую всеобщую форму стоимости:

1 кобылица	=	}	1 дочь
1 корова	=		
1 олень	=		
1 курица	=		
и т. д.	=		

К сожалению, это мрачное уравнение отнюдь не носит демагогического характера. Во времена Овидия слово “ресипи” означало одновременно и деньги, и скот. Что касается наших дней, то в условиях цивилизованного капитализма возник и развился киднепинг (торговля детьми). Торгуют не только детьми, но и тканями неродившихся младенцев, эмбрионов; торгуют живыми глазами, почками – prostituteировано все. Продать можно мать, историю, отечество, идею, наркотик, оружие – дали бы хорошие деньги. Появились политические проституты. Далеко до всего этого Исаву или Иуде! Видимо, недаром творец кибернетики Норберт Винер призывал людей не подходить к добру и злу с позиций свободного рынка, убеждал их в том, что “выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи” [18], поскольку, по его мнению, конкуренция приводит не к саморегуляции общества, а к “столпотворению измен, ренегатства и обманов”.

Но и это еще не конец в рассказе об Эрисихтоне. Заключительный аккорд мифа ужасен:

*После того как алчба достояние все истощила,
Снова и снова еду доставляя лихому недугу,
Члены свои раздирать, зубами грызть Эрисихтон
Начал: тело питал, убавляясь телом, – несчастный!*
[11, с.273].

Итак, начав с разрушения природы, пролив чужую кровь, Эрисихтон приходит к саморазрушению, самопожиранию. Отчуждение от мира, от человеческой сущности ведет к самоотчуждению в самой дикой форме.

Здесь хотелось бы обратиться к одному понятию, над которым размышлял еще Гегель и к которому не обращались последующие мыслители, – к понятию “озлобление”. Именно оно характеризует Эрисихтона. По Гегелю, озлобление – это “дикий выход за пределы всех границ”, оно “представляет собой разрушение природы”, “пожирает свой образ” [19].

В основе эволюции рода человеческого, как и всего живого на Земле, лежат две максимы: воспроизводство индивида и продолжение рода. Достигается это в живой природе разными путями. Но, во всяком случае, зайцы не

* 1 сюртук	=	}	20 аршинам холста
10 ф. чаю	=		
40 ф. кофе	=		
1 квартал пшеницы	=		
2 унции золота	=		
1/2 тонны железа	=		
x товара А	=		
и т. д.	=		

(см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.75. – Ред.)

уничтожают зайцев. А тигры не пожирают тигров. Странные причуды антропогенеза привели к тому, о чем Эмпедокл с негодованием вопрошал еще две с половиной тысячи лет тому назад:

*Где же убийствам ужасный предел?
Неужели беспечный
Ум ваш не видит того, что друг другу вы
служите пищей?*
[20].

Минувшие столетия не внесли ничего нового в этот мир звериных антагонизмов, кроме внешнего лоска и блеска, технических конструкций и бессильных ламентаций. О прекрасных итогах цивилизации, в первую очередь западной, с беспощадностью писал наш великий Плеханов: “И как не велики технические завоевания и научные открытия капиталистической эпохи, но несомненно, что с нравственной стороны ее тенденция – превратить человека в *умного зверя*, прекрасно вооруженного наукой для удовлетворения своих звериных инстинктов” [21]. Умные звери вдохновенно сочиняют электрические стулья, табун и зарин, газовые камеры, атомные бомбы и нейтронное оружие.

Плеханов слыл аналитиком, склонным к теоретизированию. Его родной брат по духу Герцен как художник был более эмоционален и ядовито саркастичен: “Когда не могут все хорошо жить, пусть живут несколько, пусть живет один – на счет других, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только с этой точки зрения и можно понять аристократию. Аристократия – вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет за счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства” [22].

Нет, людоедство – это, увы, не метафора. Военные историки спорят о том, сколько людей истреблено в ходе 15 тысяч вооруженных столкновений, прогремевших за писаную историю. Цифры сильно колеблются, но все равно беспощадны: от полутора до четырех с половиной миллиардов. Еще опаснее и разительнее тенденция и динамика. Ссылаясь на работу К.Райта, Э.Фромм [17, с. 187] дает таблицу числа сражений, которые провели только важнейшие европейские державы:

1500-1599	–	87
1600-1699	–	239
1700-1799	–	781
1800-1899	–	651
1900-1940	–	892

После этого нам пытаются что-то бормотать о прелестях западной цивилизации, о благах свободного рынка, конкуренции и предпринимательства. Но в приведенной таблице еще не вся и не главная правда. За эти столетия изменился характер войн: из локальных они превратились в мировые. И счет потерь детей человеческого пошел на десятки миллионов: в первой мировой – 20 миллионов, во второй – 55. Ныне человечество обрело возможность полного самоуничтожения, что было лишь фантазией во времена откровения Иоанна.

Комплекс Эрисихтона фантастически разросся. Судьба незадачливого фессалийского царька разрослась до поведения групп, паразитических классов, элит, господствующих народов, которые стали коллективными Эрисихтонами. Вспомним, как погибла культура Мезоамери-

ки, инков при вторжении благочестивых испанских католиков! Вспомним, как немецкий Михель быстро замаршировал на восток, когда ему пообещали кур, “яйки” и фермы! “История цивилизации от Карфагена и Иерусалима до разрушения Дрездена и Хиросимы и уничтожения людей, земли и деревьев Вьетнама – это трагический документ садизма и жажды разрушений” – резюмирует Э. Фромм [17, с. 147].

После второй мировой войны планета не погрузилась в благодатную нирвану. Напротив, ее потрясли сотни войн (по статистике около 300) и конфликтов, несмотря на все упования, связанные с созданием ООН. Вспомним хотя бы географию этих кровавых драм: Ближний Восток, Израиль, Египет, Сомали, Судан, ЮАР, Заир, Ангола, Танзания, Курдистан, Ирак, Карабах, Чечня, Шри-Ланка, Бангладеш, Пакистан, Кашмир, Афганистан, Таджикистан, Никарагуа, Гаити, Гватемала, Венесуэла, Колумбия, Алжир, Марокко, Кипр, Югославия, Ирландия! Стрелять, взрывать, травить начали повсеместно и в массовом масштабе. Гибнут от рук террористов люди в Лондоне и Париже, Токио и Москве, Вашингтоне и Белграде. Перепуганные интеллигенты либерально-демократической веры, потеряв способность к анализу и размышлению, мечтают лишь о пришествии мирового жандарма, который наведет порядок, пусть даже ценою “Бури в пустыне” во всемирном масштабе.

Люди на всей Земле утратили чувство безопасности, поскольку атомная угроза сомкнулась с волной террора, повсеместного и беспощадного.

Это значит – порочна основа общественного бытия, и никаким рок-звездам не заглушить нарастающего грохота взрывов, никакими кока-колами не отмыть потоков льющейся крови, никакими сникерсами и “блендамедами” не замазать зияющих трещин, раскалывающих мир.

Богиня голода празднует ныне непрерывную тризну, унося ежегодно миллионы жизней, и в первую очередь детей. Всеохватывающая система финансового капитала высасывает из человечества не цифры на дисплеях, не зеленые бумажки или золотые кругляшки, а **горячую человеческую кровь**, которая омывает клеточки мышц и мозга работающего организма. **Именно она составляет субстанцию стоимости, оседающую в швейцарских, парижских, лондонских банках, в Международном валютном фонде и питающую паразитический класс, нарды-рантье.**

Вот теперь роковой комплекс Эрисихтона завершен. Чудес не бывает: на заре формирования общества классовых антагонизмов гениальная интуиция греков уловила их коренные черты и фундаментальные характеристики: разрыв с освященными традицией нравственными, духовными ценностями народа, разлад с природой, насилие над человеком, хищническое потребительство, продажа всех и вся, наконец, самоотчуждение, вплоть до самопожирания, самоозлобления и самоуничтожения. В этих условиях, тем не менее, формировалась и созидаящая, у-

верждающая культура, творчески преобразующая прометеево начало человека. Но всему наступает конец: “...производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами” [23]. Своей гениальной интуицией греки увидели эту перспективу и отразили ее в форме мифа, смысл которого где-то затеряли.

Ныне этот смысл теоретически осознан. Роковой комплекс Эрисихтона должен быть преодолен. Здесь не помогут песнопения о постиндустриальном или информационном обществе. Выход заключен в смене исторического основания бытия общества. Должны быть изжиты в свое время необходимые и прогрессивные, но ныне исчерпавшие себя формы отчуждения человека от человека, а тем самым и самоотчуждения. Разумный совместный труд, научное познание мира, стремление к прекрасному призваны стать основой для торжества иных заложённых в человеке начал: прометеева духа, сотрудничества, взаимной поддержки, радости свободного общения, тождества личного и общего интереса. Лишь на этом пути, в темных глубинах мироздания мерцает творческая космическая эволюция человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 75.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 419.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 41. С. 214.
4. Шеллинг Ф. Соч. Т.2. М., 1989. С. 169.
5. Гегель Г. Лекции по истории философии. Соч. Т. IX. М., 1932. С. 78.
6. Каллимах. К Деметре // Александрийская поэзия. М., 1972. С. 126-128.
7. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С.485, 562.
8. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С.208.
9. Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992. С. 66.
10. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С.63.
11. Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М., 1983.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 135.
13. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 338.
14. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989. С. 484.
15. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 65.
16. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 99.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 299.
18. Винер Н. Кибернетика. М., 1968. С. 77.
19. Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 542.
20. Якубанис Г. Эмпедокл: философ, врач и чародей. Киев, 1994. С. 68.
21. Плеханов Г.В. Философско-литературное наследие. Т.1. М., 1973. С. 37.
22. Герцен А.И. О социализме. Избранное. М., 1974. С.123.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 491.

СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

Позвольте мечтать

Р.И. Косолапов

Сам этот заголовок в условиях нынешних бесконечных избирательных кампаний и связанного с ними узкоспециализированного парламентского практицизма может показаться наивным. Но так ли это в действительности?

За последний десяток лет тысячи раз ставился и обсуждался вопрос: что, как и почему с нами случилось? Как оказалась возможной буржуазно-бюрократическая контрреволюция, ликвидирующая революционные завоевания Октября и исторические плоды Победы? В чем корни повального оборотничества и измены бывшего партийно-хозяйственного актива? И одним из первых ответов должно быть: буржуазно-мещанское, индивидуалистическое перерождение части руководящих кадров. Усилия внутренних и внешних врагов социалистического строя привели к эрозии нашей мечты. Лишили целевого стержня развитие нашего общества.

Если мечта не отклоняется “совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий не может прийти”, она не только “не приносит никакого вреда, но и “может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека...” Уже в начале XX века, когда российское коммунистическое движение берет свой стремительный старт, Ленин цитирует эти слова революционного демократа Д.И. Писарева в противовес бескрылому, вялому течению экономизма в социал-демократической и рабочей среде. Течению, настраивающему трудящиеся массы лишь на выклянчивание у хозяев копейки надбавки на рубль (или, как сейчас, хотя бы выплаты вовремя законного заработка). Течению, исходному для всех видов беспринципного соглашательства, соскальзывания на реформистские позиции, капитулянтства в классовой борьбе.

“... Имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6. с.172). Так формулирует Ленин позицию тех, с кем спорит. И отвечает: **имеет!**... Мечта органично вписывается в научный коммунизм, невозможный без обоснованного, достоверного **предвидения** и объективного прогнозирования общественного развития, без заглядывания в будущее. Разумеется, ему противопоставлена сказочно-религиозная, фантазирующая мечтательность, оторванная от действительности и исключающая живую обратную связь с ней. Допустимо сказать и сильнее: без социальной дальновзоркости, без чуткости к росткам нового, для которых реалистическая мечта создает своеобразное духовное пространство, трудно представить себе подлинного коммуниста и невозможно представить серьезного коммуниста-руководителя вообще.

“...Само собой разумеется, – говорил Ленин норвежскому архивариусу Я. Фриису (1920), – мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были не согласны с ними... Нашей точкой зрения было: сначала строгий анализ экономических отношений, а затем уже доказывать личным примером свое убеждение” (Ленинский сборник. XXXVII. с. 212-213).

Вряд ли это трогает души тех функционеров, с точки зрения которых “Россия лимит на революции исчерпала...”

1. К вопросу о стиле работы

Два крыла – левое и правое, резко обозначившиеся идейно-психологически, но сосуществующие в одних организационных рамках КПРФ, – разделяют не только предметные разногласия по конкретным вопросам теории, стратегии и тактики, но и нечто, так сказать, **невидимое**, чему пока не уделяется особого внимания. Я имею в виду **прагматизм** как черту деятельности, объявление того или иного деятеля **прагматиком** (в том числе Ленина и Сталина), не вникая в то, **что** это обозначает на самом деле, выдавая это даже за комплимент.

Прагматизм, отцом которого считается американец Г. Пирс, известен в истории общественной мысли как философия предпринимательского успеха, миропонимание дельчества. Уже одно только внедрение термина “прагматизм” в коммунистическую среду означает, с одной стороны, нечто вроде диверсии, с другой – проявление незнания и безвкусицы у некоторых наших товарищей. Прагматизм – приземленная философия, принимающая в качестве истины “лишь одно то, что наилучшим образом руководит нами, что лучше всего приспособлено к любой части жизни и позволяет лучше всего слиться со всей совокупностью опыта” (У. Джемс). Понятно, что эта философия пронизана субъективистским выжиданием коммерческой выгоды, индивидуалистической полезности и ничего общего не имеет с диалектико-материалистической и коллективистской сущностью марксизма. Употребление термина “прагматизм” вместо привычных русских слов “деловитость”, “дельность”, “практичность” и т.п. – это не просто ошибка, а и **приучение** к совершенно определенному, ползучему стилю работы, к стати, умно схваченному еще в сказке Щедрина “Либерал” (1885). Понятно, что объявление коммуниста прагматиком есть скорее хула в его адрес, нежели похвала.

Обо всех этих изрядно подзабытых вещах приходится писать сейчас потому, что “стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике ленинизма, которое создает особый тип ленинца-работника”, видится в совсем другой проекции. По Сталину (а в знании того, о чем он писал, ему не откажешь), характерных черт ленинского стиля всего **две**. Это: **а) русский революционный размах** и **б) американская деловитость** (см.: Сталин И.В. Соч. т.6. с.186-188). Если американскую деловитость еще можно, с оговорками, приравнять к прагматизму (хотя наши “прагматики” – опытные мастера не столько по части солидного бизнеса, сколько по части комфортного трудо- и бытоустройства), то что делать с “русским революционным размахом” – неизвестно. Ведь наши доблестные “прагматики” успели “исчерпать” уже “лимит” на революции. Ни историю, что как конь без узды, ни пролетаризированный народ при этом не спросили. И я мечтаю, чтобы было широко понято наконец то, что “особый тип ленинца-работника” и тип парламентского приспособленца фактически несовместимы. Очевидно, можно принадлежать к первому и эффективно, если угодно, по-американ-

ски деловито действовать также в парламенте, но принадлежать ко второму и вместе с тем компетентно руководить Коммунистической партией – невозможное дело...

2. Мечта о товариществе

“Ускорение” без мотора, “перестройка” без проекта, – “реформы”, направленные на деформацию и слом социалистического каркаса советской общественной системы, – все эти демо-рыночные “чудеса”, поднимая мутноватые брызги напрасных надежд, привели к глубоко застою и обнищанию основной массы трудящихся, их разобщению и деклассированию, с одной стороны, к фантастическому сверхобогащению кучки экспроприаторов народного добра – с другой. Типичным состоянием личности в “новом” российском обществе, попирающем ценности коллективизма, стало социальное одиночество. Резко возросла тяга к партийному товариществу. Но вот незадача. В КПРФ эта тяга поддерживается слабо.

Начну с простого. В начале 90-х годов, когда над КПСС грянула беда, ее организации, коммунистические начала в народе, честь марксистско-ленинского мировоззрения спасали отнюдь не партаристократы. Благополучные аппаратчики, которые по горбачевской указке поддерживали разные там “народные фронты”, не слушали здравых предостережений и глушили инициативу подлинных коммунистов, как правило, в августе-91 слиняли. Присутствие в обществе этих “профессиональных революционеров”, горделивых выпускников ВПШ, АОН и т.п. привилегированных заведений, можно было определить только по трясению кустов, в которых они засели. За дело брались либо в недавнем прошлом “неудобные” (для бюрократии) люди, “диссиденты” застойных лет, либо просто беспартийные (часто не принятые ранее в КПСС по какому-то формальному поводу). Сохранение почвенной “грибницы” КПСС, на частях которой потом возникали РКРП, ВКПБ и др. и утверждалась КПРФ, – заслуга не названных “кустарей”. В массе своей – это заслуга рядовых коммунистов, партийных и беспартийных, волонтеров и повстанцев, которые, выполнив по велению разума и сердца свою задачу, по большей части уступили место опять расправившим перышки и повеселевшим “умельцам руководить”. К сожалению, накопившейся с конца 80-х годов потенциал естественного доброго товарищества в возрождаемом, в пике горбачевщины, коммунистическом движении не сумел пересилить вновь поднимающуюся с 1993 года номенклатурную групповщину. Идеино-психологически в который уже раз схлестнулись народный романтизм и бюрократический прагматизм. Коммунистическое движение (а вернее, его многоглавая организация) не сумело должным образом понять и удержать ценнейшие кадры стихийных коммунистов, которые душевно тянулись к огоньку идейности и моральной чистоты. А это означает, что следовало менять (чего, увы, не случилось) сам тип организатора партийной работы.

Что мы наблюдаем сегодня? Значительная часть актива КПРФ и других братских партий все еще не изжила синдром **правлящей** КПСС. В своем “прижимании” к власти, – уже классово иной, не скрывающей своего барственного отношения к оппозиции, – наши товарищи на мой взгляд, преступают меру. Между тем прямая долг коммунистов – внесение научно-социалистического сознания в протестное движение трудящихся – брошен в темную кладовку. Совсем забыто то, что без внесения такого сознания в массы извне, из организации, ведущей интенсивную и идейно-теоретическую работу на уровне науки своего времени (сами массы такой работой не могут заниматься), у коммунистов, вовлеченных в политические

игры по правилам буржуазной демократии, именно как у коммунистов, ничего не выйдет. У них может нечто выйти как у социал-демократов (или социал-либералов), либо как у демо-христиан. Кстати, заявки на сей счет по обоим вариантам сделаны (имена заявителей у всех на слуху). Но это уже не коммунисты.

Мне грустно констатировать как стыдливый “марксизм-ленинизм” в КПРФ, так и судьбу уходящих (или же “уходимых”) из активной политической жизни опытных и образованных марксистов. Такое можно было бы понять, если бы речь шла о закоренелых догматиках и экстремистах и о серьезной подготовке им свежей, одаренной, творчески настроенной юной смены. Но не тут-то было. Вводя в свой духовный арсенал старца XVI века Филофея и идеолога Белого движения Ивана Ильина взамен Герцена и Чернышевского, Плеханова и Ленина, диалектического материализма и теории капиталистического накопления, империализма и революции, мы безответственно разоружаем себя идейно, не имея и не давая гарантий на позднейшее, более совершенное перевооружение в будущем. В обстановке 15-летней Смуты, когда, казалось бы, надо по крупницам собирать, по головам пересчитывать не переродившиеся силы народного просвещения, мы, напротив, расточаем их без хотя бы моральной поддержки. Наши лидеры “ищут” кошелек, потерянный под фонарем, – вопреки известному анекдоту, – почему-то в глухом ночном переулке. И предпочитают не ортодоксов и радикалов, которых, видимо, побаиваются, а знахарей и “блудных сынов” из числа публицистов, сочетающих страшную картинку нынешнего режима и... невежественное отрицание марксистской науки. Что за “строители” получатся из этих факиров?..

На мой взгляд, губительным для нашего движения является разрушение внутренней духовной спайки единомышленников-коммунистов, превращение их в разномышленников “без берегов”, утрата взаимных обязательств и, главное, той **методологической дисциплины мысли** (выражение Гегеля), без которой нельзя оставаться марксистом-ленинцем. Насколько наивным и прожектерским представлялся мне когда-то “Моральный кодекс строителя коммунизма” хрущевских времен, настолько же жестко необходимым представляется теперь подлежащий введению в программно-уставные документы **Моральный кодекс** (или Кодекс чести) **коммуниста**. “Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной, мы не можем” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.43, с.112). Но и не намерены “оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения” (там же. т.6, с.9). Бессмысленно удерживать в партии тех из нас, кого болото манит больше, чем борьба, и вместе с тем надо всякий раз решительно пресекать попытки кого бы то ни было тащить в болото **ее всю**, используя механизм партийной дисциплины. Уж лучше быть “орденом меченосцев” (Сталин), завоевывающим власть не для себя, а для всей армии труда, чем скопищем охочих до благ власти моллюсков, ползущих только туда, где им тепло, сытно и сыро...

3. Кому нужна компартия

Вспоминая сейчас пресловутый август 91-го года, отчетливо видишь все нагромождение нелепостей, которыми реакция сумела совершенно растряссти когда-то великую КПСС. Всю эту ликвидаторскую операцию проделала шайка лиц, которые, хотя и занимали высокое должностное положение, были не компетентны ни по своим знаниям, ни по своему правовому статусу совершать что-ни-

будь подобное.

Посудите сами. Партию распускает **единолично** жалкий струсивший “форосский узник” – безголовец, попирающий элементарную азбуку ее Устава (?!). **Союзную** партию запрещает вышедший из нее президент **одной** из республик (?!). Он же, при живом президенте Союза ССР, переподчиняет себе (?!) все его силовые структуры. При формально действующих Конституциях СССР и РСФСР реакция использует метод антиконституционного шока. Нагло попирая Основной закон государства, она парализует граждан уже тем, что лишает их малейшей возможности обратиться куда-либо по поводу вопиющего нарушения советской законности.

Реагирование трудящихся масс вообще, партийных в частности, на все это безобразие оказывается непосредственно искренним, сильным (взять хотя бы стихийный выход 100-тысячной толпы на Красную площадь 7 ноября 1991 года), но во многом не адекватным. Рассчитывали на восстановление Советской власти рывком, в результате спонтанного подъема митингового движения, без длительной просветительско-организаторской работы, без подготовки для этого пусть небольшого, но квалифицированного политического актива. Трезвым напоминаниям о ленинских оценках троцкистской “игры в захват власти” не верили. Своих бабушкиных и бауманов пока не имели. И на целое десятилетие погрязли в толчее многопартийности, доказывая друг другу, – подчас даже забыв в ней об общем противнике, – свою теперешнюю правоту.

До сих пор высказываются всякого рода недоумения по поводу того, как могла в одночасье рухнуть и рассыпаться 18-миллионная правящая партия. Но разве не очевидно, что к началу 90-х годов КПСС, строго говоря, ни партией, ни тем более правящей уже не была? Под разными предлогами, благовидными и надуманными, Горби лишил ее организации права влиять на экономическую политику и контролировать деятельность администрации, заниматься подбором-расстановкой кадров и политическим просвещением масс. Последнее было и вовсе подменено **политическим затмением**, возобновлением бешеной антисталинской свистопляски, подкопами под Ленина и марксизм в целом (о чем, кстати, поведал миру исполнитель соответствующего спецзаказа А.С. Ципко), клеветой на Октябрь и социализм. Могла ли не рухнуть партия, чей ЦК на своем последнем пленуме (25.07.91 г.) не заблокировал правооппортунистический проект Программы и не осудил горбачевскую реабилитацию меньшевизма? Могла ли она устоять, не найдя в себе мужества воспротивиться ельцинскому Указу от 20.07.91 г. об изгнании партийных комитетов из государственных предприятий? “Если я не за себя, то кто же за меня? Если я только за себя, то зачем я?” Печально, но к лету 1991 года на эти, поставленные еще Максимом Горьким вопросы, было уже почти некому и нечем отвечать. Бесспорно, такая ситуация во многом была создана с 1985 года искусственно. Но и в наши дни тянется стремление делать партию только “под себя”, независимо от того, нужна ли таковая трудящейся массе.

Трагедия состоит в том, что девять лет назад в полной мере сказались результаты протяженной социальной “хирургии”, которой советское общество и его правящая партия подвергались в течение по меньшей мере четырех десятилетий. Прежде всего речь идет о **двух** кардинальных обстоятельствах, сыгравших в судьбе КПСС и СССР поистине роковую роль. **Первое**, о чем мне уже приходилось писать ранее, – это **отрыв** в высшем управленческом звене функций теоретика-стратега от функций практика-администратора, более того, известное их про-

тивопоставление, в конечном итоге гибельное для научно организуемой общественной системы.

Этот отрыв, который сравнительно легко датируется кончиной Сталина и отказом его преемников считаться с его политическим завещанием начала 50-х годов (“Марксизм и вопросы языкознания”, “Экономические проблемы социализма в СССР”, речь на XIX съезде КПСС), – отказать, декларативно оформлявшимся как “возврат” к Ленину, – обусловлен заменой одного типа советских руководителей другим. Типа, выкованного революционной переходной эпохой со всеми ее зигзагами и драматическими перепадами, – типом, инкубированным уже стабильным управленческим аппаратом. Типа дальновидного и оперативного борца и творца – типом гибкого и оборотистого “выдвиженца”-конформиста.

Второе из упомянутых обстоятельств органически связано с первым. Оно обусловлено тем, что партия повторила судьбу античного героя Антея. Позволив свести свои интересы в основном к интересам партаппарата, она сковала и ограничила государственные притязания рабочего класса, всего трудового народа, во-первых, их туманящим сознанием пропагандистским возвеличением, во-вторых, их скромным, но растущим материально-бытовым довольством. Вследствие этого властное самосознание стало сосредоточиваться почти только в узкобюрократическом плане, что так или иначе с течением времени должно было привести к его отрыву от Матери-Земли, буржуазно-индивидуалистическому перерождению и попыткам конвертировать власть в собственность. Что касается рабочего класса, всего массива производственного персонала, объективно отчуждавшегося (несмотря на широкую персональную партийную принадлежность) от вроде бы собственной партии, то в нем (к тому же умышленно дробимом по цеховым и зарплатным мотивам) происходило, наоборот, угасание, а то и атрофия просвещенной коллективистской воли к власти, вытесняемой дешевым потребительством. Можно ли было при подобных обстоятельствах сберечь социализм?

Кратко свою мечту я могу сформулировать следующим образом:

Рабочему классу – прогрессивно мыслящую, глубоко укорененную в нем авангардную партию!

Рабочему классу – гуманно-освободительную волю к власти!

Рабочему классу – готовность в подходящий момент заявить: “Лимит на контрреволюцию Россия исчерпала!”

4. Зачем мы?

В своих представлениях об оптимальном жизнеустройстве России КПРФ не идет дальше формулы: “трудовое общество с крепким демократическим государством и социально ориентированной многоукладной экономикой” (IV съезд Коммунистической партии Российской Федерации 19-20 апреля 1997 года (Материалы и документы): М., 1997. С. 35). Поскольку оговорок насчет этой формулы в партийных документах нет, похоже, что так руководители КПРФ представляют себе социализм.

А ведь в этом тезисе явное противоречие: понятие “трудовое общество” фактически не согласуется с сохранением частной собственности, неизбежно порождающей паразитарно-эксплуататорские отношения. Разумеется, марксисты-ленинцы – жизненные диалектики, а не телеграфные столбы. Они признают реальную многоукладность как необходимую преходящую черту **переходной** к социализму экономики. Но отождествление мозаично-контрастной переходной экономики и экономики

собственно социалистической, многообразной по формам, но коллективистски-целостной по сути – они отвергают. В 20-х годах это была ошибка Бухарина, которую партия исправила. И более чем странно ее теперь повторять.

Для культивирования многоукладной рыночной экономики, – пусть и социально ориентированной, и с элементами планирования, – коммунистическая партия не нужна. Это уже неплохо получается у буржуазно-либеральных и социал-демократических партий. За полтора века (а особенно после второй мировой войны) они нарастили и опыт, и методику социального лавирования, доведя ее до искусства, в создании и поддержании классовых союзов заведомо антагонистических сил – финансового капитала и наемного пролетариата стран “золотого миллиарда” – на базе и за счет безжалостного совместного доения “третьего мира”. Лепиться тут коммунистам вовсе не к лицу, ибо их призванием является нечто совершенно иное – коммунистическая формационная альтернатива капитализму как критерий оценки, точка отсчета и целеустремленная позиция. Разве позволительно все это замалчивать и упускать?

Марксисты-диалектики обычно рассматривают развитие общества с **двух** точек зрения: а) исходя из его достигнутого состояния, с учетом недавнего прошлого, конкретно-исторически, б) в более масштабных координатах предвидимой перспективы, в русле научного прогноза, основанного на достоверно выявленных и набирающих силу тенденциях. Иначе говоря, обозревают социальную действительность **и из настоящего, и из будущего**. Подобное совмещение неодинаковых планов, к сожалению, страшит наших современников. Опасаясь даже произносить слово “коммунизм”, утратив ясное представление о его содержании и путях, ведущих в данном направлении, они уже не пытаются вырваться из логики рыночных отношений и предпочитают оставаться в плену (часто украшаемом бумажными розами новейшей риторики) реакционных утопий. Согласно установкам избирательного блока “За победу”, “национальная модель на современном этапе суть социалистическая рыночная экономика, объединяющая планирование социально-экономического развития и механизмы рыночной конкуренции, соблюдение общественных интересов и развитие частной инициативы. Сочетание этих качеств, – уверяют сочинители документа, – позволяет в считанные годы поднять уровень и эффективность производства в несколько раз, обеспечить быстрый и устойчивый рост общественного благосостояния, наиболее полно реализовать национальные конкурентные преимущества” (Путем созидания. Основные направления экономической программы на родно-патриотических сил. М., 2000, с.10-11). Авторы ссылаются на пример Китая, Японии, Франции, Индии и других стран, как бы не задумываясь о том, что их собственную страну, причем находившуюся не в худшем состоянии и в мирное время, разорили в последнем десятилетии ее собственные недоумки-предатели и геополитические (империалистические) конкуренты, которые просто не позволят ей хоть как-либо “реализовать национальные конкурентные преимущества”. Не для того старались сбрасывая СССР и его обломки со второго на одно из последних мест в мире, лишая Россию статуса великой державы и превращая ее из мирового лидера науки, техники и культуры, пионера космической эры в захудалые сырьевые задворки “цивилизации”.

То “сочетание... качеств”, которое выставляется в качестве нашей “национальной модели”, – вовсе не находка и не новшество смекалистых программистов. Оно представляет собой уже **архаику** либерально-соглаша-

тельской практики западной социал-демократии. Красная наклейка в виде “социалистическая” либо ни о чем не говорит, либо свидетельствует о притворстве. Она употребляется для утешения граждан старой советской закваски и по своему внутреннему смыслу не соединима с милыми сердцу “новых нерусских” терминами “рыночная экономика”, “рыночная конкуренция”, “частная инициатива”. Социалистическая экономика, очевидно, не обходится без рынка, но, становясь **всецело** рыночной, она перестает быть социалистической.

До людей странным образом не доходит, что социализм растет и развивается не без рынка, а, наоборот, при рынке, но особого качества. При купле-продаже предмета личного потребления и бытовых услуг, **не распространяемой**, однако, на основные средства производства (машинное оборудование, транспортные коммуникации, земля и т.д.) (1), на финансы (2) и на рабочую силу (3). Это азбука марксистско-ленинской политической экономии, закрепленная всем успешным советским опытом, но тут у наших лидеров, выражаясь непереводимо по-русски, и конь не валялся: до нее ли поклонникам старца Филофея и Ивана Ильина?

“А я позволяю себе думать по старинке, – подчеркивал в разгар нэпа Ильич, – что после Маркса говорить о какой-нибудь другой, немарксовой политической экономии можно только для одурачения мещан, хотя бы и “высоко цивилизованных” мещан” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45. с.268).

Упомянутая Лениным “старинка”, действительно рождалась давно – в 40-х годах XIX века. Правда, Филофей будет постарше лет на триста, зато Ильин, идейный предтеча современных патриотов правого толка, появился на свет тридцать лет спустя. Молодой Энгельс, **потомок капиталистов и сам практикующий капиталист**, размышляя о происхождении, природе и следствиях торговой конкуренции, о способах прекращения жесточайших кризисов, сделал кардинальный вывод об условиях совпадения спроса и предложения. “Если бы производители как таковые знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, распределили его между собой, – писал он, – то колебания конкуренции и ее тяготение к кризису были бы невозможны. Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы избавитесь от всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей... Истина конкуренции состоит в отношении потребительной силы к производительной силе, – продолжал Энгельс. – В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и соответственно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить (курсив в цитате мой. – Авт.), насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 1. с. 561-562).

Каким образом сделать так, чтобы выгодой считались достаток, развитие и творческая отдача человека, а не отвлеченный от всего живого, бездушный **коммерческий** расчет, прибыль, деньги (к тому же загребаемые ничтожным меньшинством, которое наловчилось, не занимаясь производительным трудом, из старых денег извлекать для себя все новые), – этот существеннейший вопрос уже давно не только не решается, но и не ставится. Получается так потому, что почти все танцующие экономистов всех направлений устраиваются под музыку, которую заказывает **частная** (не путать с **личной**) собственность. Коммунисты существуют в мире как раз затем, чтобы на-

роды, все человечество в конце концов остро ощутили уродливость, безнравственность и губительность второй ориентации, глубоко осознали реальную возможность подлинно гуманистической первой, а потом и решительно претворили эту возможность в действительность.

5. Быть с человеком

Кажется, в жизни нет ничего проще, чем руководствоваться истиной и совестью, или жить по правде. Но как подчас далеки, а иной раз и взаимоисключающи толкования этого положения! Александр Блок, к примеру, не совместим с Зинаидой Гippiус, Шолохов – с Солженицыным, Андропов – с Сахаровым. С моей точки зрения, руководствоваться истиной и совестью – значит **быть с человеком**. Но кто скажет, что уже осуществлен обращенный именно к человеку призыв мудрейшего Сократа: “Познай самого себя” – и живет на Земле носитель этого знания?

К тем же античным временам (V век до новой эры) относится гениальное положение Протагора: “Человек есть мера всех вещей”. Однако **в чем основание** этой “меры”? Человек вообще, с точки зрения его объективной сущности, **или** же капризный индивид со всеми его достоинствами и недостатками, вкусами и пристрастиями, доблестями и пороками? Этот спор до сих пор питает своей энергетикой взаимное отталкивание двух мировоззрений и двух социальных систем.

Казалось бы, экономистам следовало ухватиться за **“отношение потребительной силы к производительной силе”** как ключевой (и притом “очеловеченной”) принцип искомой оптимальной народно-хозяйственной модели. Но ни давность этого открытия (рубеж 1843-1844 годов), ни фундаментальное подтверждение его в трудах Маркса, ни практический приступ Ленина к его реализации (нашедший отражение в ряде документов, но, к сожалению, прерванный болезнью Ильича) не принимаются в расчет. Противодействует частный интерес, подчас камуфлируемый заумно-схоластическими и цветисто-рекламными фразами, более или менее искусной демагогией.

В формулировке основного экономического закона социализма: “обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники”, – энгельсов принцип – применил Сталин (Сталин И.В. Соч. т. 16. с. 182). К нему обращался и Ю.В. Андропов, назвав степень удовлетворения постоянно растущих общественных потребностей главным критерием, по которому следует оценивать работу отраслей (см.: Избранные речи и статьи. М., 1983. с. 215). Но далее развития это не получило. Возобладали концепции, скомпонованные из малодоступной для понимания (иногда даже специалистам) рыночной терминологии, как правило, предназначенные для того, чтобы законсервировать и обезопасить **ниши присвоения** неоплаченного чужого труда, источники нетрудовых доходов. В этом, на мой взгляд, главная причина склеротического состояния отечественной экономической мысли, полвека дрейфующей от Маркса в сторону буржуазных “экономиксов”.

Удивительное дело. Все экономисты на словах бесконечно пекутся о человеке и обществе, но десятилетиями игнорируют ИХ природно-социальные потребности и натуральные параметры. Восхваляют рынок, который будто бы единственный и может дать об этом какие-то достоверные сведения, но почему-то боятся касаться самих потребностей как объекта исследования. Забывают, что ли, что рынок дает обычно далеко не прямую, а всего лишь косвенную, не раз опосредованную товарно-денеж-

ными отношениями, вторичную-четвертичную информацию, в лучшем случае картину платежеспособного спроса населения. Картину, которую при крутой его имущественной дифференциации, при расширении пропасти между богатыми и бедными лишь заведомые шарлатаны могут объявлять потребительским (или лучше – **потребностным**) портретом народа.

Десятки раз мне приходилось выступать (в том числе в Госплане СССР), доказывая, что систематическое, основанное на научной методологии изучение конкретных потребностей масс социологическими средствами (с организацией соответствующих опросно-аналитических служб в различных регионах страны) есть неперемное условие, фактическая база серьезного планирования...

Что должна быть классификация этих потребностей (к примеру, на насущные потребности повседневья (а), потребности вкуса и моды (б), потребности развития (в) и потребности творчества (г)) для гибкого взаимного прино-рвления наличной “производительной силы” и “потребительской силы” общества...

Что экономическая эффективность при социализме измеряется не столько тем, что выгадывает себе непосредственно производитель, сколько тем, что приобретает потребитель...

Что система стимулирования труда должна включать в себя как его материальное и моральное поощрения (на сей счет накоплены огромные отвалы литературы), но и его **творческую**, профессионально-ценностную (удовлетворение потребности в труде!) мотивацию...

Что планирование “от достигнутого” в рублях и рублевая отчетность, да еще и с ориентацией производств на денежную прибыль (реформа 1965 года) при длительной недооценке номенклатуры и ассортимента продукции, не только противоречат основному экономическому закону социализма, но и ведут к разложению социалистических производственных отношений...

Что новый строй призван, наконец, обеспечить **приоритет** потребительной стоимости, качественной полезности **того, что нужно человеку**, а тем самым и его **конкретного труда**, перед стоимостью или абстрактным и мертвым трудом, обожествляемым вещным богатством...

И что в итоге? Меня выслушивали, сдержанно хвалили и тут же добавляли: “Вы не экономист...” В глазах специалистов невыгодную роль играли диплом философа и простой русский язык. Хотя речь и шла о продолжении марксова дела, “о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса”, **никто** из моих оппонентов за истекшие “40 лет не вставал на сторону последней. Это означает, что в нашей экономической науке уже в советское время прочно доминировала хвостистская, пробуржуазная (рыночная) школа, упорно противодействовавшая подготовке условий окончательной победы “политической экономии труда над политической экономией собственности” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 16. с. 9). Об этой победе сейчас приходится только мечтать, но надо мечтать. Коммунисты окажутся всего лишь недалекими жертвами случайных обстоятельств и мешанских предрас-судков, если они не поймут, что обязаны совершить именно такой переворот в экономическом мышлении человечества. Им следует презреть упреки в дерзости и гордыне, радикализме и ортодоксальности в претензиях на мессианство. И помнить: альтернативой является только духовное гниение, империалистическое рабство, попятное движение истории. Ставки выше не бывает.

ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ

Левая, правая где сторона? (О политических редисках)

О.И. Тумов

Во всех революционных движениях, особенно в пролетарском, фразерство объективно играло дезорганизаторскую и предательскую роль. В советское время решительная борьба классиков марксизма с революционным фразерством была фактом хрестоматийно известным. Ныне же многие политические лидеры, именующие себя коммунистами, идя в ногу с нашим плюралистическим временем, не стесняются ни правилами логики, ни определенностью понятий, не говоря уж о требованиях диалектики. К такому выводу приходишь, читая интервью вернувшегося в Беларусь с ХХХ съезда ФКП секретаря ЦК ПКБ С.Калякина в газете этой партии "Товарищ" за 7 апреля 2000.

Не имея на руках подлинных материалов съезда, автор этой статьи вынужден оценивать теоретические и политические установки ФКП и солидарного с ней руководства ПКБ такими, какими они выглядят в изложении г. Калякина, давая попутно оценку позиций руководства ПКБ, о которых можно было бы и не говорить, если бы присутствующими ему пороками не страдали различные фракции коммунистического движения на постсоветском пространстве не только в Белоруссии. Так как и вопросы интервьюера, и ответы г. С.Калякина не отличаются ни систематичностью, ни точностью понятий, наша оценка позиций ФКП и ПКБ по необходимости будет фрагментарной. Это во-первых, а во-вторых, автор вынужден будет сам договаривать то, что замаскировано расплывчатостью калякиных словес, и цитировать эти словеса, а не подлинные документы, за что просит у читателя извинения.

"Через все документы съезда, через всю съездовскую дискуссию красной нитью проходила мысль, что в ХХI веке со старым политическим и организационным багажом коммунистам делать нечего", и о том, что "коммунизм не может строиться на насилии, на принуждении, что социализм должен давать людям больше демократии, прав и свобод, чем буржуазное государство. В этом должна состоять привлекательность социализма, современного коммунистического движения для людей".

Фраза звучит высокоморально и так красиво, что поневоле вспоминаешь тургеневского Базарова, то и дело одергивавшего своего приятеля Кирсанова: "Не говори красиво". За этими словесными красотами кроется шулерский абстрактный "гуманизм" буржуазии, ставящий всех людей на одну доску. Маскирующий их социально-экономические различия и антагонизм классовых интересов. Каким людям должен "социализм давать больше демократии, прав и свобод"?

Буржуазии или эксплуатируемому ею пролетариату? Или люмпен-пролетариату, "пролетариату-тряпке", способному только продавать себя для реакционных козней? (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии). Или современному паразитическому квазипролетариату, которым кишит "свободный мир" и который, даже работая за троих, получает доходы за десятерых за счет ограбления "золотым миллиардом" всего остального мира? Или, если говорить о постсоветском пространстве, нашему квазипролеариату, паразитирующему вместе с отечественной и зарубежной буржуазией на трудящихся

соотечественниках? – От всего этого абстрагируются высокоморальные фразеры квазикоммунизма, "абстрагируясь тем самым от самой сути дела", как говорил о подобных абстракциях Маркс.

"... Коммунизм не может быть построен на насилии..."

Это действительно "старый багаж", но не марксистский, а дюрингианский или маоистский. Читая такие вещи, невольно думаешь: "И ломаются же люди на пороге ХХ века в дверь, давно открытую в ХІХ веке!" Из классиков марксизма никто и никогда не утверждал, что коммунизм можно построить на насилии. Неужто элита компартии в "цивилизованной" и образцово "демократической" Франции так и не узнала того, что в "нецивилизованном", "тоталитарном" СССР знали даже студенты естественных факультетов, читавшие по вузовской программе "Анти-Дюринг" Энгельса? Интересно, а читал ли его г-н Калякин? Или читал, как гоголевский Петрушка? Даже добросовестные советские студенты-естественники не смешивали переход к социалистическим преобразованиям с построением коммунизма на базе уже завершенных этих преобразований, т.е. после обращения в государственную собственность крупной капиталистической собственности, основанной на чужом труде, и обобществления, путем добровольного кооперирования, мелкой частной собственности, основанной на личном труде, в соответствии с неполным (данным для популярности) определением социализма у Ленина как "строения цивилизованных кооператоров".

И вместо обмусоливания давно уже решенного марксизмом вопроса об отношении коммунизма к насилию следовало бы поставить применительно к нашему времени старый вопрос, возможен ли переход к социалистическим преобразованиям без насилия, верен ли в наше время тезис Маркса о насилии как "повивальной бабке" при рождении нового общества из старого. И здесь приходится признать, что этот тезис так же верен в наше время, как и во времена Маркса.

В самом деле. Что такое социализм? Процесс замены частной собственности общественной собственностью, который, как сказано выше, имеет две необходимых компоненты: добровольное кооперирование мелкой частной собственности, основанной на личном труде, и экспроприацию основанной на эксплуатации чужого труда крупной частной собственности. Теперь поставим (едва ли не риторический) вопрос: отдадут ли добровольно свои капиталы МВФ, ОНЭКСИМ-банк, Бэнкс оф Нью-Йорк и прочие финансовые, торговые и промышленные воротилы Запада и их двойники на постсоветском пространстве, все эти гусинские, березовские, чубайсы и т.д. Нужны безмерная наивность или шулерство, чтобы утверждать нечто подобное. И, следовательно, без насилия тут никак не обойтись, а будет ли это насилие осуществляться в административной, юридической или военной форме – это зависит от сопротивления буржуазии.

Как показал кровавый октябрь 1993 года в Москве, на малейшую угрозу ее собственности и власти (ибо без власти обеспечить собственность нельзя) буржуазия отвечает кровавым, садистским насилием. И орудием этого насилия является государство со всеми его атрибутами –

прокуратурой и судом, гильотиной или виселицей, и так называемыми силовыми структурами, т.е. армией, полицией и жандармерией. После этой кровавой оргии обнаглевших грабителей всякий мало-мальски трезво мыслящий человек сам убеждается в правильности марксистского тезиса, что государство – это “машина для подавления одного класса другим”, в данном случае – для подавления пролетариата и прочего трудового люда буржуазией.

Как раз поэтому пролетариату требуется свое орудие для насилия над буржуазией, свое государство. Классики марксизма, особенно Ленин (см. работы “Государство и революция”, “О государстве” и др.), неоднократно отмечали, что было бы верхом наивности или шарлатанством утверждать, что роль такого орудия может выполнить готовое, буржуазное государство. Даже в том случае, если, несмотря на фантастическую техническую мощь теперешних средств массового оболванивания людей, коммунистам и их союзникам удалось бы завоевать парламентское большинство. На всякие попытки социалистических преобразований буржуазия ответит хорошо известным по опыту Великого Октября и гражданской войны повсеместным саботажем чиновников и насилием сначала в локальных, а затем и в глобальном масштабах, т.е. белым террором. Всякие надежды на розовый, “легитимный” социализм, без насилия и принуждения – это и есть неоднократно осмеянный классиками марксизма и неоднократно скомпрометировавший себя на практике парламентский кретинизм, политическая дезориентация трудового люда, чем и занимаются Р.Ю и другие лидеры ФКП и их единомышленники на постсоветском пространстве, например, г.Калякин. И, к сожалению, безуспешно.

Следовательно, как и прежде, верен старый тезис марксизма, что пролетариат не может воспользоваться старым, буржуазным государством и должен сломать его и создать свое, новое государство, государство типа Парижской Коммуны. А такое государство давным-давно получило название диктатуры пролетариата, независимо от того, в мирной или в военной форме, смотря по обстоятельствам, оно будет осуществлять насилие над буржуазией.

И в глубокомысленных речениях еврокоммунистов и их учеников у нас об отказе от “старого багажа” и о ненасильственном коммунизме стирается различие между социализмом и коммунизмом затем, чтобы оправдать отказ от диктатуры пролетариата, социал-предательское скатывание в буржуазный либерализм, ибо “отличие марксиста от дюжинного либерала состоит в том, что марксист доводит понятие классовой борьбы до понятия диктатуры пролетариата” (Ленин).

Если социалистические преобразования невозможны без диктатуры пролетариата, естественно, встает старый-престарый вопрос о силовом аппарате диктатуры пролетариата. История не предоставила нам ни одного факта ненасильственного перехода к социалистическим преобразованиям даже там, где эти преобразования опирались на мощь вооруженных сил СССР. Такие формирования, как бандеровцы на Украине, “лесные братья” в Прибалтике, АКовцы в Польше и им подобные штурм-БАНДемократы и ультраправозащитники имелись и имеются к услугам буржуазии повсюду. Даже самые бескровные революционные преобразования, как, например, в Болгарии, Югославии и Чехословакии после разгрома фашистской Германии, были бы невозможны без опоры не только на гигантскую мощь готовой прийти им на помощь Красной Армии, но и на сформированные в ходе партизанской войны против гитлеровского вермахта коммунистические вооруженные силы, давшие буржуазии понять, что всякие ее попытки устроить кровопускание про-

летариату обернутся кровопусканием для нее. К тому же большая часть крупной буржуазии, скомпрометировавшей себя пособничеством гитлеризму, бежала за кордон в “свободный мир”, так как поняла, что вместе с разгромом гитлеровской армии был разгромлен и срощийся с нею аппарат вооруженного насилия буржуазии над пролетариатом, а вскоре поняла и то, что всякие попытки военно-интервенционистского восстановления ее людоедских прав обречены на провал.

Но в наше время социально-экономические и политические условия существенно отличны от условий середины века. Поэтому еврокоммунисты правы в том, что надо отказываться от “старого политического багажа”. Только вот вопрос, от какого багажа? Надо отказываться не от диктатуры пролетариата в духе пошлого либерализма еврокоммунистов, а от старых, да и то не всех, представлений о формировании ее силового аппарата.

Прежде всего следует отметить, что решение этого вопроса для малых или экономически слабых стран, сохраняя всю свое теоретическую значимость, в практическом плане становится проблематичным, по крайней мере, в ближайшем обозримом будущем. Реально возможна лишь идейно-политическая работа по постепенной подготовке такого аппарата, но не его немедленное создание, так как крушение СССР и социалистической системы лишило их внешней поддержки не только в революционных, но и вообще в каких бы то ни было неугодных США и Западной Европе (и Японии) преобразованиях, и всякие попытки таких преобразований наверняка еще до их начала, на корню будут задушены военной, экономической и пропагандистской силой интернационально-объединенного капитала “золотого миллиарда” и его сателлитов, в чем наглядно убеждают натовские разбои на Ближнем Востоке и в Сербии. Более того, оказывается под угрозой продолжение социалистической эволюции Кубы, Вьетнама, Северной Кореи.

Говорить о каких-либо революционных перспективах и, следовательно, о создании аппарата для насилия над буржуазией в “золотом миллиарде” в настоящее время бессмысленно, поскольку там исчезла необходимая для этого социальная база вследствие превращения большей части наемной рабочей силы в паразитический квазипролетариат. Хотя логически мыслимо создание там аппарата силового противодействия квазипролетариата буржуазии для осуществления паразитарного “социализма” квазипролетариата.

На постсоциалистическом, и особенно на постсоветском, пространстве социальная база для социализма и коммунизма вполне достаточная и горячий материал в избытке. Но деполитизация и деидеологизация сделали свое дело: эта база дезорганизована и дезориентирована, и этот ее недуг усугубляется идейным и организационно-политическим разбродом в коммунистическом движении. Однако этот разброд и политический паралич народных масс не вечен. Конечно, этот паралич надо лечить активно, а не надеяться, плетясь в хвосте событий, на его стихийное, автоматическое преодоление. И, не откладывая дела в долгий ящик, следует уже сегодня работать над постепенной подготовкой силового аппарата пролетариата с учетом как неоспоримой части “старого политического багажа”, так и вышеназванных новых реалий.

Что же неоспоримо верно в “старом политическом багаже”?

Во-первых то, что “даже в классическую эпоху уличных боев баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством подорвать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока

эта цель бывала достигнута, – победа была одержана; не удавалось – борьба кончалась поражением”, как говорит Ф. Энгельс во “Введении” к “Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.” К.Маркса. (Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч., т.1, М. 1952, с. 104).

Во-вторых то, что для успеха в этой борьбе необходимо, чтобы она приобрела глобальный масштаб и организованный и сознательный характер. “Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью”. (Там же, с. 106).

В-третьих то, что, как и в 1848 г, буржуазия, боясь глобальных масштабов революционной эпидемии, сознательной и организованной борьбы пролетариата, действует превентивно, провоцируя пролетариат на разрозненные, неорганизованные выступления, чтобы проучить его очередным кровопусканием и выработать у него психологию неверия в свои силы и рабского повиновения. Поэтому, как и в 1848 г., “господствующие власти хотят заманить нас туда, где стреляют ружье и рубит сабля”, а вернее, туда, где стреляют пулеметы, модифицированные автоматы Калашникова со стопроцентно смертельными пулями со смещенным центром тяжести и танковые пушки, а сабли заменили электрошоковые омовские дубинки, называемые в народе “демократизаторами”.

Все сказанное в этих трех пунктах наглядно продемонстрировал кровавый московский октябрь 1993 года. Спровоцированные грабительской ельцинской братией, а вернее, стоящим за ее спиной денежным мешком буржуазии, штурм Останкинской башни и погром мэрии при всех внешних наступательных атрибутах по существу относятся к боям баррикадного типа как по уровню организации, так и по вооружению или даже отсутствию такового.

Эти бои были обречены на поражение, так как вне Москвы поддержать их было некому. Вся деидеологизированная и деполитизированная, т.е. дезорганизованная и дезориентированная, трудовая Россия смотрела на происходившие в те дни в Москве события с недоумением и выжиданием. Понадобилось более пяти лет, чтобы у некоторой части пролетариата появилось понимание смысла октября 1993 года. И по мере увеличения этой части пролетариев ельцинский расстрел Верховного Совета превращается в расстрел наивной веры народа в буржуазную демократию.

А в том, что эти события были спровоцированы с палаческими целями ельцинской братией, сомневаться могут только безнадежно дремучие обыватели, как бы ни старались свободно продажные журналюги, купленные буржуазией радио и ТВ, и ученая клиентура класса толстосумов закамуфлировать это фашистское изуверство под демократию и патриотизм, нагло марая ельцинской коричневой грязью потопленное в крови восстание пролетариата.

Если уже в конце XIX – начале XX в. пролетариат понимал пагубность разрозненных локальных выступлений против буржуазии там, “где стреляет ружье и рубит сабля”, то наученный московской кровавой баней 1993 и аналогичными триумфами демократии и прав человека в Польше, современный постсоциалистический пролетариат очень быстро поймет и уже начинает понимать, что бессмысленно идти с розовыми демократическими иллюзиями, с плакатами и транспарантами против танков и БТРов, управляемых деполитизированными и деидеологизированными, т.е. оболваненными и солдафонски зом-

бированными, живыми автоматами, особенно, если это хорошо оплачиваемые профессионалы-контрактники, готовые стрелять по приказу в кого угодно.

Но это обязывает коммунистов вновь поставить старый вопрос, который не стоит перед еврокоммунистами, представляющими не пролетариат, а квазипролетариат и мелких буржуа. Этот вопрос очень четко сформулирован в популярной форме Лениным в его диалоге с Г.Уэллсом, описанном в “Кремлёвских курантах” Погодина. Это вопрос, что будут делать приверженцы ненасильственного социализма, если капиталисты “против всех самых хороших идей поставят одну самую плохую пушку? Стрелять? Но это большевизм. Бежать? А как же тогда быть с социализмом?”

А вся постсоциалистическая история, особенно на постсоветском пространстве, показывает, что буржуазия непременно будет стрелять, и потому настоящие коммунисты обязаны поставить и решить вопрос, что надо сделать, чтобы некоторая часть пушек не просто недоуменно молчала, когда другая часть стреляет в трудовой народ, как в октябре 1993 года, а стреляла в буржуазию и в тех, кто стреляет в пролетариат, чтобы “подорвать стойкость войск” буржуазии и вынудить их перейти на сторону пролетариата.

Под предлогом отказа от “старого политического багажа”, с которым коммунистам в XXI веке якобы делать нечего, господа калякины и им подобные ученики еврокоммунистов на постсоветском пространстве замазывают необходимость постановки и решения таких вопросов своим образцово демократическим высокоморальным фразерством, переходя тем самым в услужение к господам гусинским, березовским, богданкевичам и прочим витязям и первопроходимцам рыночного прогресса. Понятно, что западной демократии и еврокоммунистам есть за что благодарить руководство ПКБ.

Настоящие коммунисты должны лечить народ от дурмана лицемерной правозащитной фразеологии буржуазных демократов и еврокоммунистов и позаботиться о том, чтобы и в идеологии, и, если потребуется, на поле боя противопоставить армии ПРАВОзащитников буржуазии армию ЛЕВОзащитников пролетариата. И вопрос о насилии и правах, о демократии и диктатуре, пока существует буржуазия, должен решаться по-ленински классически четко: демократия для пролетариата и прочего эксплуатируемого трудового люда, диктатура для буржуазии и прочих захребетников. А для этого необходимо подготовить силовой аппарат диктатуры пролетариата, следовательно, надо вести работу по идеологии и политизации силовых структур государства, особенно армии, в пролетарски-патриотическом, а не в компрадорски-буржуазном духе.

Автор просит извинения за пересказ таких вещей, которые в советское время были хрестоматийно известны. Но что делать, если даже самые молодые из бывших советских студентов догорбачевского времени уже переваливают за 40-летний возрастной рубеж, более старые уже погоды не делают или даже уходят с исторической сцены, а марксистская литература стараниями новейших просветителей и демократов оказалась в категории библиографических редкостей и книжного антиквариата. Да и многие пожилые из образованных людей страдают экономическим и политическим невежеством. Мало ли их доверило свои кошельки разным мавродям, а на выборах голосовало за Бориса II, а потом за Путина?

Но послушаем дальнейшее изложение позиций съезда ФКП Калякиным.

“Социализм – это больше работы, больше зарплаты, – прозвучало в выступлении одного из делегатов”. Нам

неведомо, что еще говорили о социализме этот и другие делегаты съезда, но если они и г. Калякин в этом видят суть социализма, то это невежество в марксизме или прямая измена марксизму. Такое понимание социализма сводит социалистическое движение к социальному торгашеству вместо классовой борьбы, к борьбе за улучшение условий продажи рабочей силы вместо борьбы “за уничтожение того порядка вещей, при котором рабочая сила выступает как товар” (Ленин), а социализм как общественный порядок – к принципу “Каждый по способностям – каждому по труду”, т.е. пропорциональности оплаты труда его количеству и качеству. Этот принцип Ленин в “Государстве и революции” назвал “кусочком буржуазного права в коммунизме” – неразвитом, становящемся в ходе социалистических преобразований, а Маркс в “Критике Готской программы” – “буржуазным правом”, поскольку при капитализме вновь созданная стоимость, за вычетом присваиваемой капиталистом прибавочной стоимости, распределяется между пролетариями по принципу “каждому – по труду”. Короче говоря, социалистическое движение ограничивается экономической борьбой, предоставляя политику буржуазии.

Поздравляем г. Калякина и его французских единомышленников с отказом от “старого политического багажа” и с таким новейшим пониманием социализма, которое волочит за собой седую бороду бернштейнианства и каутскианства!

Однако современный вирус бернштейнианства и каутскианства существенно отличается от прежнего и гораздо опаснее его. Это отличие состоит в следующем. Вывоз капитала в туземный мир с применением достижений НТП в туземных филиалах ТНК при ограничении цены туземной рабочей силы абсолютной физиологически необходимым продуктом позволил развитым капиталистическим странам настолько увеличить массу высасываемой ими из третьего мира прибавочной стоимости, что ради сохранения социального мира у себя дома и победы в экономическом состязании с СССР буржуазия “золотого миллиарда” сумела вытеснить антагонизм труда и капитала за пределы своих национальных границ, в туземный мир, превратив большую часть своей наемной рабочей силы в квазипролетариат, получающий доходы, превосходящие создаваемую им стоимость, и вместе со своей национальной буржуазией паразитирующей на трудовом людое туземного мира, в котором стараниями рыночных реформаторов оказались и бывшие советские республики.

Такой “пролетариат”, конечно, за пропорциональность оплаты труда его количеству и качеству, как и обычный пролетариат. Но, говоря языком математики, в странах “золотого миллиарда” эта пропорциональность соблюдается с точностью до некоторого коэффициента, определяемого степенью перекачивания туземной прибавочной стоимости в его карманы. Такой “пролетариат” объективно заинтересован не в диктатуре пролетариата (это означало бы диктатуру туземного мира над “золотым миллиардом”), а в сохранении экономической и политической, в том числе и военной, базы для социального партнерства со своей буржуазией в ограблении и подавлении туземного мира.

В этом и состоит социальная основа современного бернштейнианства и каутскианства и всемирная опасность еврокоммунизма с его социализмом без диктатуры пролетариата. Когда-то Сталин сказал, что, когда буржуазия замахивается военной дубиной на СССР, “ее хватают за руки ее собственные рабочие”. В наше время в странах “золотого миллиарда” хватать буржуазию за руки, увы, некому. Этим и объясняется поразительное равнодушие за-

падноевропейского и американского “пролетариата” к натовским разбоям в Сербии и на Ближнем Востоке, к натовскому (пока еще мирному) “дранг нах остен” к границам России и Белоруссии, к апартеидам на постсоветском пространстве, к изуверскому кощунству западных правозащитников и их холуев типа г. Ковалева в Чечне. А роль идейных пособников этого всемирного социал-каннибальства на постсоветском пространстве выполняют наши доморощенные еврокоммунисты типа г. Калякина и ему подобных.

Посмотрим теперь на некоторые теоретические установки руководства ФКП (в изложении С.Калякина) и их политические следствия в пресловутом белорусском вопросе.

“ФКП признает ошибочным тезис, что современная компартия должна быть партией рабочего класса... База партии должна быть гораздо шире – все работники наемного труда, а в ряде случаев и мелкие собственники, не эксплуатирующие наемный труд”. Это положение можно было бы приветствовать, если бы оно было сделано лет 50 – 70 назад, так как уже в то время роль умственного труда в создании стоимости была довольно значительной, а положение Маркса о “превращении науки в непосредственную производительную силу, а производства в технологическое применение науки” в условиях капитализма означало превращение подавляющей массы интеллигенции в пролетариат умственного труда, в том числе в производительный пролетариат. Заметим, что до этого в то время не додумалась ни французские коммунисты, ни официальные лидеры советского обществоведения. Сознание отстает от бытия, и потому данное положение сформулировали тогда, когда оно уже успело устареть для “золотого миллиарда”, где большая часть наемной рабочей силы представляет собой уже не пролетариат, а квазипролетариат.

Почему социальной базой действительно коммунистической партии, а не квазикоммунистической могут и должны быть не все работники наемного труда, а только их эксплуатируемая, пролетарская часть и мелкие собственники, не эксплуатирующие чужой труд. Квазипролетариат объективно не может быть социальной базой действительно коммунизма.

Для уразумения этого необходимо велемудрому распивчатому каляканью об осмыслении изменений в производительных силах и производственных отношениях противопоставить четкое разграничение технико-экономического и социально-экономического аспектов эксплуатации, т.е. непосредственного применения чужого труда и систематического присвоения чужого труда в какой бы то ни было форме трудоспособными членами общества без эквивалентного возмещения его собственным трудом.

Римский рабовладелец эксплуатировал рабов, непосредственно применяя их труд на своем поле, в своей эргастерии и т.д. Древнеримский пролетарий непосредственно рабский труд не применял, не имел рабов и не гнал их палкой на работу. Но оба они присваивали труд рабов. Первый – непосредственно в виде продукта труда на своем поле или вилле, второй – в качестве клиента богатого рабовладельца или в форме подачек государства, обеспечивающего его “хлебом и зрелищами”. Современный американский или английский квазипролетарий в отличие от античного пролетария не бездельничает, а работает, причем конкуренция нередко заставляет его работать на износ. Тем более это верно для мелкого собственника, не применяющего чужого труда. Но если большая часть наемных работников в странах “золотого миллиарда” заняты в непроизводительной сфере экономики

и получают зарплату, непропорциональную их реальному вкладу в мировое производство, т.е. превышающую создаваемую ими стоимость, если мелкий собственник ведет относительно благополучно свое производство при прямом или косвенном государственном дотировании за счет неэквивалентного обмена “золотого миллиарда” с туземным миром, это значит, что они вместе со своей национальной буржуазией паразитируют на труде туземного мира. И чем сильнее ограблены и задавлены “золотым миллиардом” Азия и Африка, Сербия и Россия, Румыния и Болгария и т.д., тем круглее при прочих равных условиях их банковские счета, тем комфортабельнее их квартиры, коттеджи и автомашины. Это тем более верно для тех представителей так называемого среднего класса, которые впридачу к зарплате получают хотя бы крохотные дивиденды на купленные ими акции ТНК (народный капитализм). Обо всем этом умалчивают западные и наши доморощенные еврокоммунисты, отождествляя людей, не эксплуатирующих чужой труд, с людьми, не применяющими чужой труд непосредственно.

Эрозия социальной базы марксизма, ее сужение вплоть до почти полного исчезновения в США и Западной Европе, всемирное геополитическое разделение большинства пролетариата (туземный мир) и большинства квазипролетариата и мелких буржуа (“золотой миллиард”) имело своим неизбежным следствием на Западе еврокоммунизм, т.е. замену марксизма бернштейнианством и каутскианством. Однако прежние бернштейнианство и каутскианство были изменой марксизму при наличии его социальной базы – пролетариата в этих странах, а современные бернштейнианство и каутскианство являются следствием ее почти полного исчезновения в странах “золотого миллиарда”. Именно это обстоятельство является основой диковинной смеси теоретического недомыслия с шулерством у еврокоммунистов. В частности, это выразилось, в том, что ХХХ съезд ФКП “сформулировал свою позицию, чтобы процесс европейской интеграции шел во благо всех народов, а не только государств – мировых лидеров”, и что “интеграция должна базироваться на самых высоких социальных стандартах, достигнутых в европейских странах”. Это все равно, что пожелать, чтобы объединение волков и овец шло на пользу не только волкам, но и овцам при максимальном наполнении волчьих желудков и сохранности овечьего стада.

И если господин Калякин верно изложил позицию съезда ФКП по вопросу о европейской интеграции, то эта позиция, замаскированная красивыми словами, выражает заинтересованность европейского, в том числе и французского, квазипролетариата в социальном партнерстве со своей буржуазией в деле ограбления туземного мира, его непротивление экономической и военной экспансии ЕС и “золотого миллиарда” в целом.

“ФКП не рассматривает себя как партия “всего народа”, не поддерживает идею “социального партнерства” эксплуатируемых с эксплуататорами”. Эта установка была бы действительно, а не фальшиво-декларативной позицией при условии разграничения пролетариата и квазипролетариата, паразитирующего на пролетариате. Но на признание квазипролетарского характера большей части западноевропейской рабочей силы еврокоммунисты никогда не пойдут, так как в противном случае им придется согласиться с неприятным для их патриотизма выводом, что большинство населения стран “золотого миллиарда” – это трудящиеся ... паразиты, как ни парадоксально звучит это на первый взгляд. Ну что ж! Русские кулаки работали больше и лучше батрака, но это нисколько не мешало им присваивать труд батраков. Точно так же обстоит

дело и с западноевропейским квазипролетариатом с той только разницей, что кулак эксплуатировал батрака непосредственно, а европейский квазипролетарий присваивает труд русского или румынского шахтера или нефтяника косвенно.

Поэтому, игнорируя различия между всей массой наемных работников и их пролетарской частью, еврокоммунисты делают, мягко говоря, неискренним свой “отказ от социального партнерства эксплуатируемых с эксплуататорами”, и в борьбе с буржуазией за прибавочный продукт они становятся на позиции квазипролетариата против буржуазии, но против туземного пролетариата в союзе со своей буржуазией.

Но даже интересы квазипролетариата французские еврокоммунисты защищают не очень успешно, судя по низкому престижу ФКП: только 6% избирателей голосуют за нее. И эта двойственность квазипролетариата – между буржуазией и пролетариатом – и двойственность еврокоммунистов – между буржуазией и квазипролетариатом – обуславливает их двойные стандарты в оценке своих отечественных и зарубежных политических реалий и политиков, в частности, в так называемом белорусском вопросе.

ФКП ставит себе в заслугу успехи в борьбе с приватизацией предприятий государственного сектора, в частности, то, что “удалось предотвратить приватизацию государственной авиакомпании Эйр-Франс”. Это действительно заслуживает одобрения, так как мощный государственный сектор экономики – это материальная предпосылка социалистических преобразований. Но тогда непонятно, почему “то, что происходит в Белоруссии, **однозначно** (выделено мною – О.Т.) отвергается европейскими коммунистами”, почему “многие товарищи благодарили нас (калякинскую ПКБ) за то, что в Беларуси есть ПКБ, которая противостоит социально-экономическому и политическому курсу исполнительной власти”, т.е. президенту Лукашенко и его команде?

Неужто господа еврокоммунисты из ФКП до сих пор не знают, что важнейшей компонентой социально-экономической политики Лукашенко является сохранение мощного госсектора экономики и созданных при Советской власти общественных фондов потребления? Неужто они не знают, что именно команда Лукашенко существенно ограничила частную собственность на землю, предотвратила аукционное разбазаривание земли, превращение ее в собственность “новых белорусов” и западных толстосумов? Неужто они не ведают, что именно “авторитарная” команда Лукашенко предоставила народу самому решать вопрос о земле на референдуме, что именно те, кого они благодарят за противодействие курсу Лукашенко, блокировались с партией денежного торгового крупного капитала во главе с Богданкевичем, с партией сельской буржуазии (так называемыми аграриями) и с фашистски-шовинистическим БНФ как раз тогда, когда Лукашенко вынес вопрос о земле на референдум, и какой вой против референдума подняли руководители ПКБ вместе с образцовыми буржуазными демократами? Сомнительно, чтобы у господ из ФКП не было средств и возможностей узнать все это. Гораздо вероятнее то, что они просто лгут, скрывая это от французов, ибо замалчивание главного и выпячивание второстепенного – это одна из самых мерзких форм лжи.

Скрыть от обывателя тот факт, что в отличие от России, где 83% государственного сектора экономики приватизировано, в Беларуси именно стараниями Лукашенко и его команды около 70% госсектора и большая часть колхозов сохранены в работоспособном состоянии, скрыть сохранение технико-экономической основы социализма

и обмусоливать вместе с CNN и прочей пропагандисткой службой “золотого миллиарда” щелчки по носу, полученные от Лукашенко проамериканской буржуазной оппозицией, проще говоря, пятой колонной – вот информационно-пропагандисткая линия ФКП и солидарной с нею ПКБ.

Предотвращение приватизации одной только Эйр-Франс для блага французских наемных работников – это хорошо, а предотвращение приватизации 70% госсектора и сохранение его в работоспособном, во многом, даже в конкурентоспособном виде для белорусских наемных рабочих – это плохо, и человек, возглавивший такую политику в Беларуси, – это диктатор. Ату его!

Такая политика двойных стандартов, шулерская с точки зрения марксиста, объясняется тем, что руководство ФКП выражает классовые интересы квазипролетариата, которому нужно социальное партнерство с буржуазией, колонизация постсоветского пространства, а не какие-либо социалистические перспективы на этом пространстве. Отсюда – солидаризация Р.Ю, Ф.Вюрца и других лидеров ФКП с махровой буржуазной реакцией в оплевывании неугодного “золотому миллиарду” белорусского президента, в превращении его в пропагандистское “пугало для европейского обывателя”.

Противодействуя “социально-экономическому и политическому курсу” Лукашенко, ни французские еврокоммунисты, ни лидеры ПКБ и публицисты ее газеты “Товарищ” не потрудились над тем, чтобы четко сформулировать суть этого курса, который состоит в следующем:

1. Сохранение мощного госсектора и его решающей роли в экономике.

2. Ликвидация паразитического доминирования денежного и торгового спекулятивного капитала над промышленным.

3. Экономическая и политическая, в том числе оборонная, интеграция бывших советских республик, противодействие продвижению НАТО на восток.

Насколько успешна и последовательна эта политика – другой вопрос, но заявляя о том, что они “однозначно (если верить интервью г. Калякина в “Товарище”) отвергают то, что происходит в Беларуси”, французские и наши еврокоммунисты, т.е. руководство ПКБ, однозначно признаются в своем однозначном холуйстве перед буржуазией “золотого миллиарда” и натовскими изуверами, в своей солидарности с коллаборационистской пятой колонной и компрадорской буржуазией на постсоветском пространстве.

Посмотрев телекартинку CNN “с бронетранспортера, водометами, милицейскими дубинками и овчарками” против демонстрантов в Минске 25 марта, еврокоммунисты ФКП воспылали гневом праведным и заявляют: “Мы не понимаем коммунистов (КПБ), которые поддерживают такую власть”.

А мы не понимаем, по какому праву называют себя коммунистами люди, ополчившиеся на Лукашенко и умалчивающие о том, что этими демонстрантами были те же самые оберштурмдемократы, которые 17 октября 1999 года во время так называемого “марша свободы” устроили крупную политическую провокацию, политическое хулиганство с такими уголовно наказуемыми деяниями, за которые в “демократическом свободном мире” подобным демонстрантам было бы обеспечено долговременное созерцание “неба в клетку”.

Мы не понимаем, по какому праву называют себя коммунистами люди, умалчивающие (отнюдь не по незнанию) о том, что режиссеры устраиваемых этими демонстрантами политических спектаклей – это обласканные западными цивилизаторами разрушители СССР, “су-

веренизаторы” из антисоветского Верховного Совета Беларуси 13 созыва и фашистского БНФ, открыто признающиеся о своих контактах с сенаторами США и антисербской пятой колонной в Югославии, призывающие натовских “миротворцев” к упражнениям в демократии на белорусской земле и репетирующие свое военное содействие им на случай интервенции.

Мы не понимаем, по какому праву называют себя коммунистами люди, умалчивающие о том, что один из лидеров этих демонстрантов – главарь БНФ З.Позняк, заявивший, что “коммунистов надо вешать”, лидер того самого БНФ, о котором белорусский космонавт Ковалёнок, изучивший БНФ изнутри, сказал, что “власть этих господ будет в тысячу раз страшнее фашизма”.

Настоящий коммунист не возмущался бы выставленными против фашистской пятой колонны бронетранспортерами и водометами, а заявил бы, как В.Маяковский: “Я б разговаривал с фашистами словами пуль, фокстротами штыков!”

Зато мы понимаем, почему западная пропаганда внушает обывателю, что Лукашенко – коммунист, хотя он таковым и не является.

“Французские коммунисты солидарны с позицией ПКБ и не понимают позиции второй компартии”, “Мы поэтому Лукашенко и не стали приглашать на съезд”, – заявил секретарь ФКП по международным связям Ф.Вюрц. “Каково же было его удивление, когда я объяснил ему, что А.Лукашенко не состоит ни в одной из белорусских компартий”, – сказал в своем интервью г. Калякин.

Французские еврокоммунисты и г. Калякин нечаянно проболтались, что в их политике социализма и коммунизма на целый порядок меньше, чем в политике А.Лукашенко, ненавистного им и буржуазии “золотого миллиарда”.

На помещенном в “Товарище” парном фото С.Калякина с Р.Ю настоящий коммунист невольно отыскивает третью фигуру – председателя Социнтерна П.Моруа, злорадствовавшего по поводу развала социалистической системы и “разрушения советского коммунизма”.

Напомним читателю, что мощный госсектор в экономике и, следовательно, государственный капитализм является материальной предпосылкой социализма. Поэтому, обвиняя Лукашенко в государственном капитализме (а мы, дескать, против капитализма) и заявляя вместе с лидерами ФКП, что “разоблачение на международной арене мифа о “социалистичности” А.Лукашенко есть важнейший интернациональный долг ПКБ”, лидеры ПКБ лукавят. Ибо одно дело – разъяснять народу разницу между государственным капитализмом и социализмом и совсем другое – борьба с властью команды Лукашенко, которая при наличных соотношениях классовых сил, состоянии умов и политической организации Беларуси может быть только войной против государственного сектора в экономике в пользу частного, а вовсе не войной против государственного капитализма и капитализма вообще. Не понимать этого может только безнадежный тупица, догматик и метафизик.

Якобы воюя с государственным капитализмом Лукашенко, еврокоммунисты из ПКБ умалчивают о том, что в 1996 г. именно лидеры ПКБ солидаризировались (против Лукашенко) с партией крупного капитала ОГП, лидер которой С. Богданкевич, будучи главным банкиром Беларуси, перевел более 80% ресурсов национального банка в частные коммерческие банки, т.е. из сферы производства в сферу спекуляции, вызвав тем самым гиперинфляционное ограбление государственных предприятий и трудового люда спекулянтами.

Обвиняя Лукашенко в “политике государственного ка-

питализма”, ученик еврокоммунистов г. Калякин и иже с ним говорят глубокомысленные банальности и лукавят, ибо:

во-первых, при капитализме государственный сектор экономики может быть только государственным капитализмом и ничем другим;

во-вторых, повторим паки и паки, капитализм в Беларуси создал не Лукашенко, а обуржуазившиеся бюрократы и теневики, представленные в буржуазных партиях, возглавляемых такими светочами рыночного прогресса, как, например, бывший главный банкир С. Богданкевич, перекачавший более 80% ресурсов национального банка в спекулятивные коммерческие банки, открыв тем самым дорогу для невиданного в истории инфляционного ограбления государственного сектора экономики и трудового люда спекулянтами, и именно с такими политиками пошло на авантюристический союз руководство ПКБ в 1996 году;

в-третьих, воевать с политикой государственного капитализма в условиях экономического и политического господства буржуазии, т.е. в рамках капитализма – это значит помогать буржуазии суживать государственный сектор до такого масштаба, который достаточен для удовлетворения общеклассовых интересов буржуазии, главным образом, компрадорской и иностранной, но недостаточен для перехода к социалистическим преобразованиям, как это сделано в России и других бывших республиках СССР, кроме (пока что) Беларуси. Только после победоносной политической революции пролетариата, т.е. при диктатуре пролетариата, имеет смысл и необходима “Борьба с государственным капитализмом” в смысле превращения государственно-капиталистической экономики в социалистическую.

И пока коммунисты не вылечили народ от прострации и идеологической депрессии, пока они не сплотили его идейно, организационно и политически вокруг себя в духе марксизма, пока они не подготовили аппарат силового противодействия буржуазии, короче говоря, пока они не подготовили необходимого для революционной ситуации субъективного фактора, всякие разговоры о борьбе с государственным капитализмом бессмысленны или контрреволюционны.

Газета ПКБ “Товарищ” пестрит лукавой “обличительной” эмпирией. Вместо того, чтобы просто и теоретически грамотно объяснять читателям, что такое инфляция и кто ее действительные виновники, печатаются без всяких комментариев многочисленные статьи и заметки, авторы которых (чаще всего – рядовые читатели) просто констатируют факт инфляции и по своей неосведомленности или политико-экономическому невежеству обвиняют в инфляции ... Лукашенко. А лидеры ПКБ, публицисты и редколлегия “Товарища” (кому?) замалчивает тот факт, что порядок вещей, при котором инфляция неизбежна, создал в Беларуси, а его политические противники, что сколько-нибудь успешная борьба с инфляцией невозможна без той самой политики государственного капитализма, в которой лидеры ПКБ обвиняют Лукашенко и которой так возмущаются разные ультрадемократические защитники либеральной экономики. И, конечно же, они замалчивают то, что имеющиеся в распоряжении Лукашенко экономические и административные средства борьбы с инфляцией явно недостаточны и потому ему часто приходится уступать свои позиции, так как он вынужден воевать сразу на три фронта. С запада на него давит капитал “золотого миллиарда” с натовской дубиной и в союзе с социалистами Социнтерна и еврокоммунистами, с востока – российские компрадоры и коллаборационис-

ты, а в самой Беларуси – ратоборцы рыночного прогресса того же самого типа. Что ж диковинного в том, что при слабости государственной торговли и мощнейшем частном торгово-подсредническом капитале (около 70% всей массы товарооборота) команде Лукашенко никак не удается справиться со спекуляцией и инфляцией?

И если еврокоммунисты и лидеры ПКБ этого не понимают, то по русской пословице “Не поп, так и в рясу не рядись”, нечего им поучать других об отказе от “старого политического багажа”, а если понимают – а они это наверняка понимают, – то они такие же коммунисты, как я – папа римский. И тогда им следует уступить руководство партиями действительным коммунистам или подумать о других названиях для своих партий. Можно им даже порекомендовать общую аббревиатуру для таких партий – ПНР, то есть Партии Политических Редисок.

Можно, хотя и трудно, предположить что французские еврокоммунисты все поголовно, как г. Вюрц, не знают действительного положения вещей и действительного содержания политики Лукашенко и распространяют политическую клевету о нем с подачи г. Калякина и CNN. Но у них достаточно возможностей и средств, чтобы добывать объективную информацию самим, а не выбирать себе поводырями и друзьями в информационном пространстве CNN и прочую пропагандистскую службу буржуазии, “золотого миллиарда”. Но, скорее всего, этот выбор неслучаен, и тут вполне уместна пословица “скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты”.

Компартию Чикина, тоже весьма далекую от идеала, руководство ПКБ клеймит как “правительственную”, “карманную”, “государственно-капиталистическую”, “бюрократическую” и т. п. за то, что ради сохранения и укрепления государственного сектора и государственного регулирования экономики некоторые ее функционеры работают в президентской администрации. Конечно, от бюрократизации и, как следствие этого, от карьеристского прислужничества власть и капитал имущим не застрахована, особенно при теоретической слабости ее лидеров и функционеров, к сожалению, никакая партия, в том числе и КПБ. Конечно, разоблачать бюрократизацию и карьеристское прислужничество капиталу среди коммунистических фракций и функционеров в государственном аппарате коммунист обязан. Но маскировать дымовой завесой таких частных разоблачений фактическую борьбу с общей линией на сохранение и укрепление государственного сектора в экономике – а именно такую дымовую завесу и пускают руководители ПКБ С. Калякина – это значит предавать социализм и коммунизм.

Конечно, не следует преувеличивать социалистичность Лукашенко, и некоторые соображения на эту тему автор уже высказал в №1-2 журнала “Марксизм и современность” за 1999 год. Но надобно отличать критику Лукашенко слева от лжекоммунистических оплевываний его справа.

Первостепенной задачей коммунистов Беларуси и всего постсоветского пространства является преодоление идейного и организационного разброда, излечение от заразы еврокоммунизма и парламентского кретинизма, которые маскируются расплывчатым демократическим фразерством, этим идеологическим пьянством, мешающим сплочению на базе марксизма, путающим в массовом сознании людей левое с правым, обеспечивающим мимикрию политическим редискам и позволяющим идеологическим путаникам сваливать на других свое собственное недомыслие, как в известной песне Дюбюка: “Левая, правая где сторона? Улица, улица – ты, брат, пьяна!”

Выступления на XXX съезде Французской Коммунистической партии

Роланде Перликан

На собрании 13-го мая 2000 в Булонь-сюр-Сене (Верхняя Сена) коммунистические активисты из более чем 70-ти департаментов заложили основы новой политической структуры, названной **“Коммунисты”**.

Примерно 100 – 120 участников, в большинстве своем несколько месяцев тому назад еще бывшие членами ФКП, а некоторые и до сих пор – члены этой партии, заявили о своем согласии с анализом и выводами Роланде Перликан. Она, бывший член Национального Совета ФКП, сообщила на съезде в городе Мартиге о своем решении выйти из партии. Решение участников собрания 13-го мая однозначно: “Мы хотим организовать, действовать и бороться с капитализмом за коренную смену политики. Это необходимо и не терпит отлагательства. Мы хотим **устранить** капитализм и строить новое общество прогресса, справедливости и братства народов. Для этого нужна современная революционная политическая организация, отвечающая нынешним реалиям. Поэтому мы создаем партийную структуру, соответствующую этой потребности.” Национальный коллектив вокруг Роланде Перликан будет координировать разные департаментские и местные коллективы, и особенно на предприятиях. Отдельные такие коллективы уже существуют, они созданы при подготовке к съезду в Мартиге или еще раньше, для того чтобы бороться с “социал-демократическим дрейфом” ФКП.

Веб-сайт: www.multimania.com/communistes/

Е-мэйл: communistes@wanadoo.fr

Первое выступление. Другого выбора нет?

“Нынешние крупные движения в защиту требований трудящихся выражают необходимость иной политики. Но руководители ФКП продолжают заниматься успокоительной риторикой: “Премьер Жоспэн начинает отказываться от догмы замораживания общего трудоустройства”. Так заявляет председатель КПФ Робэр Ю, и добавляет: “Накопления от налогов – результат положительной политики”.

Но разве можно назвать положительными меры, которые намерено принимать правительство против пенсионеров, против коллективных договоров и социальных гарантий, как и угроза приватизации “Электричество Франции”, “Газ Франции”, железных дорог и почты? А чем как не обманом является участие трудящихся в прибылях предприятий, которое, якобы, включает их и профсоюзы в капиталистическое управление предприятиями?

Быть связанными с Социалистической партией, получить место в ее правительстве (вы это называете стратегическим вопросом) – за это мы дорого заплатили. Избираться парламентарием, местным депутатом, мэром, вместе с Социалистической партией, и это тоже дорого оплачивается. Цена – подчинение Социалистической партии, ее правительству, ее политике в пользу капитала. Цена – это, к сожалению, конец единственной партии, которая во Франции с 1920 боролась последовательно, часто героически, с французским и зарубежным капиталом.

Каково положение ФКП сегодня? Не будет преувеличением, если мы скажем о ее крушении как коммунистической партии. Сохранение или рост количества депутатов не должен тешить иллюзиями, я уже называла цену, которую мы заплатили за это. Партия все больше сдает свои позиции, ее нет на предприятиях, там где люди подвергаются эксплуатации.

Второе выступление. В такую новую партию я не могу вступить

В конце этого XXX съезда фактически создалась партия, которая ничего общего не имеет с коммунизмом. Долго я думала, что это можно будет предотвратить. Уже многие годы я борюсь против политики, которую проводит руководство КПФ. Необходимо констатировать, что эта партия вместе с Социалистической партией и с правительством Жоспэна продолжает курс, политику в пользу капитала против народа.

Я отказалась от выдвижения моей кандидатуры в Национальный Совет. Я не хочу участвовать в создании “левого” течения **внутри** этой партии **классового примиренчества**. Вольно или невольно это означало бы поддержку ее политики, которая ведет в тупик.

Значит, сегодня мне придется принимать тяжелое и болезненное решение, но я поступлю согласно своей со-

Около 80 % членов партии не приняли участие в консультациях, организованных Национальным комитетом по подготовке этого XXX съезда. Неучастие в голосовании коммунистического электората огромно, на национальном, местном и европейском уровне.

Тысячи коммунистов намерены выйти из партии сразу после этого съезда. Они добавятся к десяткам тысяч других, которые уже давно ушли. Почему? Они не видят себе места ни в вашей политике, ни в новой партии, которую создаст этот XXX съезд.

Вы говорите, что другого выбора, чем предложенный вами, нет. Неправда!

Можно сделать иной выбор: сказать открыто, что политика связи с Социалистической партией и ее правительством принесли нам трудности, потому что служит интересам капитала. Можно бороться на всех направлениях вместе с теми, кто страдает от этой политики. Можно отдать приоритет важнейшим нынешним проблемам: трудоустройства, зарплаты, образования, здоровья и др. Можно выбрать политическую перспективу смены общественного строя, необходимой для гармонического развития человечества. На этой основе можно развивать народное единство, заставить капитал и правительство отступать. Именно так можно укрепить влияние коммунистической партии во Франции.

В первую очередь, на предприятиях, в учреждениях, в народных кварталах происходит борьба классов. Революционная партия должна быть там и действовать в первых рядах. Относительно необходимости такой революционной партии в нашей стране, наша позиция непоколебима. Я буду продолжать эту борьбу вместе со всеми товарищами, которые с этим согласны, а нас много.

Я не могу вступить в такую **новую** партию. Я – коммунист, и коммунистом останусь. Партия же больше не коммунистическая и значит я вообще из нее уйду.

Я уверена что товарищи, которые борются за революционную партию, которая служит народу, меня поймут. Нас уже тысячи, мы боремся, каждый на своем месте, чтобы такая партия была. Она должна соответствовать ожиданиям тех, кто борется, кто действительно стремится к изменению общественно-политического строя. Мы представляем серьезную силу, которая будет влиять на ход событий.

Я не отступаю, не уйду от борьбы, наоборот, я продолжаю ее вместе с товарищами и с теми, кто еще к нам присоединится. **Борьба только начинается**, она потребует времени. Вместе победим.

Организатор антифашистской борьбы

В.Н. Мазаров

Очередным шагом на пути изучения малоизвестных страниц истории международного рабочего и коммунистического движения в XX в. является выход в свет сборника документов “Коминтерн и вторая мировая война” (в двух частях).*

Сотрудниками Института всеобщей истории РАН совместно с Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории проведена большая работа по изучению и подбору для публикации документов Коммунистического Интернационала, находящихся в фонде Коминтерна РЦХИДНИ (фонд 495). В сборник включено 385 документов, большинство из которых публикуется впервые. Он открывается обстоятельными вступительными статьями Н.С.Лебедевой и М.М.Наринского “Коминтерн и вторая мировая война. 1939-1941 гг.” (I, 3-65) и “Коминтерн после 22 июня 1941 г.” (II, 3-90). В него также включен аннотированный список деятелей Коминтерна и его секций (II, 501-568).

Материалы, представленные в сборнике – протоколы Секретариата и Президиума ИККИ, аналитические обзоры, воззвания, проекты документов, переписка руководства Исполкома Коминтерна с представителями коммунистических партий разных стран – показывают разнотипную деятельность этой организации в период второй мировой войны, ее роль в движении Сопротивления и победе над фашизмом.

На опасность фашизма как крайней правозкстремистской силы, порожденной глубоким кризисом империализма, международное коммунистическое движение обратило особое внимание в самом начале 20-х годов. Уже 25 сентября 1921 г. полпред РСФСР в Италии В.В.Воровский в письме В.И.Ленину отмечает возникновение “боевых отрядов буржуазии – фаши” и то, что “правительство... всемерно поддерживает погромную деятельность фашистов” (Коминтерн против фашизма. Документы. – М., 1999. – С.55). А сотрудники так называемого бюро Варги уже в ноябре того же года классифицируют фашизм как “боевой отряд финансового и промышленного капитала” (Там же. – С.60). В принятой V Конгрессом Коминтерна специальной резолюции фашизм определяется как “боевая организация крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер...внезаконное средство борьбы, которым она пользуется для установления и укрепления своей диктатуры” (Там же. – С.140). Однако фашизм, первоначально рассматривавшийся как инструмент борьбы с нарастающим после победы Великой Октябрьской социалистической революции освободительным движением пролетариата, вскоре перерос свои рамки, превратившись в могущественное орудие внешней экспансии.

* I. Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. До 22 июня 1941 г. (отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян). М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 555 с.

II. Коминтерн и вторая мировая война. Часть II. После 22 июня 1941 г. (отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян). М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 596 с. (Далее при ссылках на это издание указаны часть и страницы).

Необычайно опасной, особенно в контексте территориального передела мира после окончания первой мировой империалистической войны державами-победительницами, и достаточно продуктивной (в отрицательном, естественно, аспекте) оказалась империалистическая “классовая война”, проповедуемая фашизмом. При этом, последний, как справедливо указывает советский исследователь, “жонглировал “бедностью”, “пролетарским” состоянием нации, причем он имел в виду не действительную, фактическую нужду, не действительную нищету широких народных масс, а “нужду” крупных монополий” (Ширина К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934-1939 гг.). М., 1979. С.356).

В научной литературе достаточно детально исследованы различные аспекты борьбы международного коммунистического движения против угрозы развязывания новой мировой войны, за создание в противовес силам реакции широкой демократической коалиции, оформившейся в ряде стран в Народный фронт.

Сборник “Коминтерн и вторая мировая война” содержит значительное число документов, отражающих позицию Коминтерна и его секций в условиях, когда война стала реальностью, и уточняющих ее. Так, не вызывает сомнений формулировка главной задачи, стоящей перед рабочим классом в начавшейся войне, данная Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г.Димитровым: “мобилизация широчайших масс на борьбу против уже ведущейся войны и за ее прекращение” (Димитров Г. Война и рабочий класс капиталистических стран // Коммунистический Интернационал. – 1939, № 8-9. – С.30). Сборник содержит целый ряд документов, отражающих позицию коммунистических партий по вопросу советско-германского пакта о ненападении августа 1939 года (I, 69-84), в условиях возможного развязывания агрессии против СССР, исходивших из ленинской установки о допустимости “военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы” (Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.36. – С.323).

Одновременно следует отметить, что первоначально война определялась руководством Коммунистического Интернационала и рядом его секций несколько различно. Директива Секретариата ИККИ от 8 сентября определяла войну как империалистическую, несправедливую, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств (I, С.88-89), в то время, как ряд секций Коминтерна призвали к решительной борьбе народов против фашизма, руководители партий и парламентских фракций компартий Бельгии, Великобритании, Франции заявили о поддержке действий правительств, возникла идея формирования добровольческих легионов для борьбы против фашизма в Польше (См.: I, 95-107). Причиной этого разночтения, как утверждает итальянский исследователь, явилась формальная аналогия, проводимая между

первой и второй мировой войнами, мешающая понять процесс превращения второй мировой из войны империалистической в войну национально-освободительную, охватившую все народы, поработанные немецким и итальянским фашизмом (Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 – 25 апреля 1945 г.). – М., 1954. – С.63).

Война ставила перед коммунистами новые задачи в определении тактики борьбы, изменении идеологических подходов и организационных форм деятельности. В сборнике опубликован ряд документов, касающихся этого круга проблем. Верной представляется оценка, данная представителями ФКП: “Коминтерн в мировом масштабе определял стратегию борьбы... Политика, которую следовало проводить во Франции, определялась ФКП на основе французских реалий. Но эта политика увязывалась с мировой стратегией, которой Французская компартия следовала, будучи членом Коминтерна” (Кремье Ф., Эстаже Ж. Как это было: Французская коммунистическая партия в 1939-1940 гг. – М., 1989. – С.37).

Интерес представляют проект резолюции Президиума ИККИ от 21 ноября 1940 г. (I, 458-459), где руководство Коминтерна соглашается с решениями Компартии США в силу принятого в стране “Закона Вурхиса”, ужесточившего отношение к политическим организациям, имеющим международные связи, выйти из состава Коминтерна, не прерывая с ним контактов (См.: I, 518-519, 528-534). Последующие же события в КП США, повлекшие за собой роспуск в мае 1944 года партии и подмены ее некоей “просветительской организацией”, связаны не с **изменением организационных форм**, на необходимость чего обратил внимание еще VII Конгресс Коминтерна, а, как отмечает и Г.Димитров (II, 436-437) позицией руководства партии, проигнорировавшего предупреждение Секретариата ИККИ в январе 1938 г. о необходимости “избегать односторонней оценки правительства Рузвельта в смысле представления его внутренней и внешней политики последовательно прогрессивной и действительно демократической”, иметь “свою программу, не повторяющую платформу Рузвельта” (См. Ширина К.К. Указ. соч. – С.345-346).

Интерес представляют документы, показывающие особенности борьбы партий на территориях европейских стран, оккупированных фашистской Германией. Даже имевшиеся на первом этапе контакты некоторых партий с оккупационными властями (Бельгия, Франция – См.: I, 401-411) не вызвали сомнений в необходимости борьбы с ними (за исключением, как утверждается в II, 113, позиции руководства ЦК КП Хорватии в июне 1941 г.), ее активизации, невзирая на все неблагоприятные условия..

Принципиальную установку в этом вопросе реализовали на практике коммунисты Франции. Решение о начале нелегальной работы партии было принято еще 10 сентября 1939 г., за две недели до того, как реакционное правительство запретило деятельность ФКП, четко занявшей патриотическую позицию и направившей для борьбы с фашизмом ряд своих ведущих деятелей. Интересно, что уже через два дня после запрета (28 сентября 1939 г.) в парламенте страны была образована “Рабоче-крестьянская группа”, включавшая 42 депутата-коммуниста (еще 9 находились в армии). Хотя из 73 депутатов парламентской фракции ФКП 21 отказался от членства в партии, ее деятельность продолжалась и в условиях, когда партия перешла на нелегальное положение (См. Кремье Ф., Эстаже Ж. Указ.соч. – С.160).

В целом же, деятельность Коминтерна и его секций в первый период войны была направлена против дальней-

шего разжигания военного пожара в мировом масштабе. 22 июня 1941 года начался новый этап борьбы, где перед 58 секциями Коммунистического Интернационала и 18 сочувствующими ему организациями (полный перечень дан: I, 542-544) встали новые задачи.

Уже в первый день после нападения фашистской Германии на Советский Союз, классифицированного Коминтерном как удар против свободы и независимости всех народов, Г.Димитров на заседании Секретариата ИККИ изложил позицию: “Советский Союз ведет отечественную, справедливую войну” (II, 97, 94). В условиях, когда не подтвердилось абстрактное представление о силе пролетарского интернационализма (вспомним предвоенную пропагандистскую повесть, где рабочие авиазавода “Дорнье” встречают сообщение о приближении советских бомбардировщиков пением “Интернационала”, а в Нюрнберге Народный фронт формирует почти 200-тысячную повстанческую армию (Шпанов Ник. Первый удар (Повесть о будущей войне) // Знамя. – 1939, №1. – С.88-96), жесткое требование И.В.Сталина “не ставить вопрос о социалистической революции” (II, 4) было продублировано Коминтерном. “Болтовня о мировой революции оказывает услугу Гитлеру и мешает международному объединению всех антигитлеровских сил” (II, 102) – это указание в директиве Ж.Дюкло М.Тореза и А.Марти 25 июня 1941 г. напоминало об ответе на вопрос “Что будет после Гитлера?”, сделанном еще в феврале 1933 г. Эрнстом Тельманом: “свержение гитлеровского правительства и победа пролетарской революции не обязательно должны означать одно и то же” (Цит.по: Кюнрих Х. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. 1933-1945. – М., 1986. – С.29). Установка VII Конгресса Коминтерна – “дело мира и дело защиты Советского Союза становится одним и тем же делом” (VII Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Резолюции. – М., 1935. – С.34) – приобрела новое наполнение: “Защищая свой народ, отстаивая его интересы против корыстных интересов буржуазии, борясь в то же время против порабощения своего народа чужеземными империалистами, а в других странах решительно выступая против империалистических захватов и порабощения своей буржуазией других народов, коммунисты служат делу подлинного пролетарского интернационализма, ибо таким образом они оказывают самую действительную помощь как своему народу, так и трудящимся других стран” (Коммунистический Интернационал. – 1941, №4. – С.12).

Документы, помещенные во второй части работы, дают представление о направлениях борьбы коммунистических партий мира в изменившихся условиях. Многие материалы показывают рост национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах, в первую очередь в Китае. Но основное внимание все же уделено событиям на европейском континенте.

Публикуемые документы раскрывают многие детали борьбы коммунистов, ранее находившиеся вне поля зрения исследователей, а также обращают внимание на решения, являвшиеся следствием общепринятого тогда подхода. Эти материалы возможно позволяют исследователям в новом свете и запутанные обстоятельства гибели в оккупированной Варшаве первого секретаря ЦК ППР Марцелия Новотко (II, 277-278, 307-310) и обращения Г.Димитрова относительно возвращения в строй репрессированных коминтерновцев-болгар (II, 403-405), работе с интернированными и военнопленными.

Но основным моментом, пронизывающим дух публикуемых в сборнике документов, является организующая работа коммунистических партий, самоотверженная

борьба их членов на фронтах и на оккупированной врагом территории. Уже 11 июля 1941 г. Г.Димитров сообщает руководству советских органов госбезопасности о подготовке групп коммунистов для заброски в Германию, Польшу, Венгрию, Болгарию и другие страны, подготовке кадров для IV управления НКГБ и Разведупра РККА (II, 115-116). Несмотря на большие потери (только из переброшенного в августе 1941 г. в Болгарию отряда из 56 человек подавляющая часть была арестована уже в первые месяцы работы, а в апреле 1942 г. был арестован почти весь состав подпольного ЦК БКП – См: II, 202-204), движение Сопротивления на оккупированных территориях, организующей и цементирующей силой которого были коммунисты, усиливалось.

Ряд документов свидетельствуют об использовании опыта, кадров и организационных структур Коминтерна для ведения антифашистской нелегальной работы на оккупированных территориях. Совсем не случайно появление документа, где соответствующие службы ИККИ информируют руководство советской разведки о Рихарде Зорге, который в 20-е годы имел отношение к нелегальной коммунистической работе. Ведь, по некоторым данным, только в 1942 г. в антифашистской работе были задействованы нелегальные пункты связи Коминтерна в 11 странах, использовались радиостанции Коминтерна в 15 странах (Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. – С.72, 77).

В борьбе с фашизмом коммунистическое движение понесло большие потери. Компартия Чехословакии потеряла свыше трети своих членов, погибло около 50 тысяч коммунистов Югославии (в т.ч. 9 тыс. с довоенным стажем), 75 тысяч греческих, каждый четвертый коммунист Франции (Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т.5. Созидатель социализма, борец против фашизма. – М., 1981. – С.613, 636, 643), сотни тысяч патриотов и интернационалистов из других стран.

Героическая борьба коммунистов вела к возрастанию авторитета коммунистических партий, увеличению их численности и влияния. В ряде капиталистических государств коммунисты в первые послевоенные годы входили в состав правительств. В ряде государств Центральной и Восточной Европы народные массы с их непосредственным участием избрали путь народной демократии. Причем, как позже указывали руководители югославских коммунистов, “мы в рамках национально-освободительной войны проводили демократическую революцию. Следовательно, “мирное” развитие Югославии к социализму в действительности началось только после того, как наша

партия в кровавой борьбе с оккупантами и объединенной внутренней контрреволюцией, в борьбе, в которой погибли сотни тысяч людей, завоевала во главе трудового народа командные позиции в стране” (Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. – С.125).

В сборнике “Коминтерн и вторая мировая война” представлено значительное количество документов, раскрывающих заключительный этап существования Коммунистического Интернационала. Среди них – протоколы закрытых заседаний Президиума ИККИ 13, 17 и 19 мая 1943 г. (II, 353-357, 359-369), где рассматривались вопросы прекращения деятельности этой международной организации.

Вполне обоснованной выглядит публикация и документов, касающихся деятельности ряда коммунистических партий на заключительном этапе войны, а также Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Созданный постановлением Политбюро от 13 июня 1943 года, Отдел во многом унаследовал кадровый и технический потенциал Исполкома Коминтерна, созданные на его базе подразделения, в т.ч. НИИ № 205 и № 100.

При составлении сборника не обошлось и без казусов, связанных с чисто техническими ошибками. К сожалению, имеют место и досадные неточности. Например, утверждение, что председатель Совмина Болгарии и генеральный секретарь ЦК БРП(к) Георгий Димитров “погиб в авиакатастрофе” (II, 520). Есть и детали, пусть мелкие, но отражающие влияние нынешней политической конъюнктуры. Так, составители сочли необходимым однозначно представить руководство Коммунистического Интернационала в качестве “послушного инструмента Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.Сталина” (I, с.3), а в биографической справке о Г.М.Маленкове содержатся сведения о том, что он “несет персональную ответственность за массовые репрессии”, совсем не сопряженные по смыслу с адресованным секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову письмом о необходимости создания резервного радицентра для связи с зарубежными компартиями (II, 118-119). Хотя это не умаляет значения проделанной составителями работы, однако, по нашему мнению, лишний раз подчеркивает, что история международного коммунистического движения по-прежнему остается не академически отстраненной от современности, но жизненно значимой.

В целом же выход в свет документального сборника “Коминтерн и вторая мировая война” можно считать заметным событием в процессе создания полной и достоверной истории Коммунистического Интернационала.

Термоядерный прорыв (К истории создания водородной бомбы в СССР)

И.И.Никитчук*

Создание атомного, а затем и термоядерного оружия явилось настолько значительным событием XX века, что его история привлекает внимание широкого круга специалистов и общественности во всем мире. Естественно, не могут оставаться равнодушными к этой теме и разработчики ядерного оружия.

Как это ни парадоксально, но овладение ядерным оружием стало для человечества тем спасательным кругом, который вот уже более пятидесяти лет не дает ему погрузиться в пучину глобальных разрушительных войн или серьезных, масштабных региональных конфликтов. Это обусловлено, прежде всего, взаимным уравниванием потенциалов возможных возможностей нанесения неприемлемого урона друг другу ядерными силами двух стран – США и России.

История термоядерных исследований уходит своими корнями в 1941 год. В мае 1941 года японский ученый-физик Токутаро Хагивара высказал предположение о возможности возбуждения термоядерной реакции между ядрами водорода с помощью взрывной цепной реакции деления ядер урана-235. В сентябре 1941 года сходную идею высказал Энрико Ферми в беседе с Эдвардом Теллером. Суть идеи предполагала возможность инициирования атомным взрывом термоядерных реакций в дейтериевой среде. Впоследствии, уже в стенах Лос-Аламосской лаборатории, эта идея нашла воплощение в концепции дейтериевой сверхбомбы под названием “классический супер”. Основой этой концепции было представление о возможности возбуждения потоком нейтронов, выходящих из первичной атомной бомбы, ядерной детонации в цилиндре с жидким дейтерием.

В конце августа 1946 года Э.Теллер предложил новую, альтернативную “классическому суперу”, схему термоядерной бомбы. Эта схема получила название “будильник”. Конструкция бомбы состояла из чередующихся сферических слоев делящихся материалов и термоядерного горючего (дейтерий, тритий). С сентября 1946 года теоретические исследования проектов “супера” и “будильника” стали проводиться в Лос-Аламосской лаборатории параллельно. Однако вскоре интенсивность работ по теме “будильник” существенно снизилась из-за почти непреодолимых проблем инициирования термоядерного горения.

31 января 1950 года президент США Г.Трумэн выступил с заявлением, провозгласив, что он дал указание Комиссии по атомной энергии “...продолжить работу над всеми видами атомного оружия, включая так называемую водородную или сверхбомбу”.

Реализуя это указание, в 1951 году принимают решение о проведении взрывных полигонных опытов с термоядерными реакциями. В одном из экспериментов планировалось испытание “усиленной” атомной бомбы “Пункт”. В другом эксперименте намечалось проверить схему “классического супера”. Это испытание получило назва-

ние “Джорж”. Подготовка к этому опыту и его результаты имели огромное значение для развития новых принципов конструирования термоядерной бомбы. Идея фундаментального из них заключалась в том, что для сжатия и инициирования вторичного физически отделенного узла с термоядерным горючим удерживается и используется энергия излучения первичной атомной бомбы.

В сентябре 1951 года в Лос-Аламосе было принято решение о разработке термоядерного устройства на новом принципе для полномасштабного испытания. Устройство получило название “Майк”. 1 ноября 1952 года устройство было успешно испытано. Тритиевый эквивалент взрыва составил 10 млн. тонн. 1 марта 1954 года США провели очередное испытание термоядерного устройства “Замок”. Это был самый мощный взрыв в истории ядерных испытаний США. Существенным недостатком всех испытанных устройств была их нетранспортабельность. Только 21 мая 1956 года США осуществили первый сброс термоядерной бомбы...

Из советских ученых первым обратил внимание на то, что “представляется интересным использовать высокие – миллиардные – температуры, развивающиеся при взрыве атомной бомбы, для проведения синтетических реакций (например, образования гелия из водорода), которые являются источником энергии звезд и которые могли бы еще более повысить энергию, освобождаемую при взрыве основного вещества”, Я.И.Френкель. В 1945 году он изложил эту идею в докладной записке на имя И.В.Курчатова. Направляя свою записку И.В.Курчатову, Я.И.Френкель, конечно же, не мог знать, что И.В.Курчатов уже имеет информацию о проведении в США работ в этом направлении. Большая ее часть поступала через разведывательные каналы. Отдельные сообщения появлялись и в открытой печати. Так, например, сообщение о возможности создания сверхбомбы появилось в английской газете “Таймс” 19 октября 1945 года. Профессор Олифант заявил, что сейчас могут производиться в 100 раз более мощные бомбы, чем применявшиеся против Японии.

Сообщения о возможности создания сверхбомбы не могли не волновать советских руководителей. Кстати, руководителем советского атомного проекта И.Сталин назначил Л.П.Берия. И.В.Курчатов поручает Ю.Б.Харитону совместно с другими физиками – И.И.Гуревичем, Я.Б.Зельдовичем и И.Я.Померанчуком – рассмотреть вопрос о возможности освобождения энергии легких элементов. Свои соображения по данной проблеме они доложили 17 декабря 1945 года на заседании Технического совета Специального комитета. Докладчиком был Я.Б.Зельдович. В докладе подтверждалась принципиальная возможность возбуждения ядерной детонации в цилиндре с дейтерием.

28 сентября 1947 года в Лондоне состоялась первая встреча одного из ведущих физиков-ядерщиков, работавшего в Лос-Аламосе, К.Фукса с советским разведчиком А.С.Феклисовым. На этой встрече К.Фукс устно подтвердил тот факт, что в США под руководством Э.Теллера и Э.Ферми активно работают над созданием водородной

*доктор технических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации

бомбы. К.Фукс описал некоторые конструкционные особенности бомбы и принцип ее работы. Однако А.С.Феклисов, не будучи физиком, смог воспроизвести полученную информацию весьма приблизительно.

3 ноября 1947 года результаты работы группы Я.Б.Зельдовича были заслушаны на Научно-техническом совете в ИХФ АН СССР.

По совокупности располагаемой информации 8 февраля 1948 года Совет Министров СССР принимает Постановление №234-98 "О плане работ КБ-11". КБ-11 – это сегодня известный всему миру Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики – Российский Федеральный ядерный центр (ВНИИЭФ-РФЯЦ) в г.Арзамас-16 (Саров). В этом постановлении, помимо конкретных мероприятий, предусматривалась командировка Я.Б.Зельдовича для работы в КБ-11.

13 марта 1948 года состоялась вторая, более результативная встреча К.Фукса с А.С.Феклисовым. Среди переданных К.Фуксом материалов были новые теоретические сведения, относящиеся к сверхбомбе. Экспериментальные данные содержали очень важную информацию о величине сечений некоторых ядерных реакций, необходимой для расчетных оценок возможности термоядерной детонации. Однако переданные материалы не содержали теоретического обоснования возможности инициирования и распространения ядерного горения.

20 апреля 1948 года руководство МГБ СССР направило русский перевод материалов К.Фукса в адрес И.В.Сталина, В.М.Молотова, Л.П.Берия. Политическое руководство страны отнеслось к ним с большим вниманием, и уже 23 апреля Л.П.Берия поручил Б.Л.Ванникову, И.В.Курчатову и Ю.Б.Харитону тщательно проанализировать полученные сведения и дать предложения по организации необходимых исследований и работ. Заключение и предложения главных специалистов были готовы 5 мая 1948 года. Предложения Б.Л.Ванникова, И.В.Курчатова и Ю.Б.Харитона нашли отражение в постановлении Правительства СССР №1989-733 от 10 июня 1948 года "О дополнении плана работы КБ-11". В постановлении, в частности, ставилась задача проверить возможность создания водородной бомбы, которой был присвоен индекс РДС-6. В этот же день принимается другое постановление СМ СССР №1990-774, в котором определялись меры по выполнению предыдущего постановления в частности, предписывалось создать специальную теоретическую группу под руководством члена-корреспондента АН СССР И.Е.Тамма. 10 июня 1948 года по указанию Л.П.Берия материалы К.Фукса направляются в КБ-11 Ю.Б.Харитону для использования в работе. Кроме Ю.Б.Харитона допуск к этим материалам получил Я.Б.Зельдович.

В июне 1948 года приступила к работе специальная группа И.Е.Тамма, в состав которой вошли С.З.Беленький и А.Д.Сахаров. Вскоре к работе группы примкнули В.Л.Гинзбург и Ю.А.Романов. Группа не имела доступа к разведанным. Задача ее была определена как проверка и уточнение расчетов по проблеме ядерной детонации дейтерия, проводившихся группой Я.Б.Зельдовича.

Участвуя в анализе расчетов группы Я.Б.Зельдовича, А.Д.Сахаров в сентябре-октябре 1948 года задумывается над альтернативным решением проблемы и начинает рассматривать возможность осуществления комбинированной бомбы, в которой дейтерий используется в смеси с ураном-238 в виде чередующихся слоев. Т.е., независимо от Э.Теллера, он приходит к схеме, аналогичной схеме "будильника". Предложенная А.Д.Сахаровым схема получила название "слойка". Лежащий в ее основе принцип ионизационного сжатия термоядерного горючего назва-

ли "сахаризацией". Правда, надо заметить, что еще до предложения А.Д.Сахарова в журнале "Science New Letter" от 17 июля 1948 года в статье W.Davis под названием "Сверхбомба возможна" были изложены общие соображения о возможности создания дейтериевой бомбы. В статье имелся специальный раздел "Комбинированная бомба". Разумеется, идея гетерогенной конструкции в статье отсутствовала.

20 января 1949 года А.Д.Сахаров выпустил свой первый отчет по "слолке". В нем он, в частности, предлагал в качестве простейшей схемы инициирования размещение атомной бомбы в центре большой сферической "слолки". Рассматривались и другие схемы, в том числе и схема под названием "использование дополнительного заряда плутония для предварительного сжатия "слолки". Фактически это была идея двухступенчатой конструкции термоядерной бомбы. Но только через пять лет он вернется к этой плодотворной идее, когда вместе с Я.Б.Зельдовичем они увидели возможность обжатия термоядерного узла типа "слолки" излучением первичной атомной бомбы.

А пока Ю.Б.Харитон, ознакомившись с результатами расчетов группы И.Е.Тамма, приходит к выводу о необходимости допуска членов этой группы к данным о сечениях некоторых ядерных реакций из материалов К.Фукса. 17 марта 1949 года он обращается к Л.П.Берия. 27 апреля 1949 года И.Е.Тамм и А.С.Компанеев получают значения ядерных реакций без ссылки на источник. Направление указанных данных фактически совпало по времени с открытым опубликованием аналогичных данных в журнале "Physical Review" в номере от 15 апреля 1949 года.

11 апреля 1949 года директор ФИ АН СССР С.И.Вавилов информировал Л.П.Берия о предложенной А.Д.Сахаровым идее "слолки". 8 мая Ю.Б.Харитон направляет Б.Л.Ванникову заключение по "слолке", в котором он горячо поддерживает эту идею, отметив, что она "чрезвычайно остроумна и физически наглядна".

4-9 июня 1949 года в КБ-11 проводится серия совещаний с участием Б.Л.Ванникова, посвященных состоянию работ по атомным бомбам и водородной бомбе РДС-6. По указанию Л.П.Берия в работе совещаний принимает участие А.Д.Сахаров. Это был первый приезд А.Д.Сахарова в Арзамас-16. Принятый совещанием план работ по РДС-6 на 1949-1950 годы предусматривал исследования как по "слолке", так и по "трубе" ("классический супер").

После объявления директивы президента США о продолжении работ по созданию водородной бомбы, 26 февраля 1950 года СМ СССР принимает постановление №827-303 "О работах по созданию РДС-6". В постановлении предписывалось организовать расчетно-теоретические, экспериментальные и конструкторские работы по созданию изделий РДС-6с ("слолка") и РДС-6т ("труба"). Был установлен срок изготовления первого экземпляра изделия РДС-6с – 1954 год. Научным руководителем разработки был назначен Ю.Б.Харитон, а его заместителями – И.Е.Тамм и Я.Б.Зельдович. Вслед за этим постановлением последовала целая серия других постановлений Правительства СССР об организации производства трития, дейтерида лития, строительстве реактора по наработке трития и т.д. В марте 1950 года на работу в КБ-11 прибывают А.Д.Сахаров и Ю.А.Романов, а в апреле – И.Е.Тамм.

Несмотря на успешный ход работ по РДС-6с, в 1951 году стало ясным, что провести испытания модели РДС-6с в 1952 году не удастся. 29 декабря 1951 года Правительство СССР принимает постановление №5377-2333, которое переносило сроки изготовления модели и ее испытания на март 1953 года. Но испытание состоялось только в августе 1953 года. Это испытание было четвертым в серии

ядерных испытаний СССР, начатых 29 августа 1949 года. Испытание заряда РДС-6с явилось непреходящим по своему значению событием в истории создания термоядерного оружия СССР и важнейшим этапом в развитии ядерной оружейной программы СССР. Важным обстоятельством было то, что заряд РДС-6с был выполнен в виде транспортанельной бомбы, совместимой со средствами доставки, т.е. являлся первым в мире образцом реального термоядерного оружия. Но главное – был создан научно-технический задел, который обеспечил дальнейший прогресс в области конструирования термоядерного оружия.

Результаты испытания показали и ограниченность ресурсов “слойки” по выделяемой энергии. Снова стали актуальными поиски более эффективных схем инициирования термояда. Особенно интенсивными эти поиски стали после мощного взрыва, проведенного США 1 марта 1954 года. Результаты испытаний свидетельствовали, что термоядерная программа США вступила в новую фазу. Стало очевидным, что существует более эффективный путь конструирования. Таким путем не могла быть бесперспективная “труба” и одноступенчатая конструкция типа РДС-6с. Оставалась двухступенчатая схема. В конце концов новый механизм обжата вторичного термоядерного узла был найден. Новый механизм заключался в обжате вторичного узла энергией излучения первичной атомной бомбы. Для подтверждения работоспособности вторичного узла при использовании радиационной имплозии потребовалось решение ряда тонких задач взаимодействия вещества и излучения. Здесь очень велик был вклад А.Д.Сахарова, которому удалось найти автоматические решения уравнений в частных производных, позволившие оценить возможность создания работоспособной конструкции.

24 декабря 1954 года результаты интенсивных поисков были обсуждены на заседании научно-технического совета КБ-11 под председательством И.В.Курчатова. Со-

вет принял решение о разработке и подготовке к проведению в 1955 году полигонного испытания опытного термоядерного заряда для проверки нового принципа.

В феврале 1955 года разработка технического задания на конструкцию нового заряда была завершена. Заряд получил наименование РДС-37. В конце июня результаты расчетно-теоретического обоснования РДС-37 рассмотрела комиссия под председательством И.Е.Тамма. В заключении комиссии отмечалось, что новый принцип открывает невиданные перспективы в области конструирования термоядерного оружия, и была подтверждена целесообразность полигонного испытания.

22 ноября 1955 года ознаменовалось блестящим достижением советской термоядерной программы. Испытания РДС-37 прошли успешно. Заряд, выполненный конструктивно в виде авиационной бомбы, был сброшен с самолета. По словам А.Д.Сахарова, “испытание было завершением многолетних усилий, триумфом, открывшим пути к разработке целой гаммы изделий с разнообразными высокими характеристиками (хотя при этом встретятся еще не раз неожиданные трудности)”.

Итогом соревнования между СССР и США в разработке термоядерного оружия в рассмотренный период времени явилось то, что в 1955 году СССР достиг уровня, не уступающего уровню США, а во многих моментах оказался впереди. И это после пережитой тяжелейшей войны с гитлеровской Германией! Может быть, именно ужасы той войны заставляли наших выдающихся ученых работать за пределами человеческих сил, не считаясь ни со здоровьем, ни с самой жизнью. И вот теперь, через почти пятьдесят лет, больно и горько наблюдать, как новая власть гробит великое завоевание всего советского народа. Ядерно-оружейный комплекс страны ускоренно деградировал. Его разрушение станет трагедией не только для России и ее народа, но и для всего человечества. Мы, ныне живущие, не имеем права допустить это!

“Не зарастет народная тропа”

А.Г. Никитенко *

Прежде чем рассказать о сегодняшних днях Краснодарского государственного ордена Дружбы народов музея “Молодая гвардия” необходимо сделать краткий экскурс в его историю.

Музей был открыт год спустя после освобождения Краснодона от немецко-фашистских захватчиков, 1 мая 1944 года, в домике, где жил до оккупации и во время нее Олег Кошевой с матерью Еленой Николаевной и бабушкой Верой Васильевной.

Уже после окончания Великой Отечественной войны наши предшественники пошли по горячим местам событий. Фонд музея пополнился новыми интересными экспонатами. Те две комнаты, в которых жила семья Кошевых, были просто не в состоянии вместить объемный материал о деятельности Краснодарского подполья, ведь речь шла об организации молодежи численностью почти в сто человек. Поэтому наш музей несколько раз менял адреса. В начале 60-х годов, с учетом огромного интереса советского народа, особенно молодежи, к деятельности Краснодарского подполья, принимается постановление о строительстве в Краснодаре специального здания.

4 октября 1966 года по проекту молодого киевского

архитектора Владимира Смирнова в Краснодаре начинается строительство нового здания музея.

6 мая 1970 года он был открыт. Следует подчеркнуть, что и сегодня наш музей считают самым крупным на территории Советского Союза музеем комсомольской славы. Самый крупный по всем показателям: по эксплуатационной площади, по количеству экспонатов основного фонда, по посещаемости, по популярности. Как это не странно звучит из уст директора, но еще лет 12-15 назад мы не радовались нашей большой популярности, потому что при максимальной пропускной способности 2 – 2,5 тысяч человек в день у нас бывали отдельные, особенно каникулярные, дни, когда за день музей посещало до 6 тысяч человек. Естественно, что такую массу людей мы не могли пропустить по экспозиции, приходилось увеличивать темп проведения экскурсий, сокращать время экскурсий и т.д.

К сожалению, все это в прошлом. Почему? Потому что сегодня в нашем музее, как, в принципе, и во всех музеях бывшего Советского Союза, в том числе и Украины, наблюдается резкий спад посещаемости. Правда, в последние год-два чувствуется некоторое потепление в отношении нашего народа, нашей молодежи к своей истории. Начали приезжать к нам люди. Правда, едут к нам из Луганской и ближайших Харьковской, Донецкой, Воронеж-

* Директор Краснодарского государственного ордена Дружбы народов музея “Молодая гвардия”

ской, Ростовской областей.

Одна из важных причин того, почему резко сократилась посещаемость музеев, – дороговизна транспорта. А ведь у нас и сегодня основной контингент – это школьники и студенты. Немаловажную роль в резком падении посещаемости не только нашего, а всех музеев Советского Союза сыграло негативное отношение буржуазных средств массовой информации к советской истории.

По этому поводу можно приводить достаточно много примеров. Я остановлюсь на двух. Лет 8 назад журнал “Огонек” опубликовал материал корреспондентки Надежды Ажгихиной. Назывался он так: “Заложники легенды”. Когда она приезжала в Краснодар, я находился в командировке. Мне мои коллеги рассказывали, что она посетила музей, побывала всего лишь минут тридцать и уехала, а затем, месяца два-три спустя на страницах журнала появляется этот материал. В нем все было перепутано: имена, отчества, фамилии, надписи над фотографиями. Вот одна цитата, один пример из этого материала.

Автор очерка пишет, как умирала мать Олега Кошевого Елена Николаевна Кошечкина. Она пишет дословно следующее: “Елена Николаевна Кошечкина умирала в холодной нетопленной комнате в присутствии парализованной матери. И никому из краснодонцев не было до нее дела, никто не мог принести ей ведро воды или вязанку дров”.

Елена Николаевна умерла в июле в сильную жару в городской больнице. При чем здесь холодная нетопленная комната? А ее мать умерла еще за 10 лет до смерти Елены Николаевны Кошевой. И зачем нужны дрова в великолепной трехкомнатной квартире на втором этаже в центре города?

Когда я привожу этот пример нашим посетителям, они, как правило, улыбаются. Но я считаю, что это улыбка сквозь слезы, ведь этот журнал прочитали миллионы и миллионы людей. И представьте себе, некоторые поверили. Нас буквально засыпали письмами, в которых, возмущаясь, писали, что мы, краснодонцы, не могли проследить за судьбой такого святого человека, каким была Елена Николаевна Кошечкина.

Была ли эта публикация целенаправленной ложью или нет – трудно сказать. Я не исключаю, что это была ошибка автора. Но были и целенаправленные публикации, которые ставили перед собой задачу уничтожить веру молодежи в наши идеалы. Вот пример. Лет, наверное, двадцать тому назад в поле нашего зрения попал некий Евгений Стахов, который выступил по одной из зарубежных радиостанций с сенсационным сообщением о том, что Александр Фадеев образ предателя в романе “Молодая гвардия” Евгения Стаховича писал якобы с него – Евгения Стахова. Вы видите, какое здесь созвучие имени и фамилии. Там Евгений Стахович, здесь Евгений Стахов. Когда в те времена я прослушал передачу – говоря честно, рассмеялся: “Что за человек, который может говорить о том, что с него писатель пишет образ предателя “Молодой гвардии”. Я, откровенно говоря, даже не поверил в существование Евгения Стахова как физического лица. В те далекие годы существовало такое словосочетание “идеологическая диверсия”. Я и подумал, что это какая-то идеологическая диверсия против наших национальных героев. Но лет этак десять назад этот Евгений Стахов вновь всплыл. Львовская националистическая газета “За вільну Україну” публикует материал этого Евгения Стахова, который называется так: “Олег Кошевой – фигура выдуманная”. Я прошу прощения, но здесь можно сказать такими словами: “Здравствуйте -приехали”. Как это можно заявлять, что образ Олега Кошевого выдуман, если и сегодня в Краснодаре есть старожилы, которые лично знали его. Отрицать

его существование как физического лица было бы просто смешно. Мы написали резкую отповедь. Но они не только не опубликовали наш материал, но не соизволили даже оповестить нас о том, что этот материал ими получен. Хотя в этом сомнений нет.

После этой публикации на страницах той же газеты появляется вновь материал Евгения Стахова с еще более сенсационным сообщением о том, что якобы “Молодая гвардия” была чисто ОУНовской организацией. Что якобы в Краснодаре была специально направлена группа молодых людей для создания молодежного ОУНовского движения. Что они выполнили это поручение и создали организацию “Молодая гвардия”, которая боролась не столько с немцами, сколько с большевиками.

После этой, второй публикации, я заинтересовался, что это за лицо Евгений Стахов, и получил ответ, что Евгений Павлович Стахов – бывший ОУНовец, в 1944 году после освобождения Западной Украины частями Красной Армии сбежал в США, получил американское гражданство. В последние годы зачастил с поездками в Украину. Напечатал целый ряд материалов, где заявляет, что он якобы хорошо знает организацию “Молодая гвардия” и ее участников, в частности Любовь Шевцову и Валерию Борца.

Валерия Давыдовна Борца четыре года назад умерла. Но когда появились эти публикации, мы задали ей вопрос, знает ли она Стахова? На что она с удивлением ответила, что не то что с ним никогда не встречалась, но никогда и не слышала о существовании этого человека.

Не так давно в городе Луганске открывали памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. На открытие памятника приезжала большая группа западноукраинцев, а также представители украинской диаспоры из США, Канады, Австралии. После открытия памятника человек тридцать пять – сорок приехали к нам в музей. Встречая эту группу, я внутренне ощутил скептицизм этих людей. Я сразу же предложил им рассказать о деятельности Краснодарского подполья не языком эмоций, а языком документов. В частности, я обратил их внимание на такой важный момент из истории Краснодарского подполья, как судьба Олега Кошевого. Многие, наверно, знакомы с грязной сплетней, что Олег Кошевой жив и находится где-то в США, что он чуть ли не является предателем. Об этом писалось в некоторых газетах. Мне пришлось выступить на страницах газеты “Комсомольская правда” с большим материалом, в котором я языком документов доказал, что Олег Кошевой не мог остаться живой. У нас в музее хранятся документы, следственные материалы по организации “Молодая гвардия”, которые свидетельствуют, что Олег Кошевой был расстрелян.

Когда начались аресты в Краснодаре Олег ушел в станицу Боково-Антрацита, где думал переждать до прихода Красной Армии, но под городом Ровеньки на станции Картушино он был арестован железнодорожной жандармерией, передан в ровеньковскую полицию. Там опознан, там его допрашивали, там расстреляли. В фондах музея хранятся показания палачей, которые лично принимали участие в допросах и казни Кошевого.

Вот показания на следствии по делу “Молодой гвардии” дает немецкий переводчик Томас Гейст. Он, в частности, сообщает следующее: “Во время допросов и пыток особенно запомнился молодой человек по фамилии Кошевой, который однажды бросил в лицо пьяным гестаповцам: “Страшны не вы, страшно то, что вас породило. Вы, в сущности, – мертвецы”.

И еще одно показание, которое на этом же следствии давал бывший начальник немецких жандармов некий Отто Дрейвиг. Он сообщил следующее: “Раздались выстрелы.

Группа молодых людей, среди которых был и Кошевой, упала. Кошевой был еще жив. Я достал пистолет и дважды выстрелил ему в голову". И вот когда я привел эти документы на встрече с делегацией в кинолекционном зале, они уехали отсюда с совершенно иными настроениями.

Меня часто с долей скептицизма спрашивают, что могла сделать "Молодая гвардия"? Я на это отвечаю однозначно:

"Поймите же вы, наконец, что, когда мы говорим о "Молодой гвардии", мы имеем в виду не только материальный вклад организации в нашу Победу. Есть два момента, которые заставляют говорить об этой организации во весь голос.

Во-первых, то, что в городе Краснодоне, который по переписи населения в 1939 году насчитывал всего лишь 22 тысячи человек, появилась организация молодежи почти в сто человек.

Во-вторых, фактически все они погибли, причем погибли не как жертвы, не как мученики, а как борцы. На мой взгляд, не столь уж важно, сколько было повешено полицейских, расклеено листовок, взорвано машин и т.д."

Если сегодня вы спросите, каким я вижу будущее нашего музея, то мне трудно дать какой-либо однозначный ответ. Я думаю, что оно зависит от того, каково будущее нашего народа. Но люди обязательно к нам поедут. И это уже случилось. Я говорил в начале, что сегодня уже чувствуется возрастание интереса наших граждан к истории нашего Отечества.

В последнее время, когда были открыты архивы, где хранятся документы по деятельности Краснодонского подполья (а такие материалы хранятся не только в фондах нашего музея, но и в архивах бывшего ЦК КПСС, ВЛКСМ, в архиве Министерства обороны в городе Подольске), которые и для нас, профессионалов, по какой-то причине были за-

секречены, мы, что называется, перепахали вдоль и поперек материалы по Краснодонскому подполью. Но ничего совершенно нового, принципиально меняющего наш взгляд на историю Краснодонского подполья не нашли. Находили уточнения: где-то фамилия неправильно записана, где-то отчество, дата. Но все документы однозначно подтверждают, что эта организация была, сражалась, что "Молодая гвардия" – не миф коммунистической идеологии, что это не выдумка писателя Александра Фадеева, как сейчас любят заявлять продажные издания. Организация была, сражалась и боролась. Она и сегодня должна сражаться, сражается в плане воспитания нашей молодежи. Ведь если возвратиться к той самой делегации украинской диаспоры, о которой говорилось выше, то я не выдержал и задал встречный вопрос, после того как ответил на полсотни их вопросов. Я спросил: "А вы знаете, что, может, не при вашем личном участии, а с вашего молчаливого согласия сегодня взяли и сбросили с пьедестала наших героев, на которых наша молодежь равнялась. Эти пьедесталы сегодня стоят пустые. Почему вы на эти пьедесталы никого не поставили?" Они ответили, что им на эти пьедесталы ставить сегодня некого. Я их спросил: "А для чего же вы их сбрасывали? Не воспитав таких, на которых молодежь равнялась бы, как на молодогвардейцев, на Зою Космодемьянскую, на Александра Матросова".

Согласились.

Я думаю, что будущее у нашего музея есть, несмотря на социально-экономические, политические катаклизмы. В этом убеждают последние год – два, отмеченные значительным ростом посещаемости музея. Так, в прошлом году наш музей принял 88 тысяч посетителей. А еще два – три года назад их было лишь 40 – 50 тысяч. Надеюсь, так будет и дальше.

Памяти товарища

23 сентября 2000 года скончался **ДМИТРИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**, член Российской Коммунистической рабочей партии, которым гордилась вся РКРП. Окончен жизненный путь старейшего сотрудника ВНИИЭФ, одного из первых основных разработчиков советского ядерного оружия, внесшего большой вклад в создание образцов ядерного оружия, Лауреата Сталинской и Государственных премий, кавалера ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени, которыми правительство СССР наградило этого замечательного ученого, обладавшего уникальными математическими способностями, соединившего в себе высочайшую интуицию физика и мощь математического знания.

Н.А. Дмитриев одним из первых был привлечен к работам по советскому атомному Проекту. Работая рядом с такими корифеями ядерной науки, как Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров, Д.А. Франк-Каменецкий, Е.И. Забабахин, Н.Н. Боголюбов, И.Е. Тамм, Николай Александрович проявил свою научную индивидуальность – физика и математика – в получении аналитических зависимостей, обеспечивших уверенный успех первых опытов и испытаний атомного оружия. Труды Н.А. Дмитриева заложили основу теоретических методов расчета уравнений состояния веществ в экстремальных условиях и теоретических методов расчетов изделий. Большинство теоретиков и математиков, работавших в данной области, училось на его трудах.

Н.А. Дмитриев был человеком исключительной скромности, отзывчивости, и в то же время исключительной твер-

дости духа, принципиальности. Он первым среди нас во ВНИИЭФ и в Ядерном центре не только разгадал фальшивую суть горбачевской перестройки, но и поднял голос в защиту научного наследия Маркса, Энгельса, Ленина, против хулы и грязи в адрес Великой Октябрьской социалистической революции. В партийных дискуссиях 1988-1990 годов Н.А. Дмитриев твердо встал на позиции Движения коммунистической инициативы, а в сентябре 1991 года без колебаний принял активное участие в создании Российской коммунистической рабочей партии, став одним из ее учредителей.

Человек науки, советский, русский интеллигент высшей пробы, Н.А. Дмитриев был убежденным интернационалистом, он уважал и любил людей труда всех национальностей. В частности, благодаря ему, наша организация, за все время своего существования, ни разу не опозорила себя проявлениями шовинизма, антисемитизма и буржуазного национализма.

Н.А. Дмитриев ушел от нас в полной уверенности в том, что братство людей труда в конечном счете восторжествует и в России, и во всем мире. Он верил в это так же твердо, как в непреложность тех физических законов, исследованию которых он посвятил свою яркую и талантливую жизнь.

Товарищи коммунисты, приспущите Красные Знамена своих борющихся организаций. От нас ушел человек, ученый, борец, память о котором не умрет, пока на земле бьется хотя бы одно благородное человеческое сердце.

Городской (Арзамас-16) комитет Российской коммунистической рабочей партии